

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русского языка имени В. В. Виноградова

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
V. V. Vinogradov Russian Language Institute

**Труды
Института русского языка
им. В. В. Виноградова**

XX

Взаимодействие лексики и грамматики

МОСКВА
2019

Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 20. Взаимодействие лексики и грамматики. — М., 2019. — 336 с.
ISSN 2311–150X

Издание основано в 2013 г.

Главный редактор А. М. Молдаван

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- А. Е. Аникин, д. ф. н., академик РАН (Новосибирск);
Ю. Д. Апресян, академик РАН, профессор (Москва, Россия);
С. Вакарелийска, PhD, профессор (Орегон, США);
Ж. Ж. Варбот, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия).
Бьёрн Вимер, доктор филологии, профессор (Майнц, Германия);
М. Гардзанити, PhD, профессор (Флоренция, Италия);
А. А. Гиппиус, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);
О. Йокояма, PhD, профессор (Лос-Анджелес, США);
Я. Какридис, Dr. habil., профессор (Берн, Швейцария);
М. Л. Каленчук, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия);
А. П. Майоров, д. ф. н., профессор (Улан-Удэ, Россия);
О. Младенова, PhD, профессор (Калгари, Канада);
Туре Нессет, доктор филологии, профессор (Тромсё, Норвегия);
В. А. Плунгян, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);
А. Рабус, Dr. habil., профессор (Фрайбург, Германия);
Ф. Б. Успенский, д. ф. н., член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);
М. Флайер, PhD, профессор (Кембридж, США);
Вацлав Чермак, доктор филологии (Прага, Чехия);
А. Д. Шмелев, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия).

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ ВЫПУСКА

- А. В. Занадворова, канд. филол. наук (Москва, Россия);
Р. И. Розина, д. филол. наук (Москва, Россия).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЫПУСКА

- А. В. Занадворова, канд. филол. наук (Москва, Россия);
Л. П. Крысин, д. филол. наук (Москва, Россия);
Н. Н. Розанова, канд. филол. наук (Москва, Россия);
Р. И. Розина, д. филол. наук (Москва, Россия).

Выходит 4 раза в год

Адрес редакции:

119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

E-mail: ruslang@ruslang.ru

Издательство зарегистрировано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77–57258

©Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2019

©Авторы, 2019

**Proceedings
of the V. V. Vinogradov
Russian Language Institute**

XX

The Interaction of Lexicon and Grammar

MOSCOW

2019

The Journal was founded in 2013

Editor-in-Chief Alexander M. Moldovan

EDITORIAL BOARD

- Aleksandr E. Anikin, D.Sc., Full Member of the RAS (Novosibirsk, Russia);
Yury D. Apresyan, D.Sc., Full Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);
Václav Čermák, Ph.D., Professor (Prague, Czech Republic);
Michael S. Flier, Ph.D., Professor (Cambridge, USA);
Marcello Garzaniti, D. Sc., Professor (Florence, Italy);
Alexey A. Gippius, D.Sc., Corresponding Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);
Yannis Kakridis, D. Sc., Professor (Bern, Switzerland);
Maria L. Kalenchuk, D. Sc., Professor (Moscow, Russia);
Alexandr P. Mayorov, D.Sc., Professor (Ulan-Ude, Russia);
Olga Mladenova, Ph.D, Professor em. (Calgary, Canada);
Alexandr M. Moldovan, D.Sc., Full Member of the RAS, (Moscow, Russia);
Tore Nettet, D.Sc., Professor, (Tromsø, Norway);
Vladimir A. Plungian, D.Sc., Full Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);
Achim Rabus, D. Sc., Professor (Freiburg, Germany);
Alexey D. Shmelev, D.Sc., Professor (Moscow, Russia);
Fjodor B. Uspensky, D.Sc., Corresponding Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);
Cynthia M. Vakareliyska, Ph.D., Professor (Oregon, USA);
Zhanna Zh. Varbot, D.Sc., Professor (Moscow, Russia);
Björn Wiemer, D. Sc., Professor, (Mainz, Germany);
Olga T. Yokoyama, Ph.D., Distinguished Professor (Los Angeles, USA).

CHIEF EDITORS OF THE ISSUE

- A.V. Zanadvorova, PhD (Moscow, Russia);
R.I. Rozina, D.Sc., (Moscow, Russia).

EDITORIAL BOARD OF THE ISSUE

- A.V. Zanadvorova, PhD (Moscow, Russia);
R.I. Rozina, D.Sc., (Moscow, Russia);
N.N. Rozanova, PhD (Moscow, Russia);
L.P. Krysin, D.Sc., (Moscow, Russia).

Address:

18/2, Volkhonka street, Moscow, 119019
E-mail: ruslang@ruslang.ru

The journal is registered by the The Federal service for supervision of communications, information technology, and mass-media.
Registration certificate ПИ № ФС 77–57258.

СОДЕРЖАНИЕ

Н. Ю. Авина (Каунас) Особенности словоизменения иноязычной лексики (на материале литовско-русского языкового контактирования)	11
Л. В. Балашова (Саратов) Концептуальная метафорическая модель: словообразовательный и грамматический аспекты	21
Е. И. Голанова (Москва) Многозначность суффиксальных универбов и её отражение в ТСПР.	31
В. В. Дементьев (Саратов) Цепочки речевых системности: лексикализация и грамматикализация звеньев	36
О. П. Ермакова (Калуга) Парадигматически ограниченные метонимические значения.	48
А. В. Занадворова (Москва) Проблемы словарного описания глаголов с приставками <i>под-</i> , <i>при-</i> в «Толковом словаре русской разговорной речи».	57
О. С. Иссерс (Омск) Лексико-грамматическая адаптация в современном русском языке англицизм из сферы моды (на примере заимствования <i>must have</i>).	67
Е. В. Какорина (Москва) Проблемы фиксации и лексикографического описания коммуникативов (на материале работы над «Толковым словарем русской разговорной речи» (ТСПР)).	76
М. А. Кормилицина (Саратов) Лексемы с пропозитивными смыслами как инструменты усложнения содержания простого предложения	101
Л. П. Крысин (Москва) Коммуникативно актуальные смыслы и их лексико-грамматическое выражение в повседневной речи.	108
Г. И. Кустова (Москва) Глаголы с семантикой успеха / неудачи и стратегии концептуализации агентивных ситуаций	116
А. Л. Леонтьева, К. В. Литвинцева (Москва) <i>Стало быть, по-русски так говорят</i> : вводная конструкция <i>стало быть</i> в русском языке	128
Е. В. Маринова (Нижний Новгород) Влияние полисемии иноязычного слова на его грамматические признаки (на материале русского языка новейшего периода)	139
Н. Б. Мечковская (Минск) Номинативный и коммуникативный уровни языковой структуры: в какой мере им присущи свойства воспроизводимости и идиоматичности единиц?	147
С. Е. Никитина (Москва) Конфессиональный мир и языковые стереотипы.	159
Н. А. Николина (Москва) Структура и функции дефисных комплексов в современной письменной речи	171
Б. Ю. Норман (Минск) К выражению функции <i>Magp</i> в русской разговорной речи (высказывания типа <i>тот еще студент!</i>)	179
Н. К. Онипенко (Москва) Об основаниях классификации синтаксических единиц	189

Е. В. Падучева (Москва)	
Сколько значений у слова <i>всё-таки</i> ?	201
А. Р. Пестова (Москва)	
Именное управление в русской разговорной речи и его отражение в словаре	209
Т. Б. Радбиль (Нижний Новгород)	
Активные лексико-грамматические процессы в русском языке начала XXI века: проблема лингвокультурологической интерпретации	218
Рenate Ратмайр (Вена)	
Метакоммуникативные реплики в корпоративном общении: на примере жанров совещаний и собеседований	227
Е. В. Рахилина, Д. А. Рыжова (Москва)	
<i>Славный корабль — омулевая бочка...</i> К микро-истории семантических переходов	241
Р. И. Розина (Москва)	
Стратегия концептуализации предикатной лексики: глаголы порчи (загрязнения) — семантика, сочетаемость, аспектуальное поведение.	256
В. А. Салимовский (Пермь)	
Взаимосвязь лексических и грамматических единиц в стилистико-речевой системности. . . .	268
Л. Л. Федорова (Москва)	
Русское словосложение: между лексикой и грамматикой	276
О. Е. Фролова (Москва)	
Характеризующие значения терминов социальной стратификации (семантические и грамматические показатели).	285
А. Э. Цумарев, Л. Л. Шестакова (Москва)	
Особенности подачи грамматической информации о слове в «Академическом толковом словаре русского языка»	295
В. Н. Шапошников (Москва)	
Семантические классы глаголов: лексико-грамматические процессы в современном русском языке.	303
И. А. Шаронов (Москва)	
Вводные слова как маркеры и модификаторы речевых актов: бытовые признания	309
О. А. Шарыкина (Москва)	
Особенности описания фразеологизмов в «Толковом словаре русской разговорной речи».	323
Т. В. Шмелева (Великий Новгород)	
План выражения модальности: проблема полноты описания	329

CONTENT

N. Yu. Avina. (Kaunas) Peculiarities of the Inflection of Foreign-language Vocabulary (as Exemplified in the Lithuanian– Russian Language Contacting)	11
L. V. Balashova (Saratov) Conceptual Metaphoric Model: Word Formative and Grammatical Aspects	20
E. I. Golanova (Moscow) Polysemy of Suffixal Univerbs and its Representation in the EDRES	31
V. V. Dement'ev (Saratov) Chains of Speech Genre Systematization: Lexicalization and Grammaticalization of Links	36
O. P. Ermakova (Kaluga) Paradigmatically Limited Metonymic Meanings	48
A. V. Zanadvorova (Moscow) Problems of Lexicographic Description of Verbs with the Prefixes <i>pod-</i> , <i>pri-</i> in the Explanatory Dictionary of Russian Everyday Speech	57
O. S. Issers (Omsk) Lexico-Grammatical Adaptation of English Loanwords of Fashion in Modern Russian (as Illustrated by the Loanword <i>must have</i>)	67
E. V. Kakorina (Moscow) Problems of Fixing and Lexicographic Description of Communicatives (Revealed in the Course of Work on the Explanatory Dictionary of Russian Everyday Speech (EDRES)	76
M. A. Kormilitsyna (Saratov) Lexical Units with Propositional Meanings as Tools of Semantic Extension of Simple Sentences.	101
L. P. Krysin (Moscow) Communicatively Relevant Meanings and their Lexical and Grammatical Expression in Everyday Speech	108
G. I. Kustova (Moscow) Verbs with the Semantics of Success / Failure and Strategies for Conceptualizing Agentive Situations	116
A. L. Leonteva, K. V. Litvintseva (Moscow) <i>So, in Russian They Say So</i> : The Introductory Phrase <i>stalo byt'</i> (meaning 'so') in Russian	128
E. V. Marina (Nizhnii Novgorod) The Impact of the Polysemy of Loan Words on their Grammatical Characteristics (a Case Study of the contemporary Russian Language).	139
N. B. Mechkovskaya (Minsk) The Nominative and the Communicative Structure: to what Extent the Reproducibility and Idiomaticity of Units are Inherent to them?	147
S. E. Nikitina (Moscow) The Confessional World and Language Stereotypes	159
N. A. Nikolina (Moscow) The Structure and Functions of Hyphenated Complexes in Modern Written Language	171
B. Yu. Norman (Minsk; Ekaterinburg) Towards the Expression of the Function Magn in Russian Everyday Language (the Utterance of the “ <i>Tot esche student!</i> ” (‘he is that student!’) type)	179
N. K. Onipenko (Moscow) About the Grounds for the Classification of Syntactic Units	189
E. V. Paducheva (Moscow) How Many Meanings Does the Russian <i>vse-taki</i> (‘Still, Nevertheless’) Have?.	201

A. R. Pestova (Moscow)	
Noun Government in Russian Everyday Speech and its Representation in the Dictionary	209
T. B. Radbil (Nizhnii Novgorod)	
Active Lexical-Grammatical Processes in Russian at the Beginning of the XXIst Century: a Problem of Linguo-Culturological Interpretation	218
R. Rathmayr (Vienna)	
Metacommunicative Elements in Business Communication: with Examples from Business Meetings and Job Interviews	227
E. V. Rakhilina, D. A. Ryzhova (Moscow)	
Microhistory of Semantic Shifts: the Case of the Russian Adjective <i>Slavnyj</i>	241
R. I. Rozina (Moscow)	
The Strategy of Predicates Conceptualization: Verbs of Spoiling (Dirtying) – Meaning, Combinability, Aspectual Behavior	256
V. A. Salimovsky (Perm)	
The Interrelation of Lexical and Grammatical Units in Stylistic Speech System	268
L. L. Fedorova (Moscow)	
Russian Word Composition: between Lexis and Grammar	276
O. E. Frolova (Moscow)	
Characterizing Meanings of Social Stratification Terms (Semantic and Grammatical Indicators)	285
A. E. Tsumarev, L. L. Shestakova (Moscow)	
Peculiarities of the Presentation of Grammatical Information about the Word in the New “Academic Explanatory Dictionary of the Russian language”	295
V. N. Shaposhnikov (Moscow)	
Semantic Classes of Verbs: Lexical-Grammatical Processes in the Modern Russian Language. .	303
I. A. Sharonov (Moscow)	
Introductory Phrases as Markers and Modifiers of Speech Acts: Everyday Confessions	309
O. A. Sharykina (Moscow)	
Some Aspects of the Description of Idioms in “The Explanatory Dictionary of Russian Everyday Speech”	323
T. V. Shmeleva (Velikii Novgorod)	
The Expression of Modality: the Problem of the Comprehensive Description	329

Н. Ю. Авина
Университет Vytautas Magnus
(Литва, Каунас)
natalja.avina@vdu.lt

ОСОБЕННОСТИ СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛИТОВСКО-РУССКОГО ЯЗЫКОВОГО КОНТАКТИРОВАНИЯ)

Активизация употребления иноязычной лексики в русском языке новейшего периода — один из наиболее значимых языковых процессов. В связи с этим вызывает интерес освоение иноязычных слов из определенного языка-источника в различных ситуациях иноязычного окружения. В данной статье представлены некоторые наблюдения, касающиеся особенностей грамматической адаптации иноязычных слов в русской речи в ситуации литовско-русского языкового взаимодействия.

Процесс грамматического освоения литовских субстантивов связан прежде всего со спецификой их склонения, что обусловлено разнообразными факторами, например: морфологической структурой, распространенностью, функционированием в определенной сфере языка и определенной форме, а также традицией употребления и написания иноязычных слов в конкретном печатном издании. Особенности родовой и числовой адаптации литовских слов связаны с их грамматической трансформацией в русском языке.

В ситуации языкового взаимодействия выявляются как общие для современного русского языка, так и специфические черты процесса адаптации иноязычных слов. С одной стороны, активизирующиеся региональные употребления становятся новым источником интенсивного пополнения класса несклоняемых слов, демонстрируя при этом противоречивость проявления тенденции к аналитизму, рост вариативности языковых единиц. С другой стороны, специфика процесса адаптации обусловлена грамматическими особенностями конкретного языка-источника, непосредственным языковым контактированием, особенностями функционирования русского языка в данном социокультурном пространстве. Процесс грамматической адаптации региональных употреблений вызывает проблемы культуры речи; важной для нормативных оценок становится коммуникативная значимость иноязычной лексики.

Ключевые слова: иноязычное слово, словоизменение, грамматическая адаптация, вариативность, языковое контактирование.

1. Вводные замечания

Активизация употребления иноязычной лексики в русском языке новейшего периода — один из наиболее живых и социально значимых языковых процессов, требующих углубленного и детального изучения во многих аспектах: лингвистическом, функционально-коммуникативном, когнитивном, социолингвистическом. “<...> Именно в лексике, — пишет Д. Н. Шмелев, — отражены в первую очередь контакты между различными народами и в лексике же сосредоточено то, что является общим для многих самых различных языков” [Шмелев 1977: 20].

Освоение иноязычной лексики в системе заимствующего языка происходит сложно; каждый язык, выступая в качестве реципиента, вырабатывает свои приемы и способы адаптации иноязычий: фонетические, семантические, словообразовательные, грамматические, графические, орфографические (например, [Хауген 1972: 344–382, Крысин 2004:37–57]). В связи с этим вызывает интерес процесс адаптации иноязычных слов из определенного языка-источника, которые активизируются в русской речи в различных ситуациях иноязычного окружения (см. исследования языка русского зарубежья [Земская 2001: 119–121, 184–208, Гловинская 2001: 437–446 и мн. др.]). В ряду разнообразных вопросов, связанных с освоением иноязычных слов, в нашей работе рассматриваются некоторые особенности словоизменения региональных иноязычий в русской речи в ситуации литовско-русского языкового взаимодействия. Материалом исследования является как устная разговорная речь (преимущественно русских жителей г. Вильнюса), так и письменная литературная речь (в основном — русскоязычные газеты Литвы в период последних десятилетий). В работе приняты следующие сокращения названий газет: ЛК — “Литовский курьер”; ЛР — “Летувос ритас”; Обз. — “Обзор”; Р — “Республика”; Эх.Л. — “Эхо Литвы”; Эк.Н. — “Экспресс-неделя”.

Анализируемые в статье языковые факты — это литовские имена существительные, преимущественно собственные: онимы, топонимы, гидронимы и под., а также имена нарицательные, которые представляют определенные тематические группы слов, связанные с социальными вопросами, бытовыми реалиями, трудовой деятельностью, культурой, образованием. Общность тематических групп субстантивов в русском языке в различном иноязычном окружении, которая подтверждается и нашим материалом, свидетельствует об определенных языковых универсалиях в сфере лексики (см., например, [Земская 2008: 632–646]). Региональные употребления представляют собой как безэквивалентную лексику, так и лексику, имеющую эквиваленты в русском языке.

2. Некоторые особенности словоизменения иноязычных имен существительных

В современном русском языке процесс грамматического освоения субстантивов связан прежде всего со спецификой их склонения, а с также родовой и числовой адаптацией, что обусловлено разнообразными лингвистическими

и социолингвистическими факторами; при этом множество иноязычий обнаруживает вариантность по признаку склоняемости/несклоняемости (см. подробнее [Маринова 2008: 125–215]). Наши наблюдения также свидетельствуют о том, что в процессе грамматической адаптации региональных употреблений основные проблемы касаются преимущественно склонения литовских слов в русском языке.

2.1. Особенности склонения

Специфика включения региональных употреблений в русскую речь связана с тем, что, будучи склоняемыми в литовском языке, в русской речи они часто характеризуются непоследовательностью словоизменения. Выделим основные факторы, обуславливающие склоняемость/несклоняемость определенных иноязычий, хотя в целом эта дифференциация весьма условна.

Важным фактором склоняемости/несклоняемости иноязычий является их морфологическая структура, определенный исход слова. Назовем некоторые типичные группы литовских слов как устойчиво склоняемых, так и устойчиво несклоняемых в разных сферах функционирования русского языка.

Иноязычия обычно изменяются, если финаль литовского слова соотносится с формой русского слова и совпадают формы рода, числа русского и литовского слова. При этом происходит родовая и числовая адаптация иноязычного слова. Отметим региональные иноязычия, преимущественно склоняемые в русском языке:

существительные мужского рода на *-as*, *-is*, *-us* с исходом на согласный: *Особые закуски, например, “Охотничья” - шедевр из грудинки, кумписа, огурчиков, лучка и хренка* (ЛК, № 6, 2005) (*kumpis* «окорок»); *В этом году на Сабантуй в Вицагинасе приехали татары из Алитуса <...>* (Обз., № 21, 2018) (*Visaginas, Alytus*); *В этом случае на столе можно увидеть <...> и даже приготовленные для каждого гостя маленькие шакотисы* (Эк.Н., № 22, 2018) (*šakotis* «торт»); в разговорной речи: *Нужно сходить к назначенному сенюнасу* (лит. *seniūnas* «староста»); *Там сейчас ишпардавимасы большие* (*išpardavimas* «распродажа»);

существительные женского рода с исходом на гласный *-a*: *Покупатели приезжают не только в питомник, но и в 12 лесничеств, принадлежащих Вильнюсской уредии* (Эк.Н., № 51, 2009) (*urėdija* «лесничество»); *Не дали результатов и требования Тарибы* (Эк.Н., № 7, 2018) (*Taryba* «Совет»); в разговорной речи: *Саскайту должны скоро прислать* (*sąskaity* «счет»); *Бегу на паскайты, опаздывать нельзя* (*paskaita* «лекция»). Как показывает наш материал, иноязычия в форме женского рода многочисленны; между тем в русском языке новейшего периода в ряду иноязычных субстантивов значительно преобладают существительные мужского рода, и это объясняется заимствованием из одного языка-источника — английского [Маринова 2011: 401].

Отметим региональные иноязычия, преимущественно несклоняемые в русском языке:

существительные с исходом на *-ė*, которые в литовском языке являются словами женского рода: *Продается дом в Вильняус Ерузале* (Р, 13.05.2009) (*Jeruzalė*);

в разговорной речи: *Добиралась из Шешкине на автобусе (Šeškinė); Встречаемся около савивальдибе (savivaldybė «самоуправление»);*

существительные в форме множественного числа:

женского рода с исходом на *-os (-ės)*: *Магазину торговой сети ИКИ в Григишкес <...> требуются: кассиры продавцы <...>* (Обз., № 21, 2018) (Grigiškės); в разговорной речи: *На Каледос приеду (Kalėdos «Рождество»);*

мужского рода с исходом на *-(i)ai*: *Постоянно действуют курсы массажа <...> в Вильнюсе, Висагинасе, Паняевжисе, Шяуляй <...>* (ЛК, № 39, 2007) (Šiauliai); *Недовольны городским освещением и жители Лаздинай (Эк.Н., № 6, 2018) (Lazdynai).*

Однако в разговорно-бытовой ситуации наблюдается склоняемость подобных иноязычий, например, с финалью на *-ė*: *Возьми с собой тапатибес кортялю и фотографию (tapatybės kortelė в значении «удостоверение личности»); К бабушке в Плуңгу ездили (Plungė); Мы тоже часто вспоминаем и вас, и Бирутю (Birutė); с финалью на *-(i)ai*: *Наша экспедиция проходила под Зарасаем (Zarasai); Жила в Шяуляе, в районе Дайняе (Šiauliai, Dainiai).* В разговорной речи в грамматических формах множественного числа на *-ės (-os)*, *-iai* может происходить замена литовского окончания и, соответственно, изменение слова по русской грамматической модели. Ср.: в литературной речи: *Для решения проблем стоянки автомобилей в Сантаришкес будут платные места <...>* (ЛК, № 18, 2009) и в разговорной речи — *Сантаришки*, а также *Сантары* (топоним Santariškės); подобная русифицированная форма отмечается и в текстах газет: *Продается новый дом в Швейцарах <...> с частичной отделкой* (Эк.Н., № 15, 2010) (Šveicarai). Следовательно, одним из важных факторов изменяемости/неизменяемости иноязычий является их функционирование в определенной сфере языка.*

Изменяемость региональных иноязычий зависит также от их функционирования в определенной форме речи. В письменной речи более распространены несклоняемые варианты: *70% акций «Летувос драудимас» принадлежит датской страховой компании <...>* (Эх.Л., № 209, 1999); *Сдается 1-комнатная квартира <...> по Эйшишкю плянтас* (Обз., № 12, 2002). Однако это происходит непосредственно, ср. склонение подобных составных названий: *В Вильнюсе изделия «Жемайтийос пенаса» из-за транспортных расходов подскочили в цене почти на 5 процентов* (ЛР, № 2, 1999); *Ценные бумаги правительства можно купить в Сбербанке, «Жямес уке банкасе», «Гермисе», «Укё банкасе» <...>* (ЛР, 1999).

Существенными в письменной речи оказываются традиции изменения/неизменения иноязычных слов в том или ином печатном издании. Так, литовские слова женского рода с исходом на *-oji* устойчиво не склоняются в русском языке; см., например, топоним *Šventoji* в словосочетаниях с разными предлогами в текстах газеты «Экспресс-неделя»: *Отдых с удобствами в Паланге и Швентойи* (Эк.Н., № 24, 2012); *О Швентойи забыли на два с лишним столетия* (Эк.Н., № 11, 2018); *<...> Возле Швентойи располагается нефтетерминал* (Эк.Н., № 11, 2018). Но ср. изменяемость слова в другой газете — «Литовский курьер»: *8 дней отдыха в Швентойе «Vaivorykštė» (удобства, автобус, проживание, завтраки)* (ЛК, № 30, 2009). Кроме того, в разных печатных изданиях литовские названия могут использоваться

в разных формах языка-источника: в форме именительного падежа: *В парке **Ся-ряйкишкес** <...> обновлено освещение, приводятся в порядок газоны* (Эк.Н., №25, 2009) (*Sereikiškės*), в форме родительного падежа: *Приглашаем на праздник в вильнюсском парке «**Серейкишкю**»* (ЛК, №21, 2007) (*Sereikiškių*).

Изменяемость/неизменяемость иноязычий в печатном издании может быть обусловлена использованием определенной графики. Написание в оригинальной графике латиницей, в отличие от кириллического варианта написания, предполагает, естественно, несклоняемость вкрапления в тексте, ср.: *Польша уже жалеет, что купила «**Маžeikių nafta**»* (Обз., №21, 2009); но: <...> *генеральный директор «**Мажейкю нафты**»* <...> (Р, 21.05.2009); *По адресу: ул. Миндауго (около «**МАХИМА**»)* (Эк.Н., №50, 2009), но: *Продается 1-комнатная квартира в Науйнинкай (рядом с «**Максимой**»)* (Эк.Н., №34, 2011).

Необходимо назвать еще один важный фактор изменяемости иноязычий, который обычно действует в процессе заимствования и носит универсальный характер: актуальность реалии, обозначаемой словом, и, соответственно, широкая распространенность такого иноязычия. Это касается прежде всего безэквивалентной лексики. Яркий пример грамматической адаптации литовского слова — слоговая аббревиатура *Sodra* (*socialinis draudimas* «социальное страхование»), склоняемая в русском языке, хотя графическое и орфографическое оформление этого слова в печатных изданиях отличается: *На этой территории, по данным **СОДРы**, зарегистрировано 45 тыс. предприятий* <...> (ЛК, №9, 1999); <...> *исправно выплачивая государству и **СОДРЕ** все налоги* (ЛК, №15, 2010); <...> *идея сократить взносы в «**Содру**» исходит от бизнеса* (ЛК, №21, 2018); отмечаются также производные слова: *Это не весь **содровский** список* (ЛК, №5, 2018).

2.2. Особенности грамматических форм рода и числа

Отметим некоторые факты грамматической трансформации в русском языке форм числа литовских слов. Так, название района *Šnipiškės* в форме множественного числа женского рода может использоваться в русском языке в форме единственного числа мужского рода: ***Шнипишкес был известен** и своей военной историей* (Эк.Н., №4, 2018). Система окончаний, как известно, может присоединяться к форме множественного числа иноязычного слова; например, название «*Lietuvos dujos*» («Литовский газ») с опорным словом на *-os* в форме множественного числа может изменяться в русском языке по соответствующему типу склонения как форма единственного числа: <...> *Возврат долга от «**Литовского дуеса**»* <...> (Обз., №38, 1999).

В качестве иллюстрации переосмысления грамматической формы рода приведем название реки *Neris*. В литовском языке это слово женского рода, но в русском языке используется как слово мужского рода с финалью на твердый согласный: *Сейчас сложно представить, но примерно тысячу лет назад **Нярис протекал** у самого подножия горы Таурас* (Эк.Н., №4, 2018); отмечается также несклоняемость данного слова: <...> *Они подарили участок рядом с **Нярис*** (Эк.Н., №4,

2018). Другой пример — топоним *Šventoji*, представляющий собой форму женского рода в литовском языке, который используется в форме мужского рода в русском языке (по опорному слову «город»): *Швентойи* *опять на два с лишним десятилетия погрузился в забвение* (Эк.Н., №11, 2018).

Любопытным представляется и смешение форм рода в следующем контексте: *Вот эта suknelė серенькая очень симпатичное* (suknelė «платье» — женск. р.). Региональные инновации выступают как этнокультурный компонент речевой коммуникации, и специфика процесса их грамматической адаптации отражает определенные особенности языкового сознания билингвов, обусловленные коммуникативной целесообразностью.

3. Заключительные замечания

В ситуации иноязычного окружения в процессе грамматического освоения региональных употреблений выявляются как общие для современного русского языка, так и специфические черты адаптации иноязычий.

Общие черты связаны с тем, что в русском языке новейшего периода отмечается активизация иноязычных имен существительных, обнаруживающих тенденцию к несклоняемости; этот процесс, однако, протекает неравномерно, появляются варианты, обусловленные коммуникативной потребностью [Гловинская 2008: 227–236]. Вариативность иноязычных слов отличается особой спецификой, что связано с процессом их адаптации к языковой системе, в которой им предстоит функционировать. Исследователи русского языка зарубежья отмечают еще более активный, в сравнении с исконной средой, характер проявления аналитических черт в речевой практике коммуникантов: увеличение количества несклоняемых слов, прежде всего имен существительных, которые активно заимствуются из языка-источника и в разной степени подвергаются грамматическому оформлению по законам русского языка [Земская 2001: 200–208]. При этом ускоряются «процессы включения и освоения иноязычных слов, фразем в речевую практику, часто растянутые в языке метрополии на диахронической оси» [Зеленин 2007:252]. Региональные иноязычия, активизирующиеся в ситуации литовско-русского языкового контактирования, также становятся новым источником быстрого и интенсивного пополнения класса несклоняемых слов, демонстрируя при этом противоречивость проявления тенденции к аналитизму, усиление вариативности языковых единиц в русском языке в данной социокультурной среде.

Специфические черты процесса грамматического освоения анализируемых региональных иноязычий обусловлены как лингвистическими факторами, в частности, грамматическими особенностями конкретного языка-источника в конкретной ситуации иноязычного окружения, так и экстралингвистическими факторами, прежде всего социолингвистическими и социокультурными, связанными с непосредственным языковым контактированием и особенностями функционирования русского языка в данном этнокультурном пространстве.

Результатом процесса адаптации должно стать стабильное функционирование иноязычий как полноправных единиц системы, но их освоение происходит сложно и, судя по нашему материалу, в настоящий период трудно определить закреплённость в русском языке тех или иных грамматических форм. Нельзя не согласиться с тем, что «заимствования в русский язык, происходящие за пределами России, не всегда следуют тем же правилам, что заимствования из иных языков во внутрисоветском употреблении. <...> Приходится исходить уже не только из норм русского языка, но также из матрицы доминирующего в окружении иного языка, из образа мыслей и стиля существования, отличающихся от российских. <...> Происходит работа по самоопределению, в том числе и языковому» [Протасова 2000: 59].

Неунифицированность и непоследовательность грамматической адаптации региональных употреблений обычно не вызывает у русскоговорящих в данной социокультурной среде серьёзных коммуникативных помех, связанных с неадекватным восприятием и пониманием речи, но создаёт определённые культурно-речевые проблемы, приводящие, возможно, к расшатыванию норм русского литературного языка. Необходимость постоянно передавать на письме названия реалий конкретной языковой ситуации приводит к тому, что региональные понятия нормы и отступлений от нормы литературного языка несколько иные, нежели в исконной среде. Важной для нормативных оценок становится коммуникативная значимость языковых единиц. «Употребление иноязычного слова диктуется потребностью в точности, в том, чтобы быть сразу понятым. Кроме того, говорящий постоянно слышит и видит местные номинации для обозначения местных реалий; естественно, что они первыми приходят ему в голову, когда речь идет об окружающей его жизни. Таким образом, одна из причин возникновения заимствований из языка окружения состоит в экономии усилий обоих (или более) партнеров по коммуникации» [Гловинская 2001: 438]. В связи с этим следует отметить важность кодификации литературной нормы русского языка в ситуации иноязычного окружения, создания словарей и справочников по употреблению региональных инноваций, дальнейшей разработки соответствующего материала в учебниках, предназначенных для изучения русского языка в конкретной этнокультурной ситуации.

Литература

Гловинская М. Я. Общие и специфические процессы в языке метрополии и эмиграции // Язык русского зарубежья. Общие процессы и речевые портреты. Коллективная монография / отв. редактор Е. А. Земская. М. — Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2001. С. 341–492.

Гловинская М. Я. Активные процессы в грамматике // Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX–XXI веков / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 187–267.

Зеленин А. Язык русской эмигрантской прессы (1919–1939). СПб: Златоуст, 2007. 380 с.

Земская Е. А. Общие языковые процессы и индивидуальные речевые портреты // *Язык русского зарубежья. Общие процессы и речевые портреты. Коллективная монография / отв. редактор Е. А. Земская. М. — Вена : Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2001. С. 25–277.*

Земская Е. А. Активные процессы в языке русского зарубежья // *Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX–XXI веков / отв. ред. Л. П. Крысин. М. : Языки славянских культур, 2008. С. 615–669.*

Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое. Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М. : Языки славянской культуры, 2004. 888с.

Маринова Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX — начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования. М. : ООО «Издательство ЭЛПИС», 2008. 495 с.

Маринова Е. В. Адаптация иноязычной лексики на современном этапе: новые явления и тенденции // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Т.1. 2011. № 6(2). С. 399–403. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/adaptatsiya-inoazychnoy-leksiki-na-sovremennom-etape-novye-yavleniya-i-tendentsii>*

Протасова Е. Ю. Лексические особенности русскоязычной прессы в Германии // *Известия АН. Серия литературы и языка. Т.59. М., 2000. №4. С. 49–60.*

Хауген Э. Процесс заимствования // *Новое в лингвистике. Языковые контакты. Вып. 6. М. : Прогресс, 1972. С. 344–382.*

Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика. М. : Просвещение, 1977. 335 с.

N. Yu. Avina

Vytautas Magnus University

(Lithuania, Kaunas)

natalja.avina@vdu.lt

PECULIARITIES OF INFLECTION OF FOREIGN-LANGUAGE VOCABULARY (AS EXEMPLIFIED IN THE LITHUANIAN-RUSSIAN LANGUAGE CONTACTING)

The activating of the use of foreign-language vocabulary in the contemporary Russian language is one of the most significant linguistic processes. In connection with this, acquisition of foreign language words from some certain source language attracts interest in diverse situations of a foreign-speaking environment. This article presents observations concerning the peculiarities of the grammatical adaptation of foreign-language words in the Russian speech in the situation of the Lithuanian-Russian linguistic interaction.

The process of grammatical acquisition of Lithuanian nouns is primarily related to the specifics of their declension, which is due to a variety of factors, for example, the morphological structure, prevalence, function in a certain sphere of language and in some form, as well as the tradition of using and writing of foreign words in some particular

printed sources. The peculiarities of the generic and numerical adaptation of the Lithuanian words are related to their grammatical transformation in the Russian language.

The situation of foreign-speaking environment reveals both such features of the process of adaptation of foreign-language words that are general for the modern Russian language and the specific ones. On the one hand, intensifying regional uses become a new source of intensive replenishment of the class of indeclinable, demonstrating at the same time the contradictory tendency of manifestation of analyticism, growth of variability of language units. On the other hand, the grammatical features of a particular source language, direct language contacts and the peculiarities of functioning of the Russian language in this socio-cultural space determine the specificity of the process of adaptation. The process of grammatical adaptation of regional uses causes problems of the culture of speech; the communicative significance of the foreign-language vocabulary becomes important for normative evaluations.

Keywords: foreign-language word, inflection, grammatical adaptation, variability, language contacting.

References

Glovinskaya M. Ya. [General and specific processes in the language of the mother country and emigration]. *Yazyk russkogo zarubezh'ya* [Language of the Russian Emigration]. E. A. Zemskaya (Ed.). Moscow — Vien: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2001, pp. 341–492. (In Russ.)

Glovinskaya M. Ya. [Active processes in grammar]. *Sovremennyyi russkii yazyk. Aktivnye protsessy na rubezhe XX–XXI vekov* [The Modern Russian Language. Active Processes at the Turn of the 20th–21st cent.]. L. P. Krysin (Ed.). Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2008, pp. 187–267. (In Russ.)

Zelenin A. *Yazyk russkoi emigrantskoi pressy (1919–1939)*. [The language of the Russian emigrant press (1919–1939)]. St. Petersburg, Zlatoust Publ., 2007. 380 p.

Zemskaya E. A. [General language processes and individual speech portraits]. *Yazyk russkogo zarubezh'ya* [The language of the Russian emigration]. E. A. Zemskaya (Ed.). Moscow — Vien: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2001, pp. 25–277. (In Russ.)

Zemskaya E. A. [Active processes in the language of Russian abroad]. *Sovremennyyi russkii yazyk. Aktivnye protsessy na rubezhe XX–XXI vekov* [The Modern Russian Language. Active Processes at the Turn of the 20th–21st cent.]. L. P. Krysin (Ed.). Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2008, pp. 615–669. (In Russ.)

Krysin L. P. *Russkoe slovo, svoe i chuzhoe. Issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku i sotsiolingvistike*. [The Russian word, of the insiders and of the outsiders. Studies on the contemporary Russian language and sociolinguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004. 888 p.

Marinova E. V. *Inoyazychnye slova v russkoi rechi kontsa XX — nachala XXI v.: problemy osvoeniya i funktsionirovaniya* [Foreign words in Russian speech of the late 20th century — early 21st century: problems of adaptation and functioning]. Moscow: OOO «Izdatel'stvo ELPIS» Publ., 2008. 495p.

Marinova E. V. [Adaptation of foreign-language vocabulary at the present stage: new phenomena and tendencies]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. T.1. 2011. №6 (2)*, pp. 399–403. (In Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/adaptatsiya-inoyazychnoy-leksiki-na-sovremennom-etape-novye-yavleniya-i-tendentsii> (accessed 4.06.2018)

Protasova E. Yu. [Lexical peculiarities of the Russian-language press in Germany]. *Izvestiya AN. Seriya literatury i yazyka. T.59*. Moscow, 2000, №4, pp. 49–60. (In Russ.)

Khaugen E. [The process of borrowing]. *Novoe v lingvistike. Yazykovye kontakty. Vyp. 6*. [New in linguistics. Language contacts]. Moscow: Progress Publ., 1972, pp. 344–382. (In Russ.)

Shmelev D. N. *Sovremennyyi russkii yazyk. Leksika* [The Modern Russian Language. Vocabulary]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1977. 335 p.

Л. В. Балашова
Саратовский госуниверситет
(Россия, Саратов)
balashova53@yandex.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ: СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ И ГРАММАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

В статье дается диахроническая характеристика метафорической подсистемы, формируемой на базе пространственной модальной модели (в широком ее понимании), в словообразовательном и грамматическом аспектах. Автор выявляет структуру данной модели, устанавливает концептуальное наполнение базовых дифференциальных компонентов членов метафорического поля, а также сопоставляет лексические средства реализации модели в древнерусском и современном русском языке. Синхронно-диахронический анализ указанных средств убедительно доказывает, что на протяжении всего исторического периода развития русского языка формирование однотипных переносов у членов одной семантической сферы носит системный, но избирательный характер. Значительную роль в данном процессе играют такие признаки, как частеречная принадлежность лексемы, тип ее морфемной и словообразовательной структуры. Системно-моделируемый характер формирования и развития модального метафорического поля проявляется в нескольких аспектах. В частности, уже в древнерусском языке наиболее регулярно в процесс метафоризации в рамках данной модели включаются глагольные словообразовательные гнезда, члены которых (за счет соответствующей словообразовательной и морфемной структуры) способны выразить максимальное число предусматриваемых моделью ситуаций. В ходе исторического развития обнаруживается тенденция к усилению системности в выражении конкретного типа метафорических значений в рамках членов одного гнезда. Это проявляется в утрате семантически дублетных вариантов, в вовлечении в метафоризацию новых дериватов, сформированных по образцу действующих семантико-словообразовательных моделей. Этот процесс охватывает в первую очередь ядерные глагольные гнезда, но может распространяться на другие гнезда в рамках одной семантической группы. Наряду с этим действует противоположная тенденция: на разных этапах развития в метафорической подсистеме могут формироваться новые семантически дублетные варианты. Но данный процесс обычно присущ периферийным, малочисленным

в рамках метафорического поля гнездам, а дублетные формы не отмечены стабильностью во времени.

Ключевые слова: метафора, концептуальная модель, словообразовательное гнездо, пространственная модальная подсистема, диахрония.

Метафорическая концептуализация, как известно, «состоит в осмыслении и переживании явлений одного рода в терминах явлений другого рода» [Лаккофф, Джонсон 2004: 389]. Данные модели представляют собой инвариантные структуры, объективированные в культуре этноса и определяющие картину мира [Арутюнова 1998; Баранов 2014; Блэк 1990; Минский 1988]. Такой подход обуславливает потенциальное включение в метафоризацию слов из одной семантической сферы, поля и группы. Но, как показывает анализ конкретных концептуальных моделей, сам процесс формирования однотипных переносов достаточно избирательный, причем не последнюю роль в этом играют такие характеристики, как частеречная принадлежность лексемы, ее грамматические признаки, тип морфологической и словообразовательной структуры. Более того, и в синхронии, и в диахронии вовлечение в метафоризацию различных членов сфер, полей и словообразовательных гнезд имеет системно-моделируемый характер [Балашова 2014а; 2014б].

Основные тенденции в развитии русских метафорических подсистем в деривационном аспекте можно проследить на примере одного из самых устойчивых во времени метафорического поля, формируемого на базе **пространственной модальной модели** — в широком ее понимании, с помощью которой уже в древнерусском языке складывается концепция представлений о деятельности и бездеятельности субъекта, о наличии или отсутствии у него желаний, стремлений и способности добиться цели, о наличии или отсутствии у субъекта свободы воли, а также происходит оценка субъекта и его жизненной позиции, его желаний, стремлений и способов их достижения. Данная концептуальная схема остается продуктивной и в современном русском языке.

Наиболее последовательно данное представление реализуется в языке в виде противопоставления движения и покоя, что непосредственно связано с общей философской концепцией «движение есть жизнь». Соответственно покой воспринимается как отсутствие у субъекта активной жизненной позиции, желаний, стремлений, стимулов для развития (ср.: *лѣнивыи* — от *лежати* ‘находиться в лежачем положении’); движение, напротив, ассоциируется с активной, деятельной позицией. В самом противопоставлении таких позиций заложена система оценок, когда «ситуация отсутствия желания у человека воспринимается крайне отрицательно» [Коновалова 1997: 128] (ср.: *Есть мечта? Беги к ней! Не получается? Иди к своей мечте. Не можешь идти — ползи. Не можешь ползти? Ляг и лежи в направлении мечты!* (интернет-мем)).

Представление о типе желаний, стремлений, о возможности их реализации осмысливается через противопоставление поступательного и непоступательного движения.

В частности, ориентированное поступательное движение воспринимается как целенаправленная деятельность, реализация желаний, стремлений, тогда как характер движения уточняет тип волеизъявления:

- Движение к какой-либо точке ассоциируется со стремлением удовлетворить желание, добиться результата (ср.: *иди к добродѣтели не обращаися къ злобѣ*. ГБ XIV¹; *Это путь человека к самому себе, а через какую именно систему верований он придет к цели — неважно, считает Лак Буни*. В. Дараган, Б. Каллаев);
- Движение в сторону, от стабильной в пространстве точки осмысливается как активное желание избежать какой-либо ситуации, уклониться от принятия решения, от внешнего воздействия и т. п. (ср.: *И гонезнутъ укоризны врагъ своихъ*. Пал 1406; *М. Захарова справедливо назвала убийство посла терактом и пообещала, что виновные не уйдут от наказания*. Д. Орешкин);
- Достижение точки, избранной в качестве ориентира, ассоциируется с успешным решением проблемы, с обретением желаемого (ср.: *Да с чистою свѣстью х(с)вѣхъ таинъ доидемъ*. Мен. к. XIV; *И то была впервые его посетившая ревность к безоглядной стремительности молодого сознания, пришедшего к цели кратчайшим путем*. Д. С. Данин);
- Невозможность ориентироваться в пространстве, достичь ориентира, а также непоступательное движение, движение в неверном направлении, мимо цели воспринимается как неспособность добиться результата, реализовать свои желания, как ошибка, заблуждение и т. п. (ср.: *Тщане ваше и вертѣнье. с вам в пагубу буди*. ПНЧ XIV; *Обративыи грѣшника от заблужения*. ЛИ 1425; *Мне давно казалось, что он топчется на месте, в то время как я шаг за шагом неуклонно иду вперед*. В. Шефнер; *Не только большие, но пятиэтажные буквы надо над Злом и Добром, и чтоб мигали как маяки! А то мы заблудились в нюансах!* А. Солженицын).

Особую роль в реализации модели играет траектория движения (движение к цели по прямой, по кругу, зигзагом). С помощью соответствующей лексики дается оценка не только возможности достичь цели, но и самой цели, а также средств ее достижения. Движение по прямой осмысливается как верное направление развития, как истинность, тогда как ломаная или искривленная траектория — свидетельство ложного направления в развитии человека, общества и т. п. (ср.: *правыи* ‘прямой’ → ‘правильный’: *Слава ти, Хе, иже направи на правыи путь*. УспСб XII/XIII; *извращение* ‘поворот, оборот’ → ‘извращение’: *Подоба же есть намъ и еретичьско извращение вѣдѣати*. ШестИюЕкз 1263; *Верной дорогой идете, товарищи!*; *Жаждет попасть в «высшее общество» окольными путями (за счет выгодной женьитьбы), не прилагая к этому никаких достойных усилий (высшее образование, хотя бы, стремление к самообразованию, самосовершенствованию...* Коллективный. Форум: Москва слезам не верит; 2011).

¹ Здесь и далее древнерусские источники даются в сокращениях, принятых в лексикографических источниках.

В соответствии с основной концепцией различного рода преграды, большое расстояние до цели и плохое качество дороги воспринимаются как помеха в достижении цели, в исполнении желаний или как нечто, что ведет к ошибке, к результату, обратному желаемому. Напротив, средства, способствующие быстрому и беспрепятственному перемещению в заданном направлении, ассоциируются с условиями, облегчающими решение поставленной задачи (ср.: *прѣпутіе* ‘преграда’ → ‘помеха’; ‘соблазн’ (*Своелюбство... велико на добръ нравъ есть прѣпутіе*. ГБ XI; *Но путь к этому успеху еще далек и обещает быть полон ухабов и рытвин*. А. Бухбиндер).

Уже в древнерусском языке складывается достаточно четкая система репрезентации волеизъявления через каузативное осмысление ситуации: активизация движения объекта, его перемещение или удержание осмысляются как активное волевое воздействие на другое лицо, на развитие событий в нужном субъекту направлении, тогда как объект в данной ситуации ассоциируется с безвольной личностью, зависящей от внешних обстоятельств и других людей (ср.: *Дьяволъ не может члвка от добра дѣла къ злу волочи*. ЗЦ XIV; *Генштаб направил в Кремль документ, надеясь подтолкнуть Ельцина к принятию решения по этой проблеме*. В. Баранец).

Характерная особенность модели — ее способность выражать модальные значения в рамках разных смысловых сфер (интеллектуальная, эмоциональная, социальная деятельность человека, социально-политическая, идеологическая жизнь социума и др. Если субъектом действия в метафорически осмысленной ситуации является не человек, а мысль, эмоция, социальный, идеологический феномен и т. п., то этот феномен персонифицируется, обретая черты самостоятельной личности (ср.: *теньта бо и сѣти суть мирьскихъ бесѣды... и словеси въ блудъ заведуть*. ПНЧ XIV; *По-прежнему пробуксовывает «нормандская четверка», по-прежнему ничего не достигнуто на карабахском направлении*. А. Полунин; *Беловежский сговор толкнул страну на путь деградации экономики и социальной сферы*. Г. Зюганов).

Безусловно, названные варианты реализации пространственной модальной модели не исчерпывают всех возможных аспектов данной концептуальной сетки. Но принципиально значимым можно считать то, что данная модель устойчиво и системно функционирует уже в памятниках XI–XIV вв.

В частности, уже в древнерусском языке наиболее последовательно в процесс метафоризации этого типа включаются глаголы поступательного и непоступательного движения. Это вполне закономерно, поскольку именно предикаты дают обобщенную характеристику одной ситуации сквозь призму другой (ср.: *бѣжати, блудити, двигати, рискати, ступати, скакати, ити, гънати, гоньзнути*). Не менее системно значимым оказывается тот факт, что практически каждый из этих и других глаголов имеет большое число дериватов (глагольных и именных), которые (за счет соответствующей словообразовательной и морфемной структуры) способны выразить максимальное число предусматриваемых моделью ситуаций; ср.:

- **бѣжати** — более 40 единиц: *бѣгливыи, бѣгание, бѣгунъ, бѣгльць, бѣгание, възбѣгнути, избѣгнути, избѣжание, отъбѣгати, отъбѣгательныи, отъбѣгание, отъбѣжение, побѣгнути, подъбѣгати, прибѣгнути, прибѣжище, прибѣчи, пробѣгати, прѣбѣгати, прѣбѣгание, убѣгати, убѣжъныи;*
- **блудити** — около 30 единиц: *блудъ, блудникъ, блужение, блудныи, заблудити, заблужение, заблудникъ, незаблудныи, прибудити, прѣбудити, прѣблудство, съблудити;*

вести / водити — более 60 единиц: *водитель, возъ, водьць, вождевица, вожествие, въвести, въвестися, въведение, въводити, въвожи, въвести, довести, завести, заводити, изводити, извождство, навести, наводъ, отъвести, повести, повестися, повожение, привести, подъвести, провести, проводникъ, прѣдвестися.*

Характерной особенностью метафорической подсистемы является включение в ее состав частичных, односторонних словообразовательных (по В. Г. Гаку) метафор, «когда образование нового значения связано с морфологическим изменением слова, с добавлением аффиксов к основе, используемой в переносном значении» (ср.: *сердцевина*) [Гак 1988: 13–14]. Примечательно, что наиболее регулярно первичные модальные ЛСВ по концептуальному образцу переносных формируются у слов со сложной морфемной структурой (ср.: *отъбѣжанье* ‘намеренное уклонение, воздержание, избавление от чего-л.’; *незаблудно* ‘безошибочно’).

Как отмечалось, в диахронии пространственная модальная модель сохраняется фактически без изменений. Весьма стабильной во времени является также система средств выражения этих значений. Так, на протяжении всего исторического периода развития русского языка активно используются в переносных значениях многие гнезда с глагольной вершиной, характеризующей поступательное и непоступательное движение, перемещение и насильственное удержание объекта (ср.: *идти, бежать, вести, вертеть, плутать, влечь, гнаться, ловить, держать* и др.). Ядерные из этих словообразовательных гнезд (СОГ) по-прежнему представлены в составе метафорической подсистемы десятками единиц (ср.: СОГ *бежать* — около 40 слов; *вести* — около 40 слов; *влечь* — более 30). Вместе с тем в ходе исторического развития наблюдаются существенные изменения в составе метафоризируемых семантических групп и СОГ. Есть также изменения в самой системе средств выражения конкретных значений. Причин подобных изменений несколько.

Во-первых, внутри гнезд, устойчиво функционирующих в составе этого метафорической подсистемы в диахронии, наблюдается утрата семантически дублетных однокоренных слов и появление новых единиц, сформированных по образцу действующих словообразовательных моделей. Следовательно, усиливается системность внутри СОГ в выражении конкретного типа метафорических значений. Например, в СОГ **бѣжати** утрачиваются семантически дублетные члены со значением ‘уклоняться / уклониться от чего-л.’: *възбѣжати, възбѣгнути, отъбѣгати, отъбѣживати, отбѣчи, пробѣгнути, пробѣгати, прѣбѣгати*. Новые члены данного гнезда расширяют семантические возможности в выражении различных видов модальности за счет соответствующей словообразовательной структуры дериватов; например, *разбежаться* ‘начать действовать в полную силу’. Однако этот процесс

не идет прямолинейно: на разных этапах развития русского языка в метафорическую подсистему могут включаться новые семантические однокоренные дублиеты, которые, впрочем, обычно не слишком стабильны в диахронии. Так, в текстах XVI–XVII вв. фиксируются *бѣгивати, забежати, обѣгати* в значении ‘уклоняться / уклониться’; *подбѣгати* ‘обращаться за помощью’.

Процесс упорядочения средств выражения одного типа значений может охватывать целые СОГ в рамках одной семантической парадигмы. Так, среди глаголов и их дериватов, характеризующих в первичных ЛСВ движение с большой скоростью, в метафорической подсистеме закрепляются члены гнезда *бѣжати*, а гнездо *гоньзнути* (*гоньзнути, гоньзнутися, гонезение, гонезати, гонезти, гонзити, угоньзноути*), полностью утрачивается (ср. в древнерусском языке: *Аще хочещи муки гоньзнути. то никого же не оклеветати.* ИлПосл XI).

Наиболее нестабильны во времени периферийные члены внутри одного гнезда или одной семантической парадигмы. Их периферийность проявляется в том, что, как правило, и в древнерусском языке в процесс метафоризации вовлекаются единичные члены этих СОГ; например: *крянути* ‘сдвинуть’ (*Добляго не може крянути с вѣры.* Изм XIV*); *пругло* ‘сеть’ (*Окрили и от всѣхх пругль неприязнинь.* СлВарл XII); *прудь* ‘поток’ → ‘стремление’ (*Обрете въздание подвигомь и прудомь твоимь.* Мин 1096). Многие из утраченных членов принадлежат к церковнославянской лексике. Однако их неустойчивость в диахронии не может быть связана только с этим (ср. сохранение в современном русском языке в качестве ядерных именно славянизмов: в СОГ *бежать* — *избежать, избегать, во избежание*; в СОГ *влечь* — *влечь, влечение, вовлечь, навлечь, отвлечь, повлечь, привлечь, увлечь, увлечение*; в СОГ *достигать* — *достигать, достижение, достижимый, недостижимый*). Утрата одних и укрепление других членов метафорического поля связаны с целым комплексом факторов. Важно то, что в результате этих процессов всегда усиливается системность в выражении определенного типа значений, хотя следует отметить, что выбор старославянского варианта в качестве основного часто сопровождается утратой образности, впрочем, подобный процесс может распространяться и на исконно русские варианты (ср.: *избежать, стремление*).

Во-вторых, усиление системности в выражении конкретных типов значений с помощью определенных единиц пространственной лексики происходит не только на уровне СОГ, но и на уровне целых семантических групп. Ее проявлением может служить значительное увеличение (при достаточной структурированности системы значений и средств их выражения) состава ядерных групп.

Например, в диахронии продуктивностью отмечены переносы по схеме: ‘двигаться без цели, беспорядочно’ → ‘совершать неблагоприятные поступки; грешить, клеветать’, ‘ошибаться’. В древнерусском языке большой активностью в формировании таких переносов было отмечено гнездо *блудити*. В XVI–XVII вв. в процесс метафоризации включаются члены гнезда *плутати*: *плуть, плутни, плутовие, плутишко, плутовство, плутошь, плутство, плутскии, плутыга*, причем большинство из них относится к частичным метафорам, имеющим в качестве первичного значения ‘обман’, ‘ошибка’, ‘обманщик’ и т. п. Сохраняют свою продуктивность члены

этого гнезда и в современном русском языке (ср.: *плутовка, плуливый, плуливо, плуливость, плутоватый, плутовато, плутоватость, плутовской, архиплут, наплутовать, переплутовать, сплутовать*). Более того, члены этих двух СОГ становятся одним из основных средств выражения данных типов значений (не случайно большинство из них относятся к генетическим метафорам), достаточно четко противопоставляясь по ряду признаков. Невозвратные глаголы СОГ *блудить* (и производные от них имена) характеризуют недостойное моральное поведение субъекта; возвратные глаголы (и производные имена) акцентируют внимание на ненамеренной ошибке в действиях, поступках субъекта (ср.: *заблуждаться, заблуждение*), тогда как члены СОГ *плутать* фиксируют недостойное поведение субъекта, связанное с намеренным введением в заблуждение кого-либо (ср.: *плут, плутовать*). Процесс этот идет постепенно. Еще в XVIII в. встречаются употребления типа: *Но мысль блудящая* [‘беспокойная’] *сон сладкой всколебала*. Майков; *Блудный* [‘впадающий в ошибку’] *дух, или кто следует какому блуждению*. РГЛ: 10.

В целом, наиболее продуктивны в диахронии глаголы, составляющие ядро системы. Однако иногда большей активностью отмечена именно предметная лексика. Так, значительно увеличивает состав та часть метафорического поля, которая характеризует средства, препятствующие достижению цели, реализации стремлений, желаний, причем пополняют эту часть поля лексемы из различных предметных групп. Например, в современном русском языке, наряду с традиционными (*препоны, преграда, препятствие*), используются лексемы, характеризующие плохое качество дороги, особенности рельефа, части механизма, выполняющие соответствующую функцию (ср.: *ухабы, рогатки, барьеры, рифы, тормоз*). И в данном случае активизация процесса наблюдается уже в XVIII в. (ср.: *сделать кому по делу загвоздку*. САР 2 II), причем иногда в этот период вовлечение новых членов в состав метафорического поля идет даже более регулярно, чем в современном русском языке. (ср.: *И торговать в тех городех со всякой повольностию, безо всякой зацепки* [‘помехи’] и *препятия*. ПСЗ III). В тот же период в процесс вовлекается лексика из других пластов, в частности, из «культурной», «образовательной» смысловой сферы. Например, значение ‘препятствие’ развивает существительное *запятая* ‘знак препинания’ (ср.: [Востряков:] *Пирожки? — Ну! Вот запятая! Которому господину их нести?* Левшин). Однако регулярным этот тип переноса не становится, и в дальнейшем ядро парадигмы по-прежнему составляют члены традиционных полей и групп.

Все это свидетельствует о продуктивности самой концептуальной модели и системности средств ее выражения.

Наконец, в диахронии метафорическая подсистема не только пополняется новыми членами, но и утрачивает большое число членов, причем семантически не дублетных. Обычно это лексемы из малочисленных СОГ, которые утрачивают связь с первичным значением. Например, уходят из метафорической подсистемы: *быстрити* ‘побуждать’, *быстритися* ‘стремиться к чему-л.’; *отъскочити, отъскакати* ‘уклониться / уклоняться’; *рискати, изльзти* ‘стремиться / устремиться’; *пририскати, нальзти* ‘добиться чего-л.’ (ср.: *Не напраснымъ же они устремлениемъ*

быстрицеса. ВИТ XVII; [Роман] *отъ враговъ бѣгая, и брани отскоча...* но ярость воспримъ на агаряны. ЛНик IX; Любо собѣ славу *налѣзу*, а любо главу свою положю. ЛР XV; *Излѣзение* ума к надѣемому. КрмБ XVI). Но их место в данном случае занимают слова из тех же групп, но с более осязаемой внутренней формой. Следовательно, поддерживается определенное равновесие внутри системы.

Таким образом, исследуемая модель представляет собой постоянно изменяющееся и в силу именно этого «живое», продуктивное средство выражения модальной семантики, причем деривационные процессы играют в этом процессе активную роль. Тем самым еще раз подтверждается взгляд на словообразование как на неотъемлемую часть лексико-семантической системы языка.

Литература

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. — М.: Языки русской культуры, 1998. — 896 с.

Балашова Л. В. Русская метафора. Прошлое. Настоящее. Будущее. — М.: Языки славянских культур, 2014а. — 496 с.

Балашова Л. В. Русская метафорическая система в развитии: XI–XXI вв. — М.: Рукописные памятники Древней Руси: Знак, 2014б. — 632 с.

Баранов А. Н. Дескрипторная теория метафоры. — М.: Языки славянской культуры, 2014. — 632 с.

Блэк М. Метафора // Теория метафоры. — М.: Прогресс, 1990. С. 153–172.

Гак В. Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. — М.: Наука, 1988. С. 11–26.

Коновалова Н. Ю. Концептуальное наполнение лексем *воля* и *желание* в русском языке // Актуальные проблемы русистики. — Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 1997. С.: 128–130.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 256 с.

Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. — М.: Прогресс, 1988. С. 281–309.

L. V. Balashova

Saratov State University

(Russia, Saratov)

balashova53@yandex.ru

CONCEPTUAL METAPHORICAL MODEL: WORD-FORMATIVE AND GRAMMATICAL ASPECTS

The article gives a diachronic characteristic of the metaphoric subsystem formed on the basis of the spatial modal model (in its broad sense), in the derivational and grammatical

aspects. The author reveals the structure of this model, establishes the conceptual filling of the basic differential components of the members of the metaphorical field, and also compares the lexical means of implementing the model in Old Russian and modern Russian. Synchronous-diachronic analysis of these means convincingly proves that during the entire historical period of the development of the Russian language, the formation of the homotypic hyphenation among the members of one semantic sphere is systemic, but selective. Significant role in this process is played by such signs as the part-of-speech belonging of the lexeme, the type of its morphemic and word-formative structure. The system-modelled nature of the formation and development of the modal metaphorical field is manifested in several aspects. In particular, already in the Old Russian language the verbal word-forming nests are included most regularly in the process of metaphorization within the framework of this model, the members of which (due to the corresponding word-formation and morphemic structure) are able to express the maximum number of situations envisaged by the model. In the course of historical development, there is a tendency to strengthen systematicity in the expression of a specific type of metaphorical meanings within the members of one nest.

This is manifested in the loss of semantic doublets, as well as in drawing new derivatives formed on the basis of existing semantic word-formation models into the process of metaphorization. This process primarily affects nuclear verbal nests, but can extend then to other nests within the same semantic group. Along with this, there is an opposite tendency: at different stages of development, new semantic doublets can be formed in the metaphorical subsystem. But this process is usually characteristic of peripheral nests, that are non-numerous in the metaphorical field, and the doublet forms are not stable in time.

Keywords: metaphor, conceptual model, word-formation nest, spatial modal subsystem, diachrony.

References

Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the world of the human]. Moscow, 1998. 896 p.

Balashova L. V. *Russkaya metaforicheskaya sistema v razviti: XI–XXI vv.* [Russian metaphorical system in development: XI–XXI centuries]. Moscow, 2014. (Studia Philologica).

Balashova L. V. *Russkaya metafora. Proshloye. Nastoyashcheye. Budushcheye* [Russian metaphor. Past. Present. Future]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2014a. 496 p.

Baranov A. N. *Deskriptornaya teoriya metafory* [Descriptor theory of metaphor]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2014. 632 p.

Black M. *Metafora* [Metaphor]. *Teoriya metafory* [Theory of metaphor]. Moscow: Progress, 1990, pp. 153–172.

Gak V. G. *Metafora: universal'noye i spetsificheskoye* [Metaphor: universal and specific]. *Metafora v yazyke i tekste* [Metaphor in language and text]. Moscow: Nauka, 1988, pp. 11–26.

Konovalova N. Yu. Kontseptual'noye napolneniye leksem volya i zhelaniye v rus-skom yazyke [Conceptual filling of lexemes will and desire in Russian]. *Aktual'nyye problemy rusistiki* [Actual problems of Russian studies]. Yekaterinburg: Izd-vo Ural'sk. un-ta, 1997, pp. 128–130.

Lakoff J., Johnson M. *Metafori, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Moscow: Yeditorial URSS, 2004. 256 p.

Minsky M. Ostroumiye i logika kognitivnogo bessoznatel'nogo [Wit and its Relation to the Cognitive Unconscious]. *Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 23* [New in foreign linguistics. Issue. 23]. Moscow: Progress, 1988, pp. 281–309.

Е. И. Голанова
Институт русского языка РАН
(Россия. Москва)
egolanova@yandex.ru

МНОГОЗНАЧНОСТЬ СУФФИКСАЛЬНЫХ УНИВЕРБОВ И ЕЁ ОТРАЖЕНИЕ В ТСРР

В статье на материале слов-универбов, широко распространённых в современной русской разговорной речи (ср. *временка, генералка, дежурка, коммуналка, кредитка, манка, овсянка, социалка, экскурсионка* и др.) рассматривается проблема многозначности и её отражения, представления в толковых словарях, в частности — ТСРР (Толковом словаре русской разговорной речи). Суффиксальные универбы (представляющие одну из разновидностей явления «универбации») — результат действия модели словопроизводства, активно проявляющую себя уже в XIX в. (ср. *ночлежка, открытка, путёвка* и др.). Слова этого типа возникают на основе определительного компонента словосочетания (обычно это прилагательное + существительное) при помощи суффиксов (*-ка, -ик, -ушка, -щик* и др.), образуя синонимичное существительное, новую номинативную единицу. Из однотипности способа словообразования и словообразовательной структуры таких слов, однако, не следует вывод об однотипности их семантической структуры. В основе различия семантической наполненности («однозначности» или «многозначности») слов-универбов лежат различия в характере семантики мотивирующего прилагательного, в степени обобщенности или конкретности его значения. Трудности возникают при подаче в словаре слов-универбов, образованных от прилагательных с широким, обобщающим значением, выражающих лишь общую идею отношения к предмету. При толковании в словарной статье слов этого типа возникают вопросы соотношения разных значений, соотношения многозначности и омонимии. Снять многие неясности, неопределённости помогает понятие «диффузности значений», предложенное в работах Д. Н. Шмелёва.

Ключевые слова: универбация, универбы, словообразовательная модель, словарная статья, семантическая структура, многозначность, диффузность значений.

В современной русской разговорной речи активно используются однословные номинации, заменяющие составные наименования: *аскорбинка, ветрянка,*

временка, газировка, гуманитарка, маршрутка, бюджетник, глазник, мобильник, спальник, раскладушка, газовицик, коммунальщик и под.

Такие слова-универбы возникают как результат действия широко распространённого в русском языке способа словопроизводства, когда из словосочетания (обычно это прилагательное + существительное) на основе его определительного компонента при помощи суффиксов (-ка, -ик, -ушка, -щик и др.) создаётся синонимичное существительное, новая номинативная единица. Ср., например: «Проезд по карте «Тройка» в метро и наземке подорожает всего на один рубль» («На Западе Москвы», янв. 2018).

Этот способ образования слов относят обычно к явлению «универбации» (лат. *unus* — один, *verbum* — слово), на которое исследователи обратили внимание ещё в 60–80-е гг. прошлого века (Земская 1968, Лопатин 1973, Голанова 1982 и др.), отметив и такие типы, как аббревиация, субстантивация, сложение. Наиболее активной оказалась суффиксальная универбация, причём эта словообразовательная модель проявила себя уже в XIX в., о чём писал акад. В. В. Виноградов: «В русском литературном языке со второй половины XIX в. всё более и более укреплялась тенденция синонимического замещения литературных словосочетаний, состоящих из имени прилагательного и существительного, разговорными новообразованиями от основ соответствующих прилагательных... Поэтому в фамильярной речи выражение *квасной патриот* порождает слово *квасник*» [Виноградов 1994, 242]. Примерно в то же время в театральной среде Петербурга возникают *Мариинка* (Мариинский оперный театр) и *Александринка* (Александринский драматический театр). Появляются в начале XX в. и завоёвывают своё пространство в системе номинации такие слова, как *грузовик, конка, многоместка, открытка, путёвка*, и др.

О продуктивности этой модели в современном языке свидетельствуют многочисленные номинации, возникающие почти автоматически из составных наименований, свойственных разным сферам современной жизни: *гриппозник, вечерник, зачётка, дежурка, кредитка, манка, микроволновка, наземка, наличка, нержавейка, платёжка, сменка, социалка, сольник, спальник, техничка, экскурсионка, ювелирка* и т. п.

Из однотипности способа словообразования и словообразовательной структуры таких слов, однако, не следует вывод об однотипности их семантических структур. В основе различия семантической наполненности («однозначности» или «многозначности») слов-универбов лежат различия в характере семантики мотивирующего прилагательного, в степени обобщённости или конкретности его значения. Так, выделяются имена с высокой степенью «прозрачности мотивации»: *купальник* (купальный костюм), *спальник* (спальный мешок), *кругосветка* (кругосветное путешествие), *миллиметровка* (миллиметровая бумага — размеченная на клетки в 1 кв. мм), *микроволновка* (микроволновая печь), *подсобка* (подсобное помещение), *попутка* (попутная машина), *продлёнка* (продлённый день — группа продлённого дня) и т. п. Однозначность, конкретность семантики словообразующего прилагательного определяет однозначность новой номинации, способствует закреплению у вновь образованного существительного одного устойчивого

лексического значения, что находит адекватное отражение в толковых словарях, в том числе в «Толковом словаре русской разговорной речи» (ТСРР).

Трудности возникают при подаче в словаре слов-универбов другого типа (таких, как *визитка*, *генералка*, *дежурка*, *дорожник*, *зимник*, *коммуналка*, *социалка*, *техничка* и под.), образованных от прилагательных с широким, обобщающим значением, выражающих лишь общую идею отношения к предмету (ср. *генеральный*, *дежурный*, *дорожный*, *зимний* и т. д.). Здесь возникают вопросы соотношения разных значений слова, соотношения многозначности и омонимии, многозначности и однозначности.

Как пишет Д. Н. Шмелёв, «понятие лексической многозначности может быть противопоставлено не только понятию омонимии, но и понятию однозначности... Признание многозначности слов, основанное как на непосредственном применении языка... так и длительной лексикографической практике, не означает, однако, того, что между многозначностью и омонимией объективно существует какая-то четкая и ясно очерченная граница, которую следует только, наконец, обнаружить» [Шмелёв 1973: 87].

Современная лексикографическая практика пока не представляет единства в отношении многозначных слов. Для снятия многих трудностей Д. Н. Шмелёв вводит понятие «диффузности», отмечая, что: «принцип диффузности значений многозначного слова является решающим фактором, определяющим его семантику. То, что лексикографические описания не отражают этого (более того, напротив, стремятся освободить словарные статьи от «неопределённых» примеров) существенно искажает представление о семантической структуре описываемых слов» [Шмелёв 1973: 95].

В задачи ТСРР входит с возможной полнотой дать лексикографическое описание современной разговорной речи. Имена, созданные на основе суффиксальной универбации, занимают своё законное место в этом словаре. Сложности их толкования хорошо видны на примере универба *коммуналка*. Словарное описание этого слова в ТСРР (выпуск 2, М., 2017) дано следующим образом: 1. DEF: коммунальная квартира... 2. DEF: коммунальные услуги... 3. DEF: плата за коммунальные услуги... В примере-иллюстрации читаем: «Но для них есть социальное жильё, где цены на обслуживание более низкие, на «коммуналку» даются скидки». «Коммуналка» здесь может восприниматься или как 'коммунальные услуги', или как 'плата за коммунальные услуги'.

В то же время в Проспекте Толкового словаря русской разговорной речи (М., 2010) в пробных словарных статьях этот универб представлен иначе — в виде двух омонимов: **КОММУНАЛКА**¹. DEF: коммунальная квартира... **КОММУНАЛКА**². 1. DEF: сфера коммунально-бытового обслуживания городского населения... 2. DEF: коммунальные платежи...

Приведённые выше толкования ещё раз подчёркивают тот факт, что неоднозначность, сложность семантики слова создаёт предпосылки для появления различий в его словарных описаниях в разных лексикографических трудах.

Можно привести ещё ряд ярких примеров «диффузных» универбов. Так, слово *социалка*, в словарях толкуется как 'социальная сфера' (см., например, Толковый словарь русского языка начала XXI века. М., 2007). В Проспекте ТСРР тоже

отмечается одно это значение: «социальная сфера государства (здравоохранение, образование, культура, коммунально-бытовое обслуживание и т.п.)». Однако в современной разговорной речи этот универб используется и в более узком смысле, как замена словосочетания «социальная помощь», ср: (Разговор двух пенсионеров:) — Ты **социалкой** пользуешься? — Нет / ещё не оформила //.

Показательный пример диффузности семантики даёт и группа названий круп и каш (суф. *-ка*). В следующем тексте: **Овсянка** / находка для туриста // — Считай / перловка тоже сгодится // — можно увидеть разные значения слов этой группы.

Подобные примеры наглядно показывают важность отражения в толковых словарях диффузности значений многозначного слова.

Литература

- Виноградов В. В. История слов. Институт русского языка РАН, М. : Толк, 1994.
Голанова Е. И. Производное слово как номинативная единица // Способы номинации в современном русском языке. М. : Наука, 1982.
Голанова Е. И. Как возникают названия. М. : Просвещение, 1989.
Земская Е. А. Русская разговорная речь. Проспект. М. : 1968.
Земская Е. А. Русская разговорная речь. Лингвистический анализ и проблемы обучения. М. : Русский язык, 1987.
Лопатин В. В. Рождение слова. М. : Наука, 1973.
Лопатин В. В. Суффиксальная универбация и смежные явления в сфере образования новых слов // Новые слова и словари новых слов. Л.: Наука, 1978.
Шмелёв Д. Н. Внешние и внутренние факторы семантических изменений // Лексика современного русского литературного языка. М. : Наука, 1968.
Шмелёв Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М. : Наука, 1973.

E. I. Golanova

*V. V. Vinogradov Russian Language Institute (Russian Academy of Sciences)
(Russia. Moscow)
egolanova@yandex.ru*

POLYSEMY OF SUFFIXAL UNIVERBS AND ITS REPRESENTATIONS IN THE EDRES

The article addresses the problem of univerbs polysemy and its representations in explanatory dictionaries, in particular the EDRES (The Explanatory Dictionary of Russian Everyday Speech). Univerbs are widespread in modern Russian colloquial speech (cf. *vremyanka* 'temporary shelter', *generalka* 'general rehearsal', *dezhurka* 'duty room', *comunalka* 'communal payments', *creditka* 'credit card', *manka* 'semolina', *ovsyanka* 'oatmeal', *socialka* 'social sphere', *excursionka* 'excursion service', etc.).

Suffixal univerbs (representing one variety of univerbs) are formed according to word formation pattern that actively manifested itself in the 19th century (cf. *nochlezhka*

'flopouse', *otkrytka* 'postcard', *putevka* 'voucher', etc.). Words of this type derived on the basis of a phrase (usually an adjective + noun) by means of suffixes (-*ka*, -*ik*, -*ushka*, -*shchyk*, etc.) become are new nominative units synonymous to already existing nouns. Thus, the word *sgushchenka* 'condensed milk' is formed from the phrase *sgushchennoye moloko* 'condensed milk' on the basis of the adjective *sgushchennoye* and the suffix -*ka*.

However, the similarity of the way of word formation and of the morphological structure of such words does not imply the similarity of their semantic structures. The origin of the difference in univerbs semantic structure ("monosemy" or "polysemy") lies in the nature of the motivating adjective meaning, in particular in the degree of its generality or concreteness. Difficulties emerge when one tries to produce lexicographic definitions of univerbs derived from adjectives with a broad, generalized meaning expressing only the most general idea of the relationship to the subject. There arise questions of the relationship between different word meanings, as well as of polysemy and homonymy. D. N. Shmelev in his works put forward the concept of "diffuse semantics" which helps to remove many ambiguities and uncertainties.

Keywords: univerb, word-formation pattern, dictionary entry, semantic structure, polysemy, diffusion of meanings

References

- Vinogradov V. V. *Istoriya slov* [History of words] Moscow, Tolk Publ., 1994, 1138 p.
- Golanova E. I. [A derived word as A nominative unit] *Sposoby nominatsii v sovremennoy russkom yazyke* [Ways of nomination in modern Russian], Moscow, Nauka Publ. 1982, 238 p. (In Russ.)
- Golanova E. I. *Kak vznikayut nazvaniya* [How names appear], Moscow, Prosveshchenie Publ. 1989, 142 c.
- Zemskaya E. A. *Russkaya razgovornaya rech'. Prospekt* [Russian everyday speech. Prospectus], Moscow, Nauka Publ., 1968. 130 p.
- Zemskaya E. A. *Russkaya razgovornaya rech'. Lingvisticheskiy analiz i problemy obucheniya* [Russian everyday speech. Linguistic analysis and teaching problems]. Moscow, Russian language Publ., 1987. 240 p.
- Lopatin V. V. *Rozhdeniye slova* [The Birth of a word]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 152 p.
- Lopatin V. V. [Suffixal Univerbs and Related Phenomena in the Sphere of the Formation of New Words]. *Novye slova i slovari novykh slov* [New words and dictionaries of new words]. Leningrad, Nauka Publ., 1978. 184 p.
- Shmelev D. N. [External and internal factors of semantic changes]. *Leksika sovremennoy russkogo literaturnogo yazyka* [Lexicon of the modern Russian Standard language]. Moscow, Nauka Publ., 1968. 185 p.
- Shmelev D. N. *Problemy semanticheskogo analiza leksiki* [Problems of vocabulary semantic analysis]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 278 p.

В. В. Дементьев
Саратовский госуниверситет
(Россия, Саратов)
dementevvv@yandex.ru

ЦЕПОЧКИ РЕЧЕЖАНРОВОЙ СИСТЕМНОСТИ: ЛЕКСИКАЛИЗАЦИЯ И ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ ЗВЕНЬЕВ

Исследование выполнено в рамках лексического жанроведения, в котором изучаются имена речевых жанров и их компонентов. Жанры речи, со стороны их структуры, рассматриваются в связи с другими речевыми моделями, также имеющими структуру и относящимися к РЖ как феномены меньшей или большей абстракции. Из теории и методики когнитивной семантики заимствуется идея, что (1) структуры высшего порядка, упорядочивающие вместе с жанрами речи другие коммуникативные единицы, суть коммуникативные концепты: данные структуры и упорядочение существуют в сознании носителей языка; (2) как и для всех концептов, для коммуникативных концептов очень большое значение имеют лексемы — имена для них и для их компонентов.

Мы исходим из того, что коммуникативный концепт составляет цепочка речежанровой системности «действие/акт ~ процесс/манера ~ роль/тип ~ тональность ~ жанр».

Особое место в этой системе занимают оценочные лексемы, некоторые из которых имеют не оценочные синонимы.

Показано, что лексикализация и — отчасти — грамматикализация данных явлений знает свои закономерности, выявление которых может обогатить как теорию речевых жанров, так и лексическую семантику. Жанровая (жанрово релевантная) оценочность фиксируется в языке на лексическом уровне, при этом выделяются оценочные лексемы: 1) названия жанров (существительные) = оценка самого жанра (донос, лесть, похвальба); 2) глаголы — названия действий / речевых актов (то же самое, но оценка несколько менее акцентирована (кичиться, клеветать, подстрекать)); 3) оценочные характеристики жанра (или действия / акта в составе жанра — внутрижанровой стратегии и подоб.) — прилагательные, наречия.

Ключевые слова: речевой жанр, коммуникативный концепт, цепочка речежанровой системности, речевой акт, типаж, тональность

Из теории и методики когнитивной семантики нами была заимствована идея, что (1) структуры высшего порядка, упорядочивающие вместе с жанрами речи другие коммуникативные единицы, суть *коммуникативные концепты* (далее — $K_{om}K$): данные структуры и упорядочение существуют в сознании носителей языка; при этом (2) как и для всех концептов, для коммуникативных концептов очень большое значение имеют *лексемы* — имена для них и для их компонентов. Мы исходим из того, что данные лексемы упорядочены по стандартной схеме, которую предлагаем рассматривать как *цепочку речежанровой системности* и анализировать по ряду параметров, значимых как прагматически (иллокутивно), так и лексикологически и отчасти грамматически.

$K_{om}K$ — это концепты, имеющие четкое композиционно-тематически-стилистическое содержание, при этом зафиксированные в языке имена данных концептов являются или непосредственно именами речевых жанров, или их компонентов (стратегий, тактик и т. д.), или отражают оценочное отношение к ним в рамках данной культуры [Дементьев 2010: 248–258].

$K_{om}K$ составляет цепочка речежанровой системности «действие/акт ~ процесс/манера ~ роль/тип ~ тональность ~ жанр».

Ее лексическое наполнение характеризуется однородностью и относительной системностью: данные лексемы называют речевые единицы одного уровня, объединенные одной содержательной, в плане коммуникативно-речевой организации, речежанровой доминантой (а не единицы разных уровней, такие как, например, «жанр ~ стратегия»).

Ср.: есть РЖ *вопрос* ~ есть речевое действие *спросить / спрашивать, задать вопрос* и подоб. ~ есть вопросительная коммуникативная тональность (здесь лексему подобрать труднее, но возможны и естественны описания в рефлексии / метавысказываниях: *с вопросительной интонацией, как бы вопрошая...*).

Еще один пример: действия *иронизировать / сыронизировать* ~ тональность (ее именуют, по всей видимости, наречия) *иронично / иронически...* ~ жанр (здесь сложности возникают как раз с наполнением жанра: *ироническое высказывание...*, но жанр ли это? Возможно, правильнее говорить просто: *ирония?* (ср.: [Ермакова 2014])).

Можно добавить лексемы, именующие коммуникативную роль / типаж, организованные тоже этим жанром: для иронии это *ироник* (словари дают этот термин, хотя он не относится к распространенным и употребительным в речи), совсем трудно — для вопроса: *спрашивающий, (профессиональный) интервьюер, любопытный, почемучка...*

В случае симметричной концептуализации заполняются все звенья цепочки (такие ситуации редки, особенно в случае заимствованных концептов). Из приведенных примеров видно, что наполнение звеньев цепочки лексикой может быть неполным и неравномерным, возможны «белые пятна», тоже разные для разных цепочек, возможно, наоборот, детализированное и многословное наполнение какого-то отдельного звена цепочки.

При реконструкции $K_{om}K$ на первый план может выходить **речежанровая типизация, действие** (коммуникативные и речевые акты), **процессуальность**

(коммуникативные и речевые события и сложные события), **манера поведения, роль** в рамках данного типа коммуникации (например соревновательной или игровой) или сам социальный тип (точнее, его коммуникативное преломление — **лингвокультурный типаж**).

Соответственно в области имен данных $K_{om}K$ на первый план может выходить (как производящая основа при последующей словообразовательной деривации) **имя типажа** (естественно, это существительное), **речевого действия**: однократного (речевой акт) и длительного (и тогда это глаголы, соответственно, сов. и несов. вида), **имя процесса** (существительное), **тональности** (наречие) или же непосредственно **имя жанра** (в этой функции тоже более вероятны существительные, чем глаголы, которые чаще именуют речевые акты).

При характеристике имен данных $K_{om}K$, их вариантов и дериватов с точки зрения их речежанровой идентификации или отнесения к другим, смежным коммуникативным феноменам (таким как речевой акт или лингвокультурный типаж) многое может дать **темпоральная идентификация**, предложенная В. Е. Гольдиным для разграничения таких речевых феноменов, как *событие* и *по поступок*, и состоящая, в общем, в возможности или невозможности формулировки: «*Это случилось во время...*» [Гольдин 1997].

Выделяя «ситуации-события», В. Е. Гольдин считает их главным отличительным признаком темпоральное измерение: ср. простые события (*остановка, падение, поворот*) и сложные события (*сенокос, обед, переправа*) [Там же: 25–26]. Такие речевые единицы В. Е. Гольдин предлагает отграничивать от *по поступков*, лишенных темпоральности: «<...> слова типа *победа, поражение, успех, достижение, рекорд, провал, промах, измена, шалость, проказа, подвиг*, с помощью которых говорят о событиях, сами именами событий не являются. Показательна неправильность выражений **во время победы, *во время подвига, *в момент измены*, не говоря уже о **в конце победы, *в середине промаха* и т. д. Здесь не обнаруживается ни событийности, ни процессуальности» [Там же: 26]. Главное в содержании этих имен – характеристика, оценка, причем оцениваются и именуются не сами конкретные действия, а воплощенные в них поступки.

Собственно речевой / коммуникативный жанр тогда есть не что иное, как «внутренняя форма» данных речевых единиц; соответственно типы РЖ выделяются в зависимости от того, соотносятся ли они с речевыми ситуациями-событиями или коммуникативными поступками: «Имена речевых ситуаций-событий, коммуникативных поступков, а также имена типовых разновидностей речевых произведений-текстов выступают в роли имен соответствующих жанров» [Там же: 31–32].

Соглашаясь в целом с В. Е. Гольдиным, мы не находим вполне убедительным утверждение, что в группе существительных типа *победа, поражение, успех, рекорд, промах, измена, шалость, подвиг* оценочный компонент, более значимый для данных лексем, чем собственно называемые ими явления – речевые события и речевые жанры, – однозначно исключает протяженность во времени.

Данные существительные, поскольку они называют (в том числе) события, в основе которых всегда лежат некие «акты» / действия, являются преимущественно отглагольными существительными, а следовательно, представление ситуаций как протяженных во времени либо однократно-оценочных существует точно в таком же виде в соответствующих глаголах. Как известно, в русской грамматике именно данное противопоставление составляет основное содержание категории глагольного вида: названиями таких оценочных явлений (поступков) должны быть существительные, образованные от соответствующих глаголов совершенного вида, отсюда и невозможность представления их как продолжающихся во времени.

Однако многие глаголы, связанные с существительными, называющими поступки, образуют видовые пары, что говорит скорее о том, что с точки зрения языка допустимо представлять данные поступки как длящиеся во времени.

Конечно, такая возможность еще не следует автоматически из самого факта наличия видовой пары: семантика наст. врем. несов. вида, как известно, имеет сложный характер и покрывает целый комплекс ситуаций, среди которых далеко не все могут быть охарактеризованы как длящиеся во времени. Так, фраза *Она ему **изменяет*** означает повторяемость или регулярность, а не протяженность во времени; в предложении *Под Нарвой армия Карла XII **побеждает** армию Петра I* мы имеем дело с так наз. «настоящим историческим», которое тоже не имеет ничего общего с непосредственной продолжительностью во времени; однако фраза *наши **проигрывают***, произнесенная, например, комментатором в определенный момент матча, явно включает указание и на определенное время, и на определенную длительность.

Подобным образом обстоят дела в английской грамматике с группой времен continuous: в английском языке всегда существует, по крайней мере, теоретическая возможность ставить в форму present continuous, past continuous или present perfect continuous даже слова типа: *defeat, win, betray*. Не являются аномальными выражения: *He is defeating them, He was defeating them, He has been defeating them* (подробнее см.: [Дементьев 2010: 138–142]).

Представляют большой интерес случаи, когда лексемы — имена для единиц, составляющих $K_{om}K$, а) относятся к разным частям речи и лексико-семантическим (лексико-грамматическим) классам; б) представляют собой оценочные, экспрессивные, образные, нелитературные слова, в) метафоры, г) неологизмы, в том числе: д) созданные по существующим / традиционным словообразовательным моделям; е) заимствования.

В этом ряду безусловно занимают особое место и требуют особого подхода оценочные слова (особенно показательны оценочные лексемы, имеющие не-оценочные синонимы — ср. [Апресян 1995]): представляя собой особенно яркие, а значит, важные звенья цепочек речежанровой системности, они составляют небольшую дополнительную сложность для анализа, поскольку нередко называют вообще не речежанровые феномены (и не коммуникативные): как уже было сказано, оценочность в них препятствует выражению темпоральности, значимой для коммуникативных единиц.

Возвращаясь к цепочкам речевых жанров в связи с оценкой, подчеркнем: даже если задача состоит в том, чтобы выявлять роль оценки только в жанре речи, эту задачу, очевидно, невозможно решить до конца, не учитывая роль оценки в **смежных околожанровых феноменах речевой системности**, таких как *оценочное действие, оценочное высказывание, речевая стратегия, речевая тактика, речевой акт, вариант речевого жанра, коммуникативная тональность, стиль, коммуникативный / лингвокультурный типаж*. По отношению к некоторым из них собственно РЖ лишь одна из возможных разновидностей (или стадий), и не во всех случаях базовая.

Так, при рассмотрении оценочных цепочек (или оценочных звеньев неоценочных цепочек) наиболее принципиальным аспектом (и звеном цепочки) является **тональность**, которая практически всегда оценочна (причем эта оценочность может быть двух разных типов: с одной стороны — экспрессивность коммуникативного поведения (*возмущенно*), с другой — оценка, даваемая коммуникантам или одному из них (и жанру в целом) наблюдателем (*неискренне, фальшиво, злорадно, гнусно...*)).

Отношения с речевыми жанрами тональности в целом (с точки зрения, близкой к рассматриваемой нами оценке и оценочности) выявлены Т. О. Багдасарян [2000] и В. И. Карасиком [2007], которые опираются на бахтинское понятие *переакцентуации*: «речевые жанры вообще довольно легко поддаются переакцентуации, печальное можно сделать шутливо-веселым, но в результате получается нечто новое (например, жанр шутливой эпитафии)» [Бахтин 1996: 192].

В. И. Карасик определяет коммуникативную тональность как «эмоционально-стилевой формат общения, возникающий в процессе взаимовлияния коммуникантов и определяющий их меняющиеся установки и выбор всех средств общения» [2007: 384]. В качестве возможных оснований типологии коммуникативной тональности исследователь предлагает, например, одноплановость / многоплановость смыслов, серьезность / несерьезность общения, кооперативность / конфликтность общения, приоритет содержания / формы общения [Там же: 386]. В результате выделяется несколько типов коммуникативной тональности: информативная, фатическая, статусная, шутливая, торжественная, гипотетическая, агрессивная, манипулятивная, фасцинативная (серьезное эстетическое общение), идеологическая (серьезное общение с жестко заданными установками, целью которого является определение принадлежности партнера к своим либо чужим), эзотерическая (экзальтированное общение, направленное на поиск тайных знаков, целью которого является получение сакрального знания) (сам В. И. Карасик считает свой список открытым) [Там же: 386–411].

Кстати, то, как Бахтин понимал роль экспрессии в формировании жанров и вариантов жанров, позволяет предположить, что экспрессию (и оценку) можно понимать и как жанропорождающий феномен, и как «жанродополняющий», порождающий лишь переакцентуацию или тональность, но не новый жанр: упоминание

Бахтиным «жанра шутливой эпитафии» [Бахтин 1996: 192] позволяет говорить как о несобственном употреблении существующего жанра, так и о создании нового жанра.

Согласно Т.О. Багдасарян [2000], исходя из отношений генеральной семантики того или иного РЖ с семантикой той или иной тональности, тональность может быть **модельной** (соответствует РЖ) или **вариативной** (существенно отличается от РЖ или противоречит ему). Точно так же аналог модельной тональности — оценка в специальных оценочных жанрах, вариативной — в остальных. Это, конечно, лишь частичная аналогия, поскольку, во-первых, оценки используются достаточно облигаторно и далеко за пределами группы собственно оценочных РЖ, во-вторых, оценки чрезвычайно разнообразны (например, на основании своей прагматики: оценивается адресат речи, сам говорящий или «третьи» лица и участники коммуникации). Многим жанрам соответствует модельная тональность: «жанр светской беседы ~ светская тональность», «жанр просьбы ~ просительная тональность» и т. д. Конечно, пара «тип жанра ~ тип тональности» существует не всегда: например, существует циничная тональность, но соответствующий ей тип РЖ отсутствует (^{??}циничная беседа).

Можно сделать предварительный вывод (он нуждается в тщательной проверке — специальном лингвистическом исследовании), что данная жанровая (жанрово- релевантная) оценочность фиксируется в языке на лексическом уровне, при этом выделяются **оценочные лексемы**:

1) названия жанров (существительные) = оценка самого жанра (прежде всего «извне») (*донос, лесть, похвальба*);

2) глаголы — названия действий / РА (то же самое, но оценка несколько менее акцентирована (*кичиться, клеветать, подстрекать*));

3) оценочные характеристики жанра (или действия / акта в составе жанра — внутрижанровой стратегии и подоб.) — прилагательные, наречия: оценивается манера исполнения жанра, при этом:

а) общая оценка РЖ сохраняется и усиливается (жанр исполняется правильно): *задушевный, искренний, мудрый разговор по душам, высокохудожественный роман...*;

б) противоречит или противоположна общей оценке РЖ (жанр исполняется неправильно): *фальшивый разговор по душам, графоманский роман...*

Было бы преувеличением утверждать, что за любым неологизмом, обозначающим новое явление, стоит определенный РЖ, через который данное слово и вошло в язык. Но за новым коммуникативным явлением — видимо, всегда: или собственно жанр, или какое-то промежуточное явление с потенциями стереотипизации и конвенционализации из околожанрового пространства речи. Распределение жанров на сферы не всегда совпадает с распределением на сферы самой действительности; даже распределение жанров на первичные и вторичные не всегда совпадает с распределением на сферы такие, как — повседневная бытовая непосредственная и идеологически-социально-культурно опосредованные (Табл. 1).

Сфера	Слово	Из каких жанров вошло в язык:	
		первичных	вторичных
политическая коммуникация	Либераст	√	
	Ватник	√	
	Харизма		√
СМИ	Колумнист		√
	Мессидж		√
Интернет	Блогер		√
	Троллить	√	
	Лайкать	√	
	Расфрендить	√	
производственная и официально-деловая сфера	Успешный, неуспешный	√	
	Креативный		√
	Амбициозный		√
	Перфекционист		√
бизнес	Олигарх		√
	Эффективный менеджер		√
	Крышевать	√	
культура	Флешмоб		√
бытовая сфера	Респект и уважуха	√	

Иногда эти слова — сами названия жанров (*блог, флешмоб*), иногда производящей основой является другое звено цепочки «типаж ~ тональность...», которая для заимствований-неологизмов рассматривалась (в основном для интернет-коммуникации, но не только) в [Дементьев 2016]:

Наличие и конкретные значения неологизмов, именующих компоненты $K_{\text{ом}}$ K , проверялись путем анкетирования: 100 современным молодым людям ок. 20 лет предлагались вопросы: 1) *Понимаете ли Вы значение следующих слов? Оцените их нормальность и естественность по пятибалльной шкале (имиджборд, имиджбордицик, стрит-рейсинг, спид-дейтинг, смолтокер, камингаутер, фейсбучиться, фейсбукицик, инстаграмить, инстаграмицик, твиттерицик, игнорицик, флудицик, комплиментинг, флиртинг, статуситься и т.п.);* 2) *Прочитайте слова, расположенные по схеме «имя жанра речи — глагол (имя акта речи или процесса) — название роли / типажа и т.п.». Какие «звенья» этих цепочек являются лишними? Какие являются главными или основными? (цепочки: троллинг ~ троллить ~ тролль; промоушен ~ промоутинг ~ промоутер; корпоратив ~ корпоративить ~ корпоративиться ~ корпоративицик; чат ~ чатиться ~ чатнуться ~ чаттинг ~ чаттер ~ чатланин; форум ~ форумить ~ форуминг ~ форумчанин ~ аскер; блог ~ бложик ~ бложить ~ блоггинг ~ блогер; фейсбук ~ фейсбучик ~ фейсбучить ~ фейсбучиться ~ фейсбучинг ~ фейсбукицик; инстаграм ~ инстаграмить ~ инстаграмиться ~ инстаграминг ~ инстаграмицик; игнор ~ игнорить ~ игноринг ~ игнорицик; флуд ~ флудить ~ флудинг ~ флудицик*

~ *флудильщик*; *твиттер* ~ *твитнуть* ~ *твититься* ~ *твитинг* ~ *твиттерщик*; *имиджборд* ~ *имиджбординг* ~ *имиджбордщик*; *статус* ~ *статуситься* ~ *статусинг* и т. п.); 3) *Можно ли сказать: «Это случилось во время...»?* (варианты: ...*корпоратива, стрит-рейсинга, промоутинга, троллинга, камингаута, чата, чаттинга, форума, форуминга, блога, блоггинга, фейсбука, фейсбучинга, инстаграма, инстаграминга, игнора, игноринга, флуда, флудинга, твиттера, твиттинга, имиджборда, имиджбординга, статусинга*).

Анкетирование выявило некоторые детали конкретного **языкового оформления** цепочки «жанр ~ тональность»: на первый план выходили однословные названия — существительные и глаголы; прилагательные и особенно наречия встречались в ответах очень редко (очевидна их маркированность): «действие/РА (глагол) ~ имя жанра (существительное) ~ тональность: 1) характеристика жанра (существительного ⇒ прилагательное), 2) характеристика действия/РА (глагола ⇒ наречие)» (Табл. 2):

В ряде сфер, особенно новых технических, очень показательно появление лексических неологизмов, или собственно неологизмов, — лексем для их наименования (*ток-шоу, реалити-шоу, блогер, пиар, пиарщик, креативщик, криэйтор, рекламищик, лайкать, флешмоб*) — в большинстве заимствованные, но не только: одни из них вошли в литературный язык, другие нет, одни являются общезыковыми, другие принадлежат специальным жаргонам и/или терминосистемам. В целом в лингвистике стало общепринятым положением (новейший период практически не добавил чего-то принципиально нового к этому положению), что язык реагирует на изменения жизни, прежде всего, своей лексической стороной (слова, особенно оценочные, для наименования новых явлений) ([Крысин 2003]), но не только: появляются новые словообразовательные модели (для образования лексем, тоже прежде всего оценочных, — ср. суффикс *-лово* для образования отглагольных существительных в русских жаргонах: *мочилово, гасилово, кидалово*); могут появиться новые этикетные формы, отражающие новые отношения, приоритеты и представления о норме и образце, связанные с вежливостью, уважением, статусом, достоинством и т. д., которые тоже могут закрепляться в языке, и т. д.

*

К результатам исследования, имеющим значение и для ТРЖ, и для лексической семантики, может быть отнесено выявление лексико-семантических (отчасти и лексико-грамматических) групп слов, называющих различные звенья цепочек речежанровой системности.

Особенно сложную и внутренне противоречивую картину здесь составляют оценочные слова — неологизмы и заимствования, «закрепление» которых за звеньями цепочек осуществляется по особым и иногда тоже противоречивым принципам.

Таблица 2

имя жанра — существит.	глагол – имя акта речи	глагол — имя процесса	существит. на -инг	название роли или типажа (существит.)	возмо- жность «это случилось во время X»	
party / парти	—	—	—	?	+	
комплимент	—	—	комплимен- тинг	?комплимен- тщик	—	
флирт	—	—	флиртинг	?	+	
small talk / смолток	—	—	?	смолтокер	+	
(speed dating / спид- дейтинг)	?	?	speed dating / спид-дейтинг	?	+	
промоуш(е)н	?	?	промоутинг	промоутер	?	
интервью	—	—	интервьюинг	?	+	
презентация	?	?	—	?презентаци- онщик	+	
корпоратив	—	корпора- тивить(ся)	?	копрора- тивщик	+	
камингаут	??камингаутить	?	?	камингаутер	—	
интернет-жанры	(троллинг)	(по-, за)троллить	троллить	троллинг	троль	—
	блог, блогик	?	?блужить	блог(г)инг	блог(г)ер	—
	форум	?	?форумить	??форуминг	форумчанин, аскер	—
	чат	(по)чатиться, чатнуться	чатиться	?чат(т)тинг	?чаттер, ?чат- ланин	?
	статус	?(от)статусить- ся	—	??статусинг	—	—
	трит, твиттер	твитнуть	твититься	твитинг	?твиттерщик	?
	LJ / ЖЖ, же- жешка	—	—	—	?	—
	Facebook / фейсбук	?	фейсбу- чить(ся)	??фейсбучинг	?фейсбукщик	?
	Instagram / ин- стаграм	(за)инстагра- мить	инстагра- мить(ся)	?инстагра- минг	инстаграмщик, инстаграмщица	?
	имиджборд	—	—	имидж- бординг	??имиджбор- дщик	?
	бан	(за)банить	?	??банинг	?	—
	игнор	игнорить	игнорить	игноринг	игнорщик	—
	кат	?	?	?	??катчик	—
	флуд	флудить	?	флудинг	??флудщик, ??флудильщик	?
	—	—	—	??модерато- ринг	модератор	—
	?	?	?	—	геймер	?
коммент	комментить	комментить	?	?	?	
пост	запостить	постить	?	?	?	
репост	репостнуть	репостить	?	?	?	
лайк	лайкнуть	лайкать	?	лайкальщик	?	
спам	спамить	спамить	?	спамщик	?	

То, что на первый план при данном аспекте рассмотрения цепочек речежанровой системности выступает лексика, лексический аспект, само по себе, конечно, недостаточно для адекватного осмысления речежанровой системности, но необходимо; при этом требуется добросовестное рассмотрение и учет результатов данного лексико-семантического исследования при дальнейшей реконструкции прагматических единиц; полноценное использование семантических, семасиологических, ономасиологических методов.

Литература

Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. №1. С. 37–67.

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М. : Наука, 1988. 341 с.

Багдасарян Т.О. Тональный компонент модальности в коммуникации (на материале английского и русского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2000. 20 с.

Бахтин М.М. Проблема речевых жанров. Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров». Проблема текста // Бахтин М.М. Собр. соч. : В 5 т. М. : Языки русской культуры, 1996. Т. 5. Работы 1940-х начала 1960-х годов. С. 159–206.

Гольдин В.Е. Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи // Жанры речи. Саратов : Колледж, 1997. Вып. 1. С. 23–34.

Дементьев В.В. Теория речевых жанров. М. : Знак: Языки славянских культур, 2010. 600 с. (Коммуникативные стратегии культуры).

Дементьев В.В. Некоторые методологические принципы изучения речежанровых заимствований // Вестник Российского университета дружбы народов: Научный журнал. Серия Лингвистика. 2016. №1. С. 7–24.

Ермакова О.П. Является ли ирония речевым жанром? (еще раз о некоторых особенностях иронии) // Жанры речи. 2014. №1–2(9–10). С. 74–80.

Карасик В.И. Коммуникативная тональность // Жанры речи. Саратов: Издательский центр «Наука», 2007. Вып.5. Жанр и культура. С. 81–94.

Крысин Л.П. Проблемы лексикографического представления новых иноязычных заимствований // Проблемы речевой коммуникации. Саратов: Изд-во СГУ, 2003. Вып.3. С. 249–259.

V. V. Dementyev
Saratov State University
(Russia, Saratov)
dementevvv@yandex.ru

CHAINS OF SPEECH GENRE SYSTEMATIZATION: LEXICALIZATION AND GRAMMATICALIZATION OF THE LINKS

The research is carried out within the framework of lexical genre studies, in which the names of speech genres and their components are studied. Genres of speech, with respect to their structure, are considered in the context of other speech models, also having a structure and relating to the speech genres as phenomena of a smaller or greater abstraction. From the theory and methodology of cognitive semantics, the idea is borrowed that (1) higher-order structures arranging speech genres along with other communicative units are communicative concepts: these structures and ordering exist in the minds of native speakers; while (2), for communicative concepts, as well as for all concepts, lexemes. Which are names for them and for their components, are very important.

We proceed from the fact that a communicative concept is constituted by the chain of speech genre systematization "action / act ~ process / manner ~ role / type ~ tonality ~ genre".

A special place in this system is occupied by evaluative lexemes, primarily those that have non-evaluative synonyms.

It is shown that lexicalization and — in part — grammaticalization of these phenomena, know their patterns, the identification of which can enrich both the speech genre theory and the lexical semantics. Genre (genre-relevant) evaluation is fixed in the language on the lexical level with the following evaluative lexemes: 1) genre names (nouns) = evaluation of the genre itself (denunciation, flattery, boasting); 2) verbs — names of actions / speech acts (the same, but the evaluation is somewhat less accented (boast, slander, incite)); 3) evaluative characteristics of the genre (or action / act in the genre — intra-genre strategy, etc.) — adjectives, adverbs.

Keywords: speech genre, communicative concept, chain of speech genre systematization, speech act, character type, tonality.

References

Apresyan Yu. D. *Obraz cheloveka po dannym yazyka: popytka sistemnogo opisaniya* [The image of the person according to language data: an attempt to describe the system]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the study of language]. 1995, no. 1, pp. 37–67.

Arutyunova N. D. *Tipy iazykovykh znachenii: Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of linguistic meanings: Assessment.event. Facts]. Moscow, 1988. 341 p.

Bagdasaryan T. O. *Tonal'nyj komponent modal'nosti v kommunikatsii (na materiale anglijskogo i russkogo yazykov)* [Tonal component in the communication modality (in the English and Russian language). Cand. philol. sci. thesis diss.]. Krasnodar, 2000. 20 p.

Bakhtin M. M. Problema rechevykh zhanrov [The problem of speech genres]. *Bakhtin M. M. Sobranie sochinenij: v 7 t.* [Collected works: in 7 vol.]. Vol. 5. Moscow, 1996, pp. 159–206.

Goldin V. E. Imena rechevykh sobytij, postupkov i zhanry russkoy rechi [Names of speech events, of speech actions, and of genres of Russian speech]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. E. Goldin]. Iss. 1. Saratov, 1997, pp. 23–34.

Demytyev V. V. *Teorija rechevykh zhanrov* [The theory of speech genres]. Moscow, 2010. 600 p.

Demytyev V. V. Nekotoryye metodologicheskiye printsipy izucheniya rechezhanrovnykh zaimstvovaniy [Some methodological principles of studying speech genres borrowing]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov: Nauchnyy zhurnal. Seriya Lingvistika* [Russian journal of Linguistics. Vestnik RUDN], 2016, no. 1, pp. 7–24.

Demytyev V. V. Intertekstualnyi aspekt rechevykh zhanrov [Intertextual aspect of speech genres]. *Zhanry rechi* [Speech genres]. 2015, no. 2 (12), pp. 9–28.

Ermakova O. P. Yavlyayetsya li ironiya rechevym zhanrom? (yeshche raz o nekotorykh osobennostyakh ironii) [Is irony a speech genre? (Once again about some features of irony)]. *Zhanry rechi* [Speech genres]. 2014, no. 1–2 (9–10), pp. 74–80.

Karasik V. I. Kommunikativnaya tonal'nost' [Communicative Tonality]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Denentyev]. Iss. 5. Saratov, 2007, pp. 81–94.

Krysin L. P. Problemy leksikograficheskogo predstavleniya novykh inoyazychnykh zaimstvovaniy [Problems of lexicographic representation of new foreign language borrowings]. *Problemy rechevoy kommunikatsii* [Problems of speech communication]. Saratov: Izd-vo SGU, 2003. Vol.3, pp.249–259.

О. П. Ермакова
Калужский государственный университет
(Россия, Калуга)
olga_ermakova.kaluga@mail.ru

ПАРАДИГМАТИЧЕСКИ ОГРАНИЧЕННЫЕ МЕТОНИМИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ

В лингвистической литературе парадигматически ограниченные значения отмечались прежде всего в употреблении видов глагола. Так В. В. Виноградов писал о несовместимости некоторых переносных значений глагола *казнить* с формой совершенного вида. [Виноградов 1938: 144]. В толковых словарях такое ограничение лексических значений глаголов фиксируется, как правило. У существительных словари чаще других отмечают ограничения в формах числа. В статье рассматриваются парадигматически ограниченные метонимические значения, наблюдающиеся у разных лексических групп существительных, называющих состояния, стихийные явления и др. (*тепло, холод, ветер, туман, снегопад* и т. п.) в предложном падеже с предлогами *в* и *на*, в винительном с предлогами *на* и *в*, в родительном падеже с предлогом *с*: 'там, где'; 'туда, где'; 'оттуда, где'; 'тогда, когда' — *стоять на сквозняке; поставить на холод; прийти с мороза; купаться в шторм* и т. п.

Наблюдения показывают, что отмеченные парадигматически ограниченные метонимические значения могут реализоваться и при метафорическом употреблении существительных. Это прежде всего свойственно художественной, особенно поэтической речи. Например: Уходит взвод *в туман, в туман, в туман*, а прошлое ясней, ясней, ясней (Б. Окуджава). Здесь *туман* 'неясное', 'неизвестное'.

Ключевые слова: парадигматика, метонимия, «прямая» метонимия, «обратная» метонимия, регулярная реализация, ограничения.

Известно, что некоторые значения слов могут быть парадигматически ограничены. В. В. Виноградов в свое время среди типов значений слов отмечал конструктивно обусловленные значения. В качестве примера он приводил так называемый творительный превращения: *обернуться соколом, волком и т. п.*

Ограничения здесь касаются и глагола: несовершенный вид — *оборачиваться*, очевидно, не принимает значения превращаться в кого — во что. О видовых ограничениях в семантике глагола также писал В. В. Виноградов. Им отмечено,

в частности, распределение по видам значений глагола *казнить*: «Легко заметить, что значения сов. и несов. вида в формах глагола *казнить* сочетаются лишь с прямым, основным значением этого глагола: *подвергать или подвергнуть смертной казни* (курсив В. В. В). Другие же переносно-книжные значения слова *казнить*: 1) причинять кому-нибудь нравственное страдание, мучить, наказывать (*казнить презрением*) и 2) обличать, бичевать, клеймить (*у столба сатиры разврат — и злобу я казнил*. А. Пушкин) — функционируют лишь в формах несов. вида. Таким образом, дифференциация лексических форм слова *казнить* тесно связана с дифференциацией грамматической» [Виноградов 1938: 144].

Распределение лексических значений глаголов по видам рассматриваются также Ю. Д. Апресяном и М. Я. Гловинской. Так Ю. Д. Апресян пишет: *Смотреть* в «зрелищном» значении не связано никакими семантическими ограничениями. Между тем *видеть* в «зрелищном» значении реализуется лишь в прошедшем обшефактическом [Апресян 1995: 62].

Наблюдения показывают, что среди глагольных форм «ущербными» нередко оказываются формы деепричастий: многие переносные и другие нецентральные лексические значения глагола не выражаются деепричастиями. Например: *идти* (об одежде), *цвети* (о человеке) и т. д.

Ср.: *Платье, *очень идя ей*, несколько молодило женщину; *цветя в юности, она поблекла уже к 30 годам.

Неупотребительность некоторых значений в форме деепричастия, однако не значит, что переносные значения всегда «не терпят» деепричастий (или деепричастия переносных). Ср.: *Кипя враждой нетерпеливой, ответа дома ждет поэт* (А. Пушкин), но, возможно, некоторые значения не предназначены для сопроводительных действий.

В словарях наиболее последовательно парадигматические ограничения отмечаются у глаголов, прежде всего тогда, когда неупотребительность в некоторых формах имеет логическое объяснение. Ср.: *толпиться* — в 1 и 2 л., ед. ч. не употребляются; аналогично *вечереть* — он не всегда безличный, ср. *день багряный вечерел* (А. Пушкин). Ограничения форм лица и числа у безличных глаголов и личных в безличном употреблении также мотивируются их семантикой.

У существительных чаще других отмечаются ограничения в формах числа: *холод* (а) — 'холодная погода' только во множественном числе и т. п.

Таким образом, значения слов могут быть парадигматически ограничены: проявляться или, напротив, не проявляется лишь в некоторых формах слова.

Можно ли определить типы значений, регулярно проявляющихся как парадигматически ограниченные?

Наблюдения показывают, что среди разных видов метонимических значений есть такие, которые реализуются лишь в определенных падежно-предложных формах.

Я имею в виду употребление группы слов *жара, тепло, холод, мороз, ветер, сквозняк, солнце, свет, тень, тьма, туман и др.* в предложном падеже с предлогом *на*, в винительном падеже с предлогами *на* и *в*, в родительном падеже с предлогом

с со значениями: 'там, где' и 'туда, где': *стоять на солнце, на свету, на жаре, на ветру, на сквозняке; вынести на холод, поставить в тепло*; а также в родительном падеже с предлогом *с* со значением 'оттуда, где' *прийти с холода, с мороза и уйти с солнца, прийти со света* (в темноту).

Слово *солнце* реализуется в названных словоформах как источник света, тепла, жары; замечу, что название других светил — луна, месяц, звезды не употребляются со значениями 'там, где' и др. Можно *сидеть (стоять) на солнце*, но не *на луне, месяце, звездах*. Аналогично — *уйти с солнца*, но не *с луны, с месяца*, *выйти на солнце* (из тени, темноты), но не *на луну, месяц, звезды*, хотя свет исходит и от них.

Приведу некоторые текстовые примеры.

1. Значение 'там, где'.

Блестя *на солнце* снег лежит (А. Пушкин. Зимнее утро); И птица поет. В колени коровой *мгле* скрывается гром соловьиного лада (Э. Багрицкий. Стихи о соловье и поэте); Улыбнулся спокойно и жутко и сказал мне: "Не стой *на ветру*" (А. Ахматова. Сжала руки под тёмной вуалью); Он весь день сидит *в духоте*, пусть хоть немного побудет *на воздухе* (Устн. речь); Но ... *на морозе* голого долго не греет дым (И. Уткин. Повесть о рыжем Мотеле); Если б лечили правильно... если бы пил меньше... и зачем *на сквозняке* посидел... (А. Кабаков. Великие стройки апокалипсиса); Она лежала *на сквозняке* на полу в прихожей (М. Труб. Замочная скважина); Категорически не рекомендуется курить *на морозе* (А. Варшавская. Дым для дам); Да пойдем же, чего *на холоде* стоять (О. Павлов. Карагандинские девятины); После пребывания *на солнце* или *на холоде* наша кожа теряет влагу, а значит, нуждается в тщательном уходе (И в зной, и в холод // «100% здоровья», 2002. П. П.); Прыгали с парашютами, изнемогали *на жаре*... (В. Быков. Болото); Они целый день стоят *на жаре*, чтобы попасть к врачу (Д. Виноградов. Врачи прилетели); Они предчувствовали уже, что там, наверху и *на свету* не видеть им счастья [они в подвале О. Е.] (А. Азольский. Лопушок).

2. 'Туда, где'.

Она звала меня куда-то *в бесцельный зимний холод* и *в северный туман*. (А. Блок. Она пришла с заката); Они так ласково меня из дома выгнали *на вьюгу* (А. Белый. Совесть); Поезд так быстро выходит *на свет* (С. Маршак. Туннель); И снова он едет один без дороги *во тьму* (Б. Окуджава. Ночной разговор); Он канул *в туман* и вернулся минут через десять (Д. Рубина. Белая голубка Кордовы); Выбегают, идут с галерей к воротам, под хоругви, от ворот — *на мороз*, на простор, подоженный зимой (Б. Пастернак. Детство).

3. 'Оттуда, где'.

Она пришла *с мороза* (А. Блок. Она пришла с мороза); Побегу кофейку сварю. Или лучше чаю покрепче, *с метели-то* (Т. Устинова. Где-то на краю света); *С холода* в тепле зубы ломит (Устн. речь), Каково ей — с африканской-то *с жары* в нашем климате (Устн. речь).

В словарях эти значения отмечаются непоследовательно. Так, значение 'там, где' — отмечено у слов *холод, тепло, жар*, но не отмечено у слов — *сквозняк, мороз, дождь* — хотя примеры с таким значением даются: Ср.: *Холод* — 4. Холодное,

не нагретое место, помещение. Вынести *на холод*; *Тепло* — Теплое, нагретое место, помещение. Кошка любит спать *в тепле*; *Жар* — 2. Место, где очень жарко. Сидеть *на самом жару*; *Мороз* — то же, что и холод в первом значении (т. е. «лишенное тепла, холодное состояние чего-либо») — толкование не соответствует примеру — *продрогнуть на морозе*; При слове *дождь* не дается ни толкования — 'там, где', ни примеров типа *Два часа стояла на дожде*. Однако значение слова *ветер* сопровождается примером *стоять на ветру* и толкованием (в скобках) — “там, где дует ветер”; *сквозняк* сопровождается примером — не сиди *на сквозняке*, но толкование только — (сквозной ветер) [Толковый словарь русского языка 2008].

Этот же круг слов в винительном падеже с предлогом *в* нередко выражает временное значение 'тогда, когда'; (тогда, когда жара, холод, тьма и т. д.). Ср.: В такой *холод* (*мороз, туман, зной, ветер, гололед*), в такую *жару* (*слякоть, тьму*) лучше сидеть дома; *в туман* ехать опасно.

Некоторые текстовые примеры.

Он брал посох кизилковый, шёл *в туман* к Итилю-городу (Г. Садулаев. Таблетка); Однако, невинность Писсаридзе тревожит Инку и толкает её *во вьюгу и мороз* плестись к тюрьме, прижимая к груди передачу (У. Нова. Инка); Технология такая, что от времени года никак не зависит. Можно делать и *в жару*, и *в холод*, и *в снег*, и *в дождь* (Т. Устинова. От первого до последнего слова); Иль подсолнечники в селах гаснут, — солнца, *в пыль* и *в ливень* (Б. Пастернак. Размолвка); Везет его *в слякоть* на телеге, на паре мужик (Ф. Достоевский); Узнаю в несчастной сей, *в мороз* и *вьюгу*, казачку юную мою, мою прекрасную подругу (Рылеев. Войнаровский); Ходит *в зимушку студеную*, ходит *в летние жары* (Н. Некрасов. Влас); Я дорожил и *в тишь*, и *в бури* то негой тающей лазури, то пеной у прибрежных скал (А. Фет. Л. Н. Толстому); Она гоняет, как собак, *в ненастье, дождь* и *тьму* пять тысяч Где, семь тысяч Как, сто тысяч Почему (Р. Киплинг. Есть у меня шестерка слуг. Пер. С. Маршака);

Употребляются слова этого типа (весь перечень с участием текстовых примеров здесь не приводится) с временным значением и в предложном падеже с предлогом *в* и *на*: *На морозе* петь трудно; *Я в темноте* почти ничего не вижу, езжу пока светло; Но злая пуля осетина его *во мраке* догнала (М. Лермонтов. Демон).

Кроме того, названия небесных светил *луна, месяц, солнце, звезды* с временным значением 'тогда, когда' употребляются в предложном падеже с предлогом *при*: Кто *при звездах* и *при луне* так поздно едет на коне? (А. Пушкин. Полтава); *При луне* на версте мороз огонечками (А. Фет. Снега. Ветер злой...). *При месяце* будут играть и летать (В. Жуковский. Лесной царь).

В толковых словарях этот тип значения, в отличие от 'туда, где'; 'там, где' не фиксируется при словах *туман, тьма, жара, холод* и др. подобных даже как особое употребление.

Метонимическое выражение времени в предложно-падежной форме требует отдельных замечаний.

Здесь наблюдается гораздо большее разнообразие лексики, чем в рассмотренных ранее обозначениях места.

Можно отметить несколько групп слов, которые в сочетании с названными предложениями имеют метонимическое значение 'тогда, когда'.

- 1) Это название стихийных явлений: *буря, гроза, вьюга, метель, ненастье, наводнение, половодье, разлив, ураган, шторм, снегопад, камнепад* и др.
- 2) Общественные явления, события в мире людей: *война, бомбежка, революция, разруха, правление, царствование* и др.
- 3) Душевное эмоциональное состояние: *горе, радость, тревога* и др.

Их объединяет то, что это, как правило *не* мгновенное, однократное явление, а действие (состояние, событие) на фоне которого может происходить или предполагаться другое.

Некоторые примеры.

В шторм купаться опасно (Устн. речь); Люба белоручка, Любушка пуглива. *В бурю* за ворота выбежать ей в диво (Н. Некрасов. Буря); Три мудреца в одном тазу пустились по морю *в грозу* (Английская народная песня. Пер. С. Маршака); Я раз за дровами в лодке поехал — их много с реки, К нам *в половодье* весной нагоняет (Н. Некрасов. Дед Мазайи зайцы); *В радости* сыщут, а *в горести* забудут (Пословица); *В войну* все жили огородами; Он погиб не *в революцию*, а *в правление* Сталина (Устн. речь).

Разумеется, парадигматически ограниченные значения времени могут быть и у слов другой семантики, но, повторю, они не свойственны действиям мгновенным, однократным типа *вылет, взмах, взлет, прыжок, скачок, плевки* т. п.

Возникает вопрос: могут ли слова, называющие действие (процесс, событие, состояние), *метонимически* обозначать время вне предложноподлежащих форм?

Судя по некоторым примерам из словарей, да, могут. Так, у слов *жатва, косьба, сенокос, обед* словари отмечают значение (время жатвы (сенокоса и др.)). Но, как нам представляется, это свойственно названиям некоторых общественных явлений, традиционно (и по природе этих явлений) связанных с определенным временем года, дня, в частности, названий сельскохозяйственных работ или действий другого характера, например, *пост, причастие* или *обед*.

Но ни у названий стихийных природных, явлений, ни у других пом. аст. метонимическое значение времени не наблюдается вне предложноподлежащих форм.

В связи с тем, что значение места и времени "используют" одни и те же предлоги и, часто, слова одной и той же семантики, их различия не всегда очевидны. Ср.: Но злая пуля осетина его *во мраке* догнала (М. Лермонтов. Демон); Там, где был мрак (или тогда, когда наступил мрак). Глаза кошки светятся *в темноте* желтым или зеленым (А. Зайцев. Загадки эволюции): 'там, где темнота' или 'тогда, когда темно'.

Неразличение значений 'место' и 'время' преимущественно наблюдается в формах с предлогом *в* в винительном падеже — 'туда, где' и 'тогда, когда что-то' уходит *в туман, в тьму* — 'туда, где туман, и тьма' или 'тогда, когда туман и тьма'.

Возможно также и двусмысленное употребление некоторых слов в форме предложного падежа с предлогом *на*: *на солнце, на свету*. *На солнце* я сразу обгораю; *На свету* цвет платья меняется — 'там, где солнце (свет)' или 'тогда, когда солнце (свет)'.

Значение 'оттуда, где', по-видимому, с временным не пересекается.

Все рассматриваемые метонимические значения наблюдаются и при метафорическом употреблении исходных слов. Это прежде всего свойственно художественной, особенно поэтической речи. Такое явление известно: и метафора может возникать на базе метонимии и метонимия на базе метафоры.

Например, слово *муравейник* может метафорически называть густо населенный дом, а в контексте — наш *муравейник* обсуждал телевизионные сплетни — называет жильцов дома, и это метонимия на базе метафоры.

В рассказе К. Чапека «История дирижера Калины» речь идет о двух людях, голоса которых дирижер определяет как *кларнет* и *бас* (метафора), но позже он пишет: «Я знал, что *кларнет* вернется домой и безвольно сделает то, что велел *бас*» (метонимия на базе метафоры).

Итак: в рассматриваемом мною явлении метафорическое значение существительных преобразуется в парадигматически ограниченную метонимию.

Наиболее часто во всех моделях — и 'там, где', и 'туда, где', и 'тогда, когда' с метафорически-метонимическими значениями у разных поэтов встречаются словосочетания со словами — *туман, мгла, мрак, тьма, темнота* и др.

Ср.: Уходит взвод *в туман, в туман, в туман*, а прошлое ясней, ясней, ясней (Б. Окуджава).

Здесь *туман* 'неясное', 'неизвестное', но в это неясное и уходит взвод — (туда, где все неясно, туманно), а не туда, где туман как погодное явление.

Россия во мгле (Г. Уэллс. Название книги); Но ты об этом не спеши, не обмануться бы *во мраке*, что звонче музыка атаки, что глуше музыка души (Б. Окуджава. Все глуше музыка души); И снова он едет один без дороги *во тьму* (Б. Окуджава. Ночной разговор); Денег не было, будущее тонуло *во мраке* (С. Довлатов. Чемодан); Но когда достигает предела. И душа отлетает *во тьму* — Поле пройдено, сделано дело. Вам решать: для чего и кому (Б. Окуджава. У поэта соперника нету);

Под шум и звон разнообразный

Под городскую суету

Я *ухожу*, душою праздный

В метель, во мрак и в пустоту. (А. Блок. Под шум и звон однообразный). Весь текст стихотворения метафорический.

На закате брежневского социализма в СССР потекли нефтедоллары (Р. Арифджанов. Москва азербайджанская); *А на закате* биографии ... роскошный шевиот отправился на хозяйство (Д. Рубина. Медная шкатулка).

Может возникнуть вопрос, обязательно ли считать эти значения метонимическими?

Слова *жара, холод, мороз, тепло, сквозняк, ветер* и под. называют состояние в природе, атмосферное явление, которое регулярно связано с местом и со временем. На основе этой регулярной связи и происходит перенос наименования, типичный для метонимии. Это перенос аналогичный актантной метонимии действия — место действия (*спуск с горы* — крутой спуск); действие — время действия (*обед затянулся* — встретимся в обед). Известно, что актантная метонимия имеет

и обратную направленность: от актанта к действию: место — действие (ему грозит *тюрьма*); орудие действия — действие (его призвание — *кисть* и *карандаш*).

Но поскольку *жара*, *мороз*, *туман* и т. п. представляют собой некие аналоги действия (состояние), в частности могут сочетаться с фазисными глаголами — *жара началась*, *продолжается*, *прекратилась* (аналогично — *холод*, *ветер*), то рассматриваемый вид метонимии, очевидно, близок к первому типу. Ср.: словарные толкования вторичных значений у таких слов как *вход*, *выход* — 'место, где входят', 'место, где выходят' и словоформ — *на холоде*, *на жаре*, *на ветру* — 'место, где холод, жара, ветер' и т. д.

Итак, отмеченный нами тип метонимии, на наш взгляд, показывает существование парадигматически ограниченных значений как регулярное системное явление. Это не отдельные случаи проявления (или непроявления) некоторых периферийных значений слова, а регулярно проявляющиеся в определенных предложно-падежных формах у определенной лексической группы слов формализованные значения — 'там, где', 'туда, где', 'оттуда, где' и 'тогда, когда'. И, как нам представляется, лишний раз иллюстрирует не только связь, но и взаимопроникновение явлений лексики и грамматики.

Литература

Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М. : Наука, 1974. 368 с.

Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. М. : Языки русской культуры, 1995. 767 с.

Виноградов В. В. Современный русский язык. Введение в грамматическое учение о слове. М. : Учпедгиз, 1938. 160 с.

Гак В. Г. Языковые преобразования. М. : Школа Языки русской культуры, 1998. 768 с.

Гинзбург Е. Л. Конструкции полисемии в русском языке. М. : Наука, 1954. 223 с.

Ермакова О. П. О семантической совместимости определений и предложно-падежных форм существительного // Вопросы синтаксиса русского языка. Калуга, 1971. 257 с.

Ермакова О. П. Семантический эллипсис или семантический сдвиг? (О разговорном употреблении конструкций типа *после селедки хочется пить*, *опоздал из-за детей*) // Язык: поиски, факты, гипотезы. К 100-летию со дня рождения академика Н. Ю. Шведовой. М. : Лексрус, 2016. 818 с.

Покровский М. М. Избранные работы по языкознанию. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1959. 382 с.

Толковый словарь русского языка. Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Азбуковник, 2008.

Толковый словарь русской разговорной речи (под ред. Л. П. Крысина), вып. 1–2, М. : Языки славянской культуры, 2014–2017.

O. P. Ermakova

Kaluga state university

(Russia, Kaluga)

olga_ermakova.kaluga@mail.ru

PARADIGMATICALLY LIMITED METONYMIC MEANINGS

In linguistic literature, paradigmatically limited meanings were noticed, first of all, in the use of verbal aspects. Thus V. V. Vinogradov wrote about the incompatibility of some figurative senses of a verb with the perfective aspect. [Vinogradov 1938: 144]. In explanatory dictionaries such restrictions of lexical meanings of verbs are fixed, as a rule. With respect to nouns dictionaries note restrictions in number forms more often than other ones. In the given article paradigmatically limited metonymic meanings of various lexical groups of nouns denoting states, spontaneous phenomena, etc. (heat, cold, wind, fog, snowfall, etc.). in the instrumental case with the prepositions *in* and *on*, in the accusative case with the prepositions *on* and *in*, in the genitive case with the preposition *with*: (there, where); (from where); (then, when) — to stand in the draught; to put out in the cold; to come from the cold; to bathe during a storm, etc. are considered. Observations show that paradigmatically limited metonymic meanings can emerge when nouns are used metaphorically as well. It is characteristic, mainly, of artistic, especially poetic speech, for example: *The platoon goes to fog, to fog, to fog, and the past is clearer, clearer, clearer* (B. Okudzhava). Here *fog* stands for something, which is not clear, unknown.

Keywords: paradigmatics, metonymy, "direct" metonymy, "return" metonymy, regular realization, restrictions.

References

Apresyan Yu.D. *Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskiye sredstva yazyka* [Lexical semantics. Synonymic means of language]. Moscow, Nauka Publ. 1974. 368 c.

Apresyan Yu.D. *Integral'noye opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Integrated description of language and system lexicography]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ. 1995. 767 p.

Vinogradov V. V. *Sovremennyyi russkii yazyk. Vvedenie v grammaticheskoe uchenie o slove* [Modern Russian. Introduction to the grammatical doctrine about a word]. Moscow, Uchpedgiz Publ. 1938. 160 p.

V. G. Gak. *Yazykovyye preobrazovaniya* [Language transformations]. Moscow, Shkola Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1998. 768 p.

Ginsburg E. L. *Konstruktsii polisemii v russkom yazyke* [Constructions of polysemy in Russian]. Moscow, Nauka Publ., 1954. 223 p.

Ermakova O. P. [About semantic compatibility of definitions and prepositional and case forms of a noun]. *Voprosy sintaksisa russkogo yazyka* [Problems of Russian syntax]. Kaluga, 1971.

Ermakova O.P. [Semantic ellipsis or semantic shift? (About the colloquial usage of constructions *thirsty after herring* , *late because of children*)]. Language: search, facts, hypotheses. To the 100th anniversary of the academician N.Yu. Shvedova. Moscow, Lexrus Publ., 2016. 818 p.

Pokrovskii M.M. *Izbrannyye raboty po yazykoznaniyu* [Selected papers in linguistics]. Moscow, "Izd-vo Akad. nauk SSSR" Publ., 1959, 382 p.

Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. Otv. red. N.Yu. Shvedova [Explanatory dictionary of Russian. Ed. by N.Yu. Shvedova]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2008, 1175 p.

Tolkovyy slovar' russkoy razgovornoj rechi Pod red. L.P. Krysin [The Explanatory Dictionary of Russian Everyday Speech (ed. L.P. Krysin)], the issue 1–2, Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2014–2017.

А. В. Занадворова
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
annazann@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ СЛОВАРНОГО ОПИСАНИЯ ГЛАГОЛОВ С ПРИСТАВКАМИ ПОД-, ПРИ- В «ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ»

Статья посвящена проблеме словарного представления глаголов с приставками *под-*, *при-* в "Толковом словаре разговорной речи" (ТСРР). Ряд глаголов с этими приставками имеет значение низкой интенсивности действия (например, *подвинтить*, *подработать*, *подвыпить*, *подзаправиться* и т.п.). В существующих нормативных словарях в толковании этих слов почти всегда присутствует компонент значения 'немного, в небольшом количестве' и/или дополнительности 'в дополнение к имеющемуся'. Ср., например: *подбросить* (Бросая, **добавить**; бросить **немного**); *подвинтить* (Завинтить **добавочно**, потуже или **немного, слегка**); *подвыпить* (Выпив чего-л. спиртного, **слегка** опьянеть); *приплатить* (Заплатить **дополнительно**, дать **в придачу**); и др.

Однако указанные компоненты значения проявляют себя не во всех контекстах. В разговорной речи можно встретить немало примеров, когда эти слова сочетаются с наречиями, указывающими на высокую степень/интенсивность действия: *хорошенько*, *как следует*, *основательно*, *полностью*, *изрядно*, *серьёзно*, *совсем* и т.п.: *Теперь мне нужно **хорошенько подзагореть*** (Блоги, 2015); — *Успеем. **Как следует подзакусим***. *Время позволяет* (Б. Екимов. Рассказы) и др. Встает вопрос, как отразить в словарной статье такое "нейтральное" употребление, считать ли его отдельным значением. В статье рассматриваются различные способы решения этой проблемы.

Ключевые слова: разговорная речь, кодифицированный литературный язык, лексика, толкование, словарное представление.

В процессе работы над "Толковым словарем русской разговорной речи" авторский коллектив столкнулся с проблемой толкования разговорных глаголов с приставками *под-*, *при-* со значением низкой интенсивности действия (например: *подзаработать*, *подзаправиться*, *подкраситься*; *приработать*, *прихворнуть* и др.). В словарях в толковании этих слов почти всегда присутствует компонент значения

'немного, в небольшом количестве' и/или дополнительности 'в дополнение к имеющемуся'. Ср.: толкования из МАС:

подбросить (Бросая, **добавить**; бросить **немного**); *подварить* (Подвергнуть варке еще раз, **дополнительно**; Сварить или заварить в **дополнение** к сваренному или заваренному раньше); *подвинтить* (Завинтить **добавочно**, потуже или **немного, слегка**); *подвирать* (**Немного, слегка** врать, привирать); *подвыпить* (Выпив чего-л. спиртного, **слегка** опьянеть); *подгулять* (**Немного** опьянеть, захмелеть); *поддразнивать* (**Слегка, немного** подразнить); *подзабыть* (**Частично** забыть, не очень твердо сохранить в памяти); *подзагореть* (**Слегка, немного** загореть); *подзакусить* (**Немного** закусить); *подзанять*, (**Немного** занять, взять займы); *подзаняться* (**Немного** заняться чем-л.); *подзаправиться* (**Немного** заправиться); *подзапустить* (**Немного** запустить); *подзаработать* (**Немного** заработать; **дополнительно** заработать); *подкоротить*, (**Слегка, немного** укоротить); *подкраситься*, (**Немного, слегка** или **дополнительно** накрасить себе губы, щеки и т. п., окрасить себе волосы); *подпортить* (**Несколько** испортить); *подправить* (Поправить **немного**, устранив отдельные недостатки, неисправности, ошибки; Восстановить **немного** здоровье, силы; подлечить); *подрезать* (Срезая, **несколько** укоротить, подровнять; Нарезать **дополнительно**, еще **немного**); *приработать* (Заработать **немного** в **дополнение** к основному заработку); *прихворнуть* (Быть больным, болеть, обычно **не сильно, не серьезно**); *приплатить* (Заплатить **дополнительно**, дать **в придачу**); *присолить* (Посолить **немного** или **дополнительно**).

При реализации таких значений эти глаголы сочетаются обычно с наречиями: *чуть-чуть, немного, слегка, капельку* и под.: *немного подзабыл, слегка подзагорел, чуть укоротил, маленько подзаработал* и т. п. Ср., примеры: *Я помню/ это дело в пятом классе проходят// поэтому мы малёк подзабыли//* (Из коллекции НКРЯ, 2001); *На жару я там не хочу жариться/ но так вот в хорошую погоду/ немножечко хоть подзагореть//* (Запись устной речи, 1995); *Кажется, никто не против в нерабочее время (а порой и в рабочее) немного подшабашишь, подкалывать — и получить дополнительную денюжку* (Блоги, 2015).

Однако в разговорной речи фиксируются многочисленные примеры, где эти глаголы сочетаются с наречиями, указывающими на высокую степень/интенсивность действия: *хорошенько, вплотную, как следует, основательно, полностью, изрядно, серьёзно, совсем* и т. п. С идеей дополнительности подобная сочетаемость не вступает в противоречие, ср.: *Колька, пользуясь переездом, крупно подкалымил на тракторе — перевез сруб и пару дней гулял, а сказал, что стоял с пробитой прокладкой* (В. Шукшин. Начальник), но, сохраняется ли в таких примерах идея малого количества / слабой интенсивности действия?

Теперь мне нужно хорошенечко подзагореть (Блоги, 2015); — *Успеем. Как следует подзакусим. Время позволяет* (Б. Екимов. Рассказы); *Основательно подзакусив, милиционер Свистулькин снова забрался в постель и решил поспать еще чуточку* (Н. Носов. Незнайка в Солнечном городе); *Я с четырнадцатого года в окопах/ так что порядком всё подзабыл//* (К/ф "Адъютант его превосходительства", 1969); *Самой ванной следует основательно подзаняться — тщательно*

вычистить; Ну, знаете, вам придется **серьезно подзаяться** собой (Блоги, 2017); Советую **подзаправиться основательнее** (В. Скворцов. Сингапурский квартал); Все просто, покупаем рульки, я взял 3 штуки, перец черный, перец душистый, лавровый лист, зелень и очень **крепко присолил**; В Китае **изрядно подвыпивший** мужчина осуществил настоящий набег на вольер с пандой (Блоги, 2016, 2017).

По-видимому, в подобных примерах глаголы употребляются нейтрально, их значение в таких случаях совпадает со значением глагола без префикса: *подзагореть* = *загореть*, *подзакусить* = *закусить*, *подзаяться* = *заяться*, *подзаправиться* = *заправиться* и т. п. Но какую же роль тогда выполняет префикс, что он добавляет? Вероятно, некоторую экспрессию, модальность.

Подобные расхождения употребления со словарными значениями вообще характерны для непринужденного общения, и описаны в ряде монографий по русской разговорной речи. В частности, именно это явление описано в разделе о глагольной префиксации: "Так, глаголы с префиксами *под-*, *при-*, указывающие на небольшую интенсивность действия, используются для выражения вежливости, подчеркнутой симпатии: (о статье): Я бы тебе советовал эту часть *подсократить*//; (об учебе ребенка) Он у вас немного *приотстал*//" [PPP 1981: 135].

Как пишет М. В. Панов: "Глагольная приставка *под-* в обиходной речи служит не столько для обозначения ослабления действия, проявления его не в полную меру, немножко (как говорится в словарных определениях), сколько для выражения разного рода экспрессий (вежливости, иронии, стремления не обидеть и выразить нужную мысль и т. п.)" [РЯСО: 10, цит. по PPP 1981: 135].

Рассмотрим подробнее, какого рода экспрессию могут выражать подобные приставки. Известно, что различные диминутивы часто используются для смягчения высказывания, придания ему большей **вежливости**, меньшей категоричности. Подобными уменьшительными часто злоупотребляют современные "эффективные менеджеры", в их речи можно встретить слова: *договорчик*, *вопросик*, *заказик*, *номерочек*, *телефончик* и т. п. (подробнее об особенностях современного речевого этикета и языке "эффективных менеджеров" см. [Шмелева 2017]).

С идеей уменьшительности коррелирует и идея малого количества/ слабой интенсивности действия, только в глаголах она выражается обычно не с помощью суффиксов, а с помощью приставок. Например: Вам надо **хорошенько подучить** материал к экзамену// Иначе будет два// (Запись устной речи, 2011); Ну, знаете, вам придется **серьезно подзаяться** собой (Блоги, 2017). В этих примерах глаголы *подучить* и *подзаяться* выражают вежливость по отношению к собеседнику, а наречия *хорошенько* и *серьезно* отражают реальное положение дел, т. е. существование у адресата серьезной проблемы.

Также в современной речи часто именно в качестве "вежливых" употребляются слова с приставкой *под-*: *подойти*, *подъехать*, *подвезти* и т. п. полностью синонимичные однокоренным глаголам с приставкой *при-*: *приехать*, *привезти* и т. п. Ср.: Если удобно/ я к трем часам **подъеду**/ договорчик **подвезу**// У вас скидочка будет/ пять процентов//; **Подходите** к двум часам// Все готово будет// (Записи устной

речи, 2011, 2015). Впрочем, в данном случае, приставка *под-* изначально имеет значение не малого количества/слабой интенсивности, а скорее направленности действия.

Также более вежливым считается употребление глагола *присесть* (вместо *сесть*): *Да вы присядьте/ сейчас он подойдет*// (Запись устной речи, 2014). Если вежливое употребление глагола широко распространено, то оно также может получить словарную фиксацию. Например, в ТСПР такие сведения указываются в зоне прагматических сведений о слове. Ср, статью ПРИСЕСТЬ [ТСПР 3, 2019].

ПРИСЁСТЬ.

DEF: *сесть*, обычно на короткое время или не вполне удобно. (На складе:) — *Да у вас тут и присесть-то некуда// А вот/ на ящик присядьте*// (Записи устной речи, 2016); — *Позировать, как вы знаете, — это не просто присесть на пару часов и смотреть туда, куда прикажет художник* (А. Рыбаков. Тяжелый песок); [Я] *присела, но ненадолго, бочком, на табурет...* (И. Грекова. Перелом).

MORPH: *сов.*; *несов.*(присесть) неупотр.

SYNT: *на что* или *без доп.*

PHRAS: *присесть некогда* — о крайней занятости какую-л. работой. — *Девочки из его лаборатории стонут — присесть некогда...* (А. Вайнер, Г. Вайнер. Лекарство против страха); — *Днем — работа, семья, присесть некогда, я по ночам смотрю телевизор* (Комсомольская правда, 13.04.2007).

PRAGM: в личном общении глагол может употребляться как вежливая форма вместо глагола *сесть*; ср.: — *А паспортистки нету? — Присядьте/ пожалуйста/ щас я ее позову//; Я щас освобожусь/ присядьте пожалуйста*// (Запись устной речи, 2011, 2016).

Также сочетание глагола с подобной семантикой и слов, обозначающих большое количество, может служить для выражения **иронии**. Ср., например: *Где б нам, милый, подзанять миллионов 25...; Чтобы выплатить компенсацию помещикам, Александр II был вынужден в 1862 году подзанять у Ротшильдов 15 миллионов фунтов стерлингов под 5% годовых; Первоначально Кудрин собирался подзанять в Европе \$17 млрд., но к счастью для Кремля вверх скакнули нефтяные цены; Ведь даже большие заправочные корпорации иногда не брезгают подзаработать миллион-второй долларов за счет низкокачественного бензина; Родители наотрез отказались продавать ее фото прессе, что так принято у голливудских звезд — подзаработать миллион-другой на отпрыске* (Блоги 2011–2016). Однако любое оценочное слово в принципе может быть употреблено в ироничном контексте, поэтому такие вещи в словаре не фиксируются.

Наконец, подобные глаголы могут употребляться просто нейтральном значении, например, *приплатить* = *заплатить*: *Любая девочка еще приплатила бы, чтоб получить такую роль* (Л. Вергинская. Синяя птица любви); *подзагореть* = *загореть*: *К концу я уже так подзагорела/ что меня за местную принимали*//

(Запись устной речи, 2010); *подзарядить* = *зарядить*: *Даже новый аккумулятор желательнее подзарядить, ведь до того, как Вы его купили, он мог пролежать на складе не один месяц* (Блоги, 2017).

Возникает вопрос, как описать подобные глаголы в словаре.

Существует несколько вариантов подачи материала. Универсальное решение в данном случае принять невозможно, так как, несмотря на схожесть, указанные глаголы ведут себя по-разному. Одни чаще употребляются в нейтральном значении, другие только иногда и т.п. Важно также анализировать соотношение значений глаголов с приставкой и без, например, глагол **подзакусить**, образован от глагола **закусить**, который сам (в одном из своих значений) имеет компонент 'небольшого количества', ср.: "1. Поесть немного, наскоро, или вообще поесть" [МАС].

Укажем основные возможные варианты представления данных слов.

В тех случаях, когда толкование включает два компонента, например: 'поработать немного или в дополнение к основной работе' в каждом конкретном случае в вершине оказывает либо один, либо другой компонент (хотя возможны и оба сразу). Таким образом, примеры с наречиями, выражающими высокую интенсивность действия (*сильно, много, хорошенько* и т.п.), сочетаются с компонентом толкования 'дополнительно' и не вступают в противоречие с компонентом 'немного'. В этих случаях у глаголов выделяется одно значение. Ср. например, статью ПОДКАЛЫМИТЬ [ТСРР 3, 2019]:

ПОДКАЛЫМИТЬ.

DEF: поработать немного или в дополнение к основной работе. *Шестьдесят шесть рублей в месяц, ну и подкалымлю, если кому там вспахать огород или чего* (В. Войнович. Монументальная пропаганда); *Повезло, что случайный шофер решил подкалымить и повез* (С. Лунгин. Виденное наяву); — *Ладно, я, — сказал Колька; один раз Колька, пользуясь переездом, крупно подкалымил на тракторе — перевез сруб и пару дней гулял, а сказал, что стоял с пробитой прокладкой* (В. Шукшин. Начальник); *К тому же неплохо подкалымили, вернемся на щите, то есть со щитом* (Е. Завершнева. Высотка); *Где можно подкалымить в воскресенье?; Кажется, никто не против в нерабочее время (а порой и в рабочее) немножко подшабашить, подкалымить — и получить дополнительную денюжку* (Блоги, 2015–2017).

MORPH: *сов.; несов.* (подкалымливать) *неупотр.*

SYNT: *где на чем.*

SYN: подзаработать, подхалтурить, приработать.

ANALOG: левачить, подрабатывать, халтурить, шабашить, шабашничать.

Если слово часто употребляется в нейтральных контекстах, то можно выделить два значения: 1. Значение, включающее компонент небольшого количества/слабой интенсивности. 2. Нейтральное значение. Ср, например, статью ПРИПЛАТИТЬ [ТСРР 3: 2019].

ПРИПЛАТИТЬ.

1. DEF: дополнительно заплатить. *Я могу от себя добавить/ если только эти деньги взять/ то этого еще не хватит/ надо будет **приплатить**!* (Р/с «Эхо Москвы», 2003); ***Приплатил** чуть-чуть, и билет [на матч] обошелся в четыре с половиной тысячи* (Советский спорт, 03.05.2007); *Тем, кто согласился бы работать дольше, Зурабов хотел **приплачивать** 15% к расчетной пенсии за каждый год дополнительного стажа* (Комсомольская правда, 12.10.2011); *Стипендия у нас была сто двадцать, на квартиру **приплачивали** еще двадцать пять* (А. Найман. Славный конец бесславных поколений).

MORPH: сов.; несов. приплачивать.

SYNT: кому что или сколько (количественно-именная группа).

2. DEF: заплатить. *Любая девочка еще **приплатила** бы, чтоб получить такую роль* (Л. Вертинская. Синяя птица любви); *«Опель» собирались отволочь на свалку, **приплатив** тем, кто это сделает* (А. Слаповский. Большая Книга Перемен); *Всегда найдутся те, кто с радостью пустят ТВ к себе в постель, а может быть, даже сами и **приплатят** за это — только придите, снимите* (Известия, 31.10.2008); *Бывает, что автор еще и сам **приплачивает** за то, чтобы его издали* (Комсомольская правда, 13.02.2013); *Получается, что ты не просто бесплатно поёшь, но и сам за это еще **приплачиваешь**?* (Столица, 18.03.1997).

MORPH: сов.; несов. приплачивать.

SYNT: кому за что.

PRAGM: употребляется в ситуациях, когда обычно предполагается что человек получает за что-л. деньги, а вместо этого он сам их платит.

Можно с помощью слов *обычно, как правило, часто* в толковании указать, что компонент немного/дополнительно присутствует не всегда. См., например статью ПОДЗАРАБОТАТЬ [ТСРР 3, 2019].

ПОДЗАРАБОТАТЬ.

DEF: **обычно** заработать немного или в дополнение к основному заработку. *Ну/ а пока вот/ не пытались вы куда-нибудь на работу устроиться/ чтоб **немножко** денег **подзаработать**/ маме помочь?* (Из коллекции НКРЯ, 2006); *Мало того что денюжат **подзаработали**/ они ещё боевой дух нашим ребятам подняли!* (Ф. Попов и др. Кавказская рулетка); *Сюда приехали в конце июля — «изучать жизнь» и **подзаработать** на рыборазделке* (В. Ремизов. Воля вольная); *Играл — нужно было **подзаработать**, чтобы достроить дачу...* (В. Давыдов. Театр моей мечты); ***Подзаработал** немного, а под конец — **обогатился** даже* (А. Иличевский. Бутылка); *Занялся ценными бумагами. **Хорошо подзаработал**. Дом во Флориде купил* (С. Данилюк. Рублевая зона); *Ее муж **подзарабатывал** в эти дни на юге **большие деньги*** (В. Маканин. Андеграунд, или герой нашего времени); *Наши два сержанта помаленьку **подзарабатывали** по вечерам на огородах и также были очень довольны* (С. М. Голицын. Записки беспогонника).

MORPH: *сов.; несов.* подзарабатывать.

SYNT: *чего* или *без доп.*

SYN: подхалтурить.

ANALOG: левачить, прирабатывать, шабашить, шабашничать.

Также случаи, где отсутствует компонент 'немного или дополнительно' можно описать в зоне PRAGM (здесь даются прагматические сведения о слове¹). И указать там, что бывают случаи нейтрального или экспрессивного употребления. Ср., например, статью ПОДКРАСИТЬСЯ [ТСРР 3, 2019].

ПОДКРАСИТЬСЯ.

DEF: нанести на лицо **немного** макияжа или **слегка обновить** старый, а также **немного** покрасить волосы. — *Погоди/я подкрашусь маленько// — Да ты и так у нас первая красавица/пошли уже//;* (Женщины обсуждают коллегу:) *Я знаю она хной немного подкрашивается// Так/ легкая рыжина получается//* (Запись устной речи, 2011); *Решила подкраситься. Все равно стояла в пробке; Пришлось за минуту переодеться в машине из шорт и майки в платье с бусами и подкраситься...* (Блоги, 2016–2017); *Таня целый день ждала его звонка. Приготовила праздничный ужин, помыла голову, подкрасилась* (М. Трауб. Замочная скважина); — *Седина, конечно, вас немного старит, но если подкраситься...* (В. Войнович. Монументальная пропаганда); *В его отсутствие я стерла с лица размазанную помаду и подкрасилась* (Т. Сахарова. Добрая фея с острыми зубками); *Она подкрасилась в лилово-изумрудный оттенок* (Л. Петрушевская. Морские помойные рассказы).

MORPH: *сов.; несов.* подкрашиваться.

SYNT: *чем* или *без доп.*

SYN: подмазаться (в 3 знач.), подвести (в 5 знач.).

ANALOG: навести марафет (см. марафет); накрастаться, намазаться, намазюкаться (во 2 знач.), намалеваться, намарафетиться, насандалиться (в 1 знач.), наштукатуриться.

PRAGM: часто употребляется в значении 'накрастаться, нанести макияж', ср.: *Подожди/ мне еще в душе нужно и подкраситься/ давай через час выйдем//* (Запись устной речи, 2015).

Также, бывают случаи, когда составители считают нужным указать только нейтральное значение. Несмотря на то, что существующих в словарях значение включает компонент небольшого количества / слабой интенсивности. Так как в разговорном узусе эти глаголы преимущественно употребляются нейтрально.

¹ Подробнее о структуре словарной статьи в Толковом словаре русской разговорной речи, см. [ТСРР 2014].

ПОДЗАПРАВИТЬСЯ.

1. DEF: поестъ. *Ну и дорожка! Как там насчёт **подзаправиться**-то? Что на обед сегодня?* (К/ф "Алешкина любовь", 1960); *Сейчас выедем с территории аэропорта, приткнемся к обочине и вас покормим. Советую **подзаправиться** **основательнее*** (В. Скворцов. Сингапурский квартет); — *Какие у тебя планы? — Сначала, Юр, **подзаправиться**. В доме ни крошки.* (Е. Парнов. Третий глаз Шивы); — *Для солдата **подзаправиться** — первое дело. Голодный солдат — не солдат, советую усвоить* (А. Чаковский. Блокада); — *В гостях сколько ни ешь, а дома **подзаправиться** не мешает* (Н. Носов. Незнайка в Солнечном городе).

MORPH: сов.; несов. нет

SYNT: чем или без доп..

STYL: шутл.

SYN: заморить червячка (см. червячок), заправиться, перекусить, перехватить (во 2 знач.), подзакусить, пожевать.

ANALOG: набить пузо (см. пузо), навернуть (в 1 знач.), накушаться (в 1 знач.), налопаться (в 1 знач.), налупиться, напереться², напихаться, нарубаться, слопать, сожрать, стрескать, схомячить, угоститься...

(этот глагол имеет и другие значения, но для данной статьи они не важны)

Также представлен и глагол *подзакусить* [ТСПР 3, 2019].

ПОДЗАКУСИТЬ.

DEF: поестъ. *А мы с тобой побродим... нуу... **подзакусим**.* (К/ф "Первая перчатка", 1956); — *Успеем. **Как следует подзакусим**. Время позволяет* (Б. Екимов. Рассказы); *Тут я почувствовал, что проголодался, и стал смотреть вокруг себя, где бы можно было **подзакусить*** (В. Войнович. Москва 2042); ***Основательно подзакусив**, милиционер Свистулькин снова забрался в постель и решил поспать еще чуточку* (Н. Носов. Незнайка в Солнечном городе); *А теперь я малость **подзакушу**, а затем продолжу ответ на письма* (Ю. Даниэль. Письма из заключения).

MORPH: сов.; несов. нет.

SYNT: чем.

STYL: фам.

SYN: заморить червячка (см. червячок), заправиться, подзаправиться, угоститься.

ANALOG: набить пузо (см. пузо), навернуть (в 1 знач.), накушаться (в 1 знач.), налопаться (в 1 знач.), налупиться, напереться², напихаться, нарубаться, перекусить, слопать, сожрать, стрескать, схомячить.

PRAGM: несмотря на внутреннюю форму (указывающую на неполноту действия), это слово не всегда обозначает небольшую трапезу. Оно сочетается со словами *обильно, плотно, основательно*: *Хоть и **плотно подзакусил** он у своей хозяйки, но блокада всё еще сказывалась: его постоянно тянуло к еде* (Ф. Абрамов. Братья и сестры).

Литература

Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981. 276 с.

МАС — Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984.

РЯСО — Русский язык и советское общество. Проспект. Алма-Ата, 1962.

ТСРР-1 — Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1, А — И / Под ред. Л. П. Крысина. М.: Языки славянской культуры, 2014. 776 с.

ТСРР-2 — Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 2, К — О / Под ред. Л. П. Крысина. М.: Языки славянской культуры, 2017. 864 с.

ТСРР-3 — Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 3, П — Р / Под ред. Л. П. Крысина. М.: Языки славянской культуры, 2019. 824 с.

Шмелева Е. Я. Язык "эффективных менеджеров": общий жаргон или русский язык XXI века? // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Выпуск 13. Культура русской речи / Отв. ред. выпуска А. Д. Шмелев. М., 2017. сс. 192–198.

A. V. Zanadvorova

V. V. Vinogradov Russian Language Institute (Russian Academy of Sciences)

(Russia, Moscow)

annazann@gmail.com

PROBLEMS OF LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION OF VERBS WITH THE PREFIXES *POD-* AND *PRI-* IN THE EXPLANATORY DICTIONARY OF RUSSIAN EVERYDAY SPEECH

The paper deals with the problem of describing verbs with prefixes *pod-* and *pri-* in The Explanatory Dictionary of Russian Everyday Speech (EDRES). These verbs often convey the meaning of low-intensity of action (e.g. *podvintit'*, *podrabotat'*, *podvypit'*, *podzapravit'sia*, etc.) In the existing conventional dictionaries, descriptions of such verbs include a low-intensity component (e.g. 'a little', 'in a small amount') and/or a complementarity component (e.g. 'additionally'). For example: *podbrostit'* (**add some more**, while throwing; throw **a little**); *podvintit'* (screw up **additionally**, tighter; or **a little, slightly**); *podvypit'* (after drinking spirits, become **a little drunk**); *priplaitit'* (pay **additionally**, give **in addition**); etc.

However, these semantic components are not clearly manifest in all contexts. In everyday speech there are numerous occurrences of collocations of these verbs with high-intensity adverbs: *horoshen'ko*, *kak sleduet* (*properly*), *osnovatel'no*, *polnost'ju* (*thoroughly*), *izriadno*, *ser'jozno* (*heavily*), *sovsem* (*completely*), etc.: *Teper' mne nuzhno horoshenechko podzagoret'* (*Now I need to get some sun-tan thoroughly*; — taken from a blog); — *Uspeem. Kak sleduet podzakusim. Vremja pozvoljaet* (*We'll make it. We'll grab a bite properly. We have enough time*; — from a short story by B. Ekimov).

Contexts like these pose the question of how such “neutral” uses should be reflected in the EDRES dictionary entries and whether they should be considered distinct meanings. The paper examines several approaches to this problem.

Keywords: everyday speech, codified literary language, vocabulary, interpretation, lexicographic description.

References

Slovar' russkogo yazyka v 4 t. [The dictionary of the Russian language in 4 vol.]. / Ed. A. P. Evgen'eva. 2nd edition. Moscow : Russian language Publ., 1981–1984 [MAS].

Tolkovyy slovar' russkoy razgovornoj rechi Pod red. L. P. Krysin [The Explanatory Dictionary of Russian Everyday Speech (ed. by L. P. Krysin)], issue 1, Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2014. 776 p.

Tolkovyy slovar' russkoy razgovornoj rechi Pod red. L. P. Krysin [The Explanatory Dictionary of Russian Everyday Speech (ed. by L. P. Krysin)], the issue 2, Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2017. 864 p.

Tolkovyy slovar' russkoy razgovornoj rechi Pod red. L. P. Krysin [The Explanatory Dictionary of Russian Everyday Speech (ed. by L. P. Krysin)], the issue 3, Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2019. 824 p.

Shmeleva E. Ya. [Language of Effective Managers: Common Jargon or Russian of the XXI Century?]. // *Trudy Instituta Russkogo Yazyka. Kultura russkoi rechi, vyp. 13* [Proc. of the Vinogradov Russian Language Institute. Russian language culture. Issue 13], 2017, pp. 192–198. (In Russ.)

Zemskaya E. A., Kitaigorodskaya M. V., Shiryayev E. N. *Russkaya razgovornaya rech'. Obshchie voprosy. Slovoobrazovanie. Sintaksis* [Russian spoken language. General questions. Word formation. Syntax]. Moscow: Nauka Publ., 1981. 276 p.

О. С. Иссерс

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
(Россия, Омск)
isserso@mail.ru

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ АНГЛИЦИЗМОВ ИЗ СФЕРЫ МОДЫ (НА ПРИМЕРЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ *MUST HAVE*)*

В статье рассматривается лексико-грамматическая адаптация заимствованного из английского языка словосочетания *must have*, вошедшего в русскоязычный дискурс моды в начале XXI века. Активное использование языковых единиц, реализующих регулятивно-рекомендующую стратегию, является характерной чертой дискурса моды. В современном русском языке одним из лексических репрезентантов данной интенции стало заимствование *must have*. Процесс адаптации его в русском языке обнаруживается в варьировании языкового кода (латиница либо кириллица), орфографической и морфологической формы, лексической и синтаксической сочетаемости.

Автор отмечает, что заимствование *must have* /*мастхэв*¹ значительно расширило сферу своего функционирования, выйдя за рамки дискурса моды, где оно первоначально фиксировалось. На основании анализа корпусных данных и дискурсивных практик новых медиа установлено, что основные семантические приращения связаны с вхождением данного понятия в сферу потребления любого вида товаров и услуг. Анализ контекстов его употребления показал, что данное словосочетание используется в настоящее время по отношению к очень разным предметам: одежде, косметике, компьютерным программам, фильмам, музыке и даже политическим деятелям. Сочетаемость *must-have* /*мастхэв* в русском языке позволяет конкретизировать значения, ассоциированные с абстрактной сущностью данного понятия.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Омской области в рамках научного проекта № 18–412–550001.

¹ В дальнейшем, учитывая различные варианты орфографического оформления заимствования в русскоязычных текстах, при цитировании сохраняется то же написание, что в источнике. В остальных случаях используется слитное написание на кириллице и дефисное (в целях разграничения с глагольным словосочетанием) — на латинице, что является отражением тенденции к закреплению данного заимствования в его новой функции.

В русскоязычных дискурсивных практиках *must-have* /*мастхэв* становится знаком нахождения в тренде, приверженности социально одобряемым моделям потребительского поведения, а также сигналом навязываемых стереотипов, установок, ценностей.

Ключевые слова: мастхэв, must-have, дискурс моды, заимствования, англицизмы, рекламный дискурс.

В отечественной лингвистике дискурс моды привлек внимание исследователей относительно недавно, в то время как в западной традиции теоретическое осмысление семиотики моды и ее вербального кода имеет более чем полувековую историю [Башкатова 2009, Бочарникова 2012, Косицкая 2006, Коньков 2002, Матосян 2004, Хунагова 2013]. Поскольку дискурс моды отражает ценности и нормы, характерные для конкретного лингвокультурного сообщества, наблюдения за репрезентацией в языке ценностных ориентиров, формирующих соответствующий стиль жизни, существенно для понимания многих социальных изменений [Башкатова, Чернейко 2008].

Идеологию моды Р. Барт рассматривает как «риторическое означаемое», т. е. как систему социокультурных установок, функций, идей, мотивов, мифов, ценностей и других ментальных образований, включенных в дискурс моды [Барт 2003]. В данной системе, в частности, выделяется такой компонент, как нормативные модели, предписывающие ношение той или иной одежды в соответствии с социокультурным образом, статусом и ситуацией. Нормативные модели в дискурсе моды в значительной степени «опредмечены» стереотипными представлениями о символическом или реальном обладании модными объектами. Современная мода как продукт массовой культуры предлагает модель потребления посредством императива: «это следует носить, чтобы быть модным». В то же время нельзя забывать, что дискурс моды влияет на формирование определенной структуры потребностей и, следовательно, является формой рекламы новых товаров, регулятором поведения потребителей и средством расширения сбыта. Среди стратегий дискурса моды одной из основных можно считать регулятивно-рекомендующую, которая выражается в форме совета, рекомендации, пожелания. Модные советы — одна из популярных рубрик фэшн-журналов.

В связи с этим неотъемлемой чертой дискурсивных практик в сфере моды является активное использование языковых единиц, реализующих регулятивно-рекомендующую стратегию. В современном русском языке одним из лексических репрезентантов данной интенции стало заимствованное из английского словосочетание «must have». Процесс адаптации его в русском языке происходит на наших глазах. Это находит проявление в варьировании языкового кода (латиница либо кириллица), орфографической и морфологической формы, лексической и синтаксической сочетаемости.

Цель исследования — рассмотреть лексико-грамматическую адаптацию заимствования *must have* в русскоязычном дискурсе моды корпусных данных и дискурсивных практик новых медиа.

В английском языке модальный глагол *must* имеет общее значение долженствования и употребляется для выражения необходимости совершения действия в силу определенных обстоятельств, а также для выражения приказа или совета. Слово *must* в английском языке используется, когда речь идет об устойчивых традициях и законах, будь они моральные или юридические. Вторая часть словосочетания — глагол *to have* (‘иметь, владеть, обладать’).

В Кембриджском словаре в значении слова-композиата *must-have* указывается его предметный характер и атрибутивность: «*A must-have object is something that many people want to own. The iPod quickly established itself as a must-have device.*» (<https://dictionary.cambridge.org/ru/must-have>).

В русскоязычной электронной «Энциклопедии моды» слово дается в дефисном написании; указывается сфера его референции и ситуация номинации — своего рода экспертный договор, фиксирующий статус предмета как «мастхэв».

Маст-хэв (англ. *Must-have*) — трендовая вещь, которая является главным хитом и «писком моды». В каждом сезоне маст-хэв объявляется экспертами *fashion-индустрии* (дизайнерами, редакторами глянцевого журналов, стилистами, байерами, фэшин-блогерами и пр.). С английского языка термин дословно переводится как «должен иметь». Понятие «маст-хэв» может относиться к одежде, обуви, аксессуарам, косметике, ароматам и пр. (<https://wiki.wildberries.ru/glossary>).

На портале «Что-это-такое.Ру» новое понятие *маст-хэв* (*must-have*) представлено в ироническом осмыслении: «*Это что-то, что у вас обязательно должно быть, а иначе вы не хипстер, не админ или не крутая модница. Например, последняя модель айфона — стопроцентный маст-хэв любого хипстера, а мощный игровой ноутбук — абсолютный маст-хэв любого гика. В этом сленговом словечке — сила гнева, пламя страсти, и пристрастие к потреблению чуют люди в этом слове*» (<https://что-это-такое.ру/must-have>).

Электронный «Словарь молодежного сленга» трактует *must have* (в отдельном написании) как «предмет первостепенной надобности и постоянного пользования» (<http://teenslang.su/id/15763>). По приведенным в словаре примерам можно судить о грамматической адаптации и варьировании орфографической формы неологизма.

Нашел очередное маст-хэв приложение. Маска с водорослями — мой маст-хэв. Вот мой список мастхэв плагинов. А для меня мастхэв — это корректирующее белье. Маст-хэв для фанатов Монти Пайтона. Маст-хэв сезона — красный тренч. Ну, я, конечно, выпендрилась немного с ржаной мукой, не настолько она у меня маст-хэв. Что должно быть в машине из музыки из серии мастхэв? Предлагаю тут поделиться списком программ которые, так сказать, «мастхэв», в смысле должны быть у всех [там же].

Национальный корпус русского языка отражает семантическую и морфологическую специфику использования словосочетания *must have* в русскоязычных текстах весьма ограниченно. Для поиска использовались основной корпус и газетный подкорпус НКРЯ.

По запросу на вариант написания латиницей (*must have, must-have*) в газетном корпусе найдено 17 вхождений, из них 9 — англоязычные тексты с глагольной

конструкцией, выражающей модальность: ‘должно быть была’ (в т. ч. название песни из к/ф «Красотка» — «It must have been love»). В основном корпусе в 8 документах обнаружено 8 вхождений, после снятия омонимии — 6, в т. ч. 3 встречаются в произведениях П. Головина, посвященных компьютерным играм (2004), 1 — у Пелевина (2011), остальные два — в публицистических текстах (2012 и 2015 гг.).

На запрос в русской транслитерации и в отдельном написании «маст хэв / маст хев» в основном корпусе было найдено два примера, оба — на форумах. В одном обсуждалась киотрилогия «Блейд» (2008–2010 гг.):

Первая часть — мастхэв, вторая часть — маст си.

Во втором случае словосочетание употреблено в дискуссии о книге: *В любом случае маст хев, даже если не очень захватывающее чтение (2012).*

В слитном написании обнаружено 2 примера в газетном корпусе и ни одного — в основном. В газетном на запрос *мастхэв / мастхэв*, обнаружено одно вхождение с Э и одно — с Е:

... Еще один мастхэв — диадема. Во Франции каждая уважающая себя принцесса имела корону» (КП, 20.08.2013).

...У каждой интеллигентной дамы обязательно дома должны были стоять книжечки Хмелевской, это было, как сейчас говорят, "мастхэв". (КП, 07.10.2013)

В НКРЯ также не обнаружены производные от *мастхэв* прилагательные и глаголы.

Значительно шире данное словосочетание представлено в новых медиа — электронных версиях СМИ, социальных сетях, обсуждениях на форумах и пр. Анализ контекстов его употребления показал, что данное словосочетание используется в настоящее время по отношению к очень разным предметам: одежде, косметике, компьютерным программам, фильмам, музыке и даже политическим деятелям. Сочетаемость *must-have/ мастхэв* позволяет конкретизировать значения, ассоциированные с абстрактной сущностью данного понятия.

Статистика сервиса «Яндекс. Директ», предназначенного для поиска наиболее удачных словосочетаний для контекстной рекламы, показывает, что в марте 2016 г. на Яндексе было сделано 17 074 запросов со словосочетанием *musthave* (в слитном написании). Из этих запросов нами были отобраны те, которые имеют отношение к дискурсу моды или связаны с обозначением чего-то необходимого: *musthave 2016* — 480; *musthave лето 2016* — 190; *musthave осень* — 87; *musthave одежда* — 261; *musthave платья* — 85; *musthave список вещей* — 77; *musthave Крыгиной* — 241 (прим. Елена Крыгина — стилист, постоянно употребляющий данное словосочетание в своих публикациях); *musthave программы* — 84; *musthave android* — 125 и т. д.

Приведенные цифры свидетельствуют о высокой частотности исследуемого заимствования. Анализ контекстов его употребления показал, что оно используется в настоящее время по отношению к очень разным предметам, отнюдь не ограниченному миром моды: к одежде, косметике, компьютерным программам, произведениям искусства и др.

Чем руководствоваться при планировании долгожданного шопинга и как выглядит список основных маст-хэвов лета 2014?

WomanJournal.ru предлагает свой вариант must have для твоей косметички. На этом мы завершаем обзор яблочных must-have программ.

Маст-хэв для фанатов Монти Пайтона.

Милые сообщницы, подскажите, сушка для овощей — это маст-хэв?

*Продолжаем рубрику **musthave** о том, что просто необходимо иметь в каждом доме. Сегодня это книги.*

*Обязательный **must have** для новорожденного.*

*Не дай Бог, чтобы эти приспособления стали для всех **мастхевом** (о приспособлении для разрезания таблеток).*

Словосочетание *must have* стало настолько популярным, что его активно применяют в качестве названия нейма (названия): журнал *Must. Have. Style*; салон *Must have tattoo*; *MustHave* — это и маркетинговое агентство, и бюро элитной недвижимости, и кафе-ресторан, и т. д.

Чаще всего заимствованная единица устанавливает семантико-синтаксические связи со следующими существительными: список (*список мастхэвов*), продукт (*маст-хэвы — это продукты, проверенные не только временем, но и мнением топ-визажистов всего мира*), коллекция (*очень позитивная базовая коллекция — маст хэв*), серия (*лучший сборник плагинов из серии Must Have*), вещь (*вот девять must-have вещей, которые должны быть в гардеробе любой женщины*), тема (*публикации на тему: must-have*), категория (*мои косметические средства категории «must have»*), стратегия (*Если руководствоваться стратегией must have, то вы значительно сэкономите и оградите себя от импульсивных покупок*), товары (*конечно, список 5 must-have товаров у каждого индивидуальный*).

Атрибутивные словосочетания актуализируют, прежде всего, семантику престижа и моды: *must-have* может быть обязательным (*Обязательный must-have этой весны — пыльная юбка-миди*), основным (*основной must-have этой весны*), актуальным (*список актуальных маст-хэвов лета*), однозначным (*Сарафан — однозначный must-have в летнем гардеробе каждой модницы*), неувядающим (*Неувядающий must-have сезона — асимметричная юбка*), сексуальным (*Юбка-карандаш — сексуальный must-have осени*).

Косвенным свидетельством расширения значения могут служить словосочетания с прилагательными, конкретизирующими сферу актуализации *must-have*: *косметический, уходовый, кухонный, компьютерный* и т. д.

В словосочетаниях с *must-have* регулярно актуализируются посессивные отношения, где на передний план выходит личность обладающего вещью субъекта: ведь именно через его шкалу ценностей определяется необходимость и востребованность предмета. Поэтому частотны сочетания с родительным принадлежности (*мастхэв Елены Крагиной*) и притяжательными местоимениями — в первую очередь с «мой» (*я хочу рассказать вам про мой must have набор*).

В современных дискурсивных практиках представлены многочисленные словосочетания с *must-have*, включающие маркеры хронотопа, что объясняется семантикой моды и актуальности: *must-have осени, must-have сезона, must-have июля, must-have недели, must-have 2017* и пр.).

Сочетания с глаголами подчеркивают предметный характер денотата, обозначаемого как *must-have*, и имплицитно указывают на основных участников ситуации: того, кто рекомендует, и адресата совета, который принимает решения (*выбирает, покупает, инвестирует в...*).

Must-have можно

- представлять (*представляю вашему вниманию 10 must have этой осени*).
- переписывать (*маст хэв полностью переписан*)
- собирать (*так называемые «мастхэв» приложения, нужные всем*).
- купить (*какие маст-хэвы можно купить только в аптеках Франции?*)
- выбирать (*интересно, что кто-то выбрал мои маст-хэвы*).
- копировать (*модные блогеры не спешат копировать этот «must have»*).
- носить (*5 маст-хэвов, которые носят редакторы глянца этой весной*)
- обсуждать (*давайте обсудим маст-хэвы предстоящей весны*)
- определять (*мастхэв определяем не мы, а мода*).

Must-have может

- выглядеть (*посмотрим, как выглядит этот must have*).
- приходить на помощь (*приходит на помощь must-have -- классический тренч*).
- приобретать массовый характер (*Во всём мире must have уже приобрел массовый характер и является настоящей философией в области моды*).
- а также с ним можно знакомиться (*начинаем знакомиться с актуальными must have летнего сезона 2016*).
- в него можно инвестировать (*инвестируем в осенние must haves*).

Таким образом, в результате анализа текстов электронных СМИ и блогосферы можно выделить проективные смыслы, представляющие собой содержание понятия: *must-have* — это вещь (ее можно носить, купить, выбрать); творческий продукт (его можно представлять, копировать, коллекционировать); человек (он может быть сексуальным, приходить на помощь, с ним можно познакомиться); текст (его можно переписать), продукт массового сознания, ценность (может приобретать массовый характер); утверждение, мнение (его можно обсуждать); проект (в него можно инвестировать).

Наиболее семантически близкими понятиями к исследуемому являются *список, коллекция, вещь, товар, продукт, категория, тема, стратегия*. Анализ перечня семантически близких понятий позволяет сделать вывод о принадлежности данного выражения к рекламному дискурсу в большей степени, чем к дискурсу моды. Т.е. *must-have* — это не столько модные рекомендации и советы, сколько разработка маркетологов и редакторов глянцевого журналов для увеличения спроса на вещи. Это подтверждают собственно коммерческие объявления, где в результате компрессии *must-have / мастхэв* выполняет функцию единственного аргумента: «ЭПЛ — якутские бриллианты» — интернет-магазин роскошных изделий с бриллиантами. **Musthave**. Наш телефон: 8-800-333-67-37.

Об этом же свидетельствует употребление слова в функции хэштега: #*Мастхэв. АТЕЛЪЕ. Бумага для скрапбукинга оптом.*

Интересно, что для адресата подобной аргументации истинное намерение отправителя не остается неразгаданным. Так, на одном из компьютерных форумов пользователи обсуждают новинку: «...Я бы не сказал, что это такой уж "мастхэв"...

iDialer — альтернативная номеронабиралка **нафикмастхэвить?** ([https:// forum.onliner.by/viewtopic.php?t=768318&start=980](https://forum.onliner.by/viewtopic.php?t=768318&start=980)).

Грамматическая адаптация заимствования проявляется в склонении по образцу мужского рода, образовании форм множественного числа (в т. ч. и в написании на латинице — *musthaves*) и появлении дериватов *мастхэвный / мастхэвный, мастхэвить* и др.

Так, поиск по запросу *мастхэв* дает список, где представлены и аналитические словосочетания с *мастхэв* (*мастхэв, маст-хэв*), так и грамматически адаптированные, причем последние явно преобладают:

8 мастхэв вещей осенне-зимнего гардероба 2017–2018. 11 мастхэвов на каждый день. Мои мастхэвы косметики.

В новых медиа широко представлены производное прилагательное и глагол:

Вещь дня — мастхэвный ироничный свитшот от российского спортивного бренда... В этой модели есть все, чтобы сделать ее мастхэвом сезона.

(<https://www.cosmo.ru/fashion/news/18-01-2018>)

Коктейль мастхэвный: творог, молоко, несколько клубничек для запаха (<http://xn--80akjgbibjibbu4f.xn--p1ai/2016/04/21>)

Вот мы часто говорим — мой косметический мастхэв, мой уходовый мастхэв, мой кухонный мастхэв — **мастхэвить сейчас стало своего рода мейнстримом.** (отзыв по поводу ароматизатора воздуха ZARA) (<http://irecommend.ru/taxonomy/term/415048>)

Употребление производного *мастхэвный* с оценочным значением стимулирует образование превосходной степени сравнения по модели качественного прилагательного: *Самый мастхэвный мастхэв!!!* (из отзыва на сайте (<http://irecommend.ru/content/samyi-mastkhevnyi-mastkhev>)).

Выводы

Английское заимствование *must have/must-have*, вошедшее в русский язык, по нашим предположениям, в нулевые годы XXI века, значительно расширило сферу своего функционирования, выйдя за рамки дискурса моды, где оно первоначально фиксировалось. Основные семантические приращения связаны с вхождением данного понятия в сферу потребления любого вида товаров и услуг и, соответственно, коммерческого (консьюмеристского) дискурса. При этом, с одной стороны, в русскоязычных дискурсивных практиках *мастхэв* становится знаком нахождения в тренде, приверженности социально одобряемым моделям потребительского поведения, а с другой — сигналом навязываемых стереотипов, установок, ценностей. Последнее обнаруживается в критическом отношении к предметам

потребления (в том числе и духовного), маркированным *мастхэв*, и служит источником иронического переосмысления.

Активное использование данного маркера в сфере рекламы, продаж и в фейковых отзывах потребителей ускорило семантическую и морфологическую адаптацию заимствования, а также стимулировали деривационную активность производящего слова.

Отдельного исследования требует орфографическая форма заимствования, которое фиксируется в 6 вариантах на кириллице и в 2-х на латинице.

Литература

Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры / Пер. с фр., сост. С. Н. Зенкина. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. 512 с.

Баикатова Д. А. Современный русский дискурс моды: автореф. дис. канд. филол. наук. М., 2009. 25 с.

Баикатова Д. А., Чернейко Л. О. Философско-лингвистический аспект изучения моды // Филологические науки. 2008. № 2. С. 86–98.

Бочарникова М. М. Англоязычные заимствования в дискурсе российских телевизионных программ о моде (на материале наименований одежды) // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 2. Т. 1. С. 188–191.

Косицкая Ф. Л. Каталог моды как симфония дискурсов // Вестник ТГПУ. — 2006. — № 9(60). С. 35–40.

Коньков В. И. Журнал мод как стилевая система // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2. История, языкознание, литературоведение. — СПб., 2002. Вып. 4. С. 120–121.

Матосян А. С. Заимствования в терминологии моды XX–XXI вв. // Русский язык : ист. судьбы и современность; II Междунар. конгресс исследователей рус. яз., 18–21 марта 2004 г., Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2004. С. 191–192.

Хунагова А. Р. Мода в рекламном дискурсе (на материале русского и английского языков) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2. Филология и искусствоведение. 2013. № 3 (126). С. 113–117.

O. S. Issers

F. M. Dostoevsky Omsk State University.

(Russia, Omsk)

isserso@mail.ru

LEXICO-GRAMMATICAL ADAPTATION OF ENGLISH LOANWORDS OF FASHION IN MODERN RUSSIAN (AS ILLUSTRATED BY THE LOANPHRASE *MUST HAVE*)

The article deals with the lexical-grammatical adaptation of the phrase "*must have*", borrowed from English and included into Russian discourse of fashion at the early XX-Ist century. The active use of linguistic units that implement a regulatory and permissive

strategy is a characteristic feature of the discourse of fashion. In modern Russian, this strategy is manifested on the lexical level, and one of the examples of it is the loan expression "must have". The adaptation of the expression in the Russian language is manifested in various ways including the variation of the linguistic code (Latin or Cyrillic), orthographic and morphological form, lexical and syntactic compatibility.

The author demonstrates that the phrase '*must have*' has significantly expanded the scope of its functioning, going beyond the discourse of fashion, where it was initially used. Based on the analysis of corpus data and discursive practices of new media, it is established that the semantic expansion of the phrase resulted mainly from its use in the sphere of consumption of any kind of goods and services. The analysis of the contexts where the phrase is used showed that it currently refers to very different objects: clothes, cosmetics, computer programs, films, music and even politicians. The compatibility of the phrase *must-have* makes it possible to specify abstract ideas that are associated with the concept.

In the Russian-speaking discourse practices, the use of *must have* has become the sign of following a trend, of adherence to socially approved patterns of consumer behavior, as well as a signal of imposed stereotypes, attitudes, and values.

Keywords: must-have, fashion discourse, loan words, English loan words, advertising discourse.

References

Barthe R. [Fashion system. Articles on semiotics of culture]/ Per. s fr., sost. S. N. Zenkina. Moscow.:Izdatel'stvo im. Sabashnikovyh Publ., 2003. 512 p. (In Russ.)

Bashkatova D. A. [Contemporary Russian discourse of fashion]. Avtoref. dis. kand. filol. nauk. Moscow, 2009. 25 p. (In Russ.)

Bashkatova D. A., Chernejko L. O. [Philosophical-linguistic aspect of the study of fashion] // *Filologicheskie nauki*. 2008. №2, pp.86–98. (In Russ.)

Bocharnikova M. M. [English loanwords in the discourse of Russian TV programs about fashion (based on names of clothes)] // *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik*. 2012. №2. T.1. Pp.188–191. (In Russ.)

Kosickaya F. L. [Catalog of Fashion as a Symphony of Discourses] // *Vestnik TGPU*. 2006. №9(60), pp.35–40. (In Russ.)

Kon'kov V. I. [The fashion magazine as a style system] // *Vestnik S.-Peterb. un-ta*. Ser. 2. Istoriya, yazykoznanie, literaturovedenie. — SPb., 2002. Vyp. 4, pp. 120–121. (In Russ.)

Matosyan A. S. [Loan words in the terminology of fashion XX–XXI centuries] // *Russkiyazyk :ist. sud'byisovremennost'; II Mezhdunar. kongressissledovatelejruss.yaz., 18–21 marta 2004 g.*, Moscow, MGU im. M. V. Lomonosova. M., 2004. Pp. 191–192. (In Russ.)

Hunagova A. R. [Fashion in the advertising discourse (based on Russian and English languages)] // *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya 2. Filologiya i iskusstvovedenie. 2013. №3 (126). Pp.113–117. (In Russ.)

Е. В. Какорина

*Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
kakor@yandex.ru*

ПРОБЛЕМЫ ФИКСАЦИИ И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ КОММУНИКАТИВОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РАБОТЫ НАД «ТОЛКОВЫМ СЛОВАРЕМ РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ» (ТСРР¹))

Статья посвящена вопросам изучения коммуникативов и опыту их описания в современном Толковом словаре русской разговорной речи (ТСРР). Коммуникативы — слова-высказывания, неизменяемые слова или выражения, употребляемые в качестве реплик диалога (обычно ответных, реже — инициальных). Они представляют собой стереотипные реакции говорящего на предшествующие реплики или ситуацию общения. С формальной точки зрения — это застывшие выражения или ставшие неизменяемыми формы слов (часто имен или глаголов), развившие новое значение, связанное с оценкой ситуации или слов собеседника в диалоге. Коммуникативы не всегда фиксируются словарями, т. к. их трудно распознать и идентифицировать в устном диалоге в силу идиоматичности семантики, особой синтаксической роли и специфики грамматических признаков. Проблемы описания коммуникативов в словаре связаны с отсутствием единого взгляда на их грамматические свойства и характер выражаемого значения. Традиционно коммуникативы не выделяются в качестве самостоятельных языковых и лексикографических единиц. Они описываются в словаре как особые значения отдельных форм или значение какой-либо части речи, использующейся в функции частицы или междометия. Мы пытаемся показать, что коммуникативы могут стать полноправными единицами толкового словаря. Их семантика определяется через указание на тип речевого акта или интенцию говорящего, характер выражаемой оценки, а также

¹ *Толковый словарь русской разговорной речи*. Вып. 1: А — И / Авторы-составители: М. Я. Гловинская, Е. И. Голанова, О. П. Ермакова, А. В. Занадворова, Е. В. Какорина, М. В. Китайгородская, Л. П. Крысин, С. М. Кузьмина, И. В. Нечаева, А. Р. Пестова, Н. Н. Розанова, Р. И. Розина; отв. ред. Л. П. Крысин. — М., 2014; *Толковый словарь русской разговорной речи*. Вып. 2: К — О / Авторы-составители: М. Я. Гловинская, Е. И. Голанова, О. П. Ермакова, А. В. Занадворова, Е. В. Какорина, Л. П. Крысин, И. В. Нечаева, Е. А. Никишина, А. Р. Пестова, Н. Н. Розанова, Р. И. Розина, О. А. Шарыкина; отв. ред. Л. П. Крысин. — М., 2017.

через описание прагматических условий реализации значения и просодических особенностей речи.

Ключевые слова: коммуникативы, иллокутивы, устный диалог, лексикографическая практика, русская разговорная речь, толковый словарь разговорной речи, семантика и грамматика, лексикализация грамматических форм, способы толкования значения.

1. Вводные замечания

Единицы с идиоматичной семантикой широко распространены в разговорной речи. Среди них выделяются слова, функционирующие в качестве отдельных высказываний и приобретающие в диалоге нестандартные, отличающиеся от «словарных», значения. Данная статья посвящена проблемам выделения и описания единиц подобного рода, более точные характеристики которых будут обсуждаться далее.

Примеры:

— *Как же ты мог сказать такое?!*

— *Молча!* (Запись устной речи)

— *Ну, как? Придете?*

— *И не подумаю!* // *А еще пожалею мужу, и он превратит вас... в крысу.* (К/ф «Обыкновенное чудо»)

Носители русского языка, как правило, не ощущают формальной противоречивости смыслов выделенных слов, т. к. они употребляются не в своем прямом значении, их значение задается структурой диалога и легко вычитывается из контекста.

В первом примере ответное высказывание *Молча!* выражает уход от ответа, однако это не просто псевдоответ, а демонстрация того, что сам вопрос говорящий расценивает как неуместный или неправомерный. Эмфатическая интонация служит особому смысловому подчеркиванию и позволяет отличать данный коммуникативный тип высказывания от других. При таком употреблении *Молча!* в РР имеет синонимы *Легко!*; *Вот так и...!*; *Просто!*; *Запросто!*; *Изи!*; *На раз!* и др.

В следующем примере мы видим, что ментальный глагол (в этой форме) также употреблен не в своем основном словарном значении. *И не подумаю!* означает категоричный отказ сделать то, о чём просит или к чему побуждает говорящего собеседник. Синонимами выражения *И не подумаю!* являются такие его соответствия: *Ага!*; *Больно надо!*; *Вот еще!*; *Да пошел ты!*; *Держи карман шире!*; *Еще чего!*; *Ишь чего захотел!*; *Как же!*; *Ни за что!*; *Ну уж нет!*; *Облезешь!*; *Обойдешься!*; *Разбежался!* *Размечтался!*; *Спешу и падаю!*; *Только шнурки поглажу!*; *Щас!* (*Ща-а-с!* *Шаз!*) и т. п.

Несмотря на широкую употребительность в РР слов и конструкций данного типа, они далеко не всегда становятся объектами лексикографического описания.

Этому способствует их формально-структурное разнообразие, идиоматичность и семантическая разнородность. В настоящее время нет единства в понимании грамматического статуса подобных единиц, определении их синтаксической роли и способа описания их семантики.

В Толковом словаре русской разговорной речи, работа над которым ведется в отделе современного русского языка ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН под руководством Л.П. Крысина, подобные единицы занимают оправданно важное место. На примере работы над ТСРР мы попытаемся показать, каким образом они описываются в словаре и с какими проблемами при их описании сталкиваются лексикографы.

2. Проблема термина и определение объекта описания

Приведенные выше примеры представляют не совсем стандартные единицы словаря. Разнообразие терминов, использующихся для их обозначения, говорит о различиях лингвистических подходов и точек зрения на предмет: *междометия* [Виноградов 1947]; *частицы* и *междометия* [Шведова, 1960]; *модальные частицы* и *междометия* [РГ 1980]; *релятивы* [Сиротинина 1974, Земская 1983]; *коммуникемы* [Меликян 1999]; *речевые формулы* [Баранов, Добровольский 2007]; *иллюкутивы* [Кустова, 2012]; *коммуникативы* [Киприянов 1983; Колокольцева 1999; Шаронов 2015 и др.].

Мы будем называть слова данного типа коммуникативами. Этот термин, на наш взгляд, наиболее точно отражает их дискурсивную специфику и роль в устном диалоге.

Коммуникативы — это *слова-предложения*, реплики диалога, представляющие *стереотипные ментальные или эмоциональные реакции говорящего* на сказанное ранее, экспрессивную оценку действий собеседника или ситуации.

Важно подчеркнуть, что коммуникативы не создаются, а воспроизводятся в речи как готовые речевые формулы, принятые в определенных ситуациях общения (вопрос — ответ; предположение — подтверждение; просьба — согласие или отказ; оценка слов или действий собеседника и мн. др.).

В качестве коммуникативов могут выступать слова разных частей речи и словосочетания.

Примеры:

(Выражение восхищения:)

— *Ух ты! Вот это да! Вот это я понимаю! Умереть не встать!*

(Ситуация прощания:)

— *Ну ладно/Пока// Созвонимся!*

— *Ага// Давай!*

(Предложение — отказ:)

— *Завтра идем в кино?*

— ***Обязательно!** Ты с дуба рухнула? У нас зачет!*

(Просьба/ требование — отказ:)

[Сильва] — *Гоните брюки/ вы/ психи!*

[Бусыгин] — *Обойдётся/ это тебе даже к лицу!* (К/ф «Старший сын»)

(Отказ на предложение третьих лиц и несогласие с утверждением собеседника:)

[Женя] — *Галя/ но с Катаньянами всё-таки не очень хорошо...*

[Галя] — *Обойдутся!* [Уходит] (К/ф «Ирония судьбы, или С легким паром»)

Коммуникатив *Обойдешься!* в абсолютном употреблении выражает категоричный, грубый отказ выполнить просьбу или требование, а также косвенно негативно или пренебрежительно оценивает самого собеседника и при этом квалифицирует его просьбу как неуместную или не заслуживающую внимания. Коммуникатив *Обойдутся!* употребляется для выражения несогласия и отказа; при этом и отказ, и пренебрежение высказываются по отношению к нескольким лицам, не участвующим в разговоре.

Не все из приведенных выше слов фиксируются словарями в данных значениях. Отчасти это объясняется морфологическими и синтаксическими свойствами коммуникативов (это слова-высказывания, слова-предложения, специфика которых проявляется в устном дискурсе), а также, в определенной мере, — недостаточностью теоретических оснований для объединения столь разнородных фактов в единую самостоятельную группу языковых единиц. Дискуссия о лингвистическом статусе слов и выражений типа *брось!*, *вали!*, *валяй!*, *давай!*, *смотри!*, *куда там!*, *какое!*; *жуть!*, *блеск!*, *красота!* и под. имеет достаточно продолжительную историю и остается актуальной до сих пор.

3. Грамматические свойства, функции и семантика коммуникативов (из истории изучения)

Основополагающие идеи об изменении лексической семантики и частеречной принадлежности слова под влиянием определенных синтаксических условий были высказаны в «Очерках по синтаксису русской разговорной речи» [Шведова 1960], где на основе анализа большого материала обсуждались факты перехода знаменательных слов или отдельных форм в разряд служебных слов (предлогов, частиц, союзов) и в междометия. Не менее важными для нас остаются идеи Д. Н. Шмелева, критически оценившего теоретическую и практическую целесообразность широкой трактовки служебных слов и междометий в рецензии на данную работу и в последующих статьях, посвященных «производным» служебным частям речи и междометиям [Шмелев 1961а; Шмелев 1961б].

Обсуждая идеи «отрыва» отдельной формы слова от общей парадигмы, приобретения ею особого значения и потери знаменательности в условиях употребления внутри особой грамматической конструкции, Д. Н. Шмелев занимал достаточно сдержанную позицию в вопросе о том, насколько уверенно можно при этом говорить о безусловном переходе слова в разряд служебных слов и утрате лексического

значения: «...в языке постоянно происходит смещение значения определенных слов или отдельных грамматических форм, например, своеобразный отрыв и семантико-синтаксическое обособление некоторых падежных форм имени или некоторых форм глагола, перестающих быть соотносительными по своему значению и употреблению с другими формами данного имени или глагола <...> Обособленное употребление отдельной формы естественно смещает ее значение и нередко передвигает его за рамки общих значений данной части речи. Подобное движение может происходить в направлении к различным служебным словам <...> То, например, почему отдельные глагольные формы приближаются к частицам, а другие — к междометиям, зависит, как кажется, от природы самих этих форм, — причем именно как вполне определенных глагольных форм» [Шмелев 1961а: 499–500]. При этом Д. Н. Шмелев предлагает считать такие формы (например, формы повелительного наклонения *валяй* и т. п.) «обособившимися по значению формами»: «отдельные формы некоторых глаголов, утрачивая отчетливые очертания своего лексического и грамматического значения, могут в разных контекстах **выступать в функции и частиц, и междометий и такой, которая не может быть подведена ни под какую рубрику классификации по частям речи** (выделено нами — Е. К.); ср. употребление форм *смотри — смотрите, гляди — глядите, брось — бросьте* [Там же: 504]. Та же позиция высказана и в отношении существительных — «значительной группы слов, включаемой в разряд междометий»: «Если считать междометиями *страсть, ужас*, то с не меньшим основанием можно отнести к междометиям и другие существительные, выступающие иногда в разговорной речи с ярким экспрессивно-оценочным значением, сдвигающим их лексическое содержание, например: *жуть, восторг, роскошь, блеск, красота, умопомраченье*» [Там же: 503–504]. «Однако не кажется оправданным рассмотрение процессов «отрыва», синтаксического закрепления или контекстных «смещений» с точки зрения завершеного «перехода» знаменательных слов в служебные» [Там же: 505].

Идеи, высказанные в 60–70-е годы, получили новое развитие в последующей традиции. Исследования РР как одной из разновидностей русского литературного языка, которые велись в Отделе современного русского языка под руководством Е. А. Земской в 70–80-е годы, затрагивали и вопросы изучения коммуникативов (как синонимичные использовались термины «релятив» и «коммуникатив»). Е. А. Земская относила релятивы к **классу неизменяемых знаменательных слов**, представляющих собой нечленимые высказывания [Земская 1983: 84]. «Релятивы не имеют аналогов среди склоняемых и спрягаемых слов — частей речи» [Там же: 93]. Релятивами были названы либо фразеологизированные сочетания слов, либо «застывшие» формы слова, выделившиеся из общей парадигмы и получившие особое значение, это «осколки именных или глагольных парадигм», они отличаются от омонимичных словоформ знаменательных слов **по функции и по семантике**. Релятивы — это особый разряд морфологических единиц, которые начинают функционировать в качестве самостоятельных синтаксических единиц — отдельных высказываний. Их единственный оформитель — интонация. Их общее значение: **реакция на соседнюю реплику или ситуацию** (выделено нами — Е. К.)»

[Земская 1983: 92–93]. Ср. [Сиротинина 1974: 78]: слова, «употребляемые в речи с общим значением реакции на слова собеседника или ситуацию».

Обсуждавшиеся примеры релятивов включали фразеологизмы, незначительные слова, формы именного и глагольного, наречного, местоименного и др. происхождения: *Подумать только! Ничего подобного!; Ну и что?; Чушь! Муть! Пустое!; Идет!* (=согласен), *Не скажи!* (=не согласен), *Скажешь!; Ладно!; Ничего!*

Выводы:

— коммуникативы (релятивы) являются особым классом морфологических единиц;

— они функционируют только в устной речи, в «диалогическом режиме» в качестве «самостоятельных высказываний, единственный оформитель которых — интонация»;

— они воспроизводятся в речи как готовые единицы;

— их типологические свойства — неизменяемость и нечленимость;

— они образуются путем «отрыва» формы от общей парадигмы и приобретения такой формой особого значения;

— коммуникативы обладают сложной семантикой, их общее значение: «реакция на соседнюю реплику или ситуацию» [Земская 1983: 93].

4. Проблемы описания коммуникативов в толковом словаре

Сегодня можно отметить активизацию интереса к изучению коммуникативов и постановку задачи их системного описания, составления словника и специальных словарей, см., например [Кустова 2012; Шаронов 2015, 2017]. При этом в центре внимания лингвистов вопросы определения семантики коммуникативов и способы ее описания в словаре.

4.1. Распознавание коммуникатива

Немаловажным и непростым оказывается вопрос идентификации, нахождения коммуникативов в тексте (дискурсе). Попробуем применить формальный (синтаксическая обособленность и неизменяемость), функциональный (функционирование в качестве самостоятельного высказывания) и семантический (сдвиг в семантике) критерии, опираясь на типологические свойства коммуникативов, которые были названы выше.

4.1.1. Существительные и коммуникативы

Неизменяемость грамматической формы и **синтаксическая автономность** служат первыми признаками коммуникатива.

Ср. *Жесть! Кошмар! Мрак! Ужас!* — коммуникативы **со значением общей отрицательной оценки** ('нечто очень плохое') формируют самостоятельные

высказывания на основе слова в единственно возможной форме — им. пад. ед. ч. (Коммуникатив *Жесть!* имеет и противоположное значение ‘нечто очень хорошее’).

В других формах слово реализует исходное значение — ‘что-л. крайне неприятное или страшное’ и/или то же значение общей отрицательной оценки. *Это просто жесть/ кошмар/ мрак/ ужас! Такой жести/ кошмара/ ужаса никогда не видела!; Это было таким кошмаром!; Там был такой ужас!* При этом существительные являются частью предложения (сказуемым, дополнением, подлежащим).

В ТСРР **существительные**, употребленные в функции предикатов, и **коммуникативы** с оценочным значением нередко (но не всегда) объединены в одной словарной статье.

МРАК.

DEF: выражает высокую степень отрицательной оценки или отрицательных эмоций. *Вчера врачиха сказала ей, что токсокоз может длиться всю беременность — сорок недель! Мрак! Ей столько не выжить!* (А. Житков. Супермаркет); <...> *Остановки у нас — просто мрак! Вроде бы новый павильон, недавно поставили... Но видеть уродливые надписи неприятно* (АиФ Смоленск, 03.08.2016) < ... > (Автор словарной статьи Е. В. Какорина.)

Остается открытым вопрос о том, насколько правомерным является объединение толкования предиката и коммуникатива. *А платье обалдец!* (предикат); *Полный обалдец! Я в восторге!* (коммуникатив). В ТСРР нередко значение оценки и выражение эмоциональной реакции не различается.

ОБАЛДЕЦ.

DEF: употребляется для выражения различных эмоций: восхищение, удивление, возмущение и т. п. (После просмотра кинофильма:) — *Ну и фильмец-зашибецы с тобой посмотрели!* — *Полный обалдец! Я в восторге!*; (Из разговора студенток:) — *Марши/ выглядишь классно! А платье обалдец!* — *Ага! это я из Италии привезла!* (Записи устной речи, 2013) < ... >

(Автор словарной статьи Н. Н. Розанова.)

Основанием для объединения толкования предиката и коммуникатива служит оценка какого-либо объекта, который не назван, но может быть легко восстановлен в позиции субъекта, хотя при этом, естественно, преобразуется структура высказывания: *Фильмец — полный обалдец!*

4.1.2. Предикативы и коммуникативы

К классу неизменяемых слов с обобщенным характером семантики, которая уточняется в условиях контекста и конситуации, в русском языке относятся и **предикативы** (*ой-ё-ей, ни гу-гу, очень, (не) того, вообще, куда и др.*). *Виноград по-моему очень даже!* (хороший, вкусный); *Виноград по-моему того!* (испортился) [Земская 1983: 87–91]. На их основе строятся оценочные высказывания с ярко выраженной экспрессией. *Ну ты вообще! Он вообще! Это было вообще!*

Предикативы определяются как неизменяемые знаменательные слова, выполняющие функцию сказуемого в личных высказываниях. В этом их отличие от коммуникативов, которые являются самостоятельными словами-предложениями (Ср. [Там же: 82]).

— *Ну ты вообще!* (оценка, предикатив)

— *Ну вообще!* (оценка, коммуникатив)

Проблема разграничения коммуникативов и слов со сходными формальными и семантическими характеристиками (предикативами) особенно актуальна при составлении словаря, т. к. и предикативы, и коммуникативы нередко употребляются в значении общей отрицательной или положительной оценки.

Ср.: «Предикатив вообще (произносится [вашэ] и [вапшэ]) употребляется как сильная эмоциональная реакция, обычно для выражения резкой отрицательной оценки (возмущение, негодование, презрение и т. п.): Ну он *вообще!* ('зазнался', 'воображает') С ним говорить нельзя!; Ты *вообще!* Куда ты это кладешь?» [Земская 1983: 88].

Критерием разграничения является разная структура предложения (синтаксическая автономность коммуникатива), а также сравнение синонимов:

— *Ну он вообще!* (идиот/ дурак... — характеристика лица, оценка характера, поступков, поведения — предикатив)

— *Ну вообще! Ну класс! Ну потряс! Ну отпад! Ну жест!* (оценка, эмоция — коммуникатив).

4.1.3. Глаголы и коммуникативы

Описание коммуникативов, созданных на основе глагольных форм, также имеет свою специфику. В РР существует ряд синонимов: *Забей! Забуди! Наплевать! Наплюй! Не бери в голову! Не парься! Ну и/ да ладно! Плюнь и разотри! Подумай!* для переносного выражения смысла: 'не обращай внимания, перестань волноваться (по поводу чего-л.)', — совета или даже призыва к собеседнику не обращать внимания на нечто неприятное, не придавать большого значения какой-л. проблеме.

Слово *Забей!* вряд ли возможно интерпретировать как коммуникатив, если исходить из того, что переносное значение «перестать обращать внимание на что-л.» обнаруживается во всей системе его форм. Это отражено в словарной статье ТСРР глагола ЗАБИТЬ: одно из его значений определяется как «пренебречь чем-л., отказать от чего-л.». Глагол в этом значении имеет управление *на что*. *Я давно забил на это уже. Большинство же просто забивает на такие мелочи* (Автор словарной статьи А. В. Занадворова). А как же остальные единицы ряда? Значение «отнестись с пренебрежением, проявить презрительное безразличие» отмечено в ТСРР у глагола НАПЛЕВАТЬ (*На заключение это в штабе армии наплевали* (А. Азольский. Облдрамтеатр). (Автор словарной статьи Л. П. Крысин.)

Мы помним, что в норме коммуникатив не может варьироваться (т. е. он реализует характерное для него значение в одной форме). Если же поставить на первое

место значимость употребления в определенном типе речевого акта, а также учесть «довесок» или «сдвиг» значения формы повел. наклонения *Забудь!* и форм повел. и инфинитива *Наплюй! Наплевать!* — просьба или желание «не обращать внимание на неприятности, проблемы» (подобно своеобразному «увещеванию», «угвариванию адресата»)², то можно отнести эти слова к коммуникативам (и, следовательно, необходимо отдельно описать их «коммуникативное» значение). Видимо, в каждом конкретном случае при принятии решения нам приходится учитывать разную степень «семантического выветривания» исходного значения и разный характер семантического сдвига, плюс степень обособления той или иной формы от общей парадигмы.

4.1.4. Фраземы и коммуникативы

В ТСРР фраземы-коммуникативы от других фразем отличает их синтаксическая автономность, использование в качестве самостоятельных ответных реплик в диалоге.

Коммуникативы, которые употребляются только как эмоциональные реакции говорящего на слова собеседника или ситуацию (единицы типа *Держи карман шире!*; *Вот это да!*; *Ну вот ещё!*; *Ну и ну!* и под.), необходимо отличать от фразем, которые также могут участвовать в устном диалоге, выражая оценку слов собеседника или характеристику ситуации: *Курам на смех!*; *Пиши пропало!*; *Ни боже мой* и под.

Нередки примеры, когда «одна и та же» фразема функционирует как в составе высказывания, так и в качестве самостоятельной синтаксической единицы:

Какое (там) хорошо! **Какое (там) отдохнуть!** **Какой (там) отдохнула!** (=нет, не совсем так; совсем не так)

— *Он правда был в Индии?* — **Какое (там)!** (=совсем не так — несогласие говорящего со сказанным ранее).

Несмотря на синтаксические различия приведенных выше примеров, составители словарей склонны объединять подобные языковые факты.

Другой проблемой является выработка четких критериев, позволяющих разграничивать фраземы и свободные сочетания слов. Не всегда идиоматичность семантики и синтаксическая связанность дает возможность интерпретировать то или иное сочетание как фразему. Например, в ТСРР сочетание *какое там* подается как свободное сочетание в иллюстративной части словарной статьи КАКОЕ. В зоне SYNT помещен комментарий, уточняющий особенности синтаксического поведения частицы *какое*: «обычно в ответной реплике с безударным словом *там*» [ТСРР 2017: 26].

В процессе фиксации коммуникативов этого типа возникает также проблема вариативности фразем. Вариативность опорных и факультативных компонентов,

² Отмечено в [Кустова 2012: 363] у коммуникативов *брось! кончай! перестань!* в изолированном употреблении без инфинитива.

например в таких сочетаниях, как **Какое там (тут)!** **Куда там (тут)!** **Где там (тут)!**; **Куда (уж) мне** <нам, им и т.п.>!; **Где (уж) мне** <нам, им и т.п.>! и т.п., является фактором, затрудняющим если не идентификацию, то учет всего разнообразия семантически близких и/или имеющих общую формальную часть фразем-коммуникативов, существующих в языке.

Ср. примеры из ТСРР, фрагмент фразеологической зоны лексемы КУДА:

PHRAS: **куда <уж> там!** — 1) возглас, подчеркивающий невозможность сделать что-л. (обычно выражает разочарование, сожаление или иронию). *Надеялись всё же перехватить относительно недорогие билеты с рук/ но куда там!* (Запись устной речи, 2016).

(Автор словарной статьи Е. В. Какорина).

Синонимичные фраземы **Какое там!** **Где там!** не выделены в ТСРР. Однако в словарной статье лексемы ГДЕ фиксируется близкое значение местоимения, выступающего в функции частицы и употребляющегося в реплике-возражении собеседнику — «отрицание описываемой собеседником ситуации». — *Смотри вот/ диван сюда если/ вот так/ к окну вот/ тогда и шкаф войдет// — Ну где войдет?!* (Автор словарной статьи А. В. Занадворова.)

Учет всего объема фразем-коммуникативов возможен только в специальном словаре.

Ср. ряд коммуникативов из словарной статьи ДА.

PHRAS: **вот это да!** — выражает восхищение, восторг, удивление и т.п. — **Вот это да,** — *выдохнула Женька, глядя на невероятный вырез у нее на спине* (А. Геласимов. Дом на Озерной).

да ну? — выражает удивление, сомнение, недоверие. — *Я видела такой микроскоп в магазине случайных вещей — четыре с половиной тысячи!* — **Да ну?** — *Честное слово* (Б. Кенжеев. Из книги счастья);

да ну тебя <вас, ее, их и т.п.> — выражает отказ от чего-л., несогласие с чем-л., осуждение и т.п. (может сопровождаться как бы отстраняющим жестом руки). — *Расскажи про наёмников, дядька Аптахар!* — **Да ну вас,** — *отмахнулся однорукий калека* (М. Семёнова. Волкодав: Знамение пути); <...> *Татьяна на правах подруги оборвала:* — **Да ну тебя с твоим телевизором!** (А. Слаповский. Синдром Феникса);

ну да — выражает подтверждение сказанного, согласие со словами собеседника. — *Вы там прописаны?* — *допрашивала Ирина.* — **Ну да...** (В. Токарева. Своя правда);

ну да? — *то же, что да ну?* — *Говорят/ он всё это в одиночку перетаскал// — Ну да?* (Запись устной речи, 2004).

(Автор словарной статьи Л. П. Крысин).

Обратим внимание на объединение в иллюстративной зоне фраземы **да ну тебя** <вас, ее, их и т.п.> высказываний разной (?) синтаксической структуры и не совсем совпадающих по значению (ср.: **Да ну тебя!;** **Да ну тебя** <на фиг и т.п.>! и **Да ну тебя (с чем)!** — **Да ну тебя с твоим телевизором!**), что отчасти объясняется принятыми в словаре формальными правилами описания фразеологизмов, а также

еще раз говорит о неоднозначности интерпретаций и трудностях фиксации единиц данного типа.

Выводы:

Мы видим, что примененные нами критерии не вполне обеспечивают «узнавания» и идентификации коммуникатива. Вариативность в фиксации и толкованиях значений коммуникативов характерна для современной лексикографической практики в силу «необщепринятости» взгляда на данный, синкретичный по своей природе класс слов, разнородных по своему происхождению, обладающий, тем не менее, признаками единства формы, функции и семантики.

4.2. Разграничение коммуникатива и слова с полной парадигмой

Для разграничения эллиптических конструкций, слов в абсолютном употреблении и коммуникатива как отдельной формы слова в особом значении можно использовать еще один критерий — перевод текста из диалогического в повествовательный режим, перефразирование высказывания через косвенную речь.

Г. И. Кустова, предлагая рассматривать коммуникативы (иллокутивы) с точки зрения специфики выражения экспрессивной и апеллятивной языковых функций, показывает, что **им не свойственна дескриптивная («повествовательная», информационная, репрезентативная) функция языка**: «иллокутивы — это знаки актуального самовыражения или актуального воздействия, именно поэтому они не переводятся в описательно-повествовательные структуры и не имеют других форм» [Кустова 2012: 355].

На это впервые, по-видимому, указал И. А. Шаронов, предложив тест для идентификации коммуникативов. Существовая только в устном диалоге, коммуникатив исчезает при переводе высказывания в косвенную речь.

- *У меня машина сломалась!* — **Поздравляю!**;
- *У меня машина сломалась!* — ***Он поздравил меня!**;
- *Поздравляю!* (= ироничная реакция на плохую новость);

Это же Альпы. — Это — Альпы? Не может быть! — Здравьете, приехали. А что же, по твоему? — Нет, скажи ему, это ж не Альпы. — Да, — сказал Щукин, — Альпы на юге Италии [С. Носов. Грачи улетели].

*Это же Альпы. — Это — Альпы? Не может быть! — * Он поздоровался. Здравьете!* (= удивление, возражение, недовольство, перебив).

«При такой операции коммуникатив целиком, без остатка заменяется на предикаты со значением интенции, ментального или эмоционального состояния говорящего. Например, *то-то и оно* — заменяется на: подтвердить что-л.; *еще чего* — на отказать в чем-л.; *ни божье мой* — на отрицать что-л.; *так уж и быть* — на разрешить что-л.; *креста на тебе нет!* — на осудить кого-л. за что-л., или на обвинить кого-л. в чем-л. и т. д.» [Шаронов 2009: 544]. Таким образом, идентифицируя

коммуникатив, мы можем заменить его на **имя речевого акта** или **указание на интенцию** говорящего. Ср.:

— *Ой, какая красивая!* **Обалдеть!** (=оценка)

— *Чё так дорого?* **Обалдела? С ума сошла?** (=укор)

— *Чай будешь?* — **Можно!** (= «Да») — **Спрашиваешь!** (=уверенное согласие).

— *Налей чайку!* — **Обойдешься! Облезешь! Размечтался! Спешу и падаю!** (=отказ)

Выводы:

— коммуникативы не переводятся в косвенную речь;

— при переводе высказывания в косвенную речь (нарративный тип текста) коммуникатив исчезает, его можно заменить на предикат, обозначающий интенцию говорящего, имя речевого акта или указание на выражаемую эмоцию.

— *Можно мне ...* — **Облезешь!** (*Он сказал, чтобы я облез/ Он мне отказал/ Он мне грубо отказал (ср.: *Он меня «послал»*)).

4.3. Вид входного слова

Проблема определения входного слова для словарной статьи связана с типологическими особенностями коммуникатива.

Если коммуникативы — это «осколки» парадигмы, которые **омонимичны** остальным формам, т.к. они изменяют грамматические и лексические значения и становятся самостоятельными лексическими единицами, то логично делать коммуникативы отдельными единицами словника, т.е. выделять их в качестве заголовочных слов, посвящая им соответствующие словарные статьи. Однако в лексикографической практике мы учитываем разную степень отрыва (и соотношенности) с остальными формами парадигмы, а также, вероятно, в значительной степени просто следуем традиции, помещая коммуникатив в словарную статью другого слова. При этом, безусловно, существуют переходные случаи употребления языковых единиц, претендующих на роль коммуникативов, изменяющих или не изменяющих свой грамматический статус. Понятно, что существительные в им. пад., наречия, частицы и междометия могут «законно» оформляться как отдельные слова, однако современная лексикографическая традиция этому скорее препятствует, так, например, значения частицы *давай(те)* описываются в словарной статье глагола *давать* (ТСОШ). Вынести отдельную глагольную форму (*Обойдешься!*; *Наплюй!* и т.п.) в позицию заголовочного слова представляется еще более рискованным, тем более что иногда все же возможна вариативность форм (*Ну, ты даёшь!* *Ну вы даёте!* *Ну он даёт!* *Ну они дают!* (=оценка); *Не спи!* *Не спите!* (=побуждение к более интенсивному действию). На наше решение о способе подачи коммуникатива в словаре влияет не только различная степень отрыва от глагольной парадигмы, переход в другую часть речи и характер семантической трансформации значения (*Ну давай!* (в ситуации прощания) — междом. и *Ну, даёшь!* [стране угля] (оценка) — форма гл.), но и лексикографическая традиция. В тех же случаях, когда формы глагола являются разными коммуникативами (*Ну ты подумай!*

(=удивление); *Подумаешь!* (=пренебрежение); *Скажешь тоже!* (=укор, возмущение, категоричное несогласие); *Не скажи!* (=несогласие, часто неуверенное)), их значение, на наш взгляд, логичнее и удобнее было бы описывать в отдельных словарных статьях.

Примеры из ТСРР. Два разных слова — существительное и коммуникатив (существительное, употребляемое в значении междометия) — подаются как два омонима:

МАМОЧКА¹

DEF: ласковое название матери. *Поздравляю твою мамочку, Мариш!*; *Когда-то здесь, в ЖЖ, одна мамочка просила совета и жаловалась на то, что ее сына задирают в школе* (Блоги, 2014)...

MORPH: *ж.*; *одуш.*

МАМОЧКА²!

DEF: возглас, выражающий сильные эмоции (удивление, ужас, боль и т. п.). — *И они эту дверь задвинули/ и там все прыг... — Ой/ мамочка/ я представляю шо там случилось//* (Из коллекции НКРЯ, 2008); — *Ой, мама, мамочка... куда же я попал?* (Е. Хаецкая. Синие стрекозы Вавилона)...

MORPH: *суц.* в знач. междом., *ж.*

(Автор словарных статей А. В. Занадворова.)

КЛАСС.

DEF: высокий уровень мастерства, умения или каких-л. положительных свойств. *Это/ конечно/ высший класс// Я так не смогу//* (Запись устной речи, 1999); *Ну давай/ покажи класс/ раз ты такая крутая//* (Из материалов Ульяновского университета, 2007)...

MORPH: *м.*

SYNT: *чего* или *без доп.*

КЛАСС!

DEF: очень хорошо. — *Во Францию ездила// — Когда? — В марте// — Класс! Сколько стоит путевка?* (Из материалов Ульяновского университета, 2007); (О машине:) *Класс! Отец недавно купил/ почти новая//* (К/ф «Исчезнувшая империя», 2008)...

MORPH: *суц.* в знач. междом.

(Автор словарных статей М. Я. Гловинская.)

Однако, как правило, в ТСРР значение коммуникатива описывается внутри словарной статьи существительного, например, в статье КОШМАР — это один из вариантов второго значения. В этом случае в особой зоне словарной статьи отмечается, что слово употребляется в качестве самостоятельного высказывания.

КОШМАР.

2. DEF: о чём-л., вызывающем сильные отрицательные эмоции. *Справочная всё время была занята. — Кошмар!* — *простонал профессор. — Целый час — всё занято* (В. Шукшин. Печки-лавочки); *...На работе у них — тихий ужас, кошмар! Все сидят «на чемоданах» — то ли закрывают их, то ли нет* (Блоги, 2013); *Поздно*

вечером появился// Ну совсем пьяный// Двух слов связать не может// Просто кошмар!; В прошлом году/ в это время/ у нас такие морозы стояли! Прямо кошмар! (Записи устной речи, 2011, 2012).

MORPH: м., только им. ед.

SYNT: употр. в составе сказуемого **или как самостоятельное восклицательное предложение междометного характера, часто в сочетании со словами какой, просто, прямо.**

STYL: *неодобр.*

SYN: жуть (во 2 знач.), ужас.

ANALOG: надо же, ну и ну, страсть, страх, с ума сойти (см. ум).

(Автор словарной статьи Е. И. Голанова.)

В ТСРП представлена лексема ДАВАЙ, которая подается и как частица, и как междометие (в одном из междометных значений слово является коммуникативом). Это значение не отмечено другими словарями.

ДАВАЙ, ДАВАЙТЕ.

3. DEF: употребляется как формула прощания, как знак окончания общения. — *Ну, давай, разбегаемся: мне по делам, а ты — куда хочешь* (М. Чулаки. Примус); — *Ну, давай, — он повернулся ко мне и протянул руку* (А. Геласимов. Год обмана); *Шурин голос вдруг погрузнел. — Давай. На службу опаздываю* (А. Волос. Недвижимость); (Муж, уходя на работу:) — *Закрой за мной// Ну давай// Пока// — Пока/; — Ну всё/ я ушла// Там на плите рис с индюшкой/ в холодильнике суп// Ешь-те// — Ну давай// За квартиру заплати// Пока//* (Записи устной речи, 2011).

MORPH: *междом.*; обычно только в форме ед. (давай).

SYNT: часто после частицы *ну* (ну, давай!).

STYL: *сниж.*

SYN: бывай, пока, счастливо, чао.

У глагола ДАВАТЬ фиксируется «коммуникативное» значение оценки. В иллюстративной зоне приводятся формы *Ну, ты даёшь! Ну вы даёте! Ну он даёт! Ну они дают!*, которые образуют высказывания-коммуникативы.

ДАВАТЬ!

4. DEF: употребляется как средство оценки каких-л. действий, вызывающих у говорящего удивление, возмущение, восторг, радость и т.п. *Так и хочется воскликнуть: «Ну вы, ребята, даёте!»* (За рулем, 15.03.2004); — *Что, всё ещё не куришь? — хмыкнул он. — Ну ты даёшь, Володька! Никой чёрт тебя не берёт!* (В. Белоусова. Второй выстрел); *Папа обхватит мой бицепс и удивленно покачает головой, мол, ну ты даёшь!* (М. Шишкин. Письмовник); — *Когда активирована функция защиты от детей, нельзя выключить холодильник. — И только? Блин, ну они дают, хоть в инструкции бы написали об этом* (Блоги, 2012).

MORPH: *несов.; сов.* (дать) малоупотр.

SYNT: в контексте с местоимениями *ты* или *вы*, часто с предшествующим междометием *ну*.

Данное значение реализуется только в формах 2 и 3 лица ед. и мн. числа настоящего и прошедшего времени. На ограничения в образовании форм справедливо указывает Г. И. Кустова [Кустова 2012: 353].

4.4. Фонетический облик слова-коммуникатива в словаре

Проблема графического представления коммуникативов в словаре возникает по причине развитой вариативности их фонетического облика в РР, с одной стороны, и отсутствия традиции графического оформления таких слов — с другой.

В устном диалоге большое значение имеют просодические средства выражения экспрессии: модификация интонационного контура, выделение голосом опорного слова, растяжка, удлинение гласных; в то же время отмечаются различные виды фонетического эллипсиса в сильной фразовой позиции и другие фонетические деформации слова.

В каких же случаях необходимо отражать фонетический эллипсис и фонетические деформации, возникающие в узусе? Вероятно, в тех случаях, когда они отражают разговорную произносительную норму. Это такие фонетические деформации, которые говорят о сдвигах в семантике или в грамматическом статусе слова, а также — наиболее частотные произносительные варианты слов, превратившиеся в разговорные «лексические дубликаты» слов КЛЯ (сейчас — *щас*, вообще — *вопще*, *воще*, сегодня — *сёдня*, человек — *чек* и мн. др.). О лексикализации разговорных произносительных вариантов слов и их лексикографическом представлении см. [Розанова 2015].

Коммуникативы активны не только в устном общении, но и в интернет-коммуникации, совмещающей в себе признаки устного и письменного общения. При этом в текстах интернет-коммуникации, узаконившей случаи намеренного искажения слова и языковой игры, нередко представлены факты «стихийного» отражения вариантов разговорного произношения слова в письменном тексте. Понятно также, что круг «разговорных дублетов» слов КЛЯ в интернет-общении шире, чем в других сферах письменного общения. Приведем примеры частотных коммуникативов, отражающих различную степень редукции и перестройки исходного слова или выражения:

Ни фига себе! Фига себе! Фигасе! Фигас!
Ничего себе! Ничёсе! Ничоси!
Счаз! Щас! Ща-а-з!
Ну вообще! Ну ватще! Ну ваще!

В первом случае преобразование коммуникатива приводит к упрощению фраземы до одного слова, при этом *Фигас!* может осмысляться как существительное мужского рода, способное склоняться.

Носители языка и особенно участники интернет-коммуникации очень восприимчивы к таким преобразованиям слова в речи, особенно в публичном интернет-общении, ср. интернет-мемы, возникшие на основе мема «Ничоси», используемого для выражения крайней степени удивления.

НИЧОСИ

Подобные тиражируемые в узусе факты нередко превращаются в языковую игру, становятся моделями для созданий новых слов, служат своеобразной формой для лексически ёмкого представления различных смыслов (*ничёси* — *бабоси* — *чаёси* — *нажрёмси*). Ср. мемы:

Словарь отражает наиболее частотные варианты, случаи устоявшегося преобразования, редуцирования слова.

Пример из ТСРР (автор словарной статьи — Н. Н. Розанова):

ничего себе — выражает удивление, восхищение, недоверие, несогласие и т. п. — *Мы сегодня радугу видели/ представляете?* — **Ничё себе!** *Здорово!* (Разговоры дома // Из коллекции Ульяновского университета, 2009).

Пример проекта словарной статьи со входом ЩАС. (Автор статьи Н. Н. Розанова.)

ЩАС.

6. DEF: выражение несогласия с говорящим. — *Я думаю он (мастер) сегодня позвонит// –Пря-а-м/ **Ща-а-с!** С чего это вдруг?; –Щас по-моему подержанные иномарки подешевели// –Ага/ **ща-а-с!** раз мечталась//* (Записи устной речи, 2010); *Вот говорят: «Напилась — веди себя прилично!» Ага, **щас!** На фигу я тогда вообще пила!?* (Блоги, 2014).

MORPH: модальная частица.

STYL: ирон.

SYN: в сочетании со словами: *прямо, прям, разбежался, как бы не так, ещё чего.*

PRAGM: обычно произносится как [ш'ас], несмотря на сильную фразовую позицию. Ироническое отношение говорящего к словам собеседника выражается фонетическими средствами — удлинением ударного гласного или заменой глухого конечного согласного звонким: *ща-а-с, щаз-з*.

Приведенные примеры графического оформления коммуникативов в ТСРР призваны скорее обозначить проблему последовательного отражения характерных для РР фактов редукции слова при существующей лексикографической традиции игнорировать подобные разговорные лексикализованные эквиваленты слов КЛЯ.

4.5. Грамматическая характеристика слова

Вопрос о том, какова морфологическая характеристика коммуникатива, остается дискуссионным.

Он определяется как частица или междометие (Н. Ю. Шведова), та или иная часть речи в функции частицы или междометия (Д. Н. Шмелев), особый класс неизменяемых знаменательных слов — релятивов (коммуникативов) (Е. А. Земская). Термины «коммуникатив», «релятив» не были приняты в ТСРР в силу адресованности словаря не только филологам-специалистам.

В зависимости от конкретных особенностей употребления того или иного коммуникатива, в словаре возможны варианты морфологической квалификации этих слов.

КОШМАР. MORPH: *м.*, только *им. ед.*

КЛАСС. MORPH: *сущ. в знач. междом.*

МРАК. MORPH: *междом.*

Типологические признаки коммуникатива как слова-высказывания находят отражение в зоне помет, где дается информация о морфологической и синтаксической характеристике слова.

МРАК.

DEF: выражает высокую степень отрицательной оценки или отрицательных эмоций.

MORPH: *междом.*

SYNT: **часто употр. как отдельное высказывание, а также со словом *просто*.**

ОБАЛДЕТЬ.

2. DEF: прийти в состояние изумления, восхищения, восторга.

MORPH: *сов.; несов. обалдевать.*

SYNT: *от чего* или *без доп.*; **в абсолютивной позиции, без зависимых форм инфин. с восклицанием употр. в функции междометия (*Обалдеть!*).**

4.6. Описание значения коммуникатива в словаре

В настоящий момент вопросы определения семантики коммуникативов остаются не до конца решенными. Одни исследователи говорят об «иллокутивном сдвиге» исходного значения в сторону идиоматичности (непрозрачности), другие полагают, что им свойственна сильная «десемантизованность» и «денотативная пустота» [Шаронов 2017: 116; Шаронов 2015: 147].

4.6.1. Характер семантического сдвига

Коммуникативам свойственна различная степень утраты мотивированности значения, ср.:

Рискни! Попробуй! (=не делай этого!); *Не бери в голову! Плюнь и разотри! Не парься! Забей!* (=не обращай внимания); *Облезешь!* (=грубый отказ); *Обалдеть! Умереть не встать! Опупеть! Это что-то!* (=восхищение).

«С точки зрения семантики рассматриваемые формы претерпевают сдвиг значения в сторону большей или меньшей идиоматичности: у каких-то иллокутивов (ср. *Хватит! Прекратите! Берегись!* ‘угроза’) семантические изменения более прозрачны, т.к. основаны на импликациях, у других (оценочное значение у *Сойдет* и *Зашибись*, угроза у *Смотри* [, *дождешься у меня*], согласие у *Идёт*) эти изменения не имеют столь очевидной мотивировки и не выводятся прямо из исходного значения глагола» [Кустова 2012: 352].

Данное свойство коммуникативов связано с их опорой на контекст и конситуацию.

4.6.2. Толкование «нестандартной» семантики

Коммуникативы нередко трактуются как «единицы, которые **не передают номинативного содержания** (выделено нами — Е.К.), а служат для формирования общих представлений и оценок собеседников относительно предмета обсуждения» [Шаронов 2015: 142], факты «недескриптивного использования языковых форм» [Кустова 2012: 354]. Их семантика связывается, как уже говорилось, с реакцией собеседника на соседнюю реплику или ситуацию. Но в чем эта реакция выражается и из каких компонентов она состоит? Какие компоненты ситуации общения должны быть включены в толкование?

Коммуникативы сближаются с междометиями, которые используются «для нерасчлененного выражения чувств, ощущений, эмоциональных и эмоционально-волевых реакций на окружающую действительность» (АГ-80) и лишены номинативного значения. Однако коммуникативы значительно более, чем междометия, разнородны по составу и сложны по семантике. Они создаются на основе незначительных и знаменательных слов и фразеологизмов, их значение реализуется по-разному, в зависимости от контекста и конситуации. Можно определять семантику коммуникативов, исходя из конкретной ситуации:

«Некоторые релятивы наделены сложной, многокомпонентной семантикой: Н. Это ты чашку разбил? О. *Ну и что?* (Согласие с оттенком вызова; приблизительно: ‘Я не отрицаю, что разбил, но зачем возмущаться, мало ли что бывает’) [Земская 1983: 93].

Ср. также описание семантических разновидностей восклицательных реплик эмфатического отказа *Как же! Вот еще! Еще чего! Щас!* и др. в [Крейдлин 2006].

Однако подходы, применяемые в специальных исследованиях коммуникативов, не могут использоваться при их описании в толковом словаре.

Представляется, что, поскольку коммуникатив определяется как слово-предложение (т. е. он является высказыванием), то и толковать его нужно как высказывание — **через отсылку к имени речевого акта, указание на интенцию или выражаемую эмоцию (оценку)**. Очевидно, что эта обязательная часть толкования может дополняться вариативной частью.

Существенно важными для алгоритма описания коммуникатива являются такие коммуникативные параметры, как **характер предыдущей реплики, апелляция к собеседнику или отсутствие таковой** и мн. др., что определяет семантику и смысловые различия синонимичных коммуникативов, **прагматические условия** реализации данного значения, а также **просодические характеристики** (например, особенности произношения: *Же-е-сть!*), и другие паралингвистические характеристики диалога (интонация, жесты, мимика).

Примеры из ТСРР:

НУ!

1. DEF: употребляется для выражения побуждения, призыва к чему-л. (На прогулке. Мать 6-летней дочери, боящейся перепрыгнуть через небольшую лужу:)
Ну! Ксения! Ну же! Прыгай/ не бойся!; — *Наливай давай// — Салатик возьми// — Ну/ за победу//* (К/ф «А поутру они проснулись», 2003); *Ну-с / товарищ весельчак/ пожалуйста на лобное место//* (К/ф «Большая перемена», 1973) <...>

MORPH: *междом.*

SYNT: обычно перед глаголами в повелительном наклонении, обращениями, словами *давай, пожалуйста, прошу вас (тебя), же* и т.п.; может употребляться как самостоятельная реплика (с восклицательной интонацией); может употр. с частицей -с — обычно с оттенком шутки, иронии или при стилизации старой интеллигентской речи.

SYN: *валяй* (см. *валять*), *давай, давайте* (в 1 знач.), *нуте* (в 1 знач.), *нуте-ка, нутка*.

3. DEF: используется для выражения разных видов эмоциональной реакции на чьи-л. слова, действия или события — радостного согласия: (Рассказывает о своем предстоящем выступлении в телевизионной программе:)
— А вы по телику смотрите потом [мое выступление]// — Ну-у! Обязательно!; недовольства: — *Погода*

отвратительная! До чего ж надоела эта слякоть! Пряма удавиться хочется// — Ну уж! Скажешь тоже!//; сомнения: — Эти чиновники все продажные/ все взяточники// — Ну-у/ пря-а-м// (Записи устной речи, 1998, 2012, 2013); недоверия: — Макашов говорит застрелился// — Ну! — Вот мужчина говорит// (Из разговора на митинге 04.10.1994); Ну! Ну! Ну! Ну! / Врешь! Врешь! Врешь! Врешь! (Д. Хармс. Врун); восхищения: (О победе сборной России по хоккею:) Ну, ребята! Ну молодцы! Поздравляю с победой! (Блоги, 2012).

MORPH: *междом.*

SYNT: может употребляться в сочетании с частицами *да, прям, уж* и др.

SYN: ага, ай, ай-ай, ай-ай-ай, ах (в 1 знач.), во, вот, вот так (*см.* *вот*), ни фигу себе (*см.* *фиг*), ничего так (*см.* *ничего*), ничего себе (*см.* *себе*), ого, ого-го, ой, ух, ух ты (*см.* *ух*), эх...

(Автор словарной статьи Н. Н. Розанова.)

В приведенном ниже примере в толковании из ТСРР описывается ситуация общения, названы интенции собеседников, учитывается левый контекст: тип предшествующей реплики — недоуменный вопрос. Такой вопрос нередко задается с возмущением, восклицательной интонацией, которая характерна и для ответной реплики. Несогласие говорящего с оценкой ситуации, содержащейся в реплике-стимуле, и уход от ответа в данном случае выражается, помимо интонации, семантическим перебивом, сдвигом в значении.

МОЛЧА.

DEF: ответная реплика на недоуменный вопрос «как? (каким образом?)», которая выражает (вместо ответа) демонстративный отказ собеседника согласиться с тем, что то, о чём спрашивают, является ненормальным, затруднительным, странным и т. п. — *Ну как же ты мог сказать такое? — Молча!* (Запись устной речи, 2014); — *Дурак/ как же я кроссовки снимать буду! — Молча!* [смеется] (Разговор двух школьников// Из материалов Ульяновского университета, 2007); — *И тогда он предложил мне стать его женой! — Как это он предложил? — Молча...* (К/ф «Блондинка за углом», 1984); — *Хорошо, но как всё-таки удалось ещё и авторитет завоевать, чтобы претендовать на директорское место? — Ой, да никак, — смеётся сама Кириченко. — Молча* (Труд-7, 25. 04.2002) <...>

(Автор словарной статьи Е. В. Какорина.)

4.6.3. Омонимия и многозначность коммуникативов

В силу развитой омонимии и многозначности коммуникативов перед составителями нередко вставала необходимость разграничения их значений. Например, в ТСРР у междометия *А* (коммуникатив) в ТСРР отмечено три, у частицы *А* — четыре значения. У разговорного междометия *Ну* зафиксировано три значения, а частица *Ну* описана в одиннадцати значениях.

Немотивированность значения, зависимость от контекста, отсутствие «видимых» формальных признаков (грамматических показателей) слова, ирония

и энантиосемия, характерные для многих коммуникативов, создают трудности для понимания этих слов иностранцами, изучающими русский язык. Описание данных единиц в ТСРР может служить ключом к их интерпретации и являться помощью для корректного использования коммуникативов в речи. Ср.: «**Ладно!**» *больше всего бесит иностранцев// Они думают что это «да» а на самом деле это «нет»//* (Запись устной речи, 2018).

4.7. Парадигматика

Показательны большие синонимичные ряды, использующиеся для выражения того или иного «коммуникативного» значения. Ср. выражение высокой степени положительной оценки (удивления и /или восхищения):

Блеск! Вот это да! Жесть! Зашибец! Зашибись! Клёво! Класс! Красота! Круто! Мама! Мама дорогая! Мама миа! Ни фига! Ничего себе! Ничёсе! Ништяк! Ну и ну! Обалдеть! Ого! Опунеть! Отпад! Охренеть! Под столом! Потряс! С ума сойти! Супер! Улёт! Умереть не встать! Фантастика! Фигас! (Фига себе!) Что-то с чем-то! Шик! Это что-то! Я не могу! Я в шоке!..

ТСРР фиксирует синонимы, аналоги и антонимы которые помещаются в соответствующей зоне словарной статьи.

МАМОЧКА²!

DEF: возглас, выражающий сильные эмоции (удивление, ужас, боль и т. п.).

SYN: мама¹!, мама дорогая (см. мама¹), мама родная (см. мама¹), мамочки!, ма-тушки!, мать моя женщина (см. мать²), мать честная (см. мать²).

ANALOG: батюшки!, боже!, боже мой!, господи!, ой.

(Автор словарной статьи А. В. Занадворова.)

ОБАЛДЁТЬ.

2. DEF: прийти в состояние изумления, восхищения, восторга.

SYN: абзац, зашибец, пипец, трендец.

ANALOG: балдёж, зашибись (в 1 знач.), класс, офигеть, охренеть, потряс, потрясно...

(Автор словарной статьи Н. Н. Розанова.)

Вариативность может касаться не только наполняемости «тематического» ряда, но и формы синонимичных по значению коммуникативов. Ср. выражение удивления, восхищения, возмущения:

Обалдеть! Обалдец! Опунеть! Офигеть! Офонареть! Охренеть! Очуметь!

У нас у Ани такое слово в лексиконе есть замечательное — «обалдец» (это она скрестила обалдеть и капец). Идём в пятницу по улице, она что-то увидела — и вся в возмущении на всю ивановскую: «Ваще обалдец!» (Форум «Наши дети», 19.04.2012).

Случаи игрового варьирования коммуникативов обычно не отмечаются словарем. Узуальность подобного слова с обыгрыванием формы служит основанием для

включения коммуникатива в словарь, однако этот вопрос не всегда имеет однозначное решение. Ср. примеры коммуникативов для выражения согласия: *Ладно!*; *Лады!*; *Ладушки!*; *Ладнень!*, среди которых только первые два слова включены в словарь.

4.8. Прагматическая характеристика

В РР интонация нередко выполняет смысловоразличительную функцию. Значимость фразового ударения, интонации и других произносительных особенностей определяется семантической и грамматической природой коммуникатива. В ТСРР информация такого рода помещается в разных зонах словарной статьи (в толковании или в зоне PRAGM (см. примеры выше)).

A¹.

2. DEF: указывает на неожиданное узнавание кого или чего-л, на понимание какого-то высказывания, на осознание истинного положения дел или припоминание чего-л. (часто произносится с растяжкой). *A/ здесь дом* (К/ф «Зеркало», 1974); — *Ира? Ты что это дома сегодня?* — *Да я на работу не пошла/ дома работаю!* — *A-a / a то я уж подумал/ может заболела!* (Телефонные разговоры, 1991–2002); — *A-a-a, — сказали остальные, — тогда все ясно* (Ф. Искандер. Сандро из Чегема).

MORPH: *междом.*

SYNT: в начале высказывания или перед ним как отдельное высказывание.

SYN: о!

3. DEF: используется для выражения различных эмоций — пренебрежения (произносится кратко и энергично или растянуто): *A! Мало ли что она говорит!*; досады (произносится кратко, отрывисто, на энергичном выдохе): *A/ черт/ ключи забыл*; злорадства: *A-a/ не попал/ не попал!*; удивления с примесью страха (произносится с растяжкой, на вдохе): *A-a-a/ он забыл билет дома*; физического удовольствия (произносится глухо и напряженно, с энергичным выдохом): *A/ хорошо! Поддай еще пару!* (Записи устной речи, 2002–2009).

MORPH: *междом.*

SYNT: в начале высказывания.

(Автор словарной статьи М. Я. Гловинская.)

Концепция ТСРР как словаря экспериментального типа допускала вариативность при описании коммуникативов. Словарное представление этой группы слов связано с недостаточной «укорененностью» в традиции и с неоднозначностью существующих теоретических взглядов на их лингвистический статус и их типологические характеристики.

Коммуникативы, на наш взгляд, должны стать полноправными лексикографическими единицами, более широко и последовательно фиксироваться в словарях разговорной речи и в толковых словарях современного русского языка, что позволит в дальнейшем более точно и полно описывать их семантику.

Литература

Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Фразеологический объяснительный словарь русского языка. М., 2009.

Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., Л., 1947.

Земская Е. А. Морфология // Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983. С. 80–118.

Киприянов В. Ф. Проблема частей речи и слова-коммуникативы в современном русском языке. М., 1983.

Колокольцева Т. Н. Антропоцентризм диалога // Вопросы стилистики. Вып. 28. Саратов, 1999. С. 114–125.

Крейдлин Г. Е. Эмфатические ответные реплики в диалоге // Русский язык сегодня. Вып. 4. Проблемы языковой нормы. Сб. статей / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН — М., 2006. С. 283–294.

Кустова Г. И. Об иллюкативной фразеологии // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты. Сб. статей в честь 80-летия И. А. Мельчука. М., 2012. С. 349–366.

Меликян В. Ю. Проблема статуса и функционирования коммуникем: язык и речь: Монография. Ростов н/Д: Ростиздат, 1999.

Розанова Н. Н. Интонационно-звуковые особенности незнаменательных слов в спонтанной устной речи и их словарное представление // Язык в пространстве речевых культур: Сб. в честь В. Е. Гольдина. Москва–Саратов, 2015. С. 132–145.

Сиротинина О. Б. Современная разговорная речь и ее особенности. М., 1974.

ТСРР — Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1: А — И; отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2014;

Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 2: К — О; отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2017.

Шаронов И. А. Коммуникативы и методы их описания // Материалы международной конференции «Диалог 2009». Вып. 8(15). М., 2009, С. 543–547.

Шаронов И. А. Поиск и описание коммуникативов на основе Национального корпуса русского языка // Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход. М., 2015. С. 141–183.

Шаронов И. А. Коммуникативы в естественных и в художественных диалогах // Экология языка и коммуникативная практика. 2017, № 3. С. 114–127.

Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.

Шмелев Д. Н. К вопросу о «производных» служебных частях речи и междометиях // Известия Академии наук СССР. Т. XX, Вып. 6. 1961. С. 498–505.

Шмелев Д. Н. Н. Ю. Шведова. Очерки по синтаксису русской разговорной речи (рецензия) // Вопросы языкознания. 1961, № 1. С. 125–129.

E. V. Kakorina

V. V. Vinogradov Russian Language Institute (Russian Academy of Sciences)

(Russia, Moscow)

kakor@yandex.ru

**PROBLEMS OF FIXING AND LEXICOGRAPHICAL DESCRIPTION
OF COMMUNICATIVES (REVEALED IN THE COURSE OF WORK
ON THE EXPLANATORY DICTIONARY OF THE RUSSIAN EVERYDAY
SPEECH (EDRES))**

The article is devoted to the study of communicatives and the experience of their description in the modern “Explanatory dictionary of Russian everyday speech” (EDRES). Communicatives are words-utterances, inflexible words or expressions used in dialogues (usually as replies, less often initially). They are stereotypical reactions of the speaker to the preceding remarks or the content of the conversation. From a formal point of view, they are frozen expressions or immutable forms of words (often nouns or verbs) that have developed a new meaning associated with the assessment of the situation or words of the interlocutor in the dialogue. Communicatives are not always fixed in dictionaries, because they are difficult to recognize and identify in the oral dialogue due to their idiomatic semantics, a special syntactic role and specificity of grammatical features. The problems of the description of communicatives in the dictionary are related to the lack of a single view on their morphological (grammatical) properties and the nature of the expressed meaning. Traditionally, communicatives are not distinguished as independent linguistic units. They are described in the dictionary as special values of individual forms or the meaning of any part of speech used in the function of a particle or interjection. We argue that communicatives can become full-fledged units of the dictionary. Their semantics should be described through the indication of the speech act type or the speaker's intention, the nature of the expressed assessment, as well as through the description of the pragmatic conditions for the implementation of their meaning and prosodic features of speech.

Keywords: communicative, illocutive, oral dialogue, lexicographical practice, Russian colloquial speech, explanatory dictionary of everyday speech, semantics and grammar, ways of meaning interpretation.

References

Baranov A.N., Dobrovol'skii D.O. *Frazeologicheskii ob'yasnitel'nyi slovar' russkogo yazyka*. [Russian explanatory phraseological dictionary]. Moscow, Eksmo Publ. 2009. 704 p.

Vinogradov V. V. *Russkii yazyk. Grammaticheskoye ucheniye o slove* [The Russian language. Grammatical doctrine of the word]. Moscow, Leningrad : Uchpedgiz Publ., 1947. 784 p.

Zemskaya E. A. [Morphology]. *Russkaya razgovornaya rech'. Fonetika. Morfolo-giya. Leksika. Zhest*. [Russian everyday speech. Phonetics. Morphology. Vocabulary. Gesture.]. Moscow, Nauka Publ. 1983. pp. 80–118.

Kipriyanov V. F. *Problema chastei rechi i slova-kommunikativy v sovremennom rus-skoy yazyke* [The Problem of Parts of Speech and Communicatives in Modern Russian]. Moscow, MOPI Publ., 1983. 102 p.

Kolokoltseva, T. N. [Anthropocentrism in a Dialogue]. *Voprosy stilistiki*. [Problems of Stylistics]. Issue 28. Saratov, 1999. pp. 114–125. (in Russ.)

Kreidlin G. E. [Dialogue emphatic responses] // *Russkii yazyk segodnya, vyp. 4. Problemy yazykovoi normy*. [Russian language today. Issue 4. Problems of language norms / Institute of Russian Language of RAS]. Moscow, 2006. pp. 283–294. (in Russ.)

Kustova G. I. [About illocutive phraseology] // *Smysly, teksty i drugie zakhvatyvayushchie syuzhety*. [Meanings, texts and other fascinating plots. Festschrift in honor of the 80th anniversary of I. A. Melchuk.]. Moscow, 2012. pp. 349–366. (in Russ.)

Melikiyan V. Yu. *Problema statusa i funktsionirovaniya kommunikem: yazyk i rech'*. [The problem of the status and functioning of the communication: language and speech]. Rostov n/D: Rostizdat, 1999. 200 p.

Rozanova N. N. [Intonational-acoustic features of non-significant words in spontaneous oral speech and their dictionary representation]. *Yazyk v prostranstve rechevykh kultur: Sb. v chest' V. Ye. Gol'dina*. [Language in the space of speech cultures: Festschrift in honor of V. E. Goldin]. Moscow — Saratov, 2015. pp. 132–145. (in Russ.)

Sirotnina O. B. *Sovremennaya razgovornaya rech' i ee osobennosti*. [Modern spoken language and its features]. Moscow, 1974. 144 p.

TSRR — *Tolkovyi slovar' russkoi razgovornoj rechi. Vyp. 1: A — I; otv. red. L. P. Krysin. Tolkovyi slovar' russkoi razgovornoj rechi. Vyp. 2: K — O; otv. red. L. P. Krysin*. [Explanatory Dictionary of Russian Conversation. Issue 1: A — I ; ed. by L. P. Krysin]. Moscow, 2014; [Explanatory dictionary of Russian spoken language. Issue 2: K — O; ed. by L. P. Krysin]. Moscow, 2017.

Sharonov I. A. [Communicatives and methods for their description]. *Materialy mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog 2009»*. Vyp. 8(15). [Proc. Int. conference "Dialogue 2009"]. Moscow, 2009, pp. 543–547. (in Russ.)

Sharonov I. A. [Search and description of communication based on the National Corpus of the Russian language] *Metody kognitivnogo analiza semantiki slova: komp'yuterno-korpusnyi podkhod*. [Methods of cognitive analysis of the semantics of the word: computer corpus approach.]. Moscow, 2015. pp. 141–183. (in Russ.)

Sharonov I. A. [Communicatives in natural and artistic dialogues]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*. [Ecology of language and communicative practice. No. 3]. Moscow, 2017. pp. 114–127. (in Russ.)

Shvedova N. Yu. *Ocherki po sintaksisu russkoi razgovornoj rechi*. [Essays on the syntax of Russian spoken language]. Moscow, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1960. 378 p.

Shmelev D. N. [On the question of the "derivatives" of the official parts of speech and interjections] *Izvestiya Akademii nauk SSSR*. [Izvestia of the Academy of Sciences of the USSR]. T. XX, no. 6. 1961. pp. 498–505.

Shmelev D. N. [Essays on the syntax of Russian spoken language (review)]. *Voprosy yazykoznavaniya*. [Questions of linguistics]. 1961, no. 1. pp. 125–129.

М. А. Кормилицына

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского
(Россия, Саратов)
margarita-kormil@mail.ru*

ЛЕКСЕМЫ С ПРОПОЗИТИВНЫМИ СМЫСЛАМИ КАК ИНСТРУМЕНТЫ УСЛОЖНЕНИЯ СОДЕРЖАНИЯ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В статье на примере полипропозитивных простых предложений, демонстрирующих асимметрию языкового знака, рассмотрены некоторые способы конденсации информации. Исследование этих синтаксических единиц проводилось на материале РР и устной научной речи, а в последние годы — на материале печатных СМИ и их интернет-версий. Активность полипропозитивных предложений в СМИ объясняется не только причинами экономии речевых усилий из-за возросшего объёма передаваемой информации, но и идеологическими причинами, способствующими возвращению «новояза» с его денотативной расплывчатостью, неопределённостью, клишированностью. Влияние оказывает и процесс «бюрократизации» языка. Семантико-синтаксические процессы номинализации и атрибутизации, анализируемые в статье, позволяют ввести в предложение, помимо уже актуализованной базовой пропозиции, вторичные, не имеющие самостоятельного актуализационного механизма. Номинализованные конструкции имеют собственную структуру, изоморфную той ситуации, которую они именуют. Их ядром являются лексемы с пропозитивными смыслами — имена действия (девербативы) и имена качества (деадъективы). Номинализованные конструкции появляются в простых предложениях с определёнными типами предикатов: коннекторами, в основном глаголами отношения, напоминающими логические связки, и каузативными и модусными предикатами (глаголами умственного действия, эмоционального состояния, речи, восприятия и др.). Конденсацию информации можно осуществить в рамках формально простого предложения и с помощью конкретных имён, которые под влиянием семантики предиката матричного предложения приобретают возможность именовать «некое положение дел»: происходит «наращение смысла» таких конкретных имен. В полипропозитивных предложениях, образованных путём семантико-синтаксического процесса атрибутизации, значимыми для усложнения смысла предложения оказываются его коммуникативные признаки, актуализирующие

потенциальные предикативные «способности» прилагательных. Попадая в коммуникативный фокус высказывания, они выполняют функцию глубинного предиката, логически связанного с основным предикатом базовой пропозиции.

Ключевые слова: асимметрия языкового знака, полипропозитивное простое предложение, свернутые пропозиции, номинализованные конструкции, «наращение смысла» конкретных имен, атрибутивные конструкции.

В статье проблема взаимодействия лексики и грамматики, влияния синтаксических конструкций на семантические «приращения» лексем, на приобретение ими возможности именовать «положение дел» исследуется на примере полипропозитивных простых предложений, демонстрирующих асимметрию языкового знака. Эти предложения являются результатом реализации активного в современном русском языке процесса конденсации информации.

Понятие простоты применимо только к формальной организации анализируемых предложений. Это монопредикативные (структурно простые предложения), в которых «в единый синтаксический ряд слиты две (или более) пропозитивных номинации, обслуживаемые общим механизмом актуализации» [Общее языкознание 1972: 319]. Лексемы с пропозитивными смыслами в их структуре обладают способностью называть некоторые «положения дел», характеризующиеся временными параметрами. Они занимают актантные и сирконстантные позиции в семантической структуре простого предложения, усложняют его смысл, дают формально простым предложениям возможность именовать сложную полисобытийную ситуацию. При этом одни лексемы обладают пропозитивными смыслами в любом контексте, другие приобретают их в конкретном предложении под влиянием семантики предиката базовой пропозиции. Чаще всего полипропозитивные простые предложения используются для сообщения о результатах мыслительных операций, интеллектуальной деятельности человека, а лексемы с пропозитивными смыслами в них представляют собой скрытые предикаты. Об этом писал Д. Н. Шмелёв в своей книге «Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке»: «Возможность включения в высказывание единиц скрытой предикации является одной из самых существенных особенностей языка, обеспечивающей его способность разнообразно и адекватно отражать самые различные события и ситуации» [Шмелёв 1976: 71].

Существуют различные способы реализации процесса конденсации информации с помощью полипропозитивных простых предложений, свидетельствующие о взаимодействии лексики с синтаксическими конструкциями, с правилами их построения. Речь идёт о семантико-синтаксических процессах номинализации, атрибутизации, партиципации, адвербиализации, инфинитивизации и др. Эти процессы позволяют ввести в простое предложение, помимо уже актуализованной базовой пропозиции, вторичные, дополнительные, не имеющие самостоятельного актуализационного механизма и поэтому не способные быть самостоятельными коммуникативными единицами. «Они используются в системе предложения как способы вторичного, имплицитно-предикативного обозначения действия» и могут рассматриваться «в качестве синтаксических дериватов глагола-предиката» [Золотова

1982: 183]. В данной статье анализируются полипропозитивные предложения, возникающие в результате только 2-х процессов свёртки пропозиции: номинализации и атрибутизации.

Появляющиеся в результате процесса номинализации конструкции имеют собственную структуру, изоморфную той ситуации, которую они именуют. Ядром их структуры являются имена с пропозитивными смыслами (чаще всего, девербативы и деадъективы), которые делают простое предложение полипропозитивным, то есть усложняют его смысл. Как показали исследования, номинализованные конструкции включаются, как правило, в простые предложения с определёнными типами предикатов: коннекторами, в основном глаголами отношения, напоминающими логические связи, и каузативными и модусными предикатами (глаголами умственного действия, эмоционального состояния, речи, восприятия и др.) [Кормилицына 2011].

Изучение механизмов формирования и особенностей функционирования полипропозитивных простых предложений проводилось вначале на материале РР, НР (в основном устной), а в последние годы — на материале печатных СМИ и их интернет-версий. Анализировались публикации общественно-политической тематики (новостные заметки, аналитические статьи, тексты колонок) различных газет: «Аргументы и факты», «Аргументы недели», «Московский комсомолец», «Литературная газета», «Российская газета». Выбор в качестве материала исследования печатных СМИ объясняется тем, что в последнее время здесь наблюдается активность полипропозитивных предложений, особенно с номинализованными и атрибутивными конструкциями. Это вызвано не только причинами экономии речевых усилий из-за возросшего объёма передаваемой информации, но и идеологическими причинами, способствующими возвращению «новояза» с его денотативной расплывчатостью, неопределённостью, клишированностью речи [Кормилицына 2009]. Безусловно, влияние оказывает и процесс «бюрократизации» нашей жизни, который не мог не отразиться на главной потребности человека — его общении. В современном мире ощущается стремление любыми способами регламентировать жизнь человека, наполнить его постоянно перемещающимися во всех сферах жизни циркулярами, содержание которых заключается в том, чтобы внушить человеку необходимость действовать только так, как предлагается во всё новых, постоянно меняющихся многочисленных «бумагах». Объясняется это, как всегда, благими намерениями: упорядочить хаос, который мешает человеку жить. Целая армия клерков, которые уже стали хозяевами жизни и буквально убивают главную, существенную черту человека, его креативность, творческое начало, захватывая даже те сферы, где главное назначение человека — творить: науку, образование, искусство. Не мог процесс «бюрократизации» не коснуться средств массовой информации, которые всегда быстро реагируют на изменения в языке и речи: современные медиатексты изобилуют канцеляризмами, стереотипными конструкциями, формальными неопределёнными характеристиками предлагаемых «мер», столь свойственными официальному языку чиновников: *При них можно ждать сохранения линии на консолидацию бюджета и повышения эффективности государственных расходов* (МК в Саратове 30.05–6.06.2018).

Однако использование простых предложений с номинализрованными конструкциями с нанизыванием слов в родительном падеже требует от журналиста и других участников коммуникации в СМИ большой осторожности: многокомпонентные, громоздкие, «тяжелые» номинализированные конструкции затемняют содержание предложения, формируют неопределенность и денотативную размытость передаваемой информации, поэтому нежелательны в прессе: *На территории региона принимаются необходимые меры по обеспечению общественной безопасности и правопорядка, на это нацелена работа правоохранительных структур. Выстроено четкое взаимодействие с органами власти всех уровней для проведения комплексных оперативных и профилактических мероприятий* (МК в Саратове 14–21. 03. 2018). Справиться с проблемой быстрого понимания смысла таких предложений журналисту помогает возможность использовать различные способы конденсации информации, характерные для разговорной речи. В ней, как показали наши исследования, простые предложения с номинализрованными конструкциями встречаются редко: это зона действия конкретной лексики, в которой действует закон ограничения глубины фразы, связанный с объемом оперативной памяти человека. Максимальная сжатость информации здесь возможна благодаря тесной связи с речевой ситуацией и общностью жизненного опыта участников общения: можно обойтись без вербализации некоторых компонентов смысла, не снижая эффективности общения. В разговорной речи полипропозитивные простые предложения формируются с помощью свойственного и первичного прежде всего для этой сферы общения приёма замещения номинализированных конструкций конкретными именами, которые требуют «пропозитивного прочтения». «Имя лица или предмета может скрывать за собой любое из возможных качеств, действий и происшествий» [Арутюнова 1976: 123]. В РР можно избежать называния всех компонентов именуемой ситуации без ущерба для целей коммуникации, особенно в тех случаях, когда используются разговорные клише, стереотипные, стандартные фразы типа: *Поживёшь с моё и узнаешь; Тогда очень трудно было со всеми вещами*. В СМИ реже, чем в разговорной речи, встречаются полипропозитивные предложения с конкретными именами, которые приобрели пропозитивные смыслы под влиянием семантики предиката матричного предложения. Они используются журналистами в основном потому, что такие предложения не только экономны, но и выразительны и привлекают внимание читателя своей необычностью, непривычностью своей сочетаемости, усиливая воздействующий потенциал публикации: *Под либералами, уничтожающими страну, ни у кого нет перспективы* (АН 27.04 2017); *Проблемы с США начались ещё до Трампа и после Трампа тоже не закончатся* (МК в Саратове 30.05–6.06.2018); *Кому сказать спасибо за цены?* (АиФ № 22, 2018). В последнем предложении использовано «имя ситуации», столь характерное для РР.

Другой способ формирования полипропозитивных предложений — путём семантико-синтаксического процесса атрибутизации — гораздо чаще используется в СМИ, но меньше изучен. Здесь значимыми для усложнения смысла простого предложения оказываются коммуникативные признаки синтаксической единицы, актуализирующие потенциальные предикативные «способности» прилагательных.

Многие исследователи считают эти способности органической чертой прилагательных (см., например, работы Е. В. Падучевой, которая отрицает наличие определительных связей в глубинных структурах, а также работы о предикативных возможностях прилагательных саратовских учёных Полищук Г. Г. и Столяровой Э. А. [Полищук 2011; Столярова 1975]).

Назначение любого высказывания не просто в номинации ситуации, а в том, чтобы представить эту ситуацию в актуальном для автора аспекте. Каждый раз человек, определяя свою задачу в общении, комбинирует семантический материал в зависимости от своей коммуникативной цели: она может заключаться в рематизации того или иного элемента, в его подчёркивании, выделении. В таких сферах общения, как разговорная речь, прилагательные в атрибутивной функции часто коммуникативно избыточны. Они появляются в предложении с целью передать важную для говорящего информацию, попадая в коммуникативный фокус высказывания. Отсюда и функция глубинного предиката и логическая связь с основным предикатом базовой пропозиции. Прилагательное включается в отношения с другими компонентами семантической структуры высказывания таким образом, что регулирует семантическую адекватность предложения тому, о чём сообщается. Поэтому опущение прилагательных в таком предложении создаёт неточности в реализации интенций автора или вызывает неверное их понимание, а иногда даже делает фразы просто бессмысленными: *Встань с грязного пола; В холодном море нельзя купаться* (PP). Влияние разговорной речи на язык современной прессы обуславливает активность использования конденсированных атрибутивных конструкций, представляющих собой стяжение предикативной единицы в атрибутивное словосочетание, и в этой сфере коммуникации. Эти экономные конструкции к тому же создают непривычные, экспрессивные, часто метафорические высказывания, усиливающие воздействие на читателя. Приведем примеры подобных экономных конструкций из анализируемых нами газет, где прилагательные под влиянием семантики матричного предложения приобретают дополнительные пропозитивные смыслы: *топорное исполнение, властная поддержка криминальных структур; непревзятые граждане; бессовестное рассовывание по карманам; энергичные элитные люди, линчующее негодование* и др.

Таким образом, лексемы с пропозитивными смыслами и конкретные имена, требующие «пропозитивного прочтения», а также атрибуты-прилагательные, приобретающие эти смыслы под влиянием семантики предиката базовой пропозиции, формируют особый тип предложения — семантически осложненное (полипропозитивное) простое предложение. Использование этого типа простого предложения, демонстрирующего взаимодействие лексики и грамматики, влияние синтаксических конструкций на семантические «приращения» лексем», помогает решить актуальную для общения в современном весьма плотном коммуникативном пространстве проблему экономии речевых средств. Журналист при выборе из синонимического ряда средств передачи одной и той же информации отдаёт предпочтение, с одной стороны, самым простым по форме, а с другой — наиболее выразительным, экспрессивным средствам. Это особенно важно для любого вида общения, но особенно для такого значимого для общества, как средства массовой информации.

Литература

Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М. : Наука, 1976. 384 с.

Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М. : Наука, 1982. 368 с.

Кормилицына М. А. Семантически осложненное (полипропозитивное) простое предложение в устной речи / под ред. О. Б. Сиротининой. Изд. 2-е. М.: Едиториал УРСС, 2011. 152 с.

Кормилицына М. А. О некоторых синтаксических характеристиках «постновояза» на страницах современной прессы // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр./под редакцией М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2009. Вып. 9. С. 38–45.

Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М. : Наука, 1972. 564 с.

Полищук Г. Г. Необходимые и факультативные определения в русском языке: коммуникативная и конструктивная роль. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2011. 300 с.

Столярова Э. А. О функционировании прилагательных в разговорном стиле речи // Вопросы стилистики. Саратов, 1975. Вып. 9. С. 3–25.

Шмелёв Д. Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М. : Наука, 1976. 152 с.

М. А. Kormilitsyna
Saratov State University
(Saratov, Russia)
margarita-kormil@mail.ru

LEXICAL UNITS WITH THE PROPOSITIONAL MEANING AS A TOOL OF SEMANTIC EXTENSION OF THE SIMPLE SENTENCE

The article analyses polypropositional simple sentences, which demonstrate the asymmetry of the linguistic sign, and several means of information compression, which reveal the relationship between lexicon and grammar, the impact of syntactic structures on the semantic extension of lexical units and their ability to name the state of things. The research of these syntactic units was based on colloquial speech, academic spoken interaction, as well as recent newspaper publications and their web versions. The active usage of polypropositional sentences in the media is accounted for not only by the reasons of speech effort economy (because of the increased information flow) but also by ideological reasons, which are favourable for the return of the Newspeak with its denotative ambiguity and uncertainty. The process of language ‘bureaucratization’ is of importance as well. The semantic and syntactic processes of nominalization and attributization make it possible to add secondary propositions to the sentence, which do not possess independent mechanism of actualization besides the actual basic proposition. Nominalized constructions possess their own structure, isomorphic to the situations they name. The

lexical units with the propositional meaning, deverbatives and deadjectivals, are their nucleus. Nominalized constructions are used in simple sentences with the certain types of predicates: connectives, mainly with the verbs of relationship, which remind of logical link words; causative and modal predicates (verbs of mental action, verbs of emotional state, speech verbs, verbs of perception, etc.). Information compression can be carried out within a simple sentence with the help of a concrete noun that acquires the ability to name some state of things in the sentence; such concrete names expand their meaning. Communicative features that activate potential predicative 'abilities' of adjectives, become vital for semantic extension of the polypropositional sentence formed by semantic and syntactic process of attributization. Having become the communicative focus of the utterance, they perform the function of the deep predicate, which is logically connected with the main predicate of the basic proposition.

Keywords: asymmetry of linguistic sign, polypropositional simple sentence, reduced propositions, nominalized constructions, semantic extension of concrete nouns, attributive constructions.

References

Arutyunova N. D. *Predlozheniye i yego smysl* [Sentence and its meaning]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 384 p.

Zolotova G. A. *Kommunikativniye aspekty russkogo sintaksisa* [Communicative aspects of the Russian syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 368 p.

Kormilitsyna M. A. *Semanticheski oslozhnyonnaye (poliprositivnoye) prostoye predlozheniye v ustnoi rechi. Pod red. O. B. Sirotininoy. Izdaniye 2* [Semantically expanded (polypropositional) simple sentence in oral speech. Edited by O. B. Sirotinina. 2nd edition]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2011. 152 p.

Kormilitsyna M. A. [On some syntactic characteristics of the Newspeak in modern press]. *Problemy rechevoi kommunilatsii. Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov. Pod red. M. A. Kormilitsynoi, O. B. Sirotininoy* [Problems of speech communication. Interuniversity collection of research papers. Edited by M. A. Kormilitsyna, O. B. Sirotinina]. Saratov University Publ., 2009. Issue 9. P. 38–45.

Obscheye yazykoznaniye. Vnutrennyaya struktura yazyka [General linguistics. Inner structure of the language]. Moscow, Nauka Publ., 1970. P. 567–568.

Polischuk G. G. *Neobkhodimiye i fakultativniye opredeleniya v russkom yazyke: kommunikativnaya i konstruktivnaya rol'* [Essential and optional attributes in the Russian language: communicative and constructive role]. Saratov, Saratov University Publ., 2011. 300 p.

Stolyarova E. A. [On the functioning of adjectives in colloquial speech] *Voprosy stilistiki* [Problems of stylistics]. Saratov, 1975. Issue 9. P. 3–25.

Shmelyov D. N. *Sintaksicheskaya chlenimost' vyskazyvaniya v sovremennom russkom yazyke* [Syntactic divisibility of the utterance in modern Russian]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 152 p.

Л. П. Крысин

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

leonid-krysin@mail.ru

КОММУНИКАТИВНО АКТУАЛЬНЫЕ СМЫСЛЫ И ИХ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ В ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕЧИ*

В статье рассматривается понятие коммуникативно актуальных смыслов — то есть тех тем, которые в наибольшей степени интересуют человека в процессе повседневного общения и которые постоянно требуют соответствующего языкового выражения. Это понятие иллюстрируется анализом ряда лексических групп, содержащих слова, активно употребляемые в современной повседневной русской речи, а также некоторыми явлениями грамматики. Используется материал «Толкового словаря русской разговорной речи», составляемого под руководством автора статьи.

Ключевые слова: повседневная речь, коммуникативно актуальные смыслы, словарь, словарная статья, зоны словарной статьи.

1. Исследователями уже отмечалось, что некодифицированные подсистемы национального языка — территориальные диалекты, разговорная речь, просторечие, жаргоны — больше, чем кодифицированный литературный язык, — антропоцентричны (см., например [РРР-1973; Крысин 2010; Крысин 2012]). Наибольшая специфичность этих форм речи и, в частности, присущей им лексики проявляется в обозначении жизни и деятельности человека — его ежедневного быта, его питания, здоровья, физического и психического состояния, его отношений с другими людьми. Эти темы и становятся наиболее востребованными в бытовых разговорах, в других формах ежедневного поведения и общения людей. В рамках таких тем речевой коммуникации формируются так называемые актуальные

* Статья написана на основе доклада, прочитанного автором на международной конференции «Взаимодействие лексики и грамматики» (XII Шмелевские чтения; Москва, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 24–26 февраля 2018 года). Статья и доклад подготовлены в рамках проекта «Стратификация лексики современного русского языка и ее отражение в толковом словаре», получающего финансовую поддержку РФФИ: (проект № 17–29–09063, конкурс офи_м).

смыслы, то есть то, что в наибольшей степени интересует человека и что постоянно требует соответствующего языкового выражения (о коммуникативно значимых семантических полях РР идет речь также в статье [Розина 2015]).

Приблизительный круг таких актуальных смыслов составляют (1) тело и умственная деятельность человека, (2) свойства его характера, (3) его внутренние состояния, (4) его намерения и эмоции, (5) его действия, (6) оценка им других людей и внешнего мира, (7) обозначения предметов быта и нек. др.

2. Рассмотрим, каким образом эти смыслы получают выражение в разного рода разговорной, просторечной, жаргонной лексике, которая используется в повседневном речевом общении. При этом будем опираться на языковой материал «Толкового словаря русской разговорной речи»: вып. 1. М., 2014 [ТСРР-1]; вып. 2. М., 2017 [ТСРР-2]; вып. 3 [ТСРР-3], М., 2019.

Задача статьи заключается в том, чтобы не только дать перечни лексических и фразеологических средств, выражающих те или иные коммуникативно актуальные смыслы, но и, во-первых, показать парадигматические отношения внутри лексических групп — например, отношения синонимии, антонимии, конверсии, аналогии, и, во-вторых, обратить внимание на некоторые грамматические особенности лексики, используемой в повседневном общении.

В словарных статьях указанного словаря сведения о парадигматике слова и о его грамматических характеристиках записываются в соответствующих зонах: MORPH, SYNT, SYN, ANT, CONV, ANALOG¹. Зоны парадигматики — синонимов, антонимов, конверсивов, аналогов — имеют относительно закрытый характер: в них указываются преимущественно те слова, которые фигурируют в этом же словаре на своем алфавитном месте.

2.1. В современной повседневной русской речи хорошо развиты синонимические связи слов. Некоторые из коммуникативно актуальных смыслов буквально обрастают цепочками синонимов. Это можно видеть на примере таких групп лексем:

(а) слова, обозначающие людей высокого роста и крепкого телосложения: *амбал, бугай, бык, верзила, верста, детина, дубина, дылда, жердь, жеребец, каланча, кобыла, корова, лоб, оглобля, шкаф*;

¹ Вся схема словарной статьи в ТСРР выглядит следующим образом:

Вход — слово в его исходной форме;

DEF: толкование и иллюстративные примеры;

MORPH: морфологические сведения;

SYNT: сведения о синтаксических характеристиках слова;

STYL: стилистические пометы;

SYN: синонимы;

ANT: антонимы;

CONV: конверсивы;

ANALOG: аналогии;

PHRAS: фразеологизм(ы) с данным словом, включая его (их) толкование и иллюстративные примеры;

PRAGM: условия — контекстные, ситуативные, социальные и т. п. — употребления данной единицы в речи.

(б) слова, негативно характеризующие человека по его умственным способностям: *балда, болван, дебил, дуб, дундук, дурак, дуралей, дурачина, дурачок, дурень, дурёха, дурила, дурица, дурулом, дурушлёп, дурьнда, идиот, кретин, придурок, тупица, чалдон, чурбан, чурка*; ср. также просторечные и жаргонные *валенок, ванёк, сапог, сундук, тундра* и др.;

(в) слова, обозначающие неприглядный внешний вид человека и его одежды: *загвазданный, задрипанный, заляпанный, замузанный, замусоленный, заношенный, занюханный, затасканный, затрёпанный, изгвазданный, истрепанный, потасканный, потрёпанный, ...*;

(г) слова, обозначающие физическое воздействие одного человека на другого (других): *валить* (в 4 знач.), *вздут*¹, *вломить, дать*² (во 2 знач.), *излупить, излупцевать, изметелить, измолотить, измордовать* (в 1 знач.), *измутузить, наваять, надавать, накостилять, отвалтузить, отделать, отдубасить, отдуть, отколотить, отколошиматить, отлупить, отлупцевать, отметелить, отмолотить* (в 1 знач.), *отмутузить, оттрепать, отходить*³, *поколотить, прибить*...

(д) глаголы, обозначающие разного рода болезненные состояния человека, — как безличные (по преимуществу) несовершенного вида: *колоть* (в боку *колет*), *колбасить* (*Что-то с утра меня колбасит*), *крутить* (*В животе крутит*), *крючить, ломать, ломить, плющить, саднить, свербеть, сводить* (ср. *сводит ногу*), *трясти* и др., так и личные: *приболеть, прихворнуть, расклеиться, расхвораться* и под., у которых более употребительна форма совершенного вида;

(е) глаголы и существительные, выражающие смысл ‘обмануть’ (среди них особенно употребительны слова просторечные и жаргонные): *кинуть, нагреть, напарить, облапошить, ободрать, развести*;

(ж) глаголы и существительные, выражающие смысл ‘добиваться интимной близости’: *заигрывать, кадрить, кадриться, клеить, клеиться, окучивать, охаживать, подкатывать, приставать, приударять, увиваться, ухлёстывать*;

(з) глаголы, выражающие смысл ‘осуществить (осуществлять) сексуальный контакт’: *драть* (в 8 знач.), *дрючить* (в 3 знач.), *иметь, облегчиться* (во 2 знач.), *оприходовать* (в 3 знач.), *оттрахать, перепихнуться, перетрахать, перетрахатьсь, поиметь, пялить*², *трахать*²;

(и) смыслы ‘питье алкоголя’ и ‘алкогольное состояние’ являются, пожалуй, лидерами по способам их лексического и фразеологического выражения и их числу: *бухать, вмазать, врезать, выпивать, лакать, набраться, набухаться, надраться, надрызгаться, нажраться, назюзиться, назюзюкаться, накачать, накачаться, накваситься, накиряться, наклюкаться, налакаться, нализаться, налимониться, налопаться, напиться, нарезатьаться, насандавиться, нахлебаться, перебрать, поддать, раздавить, ужраться, упиться*...; *бухой, вдрызг* (в *дрезину, вусмерть*) *пьяный, косой, окосевший, осоловевший, тёпленький, хорош!* и т. п.

Многие коммуникативно активные смыслы реализуются целой сетью смежных и переносных значений. Среди таких смыслов — обозначения человека и разных его ипостасей. Например, слово БАБА в повседневной речи употребляется не только в роли грубоватого обозначения женщины (1): *Я эту бабу уже видел*

здесь с другим мужчиной//; — Друзья, я вас прошу — о чём-нибудь другом, только не про **баб**. На шарашике с нашей мясной пищей — это социально-опасный разговор (А. Солженицын. В круге первом), но и в таких значениях: (2) ‘пожилая или старая женщина’ (обычно употребляется в сочетании с именем собственным, часто в качестве обращения к хорошо знакомой пожилой женщине. **Баб** Катя, ты сегодня с Сереежкой посидишь?; Дети-то тебя навещают, **баб** Зин?); (3) ‘жена’: Я со своей **бабой** тридцать лет прожил душа в душу//; (4) ‘бабушка’: **Баб**/ пошли гулять!; Сейчас/ сейчас/ **баба** тебя спать положит//? (5) ‘о слабохарактерном мужчине’: Это он дома на жену орёт/ а на работе **баба бабой**//; (6) ‘сшитая в виде женской фигуры матерчатая покрывка на заварочный чайник’: — Нам с сестрой таких **баб** самодельных на чайник подарили/ класс! — А мне сразу двух **баб**/ только разных// (Запись устной речи, 2011).

2.2. Связи антонимические реализуются в таких противопоставлениях, как, например, *влезть (в вагон) — вылезти (из вагона); голова (поезда) — хвост (поезда); жадина, жадюга, жмот — мот, транжира; жадничать, жмотиться — мотать, транжирить; аккуратист — неряха; выпивоха — трезвенник; везуха — непруха; рукастый ‘умелый’ — безрукий ‘неумелый’; крохотный — огромный; мурдёрный — нехитрый* и др.

Наряду с «чистой» антонимией, когда два слова различаются только тем компонентом смысла, который прямо указывает на противоположность: ‘наличие признака’ — ‘отсутствие признака’, ‘начало действия (состояния)’ — ‘прекращение действия (состояния)’, ‘выше нормы’ — ‘ниже нормы’ и др.), — в РР распространена квазиантонимия, при которой противопоставление значений слов сопровождается дополнительными смысловыми компонентами, не находящимися в указанных антонимических отношениях.

Например, слова *верзила* и *карлик* обозначают соответственно высокого человека и маленького человека; однако *верзила* — это не только высокий, но и нескладный человек, а *карлик* — человек неестественно маленького роста; *приболеть* — ‘заболеть несерьезно или ненадолго (о человеке)’ — *разболеться* ‘заболеть серьезно или надолго (о человеке или о какой-л. части его тела)’ — ср.: *Старик совсем разболелся — Что-то спина у меня разболелась*.

Наблюдения над словоупотреблением в повседневной речи показывают: если говорящие хотят прибегнуть к противопоставлению каких-либо понятий или свойств, они охотно используют как раз «нестрогие» антонимы, квазиантонимы: *дохляк* ‘вялый, слабосильный мужчина или подросток’ — *здоровяк* ‘мужчина или мальчик отличного здоровья и крупного телосложения’, *классный* ‘очень хороший’ — *неважнецкий* ‘не вполне хороший’, *подружиться* ‘начать дружить’ — *расплеваться* ‘поссорившись, расстаться’, *запираться* ‘отказываться говорить о чем-л. откровенно’ — *колоться* ‘давать показания на допросе’ т. п.

2.3. Связи конверсные можно проиллюстрировать такими примерами разговорных и просторечных глаголов: *влезть — налезть*: *Я еле влезла в это платье — Это платье еле налезло на меня; обставить — продуть*: *Он обставил меня в «дурака» — В «дурака» я ему продул*.

2.4. Из всей парадигматики слова лексикографическое описание получают главным образом лексические синонимы и аналоги (см. ниже). Антонимические и конверсные отношения между разными словами представлены в РР (и, соответственно, в нашем словаре) значительно беднее.

2.5. Близкие по смыслу слова одной тематической группы могут образовывать подгруппы аналогов, то есть слов, близких по значению, но не синонимичных друг другу². Типичный пример аналогов — когипонимы внутри некоего множества слов, объединяемых каким-либо лексическим гиперонимом: *говорить* (гипероним) — *бубнить, вякать, долдонить, талдычить, трепаться*; *крупа* (гипероним) — *гречка, манка, овсянка, перловка, пиёнка*. Как правило, в таких объединениях гипероним стилистически нейтрален и принадлежит общелитературному языку, а гипонимы стилистически окрашены и принадлежат какой-либо некодифицированной подсистеме.

3. Понятия синонима и аналога плодотворны для описания различных тематических множеств повседневной лексики. При этом в одних случаях группы синонимов и аналогов различаются достаточно четко, имея в вершине логического дерева единый гипероним, а в других аналоговые отношения между значениями слов тесно переплетаются с синонимическими, и нередко составитель словаря испытывает определенные трудности в квалификации тех или иных смысловых связей между словами — либо как синонимических, либо как аналоговых.

Так, с одной стороны, при разработке словарных статей прилагательных с суффиксом *-аст(ый)* (*головастый, губастый* и т. п.) оказывается, что толкования этих прилагательных содержат общий компонент ‘с большим/большими X’, где X — переменная: *головастый* — ‘с большой головой’, *губастый* — ‘с большими губами’ и т. д., — этот компонент выступает в роли гиперонима, и, следовательно, словарная статья каждого из подобных прилагательных должна содержать в зоне аналогов все остальные прилагательные этой группы (кроме того, слова *головастый,*

² Понятие аналога Ю. Д. Апресян, введший этот термин в лексикографическую практику, определяет так: «Аналог — лексема, которая относится к той же части речи, что и данная, и имеет похожее значение, но семантически отстоит от данной лексемы дальше, чем ее синонимы...». Самым чистым примером аналогов являются когипонимы (= лексемы, обозначающие видовые понятия внутри родового понятия: напр., родовое понятие *эмоция* имеет такие когипонимы: *гнев, радость, стыд, страх* и т. п.) [Апресян 2004, с. XXIII, XXXI].

Надо сказать, что сама идея указывать в словарях не только синонимы к описываемому слову, но и слова той же тематической группы, высказывалась давно. Так, в Малом Робере в конце словарной статьи BINOCLE перечисляются слова, обозначающие другие виды оптических приборов: *bescicles* ‘очки’, *lorgnon* ‘лорнет’, *pince-nez* ‘пенсне’. Однако делается это непоследовательно. В том же Малом Робере в словарных статьях BESICLES и PINCE-NEZ нет похожего ряда тематически близких слов (см. [Robert 1973]).

О необходимости использовать в лексикографических описаниях не только синонимы, но и аналоги — правда, еще без использования этого термина, — писал В. Г. Гак. Практическое же применение аналоги нашли в «Толково-комбинаторном словаре» И. А. Мельчука и А. К. Жолковского (1984), «Толковом словаре иноязычной лексики» Л. П. Крысина (1998), «Новом объяснительном словаре синонимов» (2004), «Активном словаре русского языка» (2014 и след.).

глазастый, зубастый, рукастый имеют еще и переносные значения, и каждое из них в своей словарной статье содержит в зоне аналогов все другие прилагательные этой тематической группы с подобным переносным смыслом).

С другой стороны, довольно большой ряд разговорных и просторечных глаголов, имеющих общее значение ‘физически воздействовать на живой объект’: *влепить, замазать, всадить, дубасить, заехать, залепить, засадить, колошматить, лупить, навалиться, оглоушить, садануть, толкануть, хряснуть, шваркнуть, шибануть, шмякнуть, ...* — включает в себя как синонимы, так и аналоги. Очевидно, например, что *влепить, замазать* и *заехать* находятся в более тесных смысловых отношениях друг с другом (это синонимы), чем с глаголами *навалиться* или *толкануть*.

Столь же неоднородны по тесноте семантических связей и некоторые другие лексико-тематические группы — например:

— лексико-тематическая группа с общим значением ‘прийти в какое-л. состояние или быть в нем’: *артачиться, ерепениться, кипятииться* (обобщающий смысл ‘возражать’); *набычиться, надуться* (обобщающий смысл ‘обидеться’); *обалдеть, остолбенеть, ошалеть* (обобщающий смысл ‘сильно удивиться’); *разнюниться, разреваться, расплывиться* (обобщающий смысл ‘расстроиться, прийти в уныние’);

— лексико-тематическая группа с общим значением ‘потерпеть неудачу’ также состоит из нескольких подгрупп, выделяемых на основе большей или меньшей тесноты смыслового сходства: *растянуться* ‘упасть’, *грохнуть, сверзиться, гробануться, загреметь* (1); *влипнуть, вляпаться, лажануться, облажаться, опростоволоситься, ...* (2); *обмишулиться, провалиться (на экзамене), проколоться, срезаться ...* (3)

— лексико-тематическая группа ‘осуществлять речевую деятельность’: *вякать, брякнуть, долдонить, бубнить, бурчать, заткнуться, кипятииться, ляпнуть, мямлить, науиничать, нудить, огорошить, перечить, пререкаться, талдычить, трепаться, трецать, шипеть, ...*, — дробится на подгруппы с более конкретными значениями: ‘воздействовать на кого-л. с помощью слов, высказываний’: *распа-тронить, пропесочить, жучить, канючить, клянчить, наехать, расчихвостить, хамить, ...*; ‘шутить, высмеивать кого-л.’: *ёрничать, подкалывать, подъелдыкивать, проехать (по чьему-л. адресу), хохмить, язвить, ...*

4. Использование слова в повседневном речевом общении может влиять и на грамматические его характеристики.

4.1. Так, у некоторых глаголов может не выражаться актанта объекта: *У нее муж пьёт <выпивает>*, а у других, напротив, вместе с приобретением ими нового значения появляется управляемая форма, «не предусмотренная» при глаголе в его литературном употреблении: ср. *жить, спать* в значениях, фиксируемых толковыми словарями литературного языка, и *жить с кем-л., спать с кем-л.* ‘иметь постоянные интимные отношения с кем-л.’.

4.2. Многие глаголы, используемые для целей повседневного общения, тяготеют к употреблению в форме совершенного вида (см., в частности, выражающие смысл ‘физически воздействовать на живой объект’: *замазать, врезать,*

отметелить и т. п. — см. выше), другие, напротив, употребительны в виде не совершенном. Это касается, например, так называемых поведенческих глаголов, описывающих некую регулярно проявляющуюся особенность поведения лица или животного: *кемарить, храпеть, дрыхнуть; мяукать, гавкать* (включая переносные значения применительно к человеку), *врать, гнать* (в значении ‘врать’), *загибать, нести (чушь); болтаться, валандаться, мотаться, слоняться, шататься, шляться* (‘ходить праздно, без дела’), *загорать* ‘вынужденно бездействовать’ (у этого глагола форма совершенного вида отсутствует) и т. п.

4.3. Повседневное речевое общение насыщено оценками, которые говорящий дает своим и чужим действиям, намерениям, свойствам. В связи с этим обращает на себя внимание характерное для устного общения абсолютное употребление оценочных глаголов (преимущественно в форме инфинитива, образующего восклицательное предложение): *Обалдеть! Зашибись!* В функциональном отношении такое употребление глагольной формы сродни абсолютному использованию оценочных наречий типа *супер!* и существительных типа *класс! отпад!*, что также характерно для речевого поведения говорящих (преимущественно молодого возраста) в повседневной коммуникации.

5. Языковое — лексико-семантическое и грамматическое — выражение коммуникативно актуальных смыслов, как кажется, составляет одно из существенных свойств повседневного неофициального устного общения. Это свойство отличает устную форму общения от реализации лексико-грамматических потенциалов языка с использованием кодифицированных средств.

Литература

Апресян Ю. Д. Лингвистическая терминология словаря // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общим руководством академика Ю. Д. Апресяна. Москва — Вена: Языки славянской культуры — Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 60, 2004.

Крысин Л. П. О словарном представлении лексики некодифицированных подсистем языка // Известия РАН. Серия лит. и языка. № 1. 2010. С. 28–43.

Крысин Л. П. Человек в зеркале русской разговорной речи (лексикографический аспект) // Słowo. Tekst. Chas XI. Szczecin — Greifswald. 2012. S. 539–547.

Розина Р. И. Русская разговорная речь сквозь призму лексикографии и английского языка // Известия РАН. Серия литературы и языка, 2015, т. 74, № 4. С. 47–58.

Русская разговорная речь / Под ред. Е. А. Земской. М. : Наука, 1973.

ТСРР-1 — Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1, А — И / Под ред. Л. П. Крысина. М. : Языки славянской культуры, 2014. 776 с.

ТСРР-2 — Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 2, К — О / Под ред. Л. П. Крысина. М. : Языки славянской культуры, 2017. 864 с.

ТСРР-3 — Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 3, П — Р / Под ред. Л. П. Крысина. М.: Языки славянской культуры, 2019. 824 с.

Robert P. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Paris, 1973.

L. P. Krysin

V. V. Vinogradov Russian Language Institute (Russian Academy of Sciences)

(Russia, Moscow)

leonid-krysin@mail.ru

COMMUNICATIVELY RELEVANT MEANINGS AND THEIR LEXICAL AND GRAMMATICAL EXPRESSION IN EVERYDAY SPEECH

The paper considers the concept «communicatively relevant meanings», i. e. the topics that mainly interest people in everyday communication and which require adequate lexical and grammatical expression. This notion is illustrated by the analysis of some lexical groups containing words used in MODERN everyday Russian speech and by some grammatical phenomena. The material under consideration are examples from the “Explanatory Dictionary of Russian Everyday Speech”, which is compiled under the supervision of the author of this article.

Keywords: everyday speech, communicatively relevant meanings, dictionary.

References

Apresyan Yu. D. [Linguistic terminology of the dictionary]. *Novyi ob'yasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo yazyka / Pod obshchim rukovodstvom akademika Yu. D. Apre-syana*. [The new explanatory dictionary of synonyms of the Russian language / Under the general guidance of the academician Yu. D. Apresyan]. Moscow — Vienna, “Yazyki slavyanskoy kul'tury” Publ. — “Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 60”, 2004.

Krysin L. P. [On the lexicographic representation of the non-standard language sub-systems vocabulary]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury. i yazyka* [News of the Russian Academy of Sciences. Series literature and language]. 2010, No. 1. (in Russ.).

Krysin L. P. [A human being in the mirror of Russian everyday speech (lexicographical aspect)]. *Słowo. Tekst. Chas XI. Szczecin — 2012 — Greifswald. S. 539–547*. (In Russ.)

Rozina R. I. [Russian everyday speech through the prism of lexicography and the English language]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka* [News of the Russian Academy of Sciences. Series literature and language]. 2015, №4. p. 47–58. (In Russ.)

Russkaya razgovornaya rech' / pod red. Ye. A. Zemskoi [Russian everyday speech / ed. by E. A. Zemskaya]. Moscow, “Nauka” Publ. 1973. 486 p.

Tolkovyy slovar' russkoy razgovornoj rechi / pod red. L. P. Krysin [The Explanatory Dictionary of Russian Everyday Speech (ed. by L. P. Krysin)], issue 1, Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2014. 776 p.

Tolkovyy slovar' russkoy razgovornoj rechi / pod red. L. P. Krysin [The Explanatory Dictionary of Russian Everyday Speech (ed. by L. P. Krysin)], the issue 2, Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2017. 864 p.

Tolkovyy slovar' russkoy razgovornoj rechi / pod red. L. P. Krysin [The Explanatory Dictionary of Russian Everyday Speech (ed. by L. P. Krysin)], the issue 3, Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2019. 824 p.

Robert P. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Paris, 1973.

Г. И. Кустова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

galinak03@gmail.com

ГЛАГОЛЫ С СЕМАНТИКОЙ УСПЕХА / НЕУДАЧИ И СТРАТЕГИИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ АГЕНТИВНЫХ СИТУАЦИЙ*

Стратегии неагентивной концептуализации агентивных ситуаций используются для того, чтобы показать, что на реализацию ситуации влияют неблагоприятные (реже — благоприятные) факторы. В результате ситуация не полностью контролируется субъектом. Одна из стратегий (она рассматривается в данной работе) — конструкция *У X-а Р* с посессивным кодированием субъекта. Она включает глаголы *получиться, выйти, ладиться, клеиться*: *Не получилось встретиться; Отношения у них не ладилась*. Эти глаголы участвуют в двух конструкциях: (1) двусоставная конструкция — характеризуемая ситуация выражается номинативом, т. е. подлежащим (*Матч между столичными «Динамо» и «Торпедо» явно не получился*); (2) Безличная конструкция — характеризуемая ситуация выражается инфинитивом или предложной группой (*Сегодня **пообедать** не получилось / с **обедом** не получилось*). Другая стратегия — конструкция *Ему (не) V Инф.* (*Ему не удалось уехать*) с экспериенциальным кодированием субъекта.

Ключевые слова: Агенса, агентивная ситуация, контроль, неагентивная концептуализация.

В языке действует глобальный процесс смещения полнозначных единиц в сторону неполнозначных, полуслужебных, в котором участвуют и глаголы, превращаясь из самостоятельного обозначения некоторой ситуации в характеристику другой ситуации. При этом у них меняется модель управления — вместо предметных имен такой глагол присоединяет имена ситуаций, инфинитив, придаточное.

В данной работе мы опишем группу глагольных лексем, которые характеризуют ситуацию с точки зрения успешности. Этот параметр, как и другие параметры, предполагает полярные значения успеха-неудачи и множество промежуточных

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 17-04-00554 а «Семантические процессы в сфере местоименной и предикатной лексики: стратегии референции и концептуализации».

значений (неполного успеха, затруднений, нарушений) между этими полюсами. С семантической точки зрения наши глаголы распадаются на две подгруппы: (1) нейтральные глаголы *получиться / получаться, выйти / выходить*, для сравнения будет привлекаться имплицативный глагол *удаться / удаваться*, который похож по свойствам на *получиться, выйти*, но не входит в эту группу по формальному признаку: у него субъект выражается дативом, а не группой *у + Род.*; (2) оценочные глаголы *ладиться, клеиться*. Без отрицания перечисленные глаголы обозначают успешный результат или благоприятное течение ситуации, в контексте отрицания — неудачу или неблагоприятное течение ситуации: *Праздник получился / не получился; Не вышло встретиться; Дело ладится*. Неоптимальный ход ситуации может обозначаться модификаторами: *Дело не очень ладится / плохо ладится*. Субъект кодируется предложной группой *у + Род.*: Да, **у сборной** Англии сейчас далеко **не все ладится** в нападении (Труд-7, 2006.06.17) — примеры извлечены из Национального корпуса русского языка (далее — Корпус).

Рассматриваемую группу глаголов будем называть для краткости группой *получиться* — по основному глаголу.

ПРИМЕЧАНИЕ. Поскольку у глаголов *получиться* и *выйти* довольно разветвленная парадигма значений, сразу оговоримся, что мы не рассматриваем значение стихийного (незапланированного) результата ('случиться, произойти'), т. е. ситуации, в которых с самого начала не было агенса и его цели, ср.: *При ударе **получился пролом**, от которого парусник начал наполняться водой и погружаться, ложась на левый борт* (Б. Пильняк. Заволочье); *Юдина вдруг начала со сцены стихи читать — Пастернака и прочих. Ясное дело, **получился скандал*** («Знание — сила»); — *Пекла ты, Аночка, куличи, а **вышли блины*** (К. Федин. Анна Тимофеевна). Мы также не рассматриваем конструкции с придаточными: *И когда я фехтовал с Тибальдом, **получилось, что шпага обломилась*** («Общая газета», 1998.02.04).

Агентивность, контроль, успешность

Понятие успеха-неудачи приложимо только к агентивным ситуациям (ср. *Солнцу удалось высушить белье; У ветра получилось сломать ветку*), поэтому речь пойдет только о них.

Три важнейших признака агентивных ситуаций — (1) запланированность, намеренность (Агенс имеет цель); (2) усилия Агенса (Агенс затрачивает энергию для достижения цели) и (3) контроль (Агенс следит за тем, чтобы производимые им изменения приводили к достижению цели и чтобы конечный результат соответствовал цели), см. [Зализняк 2006а], [Зализняк 2006б], [Кустова 1992].

Понятия успеха / неудачи подразумевают, что ситуация не полностью контролировалась Агенсом и что на ход ситуации воздействовали случайные факторы. Эти факторы могут быть неблагоприятными (нехватка ресурсов у самого Агенса, помехи), они могут препятствовать нормальному ходу ситуации (*Не все ладится у нас в отношениях...* (Женщина + мужчина// форум, 2004) или помешать ее реализации (*Сегодня не получилось съездить к Марине* (А. Геласимов. Год обмана)). Или,

наоборот, факторы могут быть благоприятными и положительно влиять на ход ситуации (*Ведь у меня уже была хорошая профессия, хорошая работа, где у меня всё ладилось* (И. Архипова. Музыка жизни)) и ее результат (*У Александра Федоровича все это получается, как **получилось построить** новый, единственный в области цех* («Пермский строитель», 2004.04.27)). Если результат достигнут, но говорящий использует для его описания глаголы успеха-неудачи (*Наконец у него **получилось прыгнуть** на два метра*), значит, с самого начала предполагалась возможность воздействия неблагоприятных факторов и допускалась вероятность неудачи.

Понятие контролируемости в самом простом случае применяется к физическим ситуациям, которые предполагают пошаговое достижение результата — некий алгоритм выполнения, который не требует специального мастерства или особых навыков, а требует лишь затраты усилий, ср.: *Он долго **пытался** вдеть нитку в иголку, но без очков **не получалось**; Он с **трудом** вдел нитку в иголку, т. к. забыл очки*. Однако существует множество разных типов ситуаций, применительно к которым понятие контроля становится более размытым и неопределенным. Например, существуют ментальные агентивные ситуации, ср. *решать* (куда поехать в отпуск); *обдумывать* (предложение); *складывать* (числа в уме); существуют ситуации, у которых нет алгоритма достижения результата, — в первую очередь, это ситуации, имеющие творческую составляющую, или мероприятия, в которых участвует множество агентов: *играть в футбол; писать роман; устроить праздник; провести парад / собрание / переговоры*. В таких ситуациях вероятность неудачи гораздо выше, чем в физических. Кроме того, в «творческих» ситуациях, в отличие от «механических», есть второй — оценочный — слой: Агенту нужно получить не просто результат, а результат определенного качества, например, футболистам нужно не только сыграть матч, но и победить; писателю нужно написать не просто роман, а хороший роман.

Если в ситуации действуют факторы (не важно, неблагоприятные или благоприятные), которые не зависят от Агенса, можно уже говорить о пониженном статусе Агенса, т. к. он не полностью контролирует ситуацию. Однако в случае использования глаголов группы *получиться* понижение статуса Агенса выражается еще и в том, что ситуация получает неагентивную концептуализацию.

Неагентивная концептуализация ситуаций

Понятие неагентивной концептуализации, как и неполного контроля, успеха и неудачи, применимо только к исходно агентивным ситуациям. Агент является главным участником агентивной ситуации и в норме кодируется именительным падежом подлежащего. Неагентивная концептуализация — это выведение Агенса из фокуса и смещение акцента на других участников и другие аспекты ситуации.

При этом неагентивная концептуализация не обязательно связана с потерей контроля над ситуацией.

Простейший способ «понижения» статуса Агенса — выведение его из синтаксической вершины, т. е. пассивная конструкция, которая считается семантически эквивалентной активной конструкции, но коммуникативно акцентирует объект:

(1а) Автор рассматривает категорию времени → (1б) Автором рассматривается категория времени → (1в) В статье рассматривается категория времени. Глаголы типа *рассматривать* вообще не имеют неагентивного значения, т. е. контролирующий субъект из их семантической структуры неустрашим (форма на *-ся* — всегда пассив). Тем не менее пассивная конструкция с детерминантом — это способ представить ситуацию как независимую от субъекта, например, в случае (1в) — как свойство (содержание) статьи: ‘статья о категории времени’ (неагентивная концептуализация ситуации).

Но нас интересует случай, когда действительно происходит полная или частичная потеря контроля Агенса над ситуацией, и говорящий придает агентивной ситуации неагентивную концептуализацию, чтобы акцентировать наличие случайных факторов, которыми Агенса не управляет.

Один из вариантов неагентивной концептуализации — конструкция так называемого модального пассива: *Ему сегодня не работается*. Это синтаксическое и семантическое преобразование исходной агентивной конструкции в направлении неагентивности и неконтролируемости, поскольку Датив кодирует уже не Агенса, а Экспериментера.

Особый интерес для нашей темы представляют конструкции с посессивным оформлением субъекта: *У меня мотор не заводится* (‘я не могу завести мотор’). Ситуация может быть успешной и контролируемой, ср. *У меня экзамены сданы* = *Я сдал экзамены*. *Экзамены сданы* — это состояние (статальный перфект, результат агентивной ситуации *X сдал экзамены*), в котором Агенса уже не участвует, а только имеет к нему отношение. Конструкция *У меня P* с посессивным кодированием субъекта позволяет представить этого субъекта (бывшего Агенса) как (условного) обладателя некоторого результата.

В нашем случае посессивной группой (*y X-a*) выражается субъект глаголов успеха-неудачи, кореферентный Агенса, а Агенса подчиненной предикации вообще не имеет синтаксического выражения. В результате создается такая концептуализация ситуации, которая акцентирует ее неконтролируемый аспект, — т. е. ситуация представлена как результат действия независимых от Агенса факторов, а усилия самого Агенса отодвигаются на второй план.

У глаголов группы *получиться* с посессивным кодированием субъекта имеется парадигма конструкций, в которую входят:

- двусоставная конструкция *Пирог (не) получился (у кого)*;
- безличная конструкция с инфинитивом, сокращенно — безлично-инфинитивная: *Съездить на дачу (не) получилось (у кого)*;
- безличная конструкция с предложной группой, сокращенно — безлично-предложная: *С поездкой на дачу / с дачей не получается / не получилось (у кого)*.

В разных конструкциях валентность реализуемой ситуации выражается по-разному: в двусоставной конструкции — номинативом (подлежащим), в безлично-инфинитивной — инфинитивом, в безлично-предложной — предложной группой *с + Твор.* (отрицательные конструкции с генитивом типа *Примирения не получилось* мы не рассматриваем).

Сразу отметим, что 1) не все глаголы имеют полную парадигму конструкций и что 2) интерпретация одной и той же конструкции у разных глаголов не всегда совпадает, см. ниже.

Оценочные глаголы *ладиться*, *клеиться* в любой конструкции имеют оценочные значения. Нейтральные глаголы *получиться*, *выйти* в одних конструкциях имеют нейтральное (бытийное) значение ('ситуация реализована / не реализована'), в других — оценочное (см. ниже).

Далее мы рассмотрим поведение глаголов группы *получиться* в соответствующих конструкциях.

Двусоставные конструкции

Нейтральные глаголы имеют в двусоставной конструкции оценочное значение, а именно — значение оценки результата. Сам результат и / или деятельность, ведущая к нему, имеет статус пресуппозиции: *Прыжок **получился*** — 'X прыгнул'; *Прыжок **не получился*** — 'X прыгнул'; ср. также: *Был рад, когда кончилось время. Финальный бой **не вышел**. Победа в нем не принесла радости* («Огонек», 1961) — здесь спортивный поединок не просто состоялся, но спортсмен даже одержал победу, однако результат не удовлетворяет субъекта оценки. Таким образом, 'успех / неудача' является здесь оценочным, интерпретационным понятием ('хорошо' vs. 'плохо'), а не денотативным ('было' vs. 'не было').

Кроме событий (и соответствующих событийных существительных) в качестве подлежащих могут выступать абстрактные существительные: — *Отчего ты такой кислый? — **Рифмы не выходят***. — *Попробуй без рифмы* (Б. Садовской. Пшеница и плевелы // «Новый Мир», 1993) — или предметные: *Пирог **получился*** ('пирог хороший') / ***не получился*** ('пирог плохой'). Предмет представляет ситуацию, которая, как правило, без труда вычисляется, — обычно это ситуация создания, в которой объект имеет семантическую роль результата [Падучева 2004]: 'X придумал рифму', 'X испек пирог'.

Глагол *получиться* представлен как отрицательными конструкциями: *Матч между столичными «Динамо» и «Торпедо» явно **не получился*** («Известия», 2002.08.26), так и положительными конструкциями: *С точки зрения зрелищности **матч получился*** («Известия», 2002.10.18); *С музыкальными наплывами в спектакле явный перебор... Но в целом **преьера получилась*** («Известия», 2002.11.18); *В июне я позвонил Пастернаку. Нет спора, **разговор получился**. Ничуть не хуже, чем тот, с Булгаковым* (Л. Зорин. Юпитер (2001) // «Знамя», 2002); *Но как только отняли хлопушку от лица актрисы, я понял, что **сцена получится*** (Р. Нахапетов. Влюбленный (1998)).

У глагола *выйти* в Корпусе преобладают отрицательные конструкции со значением неудачи: *Теперь уже ясно, что **эксперимент не вышел*** (В. Корнилов. Демобилизация) — 'эксперимент был, но неудачный'; *Но 37-й номер, самый важный, от которого зависела вся сцена, **не выходил*** (М. Алданов. Бегство) — 'репетировали, но результат неудовлетворительный'. Единственный положительный пример, который нам встретился, нельзя считать «каноническим», т. к. глагол

употребляется в будущем времени: *Жизнь меня убедила: нет более верного способа разбудить интерес человека к беседе, чем собственная разговорчивость. Еще мой отец, надеясь, что Анатолий будет журналистом, говорил: «Идеешь на первое интервью, не давай собеседнику рта раскрыть! Во второй вечер уже можешь не только говорить, но и слушать, и вот тогда разговор выйдет»* (В. Аграновский. Вторая древнейшая. Беседы о журналистике).

ПРИМЕЧАНИЕ. Заметим, что конструкции с родительным падежом и отрицанием имеют не оценочное, а отрицательно-бытийное значение: *«На снегу незаметнее», — через минуту выговорил Мартын, чтобы поддержать беседу, — но беседы не вышло* (В. Набоков. Подвиг); *Он хотел застонать, чтобы пришла Даша. Стона не получилось* (И. Грекова. Фазан) — ‘ситуация Р не имела места’. Однако недостаток места не позволяет нам обсуждать эту тему.

Оценочные глаголы *клеиться* и *ладиться* в любой конструкции, по определению, имеют оценочное значение. В качестве подлежащего при оценочных глаголах употребляются, в основном, абстрактные, семантически пустые, почти местоименные существительные или собственно местоимения (такие подлежащие содержат недостаточно информации и требуют расшифровки): *За пьесу принялась режиссер Ольга Казико в БДТ, с Людмилой Макаровой в главной роли. Дело поначалу неплохо ладилось. Но обстановка в стране сгущалась* (С. Алешин. Встречи на грешной земле) — дело = репетиции; *Я жив-здоров, все у меня ладится, дом в порядке, автомобили оба бегают, коты сыты, сад в осенней красоте — и, о господи, ничего большего мне не надо, честное слово* (А. Кузнецов. Между Гринвичем и Куреневкой); *И все у вас ладится — первые премии хватается на фестивалях!* (П. Сиркес. Труба исхода).

Гораздо реже встречаются полнозначные существительные (*беседа, разговор, работа, игра*). У оценочных глаголов ситуация Р также имеет статус пресуппозиции: *Одно дело, когда игра ладится и мы побеждаем* (Советский спорт, 2009.01.19) — ‘игра имеет место’; *Но и с немцами, и с латышами не клеится игра в большинстве, в этом компоненте необходимо прибавлять* (Известия, 2013.05.05) — ‘игра имеет место’; а в фокусе оказывается оценка: ‘Р протекает хорошо / плохо’. Ср. также: *Беседа ладилась, и каким-то краем она коснулась Сарояна* (С. Дангулов. Сароян); *Он любит тем, как ладится работа у его героев* (Известия, 2012.06.18); *Служба у Спиридонова в 31-й Ульяновской воздушно-десантной бригаде ладится, с техникой он на короткой ноге, работает водителем на водовозе* (Труд-7, 2003.05.12); *Мы сразу перешли на «ты». Беседа клеилась* (Комсомольская правда, 2001.11.02); *Однако, в первый еще год моего пребывания в фигурном, мне показалось, что рисунок мой клеится* (М. Нестеров. О пережитом).

«Положительные» примеры немногочисленны — оценочные глаголы употребляются, в основном, с отрицанием, т. е. обозначают неудачу: *И с сербами у них не ладятся отношения...* («Коммерсантъ-Власть», 1999) — ‘отношения есть, но плохие’; *И работа, как на грех, не ладилась* (И. Грекова. Без улыбок); *А у самого у него семейная жизнь не ладится, по швам расплзлась* (В. Аксенов. Пора, мой друг, пора); *Дружба с Брюлловым не ладилась. Он обидно молчал, рассматривая последние итальянские работы Кипренского* (К. Паустовский. Орест

Кипренский); *Ее друзья постоянно куда-то торопились, так что разговор с ними не клеился* (М. Алданов. Бегство).

Даже если в контексте оценочных глаголов выступают такие существительные, как *отношения, семейная жизнь, дружба*, соответствующие ситуации все равно подразумевают деятельность и усилия субъекта, направленные на их поддержание, — и в этом смысле требование агентивности здесь не нарушено.

Безличные конструкции

Безличные конструкции бывают двух видов, при этом нейтральные и оценочные глаголы ведут себя в них по-разному.

Безличная конструкция с инфинитивом

У нейтральных глаголов *получиться* и *выйти* валентность ситуации может выражаться инфинитивом (*получилось встретиться*). Эти глаголы обычно не попадают в списки имплицативных и в словарях соответствующее значение — и конструкция — у них не отмечаются, ср. [Ожегов 1990]; [Словарь 1981–1984].

В безличной конструкции с инфинитивом оба нейтральных глагола становятся имплицативными (см. [Karttunen 1973], [Разлогова 1988], [Зализняк 1988]) — с этой точки зрения они похожи на имплицативные глаголы типа *удалось (поймать такси), пришлось (уйти)* и под.

Если в оценочной конструкции ситуация Р имела статус пресуппозиции, в безлично-инфинитивной она приобретает статус импликации: *Я давно слышал об этом фильме, и вот наконец получилось посмотреть* → ‘посмотрел’; *Этот фильм, к сожалению, так и не получилось посмотреть* → ‘не посмотрел’.

У глагола *получиться* в Корпусе можно найти некоторое количество примеров со значением успеха (т. е. без отрицания): *Шалькен стал первым датчанином, у которого получилось пробраться в полуфинал американского первенства* («Известия», 2002.09.06); *Можно было просто поболтать, а можно похвастаться появившимися возможностями. «Антон, а у меня получилось трансформироваться!»* (С. Лукьяненко. Ночной дозор); *У Рязанова получилось снять городскую сказку. Хорошую...* (Форум: рецензии на фильм «Служебный роман», 2006–2010), — однако примеров со значением неудачи (т. е. с отрицанием) существенно больше: *Главное, с чем не справился СПС в Думе, — у них не получилось выстроить чётко артикулированную правую позицию* («Еженедельный журнал», 2003); *Но поговорить с ним лично у меня не получилось* («Известия», 2002.01.03). Отрицательная конструкция употребляется как в случаях, когда усилия не привели к результату: *Так и не получилось узнать, кто из высших полицейских генералов приезжал на Рождество в Куришевель* (О. Новикова. Каждый убивал) — пытались узнать; так и в случае, когда усилий не было: *В этом году не получилось приехать навестить нашего дедушку 9 мая* («Новгородские ведомости», 2013) — не пытались приехать, а просто планировали, но не было возможности. Во всех случаях обязательным является намерение: ситуация была запланирована.

Попутно отметим, что при некоторых зависимых инфинитивах несовершенного вида *получаться* может вести себя не только как имплицативный глагол, ср.: — *Увы, но в последнее время у меня не получается играть за «Спартак»* (Известия, 2013.03.20) — ‘не играю’, — но и как оценочный глагол (с пресуппозицией Р): *Ну вы сами все сегодня видели: не получалось у нас сегодня играть* (Советский спорт, 2012.03.10) = ‘играли, но плохо’.

Этим *получиться*, который попал в группу имплицативных глаголов в результате сложной семантической эволюции, отличается от прототипических имплицативных глаголов типа *удаться / удаваться*, которые при отрицании в обоих видах имеют имплицативное значение (‘ситуация Р не имела места’): *Сегодня не удавалось играть* = ‘не играл’; *Сегодня не удалось сыграть* = ‘не играл’.

Глагол *выйти* тоже участвует в безлично-инфинитивной конструкции, но, по сравнению с *получиться*, он употребляется в этой конструкции гораздо реже: на запрос «(не) *получилось* + инф.» основной корпус выдает более двухсот примеров, на запрос «(не) *вышло* + инф.» — 9 примеров. Причем практически все они — с отрицанием, ср.: *Не вышло переговорить — остаюсь до перерыва: за чаем с бутербродами опять может возникнуть возможность* (Г. Бакланов. Жизнь, подаренная дважды); *Так и не вышло окопаться в полный рост — уже ударили по их полуподкове танки из всех орудий* (С. Самсонов. Одиннадцать); *Также не получилось, не вышло опутать нашего героя семейными сетями и у миссис Блэнд* (Ю. Безелянский. В садах любви). В Корпусе нам встретился только один пример конструкции «*выходило* + инфинитив» без отрицания: *А тут одним махом с освобождением зажиточных земель Кавказа от врага выходило решить все вопросы: лишние рты спроводить, с преступностью расправиться да и вроде благое дело для ребятишек сделать* (А. Приставкин. Ночевала тучка золотая).

В двусоставной конструкции (см. примеры выше) *получиться* и *выйти* вели себя как оценочные глаголы. В инфинитивной конструкции их семантика также имплицитно подразумевает наличие благоприятных или неблагоприятных факторов, но в их семантической структуре оценочный компонент не находится в фокусе, а является имплицатурой, не входящей в значение, — она выводится на основании общих соображений: ‘если ситуацию удастся / не удастся реализовать, это хорошо / плохо’.

Оценочные глаголы в инфинитивной конструкции не употребляются, ср.: *С физикой у него не ладится*, но: **У него не ладится выучить физику*. Т. е. оценочные глаголы не превращаются в имплицативные, и их пропозициональный актант не утрачивает статус пресуппозиции (‘деятельность имела место’).

Безличная конструкция с предложной группой *с* + Твор.

Группа *с* + Твор. обозначает ту же ситуацию, которая в предыдущем случае обозначалась инфинитивом.

Если существительное в творительном падеже событийное, то предложная группа практически эквивалентна инфинитиву, и обычно возможна замена: — *Покойный Вячеслав Павлович последние годы очень тосковал по родным местам, да*

все как-то **не получалось с поездкой** — то денег не было, то еще что-нибудь (И. Стрелкова. Похищение из провинциального музея) — **не получалось съездить** (здесь никакие усилия не предполагаются, а говорится, что не было условий для поездки и не было самой поездки); **Но какой там обед, не получалось с обедом** (Л. Карелин. Головокружение) — **не получалось пообедать**.

Если существительное не событийное, предметное, то приходится либо вычислять ситуацию, либо извлекать ее из контекста: *Он преподавал в техникуме, вечерами читал лекции о международном положении, и когда **не получалось с транспортом**, ходил за четыре километра в депо и своим же ходом возвращался* (А. Чудаков. Ложится мгла на старые ступени) — ‘не получалось доехать на транспорте’; *Но почему у нее **не получилось с мемуарами**? Может, она не может писать подцензурные вещи? Так бывает* (Ю. Нагибин. Дневник) — ‘не написала мемуары’. Ср. также с глаголом *выйти*: *Жалко, что вчера с задатком **не вышло**. Совсем было столковались — ан нет* (А. Волос. Недвижимость) — ‘не получил задаток’.

Таким образом, безличная конструкция с предложной группой тоже имплицативная (как и конструкция с инфинитивом), т. е. предложная группа, как и инфинитив, может иметь имплицативный статус (статус следствия), — что не отмечается в работах по имплицативным глаголам (там обычно фигурируют глаголы с зависимым инфинитивом).

Вообще, предложная группа *с* + Твор. соотносится с инфинитивной конструкцией, а не с двусоставной, где тоже фигурирует существительное. *Ну никак **не получалось с книгой**, и все тут* (В. Алейников. Тадзимас): в данном случае из контекста известно, что издательства не берут у молодого автора его книгу стихов, т. е. ‘книга не издана’; это предложение может также иметь смысл ‘книга не написана’, однако оно не может выразить смысл ‘книга плохая, неудачная’ — оценочный смысл выражается только подлежащим: *Книга не получилась*.

Самодостаточность предложной конструкции для передачи смысла ‘Р имеет / не имеет места’ подчеркивается тем, что подстановка инфинитива для обозначения ситуации (если она представлена предметным именем) невозможна: **С книгой не получилось напечатать*; **С пирогом не получилось испечь*.

Оценочные глаголы в безличной форме ведут себя иначе: они остаются оценочными и сохраняют презумпцию деятельности (оценивается то, как развивается ситуация) как в утвердительной форме: *Так бы ей и выплыть на широкий простор социалистической индустрии — с математикой, с техникой у Нины отлично **ладилось**, — но тут ее с берега усмотрел сын местного антрепренера красавец Димка Алексеев* (В. Рецпер. «Эта жизнь неисправима...») Записки театрального отщепенца), — так и в отрицательной: *Зуби порой начинала мудрить, если у нее **не ладилось с вязанием** или она ссорилась с Готфридом* (Д. Емец. Таня Гроттер и колодец Посейдона) — ‘вязала’; *Она училась на втором курсе, и у нее **не ладилось с черчением** и еще с чем-то* (И. Дьяконов. Книга воспоминаний) — ‘чертила, но плохо’; *У героя Уиллиса, добропорядочного американского гражданина с крепкими кулаками, с сыном **не клеится*** (Комсомольская правда, 2013.02.09).

Второе важное свойство — оно уже относится и к неоценочным, и к оценочным глаголам с группой *c* + Твор. — эти конструкции можно считать отрицательно поляризованными: встречаются буквально единичные примеры таких конструкций в положительной форме, т. е. со значением удачи, положительной оценки, в основном же они употребляются в значении неудачи (в отличие от инфинитивной конструкции, которая имеет и положительную и отрицательную форму), ср.: *Многие женщины ему нравились, но всегда как-то с женитьбой не выходило* (М. Алданов); *В последнее время с индивидуальными номерами у меня не клеится...* («Известия», 2002); *С физикой у него не ладится*; но: ²*С номерами у него клеится*; ²*С женитьбой у него выходит / вышло*. ²*С физикой у него ладится* (заметим, что в приведенном выше примере *с техникой у Нины отлично ладилось* глагол употребляется не изолированно, а в контексте наречия).

Этот запрет относится именно к данной модели. У других типов отрицательных предложений — например, с инфинитивом — есть утвердительные корреляты.

Итак, мы рассмотрели стратегии неагентивной концептуализации исходно агентивных ситуаций с участием глаголов группы *получиться*, представленные двусоставной и безличной конструкциями. Хотя в обеих конструкциях зависимой является не полностью контролируемая ситуация, в безличной конструкции, в силу семантики безличности, у Агенса еще более низкий статус, чем в двусоставной.

При другой стратегии неагентивной концептуализации — в безличной конструкции с имплицативным глаголом, ср.: *Ему удалось / не удалось уйти пораньше*, — субъект кодируется дативом. При этом ни в той, ни в другой стратегии Агенса подчиненной ситуации синтаксически не выражается.

Таким образом, безличные конструкции используются в русском языке не только для «изображения» стихийных ситуаций (*В форточку дуло; Поля побило градом*), но и для концептуализации вмешательства случайных факторов в агентивные ситуации.

Литература

Зализняк Анна А. О понятии имплицативного типа (для глаголов с пропозициональным актантом) // Логический анализ языка. Знание и мнение. М.: Наука, 1988. С. 107–121.

Зализняк Анна А. Контроль и его место в семантической структуре предикатов внутреннего состояния // Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: ЯСК, 2006а. С. 518–524.

Зализняк Анна А. Наречие *напрасно*: семантика и сочетаемость // в кн.: Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: ЯСК, 2006б. С. 116–130.

Кустова Г. И. Некоторые проблемы анализа действий в терминах контроля // Логический анализ языка. Модели действия. М.: Наука, 1992. С. 145–150.

Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. 22-е изд. М.: Русский язык, 1990.

Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: ЯСК, 2004. 607 с.

Разлогова Е. Э. Эксплицитные и имплицитные пропозициональные установки в причинно-следственных и условных конструкциях // Логический анализ языка. Знание и мнение. М.: Наука, 1988. С. 98–107.

Словарь русского языка в 4 тт. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981–1984.

Karttunen L. La logique des constructions anglaises à complément predicatif // Languages. 1973. № 30. P. 56–80.

G. I. Kustova

Institute of the Russian Language (Russian Academy of Sciences)

(Russia, Moscow)

galinak03@gmail.com

VERBS WITH THE SEMANTICS OF SUCCESS / FAILURE AND STRATEGIES FOR CONCEPTUALIZING AGENTIVE SITUATIONS

Various strategies for conceptualizing non-agentive situations are used to show that implementation of situations is affected by unfavorable (less often — favorable) factors. As a result, the situation is not fully controlled by the subject. One of the strategies considered in this paper is the use of the construction «*U X-a P*» with the possessive coding of the subject. It includes verbs *poluchit'sya* ('to come out', 'to succeed'), *vyjti* ('to come out', 'to succeed'), *ladit'sya* ('to go well'), *kleit'sya* ('to go well'): *Ne poluchilos' vstretit'sya* ('Failed to meet'); *Otnosheniya u nih ne ladilis'* ('Their relationship did not go well'). These verbs are involved in two constructions: (1) A two-member construction, in which the situation is expressed by the nominative, i.e. the subject (*Match mezhdu stolichnymi «Dinamo» i «Torpedo» yavno ne poluchilsya* 'The match between the capital «Dynamo» and «Torpedo» has clearly failed (Lit. 'has not come out)'); (2) an impersonal construction, in which situation is expressed by the infinitive or a prepositional phrase (*Segodnya poobedat' ne poluchilos' / s obedom ne poluchilos'* Lit. 'Today to dine has not come out / with dinner has not come out'). Another strategy is the use of the construction «*X-u (ne) V Inf.*» (*Emu ne udalos' uekhat'* 'He failed to leave', Lit. 'him has not come out to leave') with the experiential coding of the subject.

Keywords: agent, agentive situation, control, non-agentive conceptualization.

References

Karttunen L. La logique des constructions anglaises à complément predicatif // *Languages*, 1973, no 30, pp. 56–80.

Kustova G.I. [Some problems of actions analysis in terms of control]. *Logicheskij analiz yazyka. Modeli dejstviya* [Logical analysis of language. Action models]. Moscow, Nauka Publ., pp. 145–150. (In Russ.)

Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka* [The dictionary of the Russian language / ed. by N.Yu. Shvedova. 22nd ed.]. Moscow, Russian Language Publ., 1990. (In Russ.)

Paducheva E. V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki*. [Dynamic models in lexical semantics]. Moscow, JaSK Publ., 607 p. (In Russ.)

Razlogova E. E. [Explicit and implicit propositional attitudes in cause-effect and conditional constructions]. *Logicheskij analiz yazyka. Znanie i mnenie*. [Logical analysis of language. Knowledge and opinion]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 98–107. (In Russ.)

Slovar' russkogo yazyka v 4 tt. [The dictionary of the Russian language in 4 vols / ed. by A. P. Evgen'eva]. Moscow, Russian Language Publ., 1981–1984. (In Russ.)

Zaliznyak Anna A. On the concept of an implicative type (for verbs with a propositional actant) // *Logicheskij analiz yazyka. Znanie i mnenie*. [Logical analysis of language. Knowledge and opinion]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 107–121. (In Russ.)

Zaliznyak Anna A. Control and its place in the semantic structure of the predicates of the internal state // Zaliznyak Anna A. *Mnogoznachnost' v yazyke i sposoby ee predstavleniya*. [Polysemy in language and ways of its presentation]. Moscow, JaSK Publ., 2006a, pp. 518–524. (In Russ.)

Zaliznyak Anna A. [The adverb *naprasno*: semantics and compatibility] // Zaliznyak Anna A. *Mnogoznachnost' v yazyke i sposoby ee predstavleniya*. [Polysemy in language and ways of its presentation]. Moscow, JaSK Publ., 2006b, pp. 116–130. (In Russ.)

Леонтьева А. Л., Литвинцева К. В.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Россия, Москва)

aleonteva@hse.ru, klitvintseva@hse.ru

СТАЛО БЫТЬ, ПО-РУССКИ ТАК ГОВОРЯТ: ВВОДНАЯ КОНСТРУКЦИЯ СТАЛО БЫТЬ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье на материале Национального корпуса русского языка описывается языковое поведение вводной конструкции *стало быть* и ее структурного варианта *стало* в русском языке XVIII–XXI веков. Прослеживается семантическое развитие конструкции от показателя причинно-следственной связи между событиями до усилителя дискурсивной связности текста. Доказывается, что источником развития новых, собственно дискурсивных, значений конструкции послужили ее употребления в диалогической речи. Показывается, что, в отличие от омонимичных невводных конструкций, конкуренция вводных *стало быть* vs. *стало* изначально имеет не грамматическую, а социальную природу: вариант *стало*, наиболее предпочтительный и престижный в языке XVIII века, уже к началу XIX века воспринимается как несовременный и, как следствие, просторечный, а к концу XIX столетия практически полностью вытесняет *стало быть*. Высказывается гипотеза о том, что траектория семантического развития от показателя причинно-следственной связи между событиями к дискурсивным единицам, выполняющим функцию воздействия на собеседника и поддержания дискурсивной связности текста, характерна не только для рассматриваемой конструкции, но и для более широкого класса лексических единиц.

Ключевые слова: вводные конструкции, русский язык XVIII века, русский язык XIX века, история слов, конкуренция лексических единиц.

Первое упоминание вводной конструкции *стало быть*, зафиксированное в Национальном корпусе русского языка¹ (далее НКРЯ), принадлежит В. Н. Татищеву и датируется 1731 годом (1). До 1731 года сочетание глаголов *стать* и *быть* употребляется, но не является вводной конструкцией (ср. (2))².

¹ www.ruscorgpora.ru

² Д. В. Руднев вслед за В. А. Демиденко утверждает, что *стало быть* как вводная конструкция появилась в рамках составного именного сказуемого в предложениях с подлежащим, выраженным местоимением *то* [Демиденко 1963: 26–32; Руднев 2014: 62].

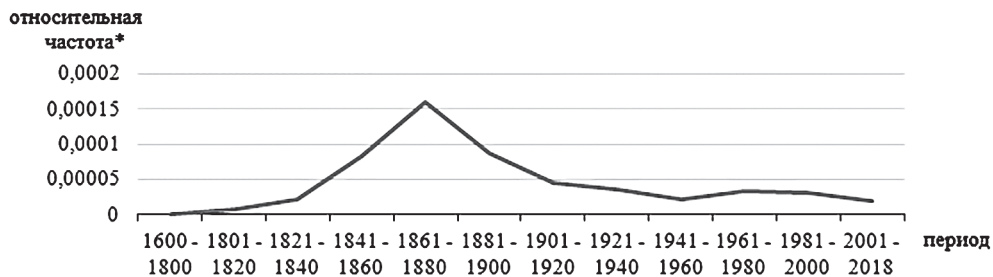

График 1. Относительная частота встречаемости вводной конструкции *стало быть* в XVIII–XXI вв. (по данным НКРЯ)

* Показатель относительной частоты рассчитывается по формуле q/Q , где q — количество употреблений конструкции в подкорпусе, а Q — объем подкорпуса. Каждый подкорпус, кроме первого и последнего, соответствует периоду, равному 20 годам и отраженному на горизонтальной оси графика.

(1) *Gespracheim Reichderer Todten. У меня имеются первые 48 встреч, стало быть, мне очень хочется иметь и следующие.* (В. Татищев. Письмо И. Д. Шумахеру, 1731)³.

(2) *И когда гораздо стало быть темно, тогда ... послали князя Козловского да маора Пиля х королю предлагать о удержании оружия...* (А. Макаров (ред.). История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого), 1698–1721).

Постепенно вводное *стало быть* начинает вытеснять невводные употребления. Интересно, что если автор XVIII века использует в речи вводную конструкцию *стало быть*, то в его текстах не встречается невводное сочетание *стать* + *быть* и наоборот. К началу XIX века невводное *стало быть* практически перестает употребляться, вводному же *стало быть* предстоит жить в языке еще как минимум два столетия: в настоящее время частотность употребления конструкции примерно такая, как была в 20-е гг. XVIII в. (см. График 1). По всей видимости, к концу XXI века конструкция полностью уйдёт из языка.

Таким образом, мы получаем редкую возможность проследить практически полную жизнь конструкции в языке — от момента её появления на свет до глубокой старости⁴.

Семантика конструкции. По всей вероятности, первоначально конструкция *стало быть* воспринималась аддитивно (*стало*⁵ + *быть*) и обозначала появление некоторого нового положения дел — нового понимания, осмысления происходящего: «было P — после этого стало быть Q». Появление нового положения дел **в реальности** обозначалось невводной конструкцией (ср. (2)) — возникновение нового **осмысления** реальности — вводной. Последнее представляет собой реализацию известного семантического перехода «после P → по причине P».⁶

³ Здесь и далее, если не указано иное, примеры из текстов берутся из Национального корпуса русского языка (НКРЯ). В примерах сохраняется авторская орфография и пунктуация.

⁴ См. описание подобной ситуации для конструкции *искать* + *INF* в [Кривко, Литвинцева 2018].

⁵ Подробнее о семантике глагола *стать* см. [Короткова, Сай 2016: 96–101]; [Молдован 2010: 5–17] и др.

⁶ Подробнее о семантических переходах см. [Зализняк 2009: 107–112].

Таким образом, первоначально вводное *Р*, *стало быть*, *Q* указывает на то, что говорящий усматривает причинно-следственную связь между событиями *Р* и *Q*. Это значение фиксируется уже в словаре В.И. Даля: ‘итак, следовательно, таким образом’ [СД] и примерно в том же виде включается в современные толковые словари.

Позже из вводного *стало быть 1* с семантикой **следствия** возникает *стало быть 2*, вводящее **перифразу** ранее сказанного, и *стало быть 3*, **возвращающее** слушателя к потерянной линии разговора.

Стало быть 1. *Р*, *стало быть 1*, $Q \approx$ ‘Говорящий знает, что *Р* и по этой причине думает или чувствует, что *Q*. Он сообщает о том, что *Р*, поэтому *Q*, как о своих мыслях или чувствах’.

Стало быть следствия имеет два круга употреблений. Первый можно соотнести с указанными в традиционных словарях синонимами *следовательно* и *значит*, второй — с *таким образом*, *итак*, *выходит*.

Стало быть 1.1 — наиболее раннее и наиболее устойчивое значение конструкции: его можно встретить в текстах как XVIII, так и XXI века (ср. (1) и (3)).

(3) *Тот же Юрий Трифонов вынужден был признать это применительно к Федору Достоевскому (а стало быть, к себе самому...)* (Подстрекатели истории, 2002 // «Культура», 2002.04.08).

Положение дел *Р* здесь обычно выражается достаточно компактно — обычно одной клаузой. *Q* может выражаться самостоятельной клаузой (1) или однородным членом относительно фокуса высказывания *Р* (3). *Стало быть 1.1* может не только начинать клаузу, но и находиться в середине предложения, разрывая его составляющие (4).

(4) *Да ты сам, старинушка, ярославец, человек, стало быть, видишь, умный и бывалый...* (Н. Полевой. Клятва при гробе Господнем, 1832).

Для *стало быть 1.1* достаточно характерно употребление после союзов *и* и *а* (ср. (3)), а также в высказываниях с *if* clause (*Если/коли/когда Р, стало быть Q*). В диалогической речи возможна постпозиция или даже опущение придаточного, где *Р* соответствует указание на предшествующий речевой акт ((5), (6)).

(5) — *Маша, отгадай-ка, для чего я тебя позвал? Маша вздохнула, потупила глаза и молвила: — Стало быть, вы знаете, Павел Алексеевич, когда позвали; а я слуга ваша.* (В. Даль. Павел Алексеевич Игривый, 1847).

(6) — *А что у тебя там за каверзы с шутоломовскими крестьянами?*

— *А вы почему знаете?*

— *Стало быть, знаю* [если говорю — А.Л., К.Л.] (И. Тургенев. Одиногорец Овсяников, 1847).

Обычно и *Р*, и *Q* принадлежат одному и тому же субъекту речи.

Стало быть 1.1 произносится ровным тоном (тем же, что и предшествующее слово), и не сопровождается паузами ни до, ни после себя.

Стало быть 1.2 вводит вывод *Q*, который делает говорящий на основании информации *Р.Р* здесь — это сложным образом организованное рассуждение, дискурсивный фрагмент, включающий риторические отношения причины, следствия,

сравнения, условия и т. п. *Стало быть* 1.2, как правило, начинает последнее предложение дискурсивного фрагмента. После такого предложения меняется тема сообщения либо фрагмент вовсе заканчивается (ср. (7)).

(7) Душа Платона, простираясь до неба, сама в себе вращаясь, окутывала небо извне. У Кеплера же “душа окружена телом и скрывается в нем, коренясь в его неизблемой точке, откуда являет себя остальному телу”. Кроме того, она движется прямолинейно: не вращается, а лучится. **Стало быть**, Кеплер обживает место демиурга, если не христианского Творца. И таков метод не только Кеплера. ... (В. Шевченко. Демон науки: Космический кубок // «Знание — сила», 2003).

Стало быть 1.2, в отличие от *стало быть* 1.1, как правило, не разрывает клаузу. Для него характерны употребления в абсолютном начале высказывания или после частицы *так*.

Р и Q в *стало быть* 1.2 могут принадлежать как одному и тому же, так и разным субъектам речи.

Стало быть 1.2 имеет особый интонационный контур, где *стало* произносится более высоким тоном, чем последующее *быть* и предшествующее слово, отделенное от конструкции паузой.

Отметим, что описанные два круга употреблений *стало быть* 1 представляют собой прототипические случаи. В действительности значение следствия у этой конструкции представляет собой скорее континуум: провести четкую границу между *стало быть* 1 и *стало быть* 2 удастся не всегда.

Конструкция *стало быть* 1 характерна для публицистических, а также эпистолярных и дневниковых текстов, письменный модус которых позволяет говорящему как можно точнее передавать собеседнику ход своих рассуждений. Однако сфера употребления вводного *стало быть* не исчерпывается письменными текстами-рассуждениями: конструкция частотна также в диалогической, т. е. устной⁷, речи.

Именно устная диалогическая речь, как кажется, послужила благодатной почвой для дальнейшего развития значений вводного *стало быть*.

Стало быть 2. Р, *стало быть* 2, Q ≈ ‘Услышав или сказав Р, говорящий не уверен, что Р достаточно понятно или информативно. Думая, что Q значит то же, что и Р, но более информативно, говорящий произносит Q, обращая внимание слушающего на то, что Q следует из Р или тождественно ему’.

Стало быть 2, по всей видимости, формируется из *стало быть* 1.2, где Р и Q принадлежат разным субъектам речи. В самом деле, если Р произносит один из собеседников, а Q — другой, то второй говорящий не всегда уверен в том, что верно проинтерпретировал Р, принадлежащее другому говорящему. Таким образом, высказывание Q, которое должно было бы стать выводом из Р (как в *стало быть* 1.2), заменяется его фактической перифразой. Такое Q обычно оформляется как

⁷ Поскольку зафиксировать устную речь XVIII–XIX века не представляется возможным, мы будем, с известными оговорками, считать образцами устной речи переданные в художественной литературе того времени диалоги персонажей.

вопросительное предложение: говорящий хочет, чтобы собеседник подтвердил (или опроверг), что его поняли верно (8).

(8) [Подколесин]. ... *Ведь я все уже сказал, что следует.*

[Кочкарев]. *Стало быть, сердце ей ты уж открыл?* (Н. Гоголь. Женитьба, 1833–1842).

Появившись в диалогической речи, *стало быть 2* приходит и в монолог: говорящий использует его, если ощущает сказанное им ранее *Р* недостаточно информативным для собеседника — нуждающимся в уточнении ((9) или пояснении (10)). В этом случае фраза с *Q* уже не оформляется как вопросительное предложение.

(9) *Письмо ваше, почтеннейшая маминька, писанное вами от 1 октября, я получил неделю тому назад, стало быть, 3 или 4 декабря по здешнему стилю* (Н. Гоголь. Письма, 1836–1841).

(10) *плывет... ледяная гора... а на ней плывут пассажиры... тюлени, стало быть, белые медведи...* (Н. Березин. Пешком по карельским водопадам, 1903).

Интересно, что в последнем случае вводное *стало быть* (ср. менее удачное (10′)) употребляется не перед пояснительной конструкцией, а внутри нее — после первого информативного элемента, позиционно сближаясь тем самым с ваккернатегелевскими частицами.

(10′) *плывет... ледяная гора... а на ней плывут пассажиры... стало быть, тюлени, белые медведи...*

Перифрастическое *стало быть 2* очень похоже и семантически, и структурно на конструкцию *то есть*, активно употреблявшуюся в рассматриваемом значении еще в конце XVII века и не менее востребованное в современном языке ((11), (12)).

(11) *А в 19 числе, то есть в день воскресения Христова... азовские сидельцы боярину нашему... город Азов ... отдали ...* (И. Желябужский. Дневные записки, 1682–1709).

(12) *...Жито значит всякия семена, то есть рожь, овес, ячмень, пшевица и пр.* (В. Татищев. Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах, 1733).

Конструкции, в принципе, взаимозаменяемы, но, *стало быть 2*, в отличие от *то есть*, предполагает, что *Q* неизвестно слушающему и будет новой для него информацией. В случае с *то есть* говорящий или вовсе не думает о слушателе, или предполагает, что *Q* ему известно, поскольку входит в сферу общих знаний.

Любопытно, что в публицистических текстах первой половины XIX века *стало быть 2* начинает функционально сближаться с активно употреблявшимися в языке того времени маркерами цитатива (ср. *мол, де, дескать, якобы* [Арутюнова 2000: 437–452]; [Левонтина 2010]; [Падучева 2011], [Апресян, Шмелев 2017] и др.).

В отличие от обычного цитатива, передающего чужую речь практически без изменений, цитативное *стало быть* не предполагает дословного повторения чужой речи — говорящему достаточно передать лишь её смысл.

Если обычный цитатив используется при передаче чужой речи практически любого содержания, то в высказываниях с цитативным *стало быть* налицо выражение причинно-следственной связи между событиями *Р* и *Q*. Эта связь может устанавливаться как самим цитируемым автором (ср. (13) vs. (13′)), так и говорящим

(ср. (14) vs. (14')). В последнем случае *стало быть* показывает, что, по мнению говорящего, цитируемый автор, говоря Р, имеет в виду именно Q.

(13) *Так говорится и пишется, ... но г. рецензенту это не нравится: стало быть, грамматически неправильно* (А. Грибоедов. О разборе вольного перевода Бюргеровой баллады «Ленора», 1816).

(13') Г. Рецензент: «*Это неправильно, потому что не нравится мне*».

(14)... У г. Кошанского... поэзия [занимается — А. Л.] *чувствованиями (стало быть, в поэзии нет мыслей!..)* ... (В. Белинский. Общая риторика Н. Ф. Кошанского, 1844).

(14') *Кокшанский: «Поэзия занимается чувствованиями». Белинский: «Тогда, по-вашему, в поэзии нет мыслей».*

Цитативное *стало быть* выражает явное, эмоционально окрашенное, доходящее до раздражения несогласие говорящего с цитируемой речью.

Стало быть 3. Р. N. *Стало быть 3*, $Q \approx$ 'Услышав или сказав Р раньше, чем N, говорящий хочет продолжить говорить о Р. Q тождественно Р или следует из Р. Произнося Q, говорящий показывает, что хочет продолжить говорить о Р'.

В диалоге возможна ситуация, когда слушающий, зацепившись за некоторую мысль говорящего, начинает развивать ее, используя внутреннюю речь. Говорящий же в это время продолжает начатый ранее дискурсивный фрагмент и может перейти к новой линии повествования прежде, чем передаст инициативу слушающему. Таким образом, линия повествования, которая отвлекла слушающего, к моменту перехода речевой инициативы, оказывается потерянной. Желая вернуться к этой линии разговора, бывший слушающий обычно понимает, что его реплика нарушает ход мысли собеседника, поэтому, как в случае со *стало быть 2*, он оформляет своё высказывание в виде вопроса, ожидая от собеседника согласия либо несогласия вернуться к предлагаемой теме разговора.

Интересно, что говорящий (бывший слушающий) по инерции часто сначала отвечает на реплику собеседника и только потом предлагает вернуться к потерянной теме (15).

(15) — *Переезжая на квартиру... Я только что встал.*

— *Но вы еще очень нездоровы, и вам бы не следовало выходить. Стало быть, вы уже не там, где прежде, живете? Но что побудило вас?* (Ф. Достоевский. Хозяйка, 1847).

Как и *стало быть 2*, *стало быть 3*, появившись в диалогической речи, переходит и в монологическую речь. В этом случае также снимается ограничение на оформление реплики с Q в виде вопросительного предложения. Само *стало быть 3* становится маркером поддержания связности дискурса и возвращает слушателя или читателя к референту Р, семантически связанному с Q, но актуализованному на достаточно большом расстоянии от него (ср. (16)).

(16) *Марина вкладывает в тетрадь свою визитную карточку. Прощаются. Поцеловались в дверях. День недели был этот — СУББОТА, в сей момент он как раз довершается: Капитонов выходит на улицу, в руке у него пакет с тетрадью Мухина, и наступает, стало быть, Воскресенье* (С. Носов. Фигурные скобки, 2015).

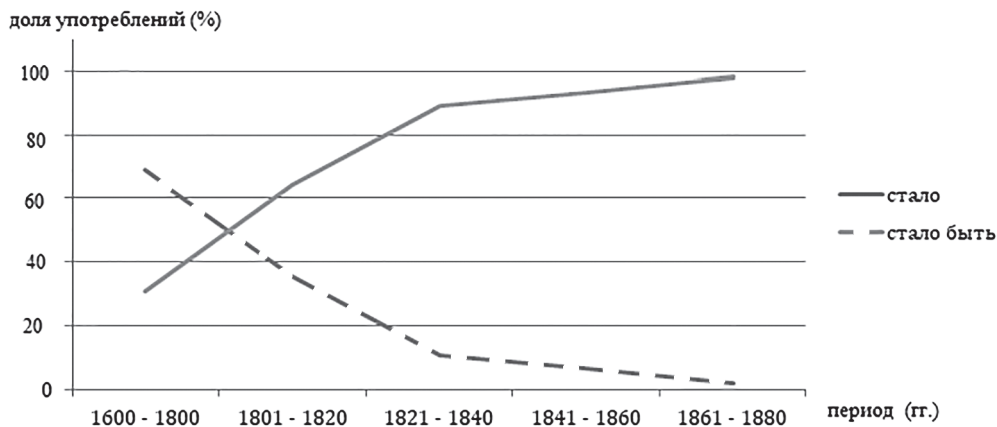

График 2. Соотношение частот употреблений вводного *стало* vs. *стало быть* в русском языке XVIII–XIX вв.

Значения 2 и 3 формируются у *стало быть* к началу второй трети XIX века и, как показывают примеры выше, доходят до наших дней. Тем не менее значения 2 и 3 в языке XXI века используются крайне редко — основную часть употреблений составляет причинно-следственное *стало быть* 1.

Конкуренция вводных *стало быть* и *стало*. В языке XVIII–XIX века наряду с вводной конструкцией *стало быть* употребляется вводное слово *стало*. У него фиксируются те же три значения, что и у *стало быть*. Тем не менее конкуренции конструкций в том виде, в каком она наблюдалась у омонимичных неводных единиц⁸ здесь не происходит. Обе конструкции действительно функционируют параллельно на протяжении двух веков. За этот период предпочтительное в XVIII веке *стало* практически полностью вытесняется *стало быть* (см. График 2).

В языке XVIII — начала XIX вв. вводное *стало* и *стало быть* четко распределены по идиолектам: носители языка употребляют в речи или только *стало*, или только *стало быть*. И то, и другое используется в эпистолярных и публицистических текстах, а также в художественной литературе в бытовых диалогах. Поскольку примеров вводных *стало быть* и *стало* в XVIII веке очень немного⁹, можно лишь предполагать, что *стало быть* в то время воспринимается как менее высокое и, следовательно, менее социально престижное: оно используется обычно при описании бытовых ситуаций (низкий штиль), а также чувств и желаний говорящего (средний штиль), в то время как *стало* употребляется, когда обсуждаются политические или социально-философские темы (средний и, возможно, высокий штиль). (Ср. (17), (18) vs. (19), а также (1)).

⁸ Подробнее см. [Леонтьева, Литвинцева 2018].

⁹ По подкорпусу текстов, созданных с 1600 по 1801 гг. общим объемом 1862 док., 294 177 предл. 5 368 290 сл. На 24 неводных *стало быть* 8 вводных. На 409 неводных одиночных *стало* в разных значениях — только 20 вводных.

(17) Если неправую сторону обвинят судьи, то она кричит и шумит о несправедливости, и **стало**, сама несправедливо судит (Екатерина II. [Полемика с Новиковым], 1769).

(18) Когда в российских городах заводят университеты, то, **стало**, намерение есть готовить к службе людей просвещенных (Д. Фонвизин. Друг честных людей или Стародум, 1788).

(19) А уже мы ни во что и играть не будем? Это, **стало быть**, не весело именины празднованы, а скучно. (П. Львов. Роза и Любим, 1790).

Для первого двадцатилетия XIX века показательны тексты А. С. Грибоедова, в которых встречаются оба варианта рассматриваемых вводных оборотов: в переписке и публицистике используется только *стало быть*, в драматических текстах явно преобладает *стало* (ср. (20), (21), а также (13)). Это, с одной стороны, подтверждает мысль об изначальном жестком стилистическом распределении вводных *стало* и *стало быть*: более ранние тексты, представленные в НКРЯ, отличались жанровой и тематической однородностью, что указывает на то, что их авторам не было нужды использовать разные конструкции. С другой стороны, тексты А. С. Грибоедова демонстрируют совершенно иные стилистические характеристики вводных *стало* и *стало быть*, чем те, которые мы видели в текстах XVIII века: автор, в отличие от более младших современников, осознает себя носителем скорее последнего, чем первого варианта. Теперь уже не *стало быть*, а *стало* характеризует бытовую речь персонажей с непрестижным, с точки зрения автора, социальным статусом.

(20) Я... сперва подумал, что, **стало быть**, редко во зло употребляется обширная власть, которой облечены здешние высшие чиновники... (А. Грибоедов [Путевые письма С. Н. Бегичеву], 1819).

(21) — Мой друг, ваш братец чуть было не женился. — Чуть было? **стало**, миновалась опасность? (А. Грибоедов, П. Вяземский. Кто брат, кто сестра, или обман за обманом, 1823).

После 1820 г. авторов, употребляющих в речи только вводное *стало*, в НКРЯ не встречается. Большинство предпочитает *стало быть* и употребляет только его. В тех относительно немногих текстах, где, как у А. С. Грибоедова, наблюдается использование обеих конструкций, *стало* характеризует речь персонажей с низким социальным статусом: крестьян, купцов, разночинцев, — или малообразованного дворянства, использующего архаичный язык.

Таким образом, конкуренция вводного *стало быть* vs. *стало*, в отличие от омонимичных невводных конструкций, носит преимущественно стилистический характер. Более раннее *стало* за сто лет проходит путь от предпочтительного и социально престижного до архаичного и, далее, просторечного, а к началу XX века полностью вытесняется вводным *стало быть*.

Выводы. Итак, мы рассмотрели появление в русском языке вводной конструкции *стало быть* и ее семантическое развитие: от показателя причинно-следственных отношений между описываемыми событиями до дискурсивной единицы, служащей для усиления связности текста. Данные НКРЯ показывают, что более

новые, дискурсивные, значения *стало быть* уходят из языка быстрее первичного, объективного, значения.

Представляется, что такой путь семантического развития должен быть характерен не только для вводного *стало быть*, но для целого класса лексических единиц, связанных с выражением причинно-следственных отношений. Для подтверждения или опровержения данной гипотезы необходимы дальнейшие диахронические корпусные исследования.

Литература

Апресян В. Ю., Шмелев А. Д. «Ксенопоказатели» по данным параллельных корпусов и современных СМИ: русское *якобы* // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2017. Т. 2. С. 17–29.

Арутюнова Н. Д. Показатели чужой речи *де, дескать, мол* // Язык о языке / Под ред. Н. Д. Арутюновой М., 2000. С. 437–452.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 2 тт. Т. 2; П–V. — М. : «ОЛМА-ПРЕСС», 2002. — 1088 с.

Демиденко Л. П. Грамматическая и семантическая эволюция словосочетания типа «начать+инфинитив» и «стать+инфинитив» в русском языке // Ученые записки Красноярского государственного педагогического института. Т. XXV. Вып. 1. С. 18–46.

Зализняк Анна А. О понятии семантического перехода // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2009» (Бекасово, 27–31 мая 2009 г.). Вып. 8 (15). М. : Изд-во РГГУ, 2009. С. 107–112.

Короткова Н. А., Сай С. С. Глагол *стать* в русском языке: семантика, синтаксис, грамматикализация // Третья конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Материалы. СПб. : Нестор — История. 2006. — С. 96–101.

Кривко Р. Н., Литвинцева К. В. *Искать* → *стараться, хотеть*: конструкции, типология, источники // ЕВРика! Сборник статей о поисках и находках к юбилею Е. В. Рахилиной / Под ред. Д. А. Рыжовой, Н. Р. Добрушиной, А. А. Бонч-Осмоловской и др. М. : Лабиринт, 2018. 392 с.

Левонтина И. Б. Пересказывательность в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 9 (16). По материалам международной конференции Диалог 2010. С. 284–288.

Леонтьева А. Л., Литвинцева К. В. Конструкция *стал быть* // Русский язык в научном освещении. 2018. № 35 (1). С. 110–132.

Молдован А. М. К истории фазового глагола *стать* в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2010. № 1 (19). С. 5–17.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс] URL: <http://ruscorpora.ru/search-main.html>

Падучева Е. В. Показатели чужой речи: *мол* и *дескать* // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2011. Т. 70, № 3. С. 13–19.

Руднев Д. В. Связочные глаголы в русском языке XVII–XIX веков. Дисс. ... доктора филологических наук 10.02.01. СПб: СПбГУ, 2014.

Anna L. Leonteva

NRU Higher School of Economics

(Russia, Moscow)

aleonteva@hse.ru

Kristina V. Litvintseva

NRU Higher School of Economics

(Russia, Moscow)

klitvintseva@hse.ru

**SO, IN RUSSIAN, THEY SAY SO:
THE INTRODUCTORY PHRASE *STALO BYT'* (MEANING 'SO') IN RUSSIAN**

The article describes the linguistic behavior of the introductory phrase *stalo byt'* (literally *became to be*, roughly meaning 'so') in the Russian language of the XVIII–XXI centuries. The data from the Russian National Corpus show that this construction WAS acquiring additional senses throughout centuries. First it was used as a cause and consequence marker, then it developed two more discourse meanings, namely of a paraphrase and of returning to the previous topic. Our data show that this development is correlated with the increasing use of *stalo byt'* in dialogues. In the Russian language of the XVIII–XIX centuries there was a variant of *stalo byt'*, a single introductory word *stalo* (literally *became*), the difference between the constructions being rather stylistic than grammatical. *Stalo*, while being the most preferable and prestigious in the language of the XVIII century, by the beginning of the XIX century became to sound archaic and thus vernacular. Finally, by the end of the XIX century the parenthetical *stalo* almost disappeared. We suppose that this kind of semantic development from the circumstantial role marker to a discourse coherency means must be characteristic not only of the construction under consideration, but of a more general class of lexical items as well, and we plan to do some further research on it.

Keywords: introductory constructions, Russian language of the XVIII century, Russian language of the XIX century, history of words, competition of lexical units.

References

Apresyan V. Yu., Shmelev A. D. ["Xenographs" according to parallel corpora and modern media: The Russian *yakoby*]. *Komp'yuternaya lingvistika I intellektual'nye tekhnologii*. 2017, V. 2. pp. 17–29. (in Russ.)

Arutyunova N. D. [Indicators of someone else's speech *de, deskat', mol*]. *Language about language*. N. D. Arutyunova (Ed.) Moscow: 2000. pp. 437–452. (in Russ.)

Dal' V. I. [The explanatory dictionary of the living Great Russian language in 2 volumes]. V 2 P–V. — Moscow: «OLMA-PRESS», 2002. — 1088 p.

Demidenko L. P. [Grammatical and semantic evolution of the phrase «nachat'+infinitive» and «stat'+infinitive» in Russian]. *Uchenye zapiski Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. V. XXV. Issue 1. pp. 18–46. (in Russ.)

Zaliznyak Anna A. [On the notion of a semantic shift]. *Komp'yuternaya lingvistika I intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog 2009» (Bekasovo, 27–31 may 2009)*. Issue 8 (15). Moscow: RGGU, pp. 107–112. (in Russ.)

Korotkova N. A., Sai S. S. [The verb *stat'* in Russian: semantics, syntax, grammaticalization]. *Tret'ya konferentsiya potipologii i grammatike dlya molodykh issledovatelei. Materialy*. Sankt-Peterburg: «Nestor — Istoriya», 2006. — pp. 96–101. (in Russ.)

Krivko R. N., Litvintseva K. V. [Iskat' → starat'sya, khotet': constructions, typology, sources] *EVRika! Sbornik statei o poiskakh I nakhodkakh k yubileyu E. V. Rakhilinoi* [Eureka! Collection of articles on searches and finds for the anniversary of E. V. Rakhilina] D. A. Ryzhova, N. R. Dobrushina, A. A. Bonch-Osmolovskaya et al. (ed). Moscow: Labirint, 2018. — 392 p. (in Russ.)

Levontina I. B. [Quotation and rendering markers in Russian]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii*. Issue 9 (16). *Po materialam mezhdunarodnoi konferentsii Dialog 2010*. pp. 284–288. (in Russ.)

Leonteva A. L., Litvintseva K. V. [The construction 'stal byt' ('become to be') in the Russian language]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2018. № 35 (1). pp. 110–132. (in Russ.)

Moldovan A. M. [To the history of the phase verb *stat'* in Russian]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2010. № 1 (19). pp. 5–17. (in Russ.)

NKRYa — *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka*. [RNC — Russian National Corpus]. Available at: <http://ruscorpora.ru/search-main.html>

Paducheva E. V. [The particles MOL and DESKAT' as markers of somebody else's speech]. *Izvestiya RAN. Seriya lit. i yazyka*. 2011. V. 70, no 3. pp. 13–19. (in Russ.)

Rudnev D. V. [Copular verbs in the Russian language of the XVII–XX centuries]. PhD thesis. Sankt-Petersburg: SPBGU, 2014.

Е. В. Маринова

*Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
(Россия, Нижний Новгород)
marinova@list.ru*

**ВЛИЯНИЕ ПОЛИСЕМИИ ИНОЯЗЫЧНОГО СЛОВА
НА ЕГО ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА НОВЕЙШЕГО ПЕРИОДА)**

На материале иноязычных существительных рассматривается влияние полисемии на грамматические категории (рода, числа, одушевлённости). Анализируется новое для русского языка явление в сфере несклоняемых существительных: присваивание признаков рода каждому ЛСВ многозначного слова индивидуально (*фрисби, барбекю* и др.). Отмечается, что ранее подобное отмечалось, только если разные ЛСВ слова обозначали одушевлённый и неодушевлённый предметы. Присвоение разных родовых значений разным ЛСВ одного и того же слова свидетельствует как о постепенном ослабевании позиции среднего рода, так и о доминировании принципа аналогии. На примере «инговых» существительных описываются регулярные семантические сдвиги, поддерживаемые семантикой плюральных форм. Высказывается предположение о том, что в лексикографической практике важно отслеживать отношение англицизмов на *-инг* к числу, т. к. формы множественного числа могут выявить развитие полисемии. Исследуется изменение отношения к категории одушевлённости многозначных слов. Нерегулярными оказываются случаи «отказа» от одушевлённости у существительных, которые в непрямых значениях соотносятся с неодушевлённым предметом (комп. *мастер подсказок*). Если полисемия развивается по иному сценарию (от неодушевлённого ЛСВ к одушевлённому), грамматические признаки одушевлённости проявляются более регулярно.

Ключевые слова: полисемия, иноязычное существительное, лексико-семантический вариант и грамматический род, категория числа, одушевлённость/неодушевлённость.

В процессе освоения иноязычного слова может происходить развитие его семантики, в результате чего семантическая структура пополняется новым значением. Формирующаяся полисемия отражается и на других участках языковой

системы, в т. ч. на грамматике. Одно и то же имя существительное может в разных значениях а) по-разному относиться к категории рода; б) принадлежать к разным лексико-грамматическим разрядам; в) по-разному относиться к категории числа; д) к категории одушевлённости/неодушевлённости.

Рассмотрим эти процессы на материале иноязычной лексики.

А) Имя существительное в разных значениях может по-разному относиться к **категории рода**.

В последние десятилетия намечается тенденция к различению грамматических признаков рода у несклоняемого нарицательного существительного, имеющего или развивающего многозначность. Ранее (до нач. XXI в.) подобное отмечалось, только если разные лексико-семантические варианты (ЛСВ) одного и того же слова обозначали одушевлённый и неодушевлённый предметы. Например: *боа* 'змея' м. (*взрослый боа*) и 'шарф' ср.; *контральто, сопрано, меццо-сопрано* 'о голосе' ср. и 'о той, кто обладает таким голосом' ж.; *ню* неодуш. ср. и одуш. ж. [Крысин 2006]. У остальных 80-ти многозначных несклоняемых слов (*ампула, ателье, депо, сафари, шоу* и т. д.), отражённых в том же источнике, разные ЛСВ имеют один и тот же род.

В настоящее время нередко каждый ЛСВ оформляется индивидуально, получая своё грамматическое значение рода. См.: *Подскажите, где можно достать недорогую фрисби/Летающую тарелку* (здесь и далее орфография и пунктуация оригинала сохраняются. — Е. М.); *Сам я долго играл только одной фрисби; Чем фрисби с синей буквой отличается от простой фрисби?* (из речи посетителей форума); *Джон бросил красную «фрисби»* (С. Кинг «Мешок с костями»). В этих контекстах *фрисби* используется для обозначения предмета для игры как существительное женского рода (по аналогии со словом *тарелка*). Однако если речь идёт о виде спорта, род слова мужской. Ср.: *Пляжный фрисби* (объявление о развлечениях на пляже); *Впервые в российской спортивной истории пройдёт суточный непрерывный фрисби...* (из газ.).

Подобным образом ведёт себя слово *барбекю*, которое тоже используется в разных ЛСВ. Род может подстраиваться под значение. См.: *Вкусное барбекю* (о блюде) — ср. *Каменная барбекю* (о решётке, печи) и *Пропустим «дружеский коктейль», «романтический барбекю на пленэре» и проч.* (из газ.) (о пикнике).

Вероятно, можно было бы списать эти наблюдения лишь на недостаточную освоенность неологизмов, род которых варьируется. Однако явление фиксируют и лексикографы. Так, в «Русском орфографическом словаре» по-разному отражён род слов *биеннале/бьеннале* и *триеннале*: м. (фестиваль) и ж. (выставка) [Русский... 2012]. В «Комплексном нормативном словаре...» *киви* 'дерево' отнесено к существительным мужского рода (*цветущий киви*), в значении 'плод' — к существительным среднего рода (*вкусное киви*); *кенгуру* как название рюкзака — мужского рода (*небольшой кенгуру*), как название фасона куртки — женского (*молодёжная кенгуру*); *карго* 'груз' относится к существительным мужского рода (*дешёвый карго*); в значении 'фасон одежды, напоминающей рабочую одежду' — к существительным среднего рода (*мужское карго*) [Комментарий... 2012].

Как можно объяснить это новое для русского языка явление? По-видимому, следует говорить об ослаблении позиции среднего рода (о чём мы уже неоднократно писали, начиная с [Маринова 2008: 160]). На формирование рода нового несклоняемого неодушевлённого нарицательного существительного всё чаще влияет смысловая аналогия. Так присваивается род и в случае полисемии слова: *фрисби* ж. р. («летающая тарелочка»), м. р. (спорт); *барбекю* ср. р. (блюдо), ж. р. (решётка, печь) и под.

Б) Имя существительное в разных значениях может принадлежать к разным **лексико-грамматическим разрядам**.

Изменение разряда происходит, например, в случае, если существительное отвлечённой семантики развивает новое значение, соотносимое со значением конкретных существительных. Так, слово *сервис* в разговорной речи используется в конкретном значении — как название автомастерской: *поставить машину в сервис; заехать на сервис*. Слово *авторитет* также имеет конкретное значение, сформировавшееся в некодифицированной речи (о наиболее влиятельном члене преступной группы). *Унисекс* первоначально обозначало стиль, «нивелирующий» различия полов, затем стало использоваться и в конкретном значении — ‘о том, кто неразличим с точки зрения пола по стилю одежды, внешнему виду’ [Захаренко и др. 2003].

Возможен и другой сценарий: существительное с исходной конкретной семантикой развивает (на русской почве) или получает (из языка-источника) новое, отвлечённое значение. См.: *панк* — в конкретном, первичном, значении ‘представитель неформального молодёжного течения’ и в отвлечённом ‘стиль в музыке’ [Захаренко и др. 2003]; *тандем* (первичное значение — ‘двухместный велосипед’ и производное, отвлечённое значение — ‘союз’). Ср. также *рынок* — в предметном значении и абстрактном (= рыночные отношения); *пакет* ‘конверт с письмом официального назначения’ и ‘совокупность (решений, законов, документов, мер), носящая целостный характер’ [Крысин 2006] и др.

В) Имя существительное в разных значениях может по-разному относиться к **категории числа**.

«Смена» лексико-грамматического разряда при появлении нового ЛСВ может привести к изменению отношения иноязычного слова к категории числа. Разные ЛСВ одного и того же существительного нередко различаются наличием/отсутствием противопоставления по числу. Ср.: *сервис* ‘мастерская’ и *сервисы*, но в отвлечённом значении (‘обслуживание’) *Singularia Tantum* (ST); *авторитет* (жарг.) и *авторитеты* (в отвлечённом значении ST); *экслюзив* ‘то, что характеризуется исключительностью’ (ST) и в конкретном значении *экслюзивы*, см.: *Посмотреть в бутике экслюзивы* (о товарах); *В нашем издании печатаются только экслюзивы*, т. е. *экслюзивные материалы*; *панк* — *панки* (в конкретном значении) и в отвлечённом значении — ST.

В современной речи можно отметить частотность переноса названия торговой марки, фирмы и т. п. на предмет, ими производимый (*айфон, айпад, боинг, ксерокс* и др.). Новые нарицательные существительные как результат указанного переноса

приобретают способность иметь обе числовые формы: *ксероксы* и под. Изменение отношения к категории числа проявляется иногда и в том, что новый ЛСВ приобретает ту или иную числовую форму в качестве постоянной: *адидасы, найки* (только мн. ч.) — о кроссовках.

В толковых словарях русского языка многие такие изменения (и семантические, и грамматические) фиксируются не всегда последовательно. В узусе, в реальной речевой практике обновление семантической структуры слова и изменение его грамматических признаков представлены гораздо богаче, чем в словарях. Кроме того, некоторые из этих лексико-грамматических изменений имеют регулярный характер. Мы имеем в виду прежде всего сдвиги в значениях «инговых» существительных англо-американского происхождения. Их число в русском языке увеличилось уже к началу XXI в. более чем в 5 раз [Маринова 2008: 195]. Первая реакция некоторых лингвистов на количественный рост существительных на *-инг* в конце XX в. была следующая: функционирование таких существительных в русской речи приводит к деформации русской морфологии (Ш. Сэшан); они «имеют дефектную парадигму склонения», т. к. в большинстве своём пополняют группу существительных ST (В. Г. Костомаров) [там же: 194].

Однако, как показывают наши наблюдения, формы множественного числа образуются с большой степенью регулярности от отвлечённых существительных, которые значительно преобладают среди «инговых» существительных (ок. 76% от общего числа).

В плюралной форме отвлечённое «инговое» существительное может обозначать конкретные (поддающиеся счёту) проявления действия. См.: *А в каком году были рестайлинги 307-го «пжсо»? (форум)* — ср. *рестайлинг* ‘обновление стиля автомобиля’; *Как же мне дороги эти «субботние шопинги» у населения — пробки похлеще, чем в рабочий день (форум)*. В ряде контекстов актуализируется сема повторяемости действия: *Сэмплинги используются для стимулирования сбыта (сэмплинг ‘бесплатная раздача пробных образцов продукции’)*. Регулярны и другие оттенки:

— указание на разновидности действия: *Химические пилинги; Фруктовые пилинги; Актёрские кастинги; Животные кастинги; Мобильный и телефонный банкинг;*

— действие, предлагаемое в качестве услуги (чаще в экономической или финансовой сферах): *Биржевые операции: операции с акциями, операции на срочном рынке, финансовый советник, доверительное управление, интернет-трейдинг (трейдинг ‘торговля ценными бумагами без посредников между трейдером и биржей’);*

— действие, происходящее в виде мероприятия: *Активный отдых на оз. Нарочь, кайтинг и виндсёрфинги (реклама); Трекинги и сплавы в Гималаях (реклама).*

При этом указанные оттенки остаются в пределах категориального значения «ингового» существительного — значения действия. Однако может развиваться

и **предметное значение**, которое категориально меняют первоначальную семантику. Такое значение появляется благодаря устойчиво действующим в языке метонимическим моделям, по которым обычно формируется полисемия. В сфере «инговых» существительных действуют следующие:

Действие → **результат**. См.: *рейтинг* ‘оценка чьей-то деятельности, популярности’ и ‘разновидность (жанр) массмедийной продукции, содержащей сведения о степени популярности кого-, чего-л.’ — *Каталоги и рейтинги*.

Действие → **средство**. См.: *пирсинг* ‘прокалывание различных частей тела и укрепление в образовавшемся отверстии украшений’ и ‘украшение’ — *Здесь вы можете заказать ювелирные изделия из золота, пирсинги (реклама); стайлинг* ‘формирование стиля причёски’ и ‘средство’: *Шампуни, бальзамы, маски и стайлинги (реклама)*.

Действие → **место**. Слова *боулинг, скейтбординг, шейпинг, яхтинг* и др. используются не только для обозначения вида спорта, но и места для занятий соответствующим видом спорта, см.: *Все боулинги Москвы и Петербурга (реклама); Салоны красоты, бассейны, шейпинги, солярии (реклама); Все, что касается сферы услуг: гостиницы, яхтинги, рестораны, магазины... — все будет делаться в ближайшее время (из газ.)*.

Действие → **лицо** (по роду деятельности). См.: *На одной площадке «ломали» локти силачи-армреслинги (из газ.); Бодибилдинги любят только свою фигуру (форум); Женщины должны чем-то выделяться... Но это уже не тургеневские барышни, это уже кикбоксинги какие-то (из интервью); Заходим в сервисный зал, смотрю — клининги натирают тряпками мебель (форум)*.

В словарной практике подобные сдвиги как новые ЛСВ или оттенки значения «инговых» существительных отражаются далеко не всегда, но на самом деле полисемия отвлечённых существительных, в т. ч. на *-инг*, нередко развивается именно на основе этих сдвигов. Причём при развитии полисемии новое, конкретное значение реализуется не только при употреблении словоформы множественного числа, но и при употреблении формы единственного числа (*Купить пирсинг*).

Выскажем предположение о том, что в лексикографической практике важно отслеживать отношение англицизмов на *-инг* к числу, т. к. формы множественного числа могут выявить семантические сдвиги и развитие полисемии.

Г) Имя существительное в разных значениях может по-разному относиться к **категории одушевлённости**. На морфологическом уровне это проявляется в том, что формы винительного падежа разных ЛСВ существительного не совпадают: *назвать актёров-номинантов* и *назвать произведения-номинанты* и др.

В современной речи «неодушевлённый» ЛСВ получили следующие одушевлённые иноязычные существительные:

— наименования различных компьютерных программ, см.: *компилятор* ‘программа перевода с одного машинного языка на другой’, *корректор (правописания), мастер (подсказок), редактор (текстовый редактор)*;

— наименования технических устройств: *гид* ‘предоставляемое посетителям музеев техническое устройство, воспроизводящее текст экскурсии’, *навигатор* (*автомобильный*), *секьюрити* ‘монитор для наблюдения с целью обеспечения безопасности офиса, фирмы’ (*офисный, цифровой секьюрити*) и др.;

— наименования предметов (косметологии, бытовой сферы): *корректор* (*карандаш-корректор*), *компаньон* (*ткани-компаньоны*) и др.

«Сработала» ли грамматика в отношении этих лексических изменений? Наблюдения показывают, что случаи «отказа» от одушевлённости у существительных, которые в своих непрямых значениях соотносятся с неодушевлённым предметом, оказываются нерегулярными. Ср.: *Как отключить навигатор в сотовом на совсем?* (форум); *Заказать в офис цифровые секьюрити* (из объявления) — при не встретившемся нам: **отключить Мастер подсказок*.

Однако если полисемия развивается по иному сценарию (от неодушевлённого ЛСВ к одушевлённому), грамматические признаки одушевлённости проявляются регулярно. См.: *подчинить себе предприятия-аутсайдеры* и *недооценить кандидатов-аутсайдеров* — *аутсайдер* ‘предприятие, не входящее в монополистическое объединение, союз’ [Крысин 2006] (первичное значение) и *одуш.* ‘член какой-л. социальной группы — игровой, производственной, спортивной и т. п. — занимающей в ней периферийное место’ [Крысин 2006], ‘тот, кто потерпел неудачу, оказался в числе отстающих или выбывших из числа участников какого-л. дела, например на выборах’ [Захаренко и др. 2003]; *конструировать модели* и *пригласить на подиум моделей*. См. также окказиональное употребление: *Ельцин уволил Ваучера с поста вице-преьера с единственной целью — поручить ему собственную предвыборную кампанию...* (из газ.). В этой связи следует отметить, что перенос «неживое → живое» в целом характерен для некодифицированной речи (см. некоторые жаргонизмы: *секонд-хенд* ‘женатый мужчина’, *памперс* ‘много пьющий, но не пьянеющий человек’, *гамбургер* ‘иностранец’, *кекс* ‘парень’, *киндер-сюрприз* ‘смешной человек’ и др.), отсюда употребления *задержать авторитета, встретить гамбургера* и под.

Таким образом, взаимодействие лексической и грамматической семантики может принимать не только новые формы, но характеризоваться регулярностью/нерегулярностью на разных участках языковой системы, что требует дальнейшего наблюдения и изучения.

Литература

Захаренко Е. Н., Комарова Л. Н., Нечаева И. В. Новый словарь иностранных слов. М.: Азбуковник, 2003.

Комментарий к Федеральному закону «О государственном языке Российской Федерации». Ч. 2: Нормы современного русского литературного языка как государственного (Комплексный нормативный словарь современного русского языка) / под общ. ред. Г. Н. Складчиковой, Е. Ю. Ваулиной. СПб.: СПбГУ, 2012.

Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: АСТ-ПРЕСС, 2006.

Маринова Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX — начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования. М.: ЭЛПИС, 2008. 495 с.

Русский орфографический словарь / под ред. В. В. Лопатина, О. Е. Ивановой. М.: АСТ-ПРЕСС, 2012.

E. V. Marinova

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

(Russia, Nizhni Novgorod)

marinova@list.ru

THE IMPACT OF THE POLYSEMY OF LOAN WORDS ON THEIR GRAMMATICAL CHARACTERISTICS (A CASE STUDY OF THE CONTEMPORARY RUSSIAN LANGUAGE)

The article examines the impact of polysemy on grammatical categories (of gender, number, animacy) on the material of loan nouns. The author analyses a new phenomenon in the sphere of Russian indeclinable nouns: attributing gender characteristics to each lexico-semantic variant (LSV) of a polysemantic word individually (*фрисби, барбекю*, etc.). Formerly such phenomena were registered only if different LSVs of the same word denoted animate and inanimate objects. Attributing different gender meanings to different LSVs of one and the same word signifies gradual weakening of neuter gender position as well as domination of analogy principle. Using the example of “ing”-nouns the author describes regular semantic shifts supported by plural form semantics and makes an assumption that in lexicographical practice it is important to trace relation of English loan words to number, since plural forms can reveal development of polysemy. The study examines the change in relation to the category of animacy of polysemantic words. There are irregular cases of “abandoning” animacy in nouns which in their indirect meanings correlate with inanimate object (comp. *мастер подсказок*). If polysemy develops according to a different scenario (from inanimate to animate LSV), grammatical characteristics of animacy reveal themselves more regularly.

Keywords: polysemy, loan noun, lexico-semantic variant and grammatical gender, category of number, animacy/inanimacy.

References

Krysin L. P. *Tolkovyy slovar' inoyazychnykh slov* [Explanatory Dictionary of foreign-language words]. Moscow, AST-PRESS Publ., 2006.

Lopatin V. V., Ivanova O. E. (Ed.) *Russkiy orfograficheskiy slovar'* []. Moscow, AST-PRESS Publ., 2012.

Marinova E. V. *Inoyazychnye slova v russkoy rechi kontsa XX — nachala XXI v.: problemy osvoeniya i funktsionirovaniya* [The foreign-language words in Russian speech of

the late 20th-early 21st century: problems of development and functioning]. Moscow, EIPIS Publ., 2008. 495 p.

Sklyarevskaya G.N., Vaulina E.Yu. (Ed.) *Kommentariy k Federal'nomu zakonu "O gosudarstvennom yazyke Rossiyskoy Federatsii". Ch. 2: Normy sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka kak gosudarstvennogo (Kompleksnyy normativnyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka)* [Comment to the Federal law "About the State Language of the Russian Federation". Part 2: Norms of the modern Russian literary language as the State (Complex normative dictionary of the modern Russian)]. St. Petersburg, St. Petersburg St. Univ. Publ., 2012.

Zakharenko E.N., Komarova L.N., Nechaeva I.V. *Novyy slovar' inostrannykh slov* [New dictionary of foreign words]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2003.

Н. Б. Мечковская
Белорусский государственный университет
(Беларусь, Минск)
nina.mechkovskaya@gmail.com

НОМИНАТИВНЫЙ И КОММУНИКАТИВНЫЙ УРОВНИ ЯЗЫКОВОЙ СТРУКТУРЫ: В КАКОЙ МЕРЕ ИМ ПРИСУЩИ СВОЙСТВА ВОСПРОИЗВОДИМОСТИ И ИДИОМАТИЧНОСТИ ЕДИНИЦ?

В статье показано, что свойства воспроизводимости и идиоматичности единиц имеют место на всех семантических уровнях языковой структуры (лексемы, словосочетания (в основном подчинительные), предложения), однако степень их присутствия на разных уровнях разная. Для слов названные свойства практически облигаторны: все слова, исключая потенциальные, воспроизводимы и идиоматичны, при этом непроеизводные слова полностью идиоматичны, производные — частично идиоматичны, причем мотивированность морфемных дериватов носит абстрактный логико-грамматический характер (в отличие от наглядно-образной мотивированности у фразем). В синтагматике слов фраземы составляют незначительное меньшинство словосочетаний, однако их количество в абсолютных цифрах, с учетом массы неидиоматических и слабоидиоматических фразем, велико и, по всей вероятности, превышает количество лексем. На уровне предикативных единиц относительное и абсолютное количество воспроизводимых высказываний минимально (в сравнении с уровнями слов и словосочетаний); свойство идиоматичности характерно для высказываний также в минимальной степени. Идиоматичность предикативных клише создается с помощью семантических механизмов, принадлежащих двум уровням языка — грамматике (фразеологизированность ряда моделей предложения) и лексике (образность или лексико-синтаксическая неузуальность). Названные механизмы не являются специфичными для предикативных клише; они достаточно обычны в свободно создаваемых высказываниях. Пропорции свободно создаваемых и клишированных языковых средств, разные для разных уровней, отвечают разным функциям языка — участвовать в речемыслительных процессах и быть надежным и экономным средством коммуникации.

Ключевые слова: уровневая структура языка, идиоматичность и воспроизводимость в лексике, воспроизводимые словосочетания (фраземы), градация фразем по степени идиоматичности, неидиоматичные и слабоидиоматичные фраземы, воспроизводимые (клишированные) высказывания.

0. Свойства воспроизводимости и идиоматичности единиц имеют место на всех уровнях языковой структуры, однако степень их присутствия на каждом уровне разная; характер идиоматичности у слов, фразем и коммуникативных клише также различен. Названные различия составляют предмет настоящей статьи.

1. Количественные диспропорции в лексике и в соединениях слов между воспроизводимыми единицами и единицами, которые свободно образуются в речи. Подавляющее большинство слов существуют как готовые (воспроизводимые) номинативные единицы, устойчивые по структуре и значению. Исчезающе малое исключение составляют так называемые «потенциальные слова» (термин Г. О. Винокура) — номинации, созданные говорящим по продуктивным и регулярным словообразовательным моделям для данного момента речи (*выпрыгиватель, выступальщик, мусоринка, футболизация*). Это слова «одноразового использования»; их легко создать и так же легко понять, но ни к чему помнить.

В синтагматике речи количественное соотношение между воспроизводимыми и свободно образуемыми единицами обратное тому, которое наблюдается в лексике: неисчислимо большинство соединений слов — словосочетаний и высказываний — создаются свободно и не являются повторением прежде созданных соединений, и только исчезающе малая доля словосочетаний и высказываний не создается в речи, но воспроизводится. Однако эта исчезающе малая доля процента воспроизводимых словосочетаний (фраземы) и воспроизводимых высказываний (паремии, формулы этикета, крылатые фразы, речевые формулы), в силу повторяемости, а также нередкой смысловой весомости и языковой выразительности, маркированы в потоке речи. Говорящие их выделяют, замечают и, бывает, не прочь повторить. «Исчезающе малая доля» воспроизводимых словосочетаний, взятая в абсолютных цифрах, оказывается не такой уж незаметной. По оценке Л. Н. Иорданской и И. А. Мельчука, «люди говорят не словами, а фраземами [...]». Количественно фраземы превосходят слова в словарях примерно в соотношении 10 к 1» [Иорданская, Мельчук 2007: 218]. Эта оценка может удивить, но в ее пользу есть аргументы (см. ниже раздел 3.5). Разумеется, важно, словник какого словаря авторы взяли бы в качестве единицы измерения фразеологического фонда языка.

Телеологический (когнитивный и коммуникативный) смысл представленного количественного распределения воспроизводимых и свободно создаваемых единиц состоит в своеобразном «разделении труда» между лексикой (т. е. широко говоря, парадигматикой речи) и соединением слов (синтагматикой речи). Практически поголовная воспроизводимость лексем обеспечивает стабильность и надежность элементарных референтных компонентов речи. С другой стороны, преобладание в речи свободно создаваемых словосочетаний и высказываний важно для свободы говорящих в осознании нового и в сообщениях о нем. Лексически язык ограничен, однако его синтагматическая свобода преодолевает границы повторяемого. Как писал Пушкин, «язык неистощим в соединении слов».

2. Количество слов, фразем и коммуникативных клише: межуровневое сопоставление. В языках с давней письменной традицией в их больших национальных лексиконах словник насчитывает примерно полмиллиона слов. Эта цифра

и больше и меньше реального числа циркулирующих в социуме слов, она нуждается в комментариях, но в данном случае важен порядок — количество нулей в числовом разряде.

О количестве фразем и воспроизводимых высказываний приходится судить также по лексикографическим данным — словарям фразем, паремий, изречений, афоризмов, популярных цитат, крылатых слов, коммуникем, речевых формул, выражений “живой речи” и т. п., однако их надежность существенно меньше, чем надежность словарей при оценке лексических фондов языка. В отличие от словарей слов, составляемых с лингвистическими целями — показать лексические возможности и (обычно) нормы языка, словари клишированных оборотов — это всегда коллекции, составленные на разных основаниях, с разными авторскими и издательскими представлениями об историко-филологической и потребительской ценности разных групп клише. Поэтому трудно сказать, как соотносятся эти сборники готовой мудрости и расхожей экспрессии с языковой реальностью — живой речью современников. Ближе всех к ответу на этот вопрос подошел Г. Л. Пермяков в экспериментах 1970-х гг. по определению русского «паремиологического минимума» (его термин). Он предлагал 100 испытуемым (жителям Москвы и области) по предъявленной первой части пословицы или поговорки дописать ее оставшуюся часть. Выяснилось, что из 540 паремий (также полученных в результате предварительного фильтрующего эксперимента), испытуемые смогли правильно закончить около 300 паремий. Так определился состав и объем активного паремиологического минимума носителей русского языка. В 1985 г. результаты Пермякова были изданы как адресованный немецкому читателю словарь, содержащий 300 русских паремий [Permjakov 1985; см. также Крикман 1986].

Концепция «паремиологического минимума» Г. Л. Пермякова получили развитие в СПбГУ, в разработанном М. Ю. Котовой паремиологическом словаре 9 языков — 8 славянских и английского [Котова 2000]. Русский (исходный) паремиологический минимум был определен в 500 единиц; польских и английских переводных соответствий оказалось на 7–8% меньше; соответствий в остальных славянских языках — больше. Основания для расширения списка паремий в национальных разделах в словаре Котовой (по сравнению с экспериментальными данными Пермякова) понять, конечно, можно, но важно, что и при таком подходе количество общеизвестных паремий мыслится немногим больше полутысячи.

Разумеется, паремии — это только один, хотя и наиболее яркий разряд коммуникативных клише. Однако есть основания считать, что и весь класс клишированных высказываний, реально используемых в речи, насчитывает едва ли больше тысячи единиц, из которых половину составляют нечленимые, короткие и денотативно смазанные “коммуникемы”. Относительная немногочисленность повторяемых высказываний соответствует семиотической природе предложения в качестве основной логико-синтаксической и коммуникативной единицы языка. Клишированные высказывания противопоставлены продуктивному общению и интеллектуальному поиску. Паремии хороши для эмфазы, для уговоров и внушений, но не

для логического доказывания и рациональной аргументации. Как советует одна самокритичная поговорка у Даля, «Есть ум — живи умом, нет ума — живи по поговорке».

3. Градация слов и фразем по уменьшению степени идиоматичности их семантики. В обозначении разрядов фразем, дифференцированных по степени идиоматичности («семантической слитности»), используется терминология В. В. Виноградова (фразеологические сращения, ф. единства, ф. сочетания) [см. Виноградов 1947/1977] и Н. М. Шанского, который обнаружил обширный класс неидиоматических и неустойчивых, однако воспроизводимых словосочетаний, назвав их «фразеологическими выражениями» [Шанский 1963/1969: 84–85].

3.1. Полная идиоматичность непроемных слов и фразеологических сращений: *жаль, красный, хотеть, деньги; точить лясы, притча во языцах, собаку съест* (в чем, на чем) ('быть знатоком, мастером'). Непроемные слова по языкам мира составляют 25–30% лексических фондов. Процент ф.сращений крайне мал, они уходят из употребления, однако в единичных случаях жизнь идиомы поддерживается экспрессией именно алогизма связи ее внутренней формы и узуальной семантики (ср. *вешать всех собак (на кого)* и т. п.).

3.2. Частичная идиоматичность (логико-грамматическая мотивированность) производных слов. Производные слова, составляя 70–75% словаря, создают преобладание в лексике мотивированных знаков, однако, в силу абстрактного логико-грамматического (а не наглядно-образного) характера мотивированности производных слов, их семантика в высокой степени идиоматична. Когда носитель языка семантизирует новое (для себя) производное слово, ему, чтобы лексически конкретизировать грамматическую и словообразовательную семантику слова, требуется, как правило, несколько попыток семантизации. Семантические различия между однокоренными словами закрепляются в сознании людей прежде всего в силу регулярности грамматических и словообразовательных отношений, однако эта связь недостаточно рефлексивируется сознанием. Понять образную связь дословного и переносного значения образной идиомы (*делать из мухи слона, держать камень за пазухой, сидеть на чемоданах*) в большинстве случаев легче, чем понять логику связей между словами внутри гнезда (*бегун, беглец, беженец, перебежчик, набег, побег, пробежка, разбежка, убежище*). Поэтому, кстати, идиоматичность производных лексем (как черта их семантической организации) почти не участвует в создании прагматических коннотаций, эмоционально-экспрессивных и субъективно-модальных. Словообразование служит в первую очередь не прагматике, а задачам номинирования новых объектов мысли.

3.3. Частичная идиоматичность фразеологических сочетаний (*високосный год, изъявительное наклонение, кисейная барышня, кромешний ад* и т. п.). Хотя один компонент в составе таких фразем выступает в своем словарном значении, однако, в силу семантической и синтагматической недостаточности второго компонента, неясность ф.сочетаний составляет при семантизации большую загадку, чем неясность образных идиом. Что такое *кромешный* или *окладистый* для современного подростка? Для семантизации ф.сочетаний нужна не столько живость

воображения, сколько известность конкретного слова, иногда термина. В любом языке ф.сочетаний крайне мало, но все же больше, чем ф.сращений.

3.4. Частичная идиоматичность (образная мотивированность) фразеологических единств (закинуть удочку, сматывать удочки, тянуть за язык, прикусить язык и т.п.). В образных фраземах нередко видят основной класс фразем — самый многочисленный и репрезентативный. Образные идиомы первыми попали в поле зрения этнографов и фольклористов и надолго определили взгляд на фраземы как на «интересные» средства перифрастической номинации, вторичной по отношению к нейтральному основному обозначению. Ср. синонимы, с помощью которых В.И. Даль характеризует такие образные идиомы, как *у него не все дома, одного поля ягода, один как верста в поле, чужими руками жар загребает*: у Даля это “окольное выражение, переносная речь, простое иносказание, обиняк” [Даль 1861–1862/1957: 20]. Образные фраземы привлекают максимум внимания говорящих; их любят, как родной фольклор. Есть словари, которые хотя и называются «фразеологические», но принципиально включают только образные идиомы. Однако образных идиом не так уж много: во «Фразеологическом словаре» под ред. А.И. Молоткова свыше 4 тыс., в близком по объему белорусском словаре идиом И.Я. Лепешава 6 тыс.

3.5. Неидиоматические и слабоидиоматические номинативные единицы: потенциальные слова и фразеологические выражения. Класс фразеологических выражений — это самый многочисленный разряд фразем, при этом он объединяет самые незаметные фраземы — неидиоматические. В составе ф. выражений все слова-компоненты выступают в своих узуальных значениях (включая и переносные словарные значения), поэтому фразеологичность ф.выражений состоит единственно в их воспроизводимости в качестве “готовых единиц с постоянным составом и значением” [Шанский 1963/1969: 84]. В терминах раннего Мельчука, это “неустойчивые и неидиоматичные” и при этом несвободные сочетания лексем [Мельчук 1960: 79]; в его более поздней работе они названы “квази-идиомами” и “квази-фраземами” [Mel’čuk 1995: 177–179]. В работе [Иорданская, Мельчук 2007: 230–234] они включены в понятие “фразеология” в широком смысле — ‘все виды несвободных сочетаний двух и более слов’.

Узуальность значений компонентов в составе ф.выражений сказывается в том, что такие обороты легко понимаются говорящими, поэтому они незаметны для лексикографов и нечасто и поздно попадают в толковые словари. В отличие от образных идиом (ф.единств), ф.выражения — это не синонимические средства, нужные для «красного словца», но часть общенародного словаря — основные, общепринятые и часто единственные обозначения вполне определенных и общеизвестных вещей и представлений; ср. воспроизводимые обороты школьных разговоров: *внеклассное чтение, годовая контрольная, годовая оценка, группа продленного дня, домашняя работа, задание на дом, заполнить дневник, зарубежная литература, записать в дневник, заполнить дневник, заполнить журнал, классная дама, классная работа, классное собрание, классный журнал, классный руководитель, контрольная работа, контрольное тестирование, контрольный диктант,*

контрольный опрос, окончить четверть, оценка за четверть, первая четверть, работа над ошибками, самостоятельная работа, словарь иностранных слов, учебный год и т. п.¹. Как можно видеть, отдельных “школьных” слов значительно меньше, чем школьных фразем. Неидиоматические и необычные фраземы особенно употребительны при повседневных градуально-количественных оценках, обычно приблизительных. Этому служит множество таких малозаметных оборотов, как *в конечном счете, в конце концов, в первых рядах, из первых рук, как правило, как раз, любой ценой, минута в минуту, на каждом шагу, на первый взгляд, на первых порах, на скорую руку, не сегодня завтра, ни больше ни меньше, ни много ни мало, один за другим, один на один, от начала до конца, с минуту на минуту, с некоторых пор, с первого взгляда, с первых слов, сколько угодно, то и дело, только что, тут как тут* и мн. др. (Подробнее см.: [Мечковская 2005: 70–74]. Терминологии и номенклатуры (т. е. средства номинации за пределами общего словаря) насчитывают тысячи воспроизводимых, но не идиоматичных сочетаний, которые благодаря своей двусловности выражают родо-видовые и иные логические связи понятий.

В каких условиях у ф. выражений возникают те семантические особенности, которые можно назвать «слабой идиоматичностью»? Некоторая невыводимость семантики словосочетания из значений компонентов развивается у общеизвестных, частотных и многозначных ф.выражений, сопряженных с целым гнездом тематических близких фразем. Таковы, например, некоторые фраземы с прилагательным *уголовный*: *уголовная ответственность, у. полиция, уголовное дело, у. законодательство, у. наказание, у. право, у. преступление, уголовно-правовой запрет, уголовный закон, у. кодекс, у. лексикон, у. процесс* и т. д. Фразема *уголовное право* имеет ряд значений: это и отрасль права, и учебный предмет, и название книги, и экзамен, и дифференцирующий компонент в названии кафедры, и специальность конкретного юриста и т. п. У таких фразем обычно есть сокращенные и просторечно-сленговые замены, иногда омонимичные между собой: *уголовка, УК, УП* и т. п. Обилие синтагматических и парадигматических связей у подобных фразем и делает их значения вне контекста менее определенными.

В целом фразеологический фонд — это отнюдь не синонимическая периферия языка, красочная, но факультативная. Это тысячи воспроизводимых и по-разному несвободных словосочетаний, которые в своем большинстве являются основными обозначениями множества денотатов.

4. Двойственная (синтаксическая и лексико-семантическая) природа идиоматичности большинства коммуникативных клише. В воспроизводимых высказываниях идиоматичность не может быть полной (как это бывает в семантике непроемких слов и ф.сращения): такое высказывание стало бы смысловым

¹ В Большом толковом словаре русского языка под ред. С. А. Кузнецова (2001) некоторые из приведенных оборотов даны как типичные примеры словосочетаний; для трех фразем (*группа продленного дня, классная дама, самостоятельная работа*) даны пояснения (т. е. лексикограф осознает, что “сами по себе” эти словосочетания непонятны, иначе говоря, в какой-то мере идиоматичны); некоторые из оборотов не вошли в словарь ни как примеры типичного словоупотребления, ни как фраземы. По отношению к ф.выражениям такие колебания словарей характерны.

провалом в разговоре. С другой стороны, есть коммуникативные клише, полностью неидиоматичные (*Поживем увидим; Старость не радость; Блажен, кто верует*). Таким образом, идиоматичность присуща только части воспроизводимых высказываний, и в этом классе клише она всегда носит частичный характер. Идиоматичность коммуникативных клише создается с помощью семантических механизмов, принадлежащих двум уровням языка — грамматике (фразеологизированность ряда моделей предложения) и лексике (образность или лексико-семантическая неузуальность).

4.1. Синтаксическая фразеологизированность предикативных моделей части коммуникативных клише. Для клишированных высказываний, построенных по фразеологизированным моделям (*Не тут-то было; Что за чушь!; Не приведи господь!*), характерна эллиптичность и свернутость, что сближает их с понятием «конструкция» в «грамматике конструкций» Ч. Филлмора [Fillmore et al. 1988]. Однако фразеологизированные модели предложений характерны не только для клишированных высказываний, но и для разговорной речи в целом (*Мало ли чего хочется; Люди как люди; Не до грибов*). По характеристике Н. Ю. Шведовой, это «построения, в которых связи и отношения компонентов с точки зрения живых грамматических правил оказываются необъяснимыми; [...] они специально предназначены для выражения субъективно-модальных значений» [Шведова (ред.) 1980: 217]. О значимости открытия «фразеологизированных предложений» (в работах Н. Ю. Шведовой и Д. Н. Шмелева рубежа 1950-х и 1960-х гг.) говорит тот факт, что в академической грамматике 1980 г. первое разделение простых предложений — это разделение «на схемы свободные и фразеологизированные» [Шведова (ред.) 1980: 93]. См. также: [Величко 1996], [Мечковская 2007], [Величко 2016], [Меликян 2001], [Меликян 2017].

4.2. Образность или лексико-семантическая неузуальность части коммуникативных клише. Образность или иной вид лексико-семантической идиоматичности коммуникативных клише (*И концы в воду!; Знает кошка, чье мясо съела; Не всё коту масленица*) — это более сильное средство идиоматизации высказывания, чем фразеологизированность синтаксической модели; именно образность пословиц и речевых формул придает им обобщенность и прагматическую действенность. Вместе с тем образность не является облигаторным свойством коммуникативных клише (ср. речевые формулы *Старость не радость, Поживем — увидим; Попытка не пытка* и необразные пословицы из Даля: *Запасливый нужды не знает; Запас беды не чинит; Запасливый лучше богатого*). В паремиологических фондах разных народов образные паремии преобладают над необразными, но их удельный вес может быть разным. Так, по данным Н. И. Ефремовой [2003: 7], в 1000 немецких пословиц и поговорок образные паремии составили 70%, а в 1000 русских паремий — 90%.

4.3. Взаимная независимость синтаксической и лексико-семантической идиоматичности в коммуникативных клише. Фразеологизированный синтаксис усиливает идиоматичность высказывания, его синтаксическую цельность и складность, но не делает его воспроизводимым. Для воспроизводимости обязательна

только лексическая неизменность конкретного высказывания. Синтаксическая идиоматичность может присутствовать не только в воспроизводимых высказываниях (*Вот так клюква!*), но и в высказываниях неклишированных (с переменной лексикой): *А Ваня тебе чем не жених?* И наоборот: по неидиоматическим моделям строятся как воспроизводимых высказывания (таково большинство пословиц: *Быть бычку на веревочке*), так и неклишированные высказывания (*Сидеть тебе в запасных не знаю сколько; И ей он больше не жених*). Наличие в воспроизводимых и невоспроизводимых высказываниях свойств синтаксической и лексико-семантической идиоматичности ниже показано в таблице.

Синтаксическая идиоматичность	Структурная схема предложения	
	идиоматичная (фразеологизированная)	неидиоматична (не фразеологизированная)
Воспроизводимость		
Клишированные высказывания (лексическое наполнение оборота постоянно)	Вот так клюква! Пропaday моя телега (голова). Что в лоб, что по лбу.	Голь на выдумки хитра. Слезами горю не поможешь. Быть бычку на веревочке.
Не клишированные (свободно создаваемые в речи) высказывания	Ай да плясун! Чем тебе Ваня не жених? Люди как люди.	Весна выдалась ранняя. В следующий раз повезет.

Синтаксическая идиоматичность (в сравнении с лексической) менее заметна и слабее. Однако у нее свой прагматический эффект: такие структуры ощущаются говорящими как сжатые, неполные реплики в разговоре “своих людей”, понимающих друг друга с полуслова.

5. Воспроизводимость и идиоматичность как механизмы внутриуровневой консолидации языковых единиц. Свойства воспроизводимости и идиоматичности, частично взаимозависимые и по природе градуальные, в разной мере присущи уровням слов, словосочетаний и высказываний (предикативных единиц). Для слов названные свойства практически облигаторны: все слова, исключая потенциальные, воспроизводимы и идиоматичны, при этом полностью идиоматичны все непроезводимые слова, частично идиоматичны — производные. В речевой синтагматике слов фраземы (воспроизводимые словосочетания) составляют незначительное меньшинство, однако их количество в абсолютных цифрах, с учетом массы неидиоматических и слабоидиоматических фразем, велико и, по всей вероятности, превышает количество лексем. Что касается уровня предикативных (коммуникативных) единиц, то здесь количество воспроизводимых единиц (относительное и абсолютное) минимально (в сравнении с уровнями слов и словосочетаний), при этом свойство идиоматичности характерно для высказываний в минимальной степени.

Каждое из свойств — воспроизводимость и идиоматичность — внутренне амбивалентно: с одной стороны, они придают языковым единицам стабильность, материальную компактность, предсказуемую эмфатичность (образных фразем и паремий) и иллокутивную определенность (паремий и речевых формул). Но, с другой стороны, воспроизводимые и идиоматичные средства языка, укорененные в речевой практике и ментальности народа, ограничивают мыслительные и коммуникативные горизонты говорящих, оставляя им свободу в выборе

“подходящего” из наличных средств, но не в создании новых возможностей. Однако “гений языка” (или телеология его саморазвития) отмеряет для разных уровней разные пропорции клишированных языковых средств — от почти сто-процентной воспроизводимости слов до максимальной свободы говорящих в порождаемых высказываниях, включая новую образность и индивидуальные оттенки иллокуции речевых актов.

Литература

Величко А. В. Синтаксическая фразеология для русских и иностранцев. Учебное пособие. М. : Филол. ф-т МГУ, 1996. 96 с.

Величко А. В. Предложения фразеологизированной структуры в русском языке. Структурно-семантическое и функционально-коммуникативное исследование / Монография. М. : МАКС Пресс, 2016. 416 с.

Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке [1947] // *Виноградов В. В.* Избранные труды. Лексикология и лексикография. М. : Наука, 1977. С. 140–161.

Даль В. И. Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, загадок, поверий и проч. [1861–1862]. 2-е изд., СПб.–М., 1879. Т. I–II; М. : Русский язык, 1957.

Ефремова Н. И. Закономерности грамматической и лексической организации народной афористики (на материале немецких и русских паремий). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск: Белгосуниверситет, 2003. 20 с.

Иорданская Л. Н., Мельчук И. А. Смысл и сочетаемость в словаре. М. : ЯСК, 2007. 672 с.

Котова М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями / Под ред. проф. *П. А. Дмитриева*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. 360 с.

Крикман А. Паремнологические эксперименты Г. Л. Пермякова / Препринт КК I-40. Таллин: Академия наук Эстонской ССР. Отделение общественных наук, 1986. 60 с.

Меликян В. Ю. Словарь: Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи. М. : Флинта; Наука, 2001. 240 с.

Меликян В. Ю. Современный русский язык: Синтаксическая фразеология. М. : Флинта; Наука, 2017. 232 с.

Мельчук И. А. О терминах “устойчивость” и “идиоматичность” // Вопросы языкознания, 1960, №4. С. 73–80.

Мечковская Н. Б. Образная концептуализация градуально-количественных представлений в русской фразеологии // *Jachnow H. etc.* (Hrg.) *Kognition, Sprache und phraseologische / parömiologische Graduierung*. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 2005. S. 58–153.

Мечковская Н. Б. О понятии “фразеологизм” применительно к номинативным и коммуникативным средствам языка // *Hordy M. et al.* (red.). *Język. Człowiek. Dyskurs*. Szczecin, 2007. S. 151–163.

Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка [1963]. М. : Просвещение, 21969. 232 с.

Шведова Н. Ю. (ред.) Русская грамматика. Т. II. Синтаксис. М. : Наука, 1980. 712 с.

Fillmore Ch. J., Kay P., O'Connor C. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions; the case of let alone // *Language*, 1988, vol. 64. P. 501–538.

Mel'čuk I. Phrasemes in Language and Phraseology in Linguistics // *Everaert M. et al. (eds.). Idioms: Structural and Psychological Perspectives. Hillsdale (NJ); Hove, 1995. P. 167–232.*

Permjakov G. L. 300 allgemeingebrauchliche russische Sprichwörter und Sprichwörtliche Redensarten. Ein illustriertes Nachschlagewerk für Deutschsprechende. М. : Russkij jazyk — Leipzig: VEB Verlag Enzyklopaedie, 1985. 160 S.

N. B. Mechkovskaya
Belarusian State University
(Belarus, Minsk)
nina.mechkovskaya@gmail.com

**THE NOMINATIVE AND THE COMMUNICATIVE LEVELS
OF THE LANGUAGE STRUCTURE: TO WHAT EXTENT
THE REPRODUCIBILITY AND IDIOMATICITY OF UNITS ARE INHERENT
TO THEM?**

The article shows that the properties of reproducibility and idiomaticity of units take place at all semantic levels of the language structure (lexemes, word-combinations (mostly hypotactic), sentences), but the degree of their presence at different levels is different. For words, the named properties are practically obligatory: all words, except potential ones, are reproducible and idiomatic; what is more, non-derivative words are completely idiomatic, the derivatives are partly idiomatic, and the motivation of morphemic derivatives has an abstract logical-grammatical character (in contrast to the visual-figurative motivation of the phrasemes). In the syntagmatics of words, phrasemes constitute an insignificant minority of word-combinations, but their absolute amount, taking into account the mass of non-idiomatic and weakly idiomatic phrasemes, is large and, in all probability, exceeds the number of lexemes. At the level of predicative units, the number of reproducible units (relative and absolute) is minimal (in comparison with the levels of words and word-combinations); the property of idiomaticity is also characteristic of utterances to a minimum degree. The idiomatic nature of predicative clichés is created with the help of semantic mechanisms belonging to two levels of the language — grammar (the idiomaticity of a number of sentence models) and vocabulary (imagery or lexical-semantic non-reality). These mechanisms are not specific to predicative clichés; they are quite common in the freely created utterances. The proportions of freely created and clichéd linguistic means,

different for different levels, correspond to different functions of the language — to participate in thought processes and to be a reliable and economical means of communication.

Keywords: level structure of the language, reproducibility and idiomaticity in vocabulary, reproducible word-combinations (phrasemes), gradation of phrasemes according to the degree of idiomaticity, non-idiomatic and slightly idiomatic phrasemes, reproduced (cliched) utterances.

References

Velichko A. V. *Sintaksicheskaya frazeologiya dlya russkikh i inostrantsev* [Syntactic phraseology for Russian and foreigners]. Moscow, Moscow St. Univ. Publ. 1996. 96 p.

Velichko A. V. *Predlozheniya frazeologizirovannoi struktury v rusckom yazyke. Strukturno-semanticheskoe i funktsional'no-kommunikativnoe issledovanie* [Sentences of a phraseological structure in the Russian language. Structural-semantic and functional-communicative research]. Moscow, MAKS Press Publ., 2016. 416 p.

Vinogradov V. V. [On the main types of phraseological units in Russian] [1947] // Vinogradov V. V. *Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya* [Selected works. Lexicology and lexicography]. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 140–161. (In Russ.)

Dal' V. I. *Poslovitsy russkogo naroda* [Proverbs of the Russian people]. [1861–1862]. St. Petersburg — Moscow, 1879. Vol. I–II; Moscow, Russkii yazyk Publ., 1957.

Efremova N. I. *Zakonomernosti grammaticheskoi i leksicheskoi organizatsii narodnoi aforistiki (na materiale nemetskikh i russkikh paremii)*. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Regularities of grammatical and lexical organization of popular aphoristics (on the basis of German and Russian paremia)]. Minsk, St. Univ. Publ., 2003. 20 p.

Fillmore Ch. J., Kay P., O'Connor C. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions; the case of let alone. *Language*, 1988, vol. 64. pp. 501–538.

Iordanskaya L. N., Mel'chuk I. A. *Smysl i sochetaemost' v slovare* [Meaning and combinability in the dictionary]. Moscow, YaSK Publ., 2007. 672 p.

Kotova M. Yu. *Russko-slavyanskii slovar' poslovits s angliiskimi sootvetstviyami* [Russian-Slavic proverbial dictionary with English correspondences]. Dmitriev P. A. (ed.). St. Petersburg, St. Univ. Publ., 2000. 360 p.

Krikman A. *Paremiologicheskie eksperimenty G. L. Permyakova* [Paremiological experiments of G. L. Permyakov / Preprint KK I-40]. Tallin, Akademiya nauk Estonskoi SSR. Otdelenie obshchestvennykh nauk Publ., 1986. 60 p.

Melikyan V. Yu. *Slovar': Emotsional'no-ekspressivnye oboroty zhivoi rechi* [Vocabulary: Emotional-expressive expressions of living speech]. Moscow, Flinta; Nauka Publ., 2001. 240 p.

Melikyan V. Yu. *Sovremennyi russkii yazyk: Sintaksicheskaya frazeologiya* [Modern Russian: Syntactic Phraseology]. Moscow, Flinta; Nauka Publ., 2017. 232 p.

Mel'chuk I. A. [On the terms “stability” and “idiomaticity”]. *Voprosy yazykoznaniya*, 1960, no 4, pp. 73–80. (In Russ.)

Mel'čuk I. Phrasemes in Language and Phraseology in Linguistics / Everaert M. et al. (eds.). *Idioms: Structural and Psychological Perspectives*. Hillsdale (NJ); Hove, 1995, pp. 167–232.

Mechkovskaya N. B. [Figurative conceptualization of gradual-quantitative representations in Russian phraseology] Jachnow H. ets. (Hrg.) *Kognition, Sprache und phraseologische / parömiologische Graduierung* [Cognition, language and phraseological / parmiological graduation]. Wiesbaden, Harrasowitz Verlag Publ., 2005, pp. 58–153. (In Russ.)

Mechkovskaya N. B. [On the concept of “phraseological” in relation to the nominative and communicative means of language]. Hordy M. et al. (red.). *Język. Człowiek. Dyskurs* [Language. Human. Discourse]. Szczecin, Univ. Publ., 2007, pp. 151–163. (In Russ.)

Permjakov G. L. *300 allgemeingebrauchliche russische Sprichwörter und Sprichwörtliche Redensarten. Ein illustriertes Nachschlagewerk für Deutschsprechende* [300 common Russian proverbs and proverbial sayings. An illustrated reference book for German-speaking people]. Moscow, Russkij jazyk — Leipzig, VEB Verlag Enzyklopaedie Publ., 1985. 160 p.

Shanskii N. M. *Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka* [Phraseology of the modern Russian language]. [1963]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1969. 232 p.

Shvedova N. Yu. (ed.) *Russkaya grammatika. T. II. Sintaksis* [Russian grammar. Vol. II. Syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 712 p.

С. Е. Никитина
Институт языкознания РАН
(Россия, Москва)
seniki38@mail.ru

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ МИР И ЯЗЫКОВЫЕ СТЕРЕОТИПЫ

В данной статье рассматривается связь веры, культуры и языка на материале трех русских конфессиональных групп: старообрядцев, молокан и духоборцев. Анализируются виды языковых и отчасти речевых стереотипов, выражающих значимые религиозно-культурные смыслы. «Конфессиональный мир» определяется как ‘система конфессиональных ценностей с примыкающей к ней совокупностью правил и запретов, возникшая в результате слияния вероучения и культурных традиций, а также сообщество, живущее по правилам этой системы’. Язык конфессионального мира составляет часть русского языка этих сообществ, однако очень существенную по значимости. Предлагаются и анализируются примеры использования типов и форм собственного имени как скреп конфессионального сообщества. Показано, что для обозначения конфессиональных смыслов создаются морфологические и синтаксические неологизмы (*исправа, добрая чашка* у старообрядцев-беспоповцев, *сказатель, открыша, псалом с рамкой* у молокан и т. д.), ставшие стереотипами. Конфессиональными стереотипами являются формулы приветствий, обрядовых действий, а также паремии (половицы и загадки); последние практически не описаны. Язык конфессионального мира — сложный предмет исследования; сопоставительное описание языка разных конфессиональных миров представляется весьма перспективным.

Ключевые слова: конфессиональный мир, языковые стереотипы, неологизмы, морфологические способы, синтаксические способы, речевые формулы.

Лингвисту, знающему северный говор деревень Верховьев Камы, по-местному, Верхокамья, на западе Пермской области, трудно понять, о чем говорит пожилая женщина, глядя в окно:

—Глянь, Петровна-то в новом дубасе куда-то отправилась! — В чем? — Ну, в дубасе, сарафан такой, с закрытой спиной, соборные носят. — А кто такие соборные? — Как кто? Которые в собор ходят. Когда уж старые женщины, как

не запроворят, сходят на исправу, а потом и молятся вместе у Тимофеевны, она здесь духовная мать.

Так, про *дубас* понятно. Дальше выясняется, что *дубас* как соборная женская одежда определенного покроя, должен быть обязательно темного цвета, *не мирского*, — черный, коричневый или темно-синий. Раньше он был обязательно *самотканый*, теперь мало у кого такой есть.

Постепенно становится ясно, что *собор* — аналог монашества на дому, сообщество таких людей и средоточие духовной жизни верхокамских беспоповцев поморской веры. В настоящее время только небольшая часть пожилых жителей деревни или села идет в собор. Один собор объединяет несколько деревень. Бывают и съезды соборов, выносящие общие для всех местных соборов постановления.

Лингвистически это слово могло бы быть четвертым значением многозначного слова *собор* [Словарь русского языка 1984: 171]. В отношении к лицам слово *соборный* — субстантивированное прилагательное, и в этом значении это слово из старообрядческого словаря. Глагол *проворить*, с отрицанием и без него — обычное диалектное слово. Но выражение *как не запроворит*, обозначающее, что по возрасту или по болезни женщина не в состоянии выполнять обычные каждодневные дела и обязанности, указывает на то, что пришло время уходить в собор — только в таком контексте я его и слышала от верхокамских старообрядцев. *Мирское* — всё, что находится за пределами *соборного*. Неологизмом *исправа* верхокамские беспоповцы поморской веры называют исповедь и покаяние, с которыми они идут к *духовному отцу* или *духовной матери*, которых собор выбирает, а рукоположить их некому: при патриархе Никоне благодать ушла на небо. *Духовный отец*, а чаще теперь *духовная мать* — замена (далеко не полноценная!) священника и духовника в одном лице.

Указанные выше слова принадлежат к языку конфессионального мира верхокамских старообрядцев. Слово *собор* встречается в этом же значении и у других старообрядцев, а вот в Туве функционально аналогичная *дубасу* одежда старообрядцев-беспоповцев часовенного согласия называется *горбачём*. И выражение *как не запроворила* тоже, по-видимому, следует отнести к языку верхокамского конфессионального мира, к его специальной лексике.

Словосочетание *конфессиональный мир* — исследовательский термин. Он имеет несколько значений. Первое обозначает совокупность сообществ по конфессиональному признаку, то есть конфессий, существующих на земном пространстве: на всей планете, в государстве, в городе, даже в одном селе. Так, в Полесье мне когда-то сказали, что в их селе насчитывается пять разных вер: никонианская, или православная, единоверие, где службу ведут новообрядческие священники, но по старым книгам, и три старообрядческих — беглопоповская, или древлеправославная, австрийская, или белокриницкая (обе имеют священников), и беспоповская поморская. Вот такой разнообразный *конфессиональный мир*! Слово *мир* — многозначное слово: мир¹ [Словарь русского языка 1982: 274–275].

Конфессиональный мир в следующем значении этого словосочетания — это мир как сообщество «своих», не только и не столько по вере, сколько

по дожившему до настоящего времени конфессиональному названию: *старообрядцы, молокане, духобор(ц)ы* и т. д. Часть людей, называющих себя так, могут уже не следовать правилам и требованиям своей веры, однако осознают, что это история их рода, и поэтому причисляют себя к миру старообрядцев, молокан или каких-то других конфессиональных групп. В речи носителей культуры, например, духоборцев, слово *мир* как название своего территориального сообщества, объединенного и верой (в прошлом — обязательно!), и своей местной традиционной культурой, в том числе, хозяйственной деятельностью, встречается довольно часто. Например, духоборка сообщила: *собиралась в 90-х годах из Грузии уехать к дочери в Ростов, но мир позвал в Тульскую область, председатель колхоза мне это сказал, я сюда и поехала»* (ПМА). Или ответ на мой вопрос духоборке среднего возраста, пойдет ли она в собор в старости: *не знаю, но может быть, пойду*. Или высказывание мужчины-молоканина, не посещающего богослужения: *не хожу и не пойду, наверное, но матом никогда не заругаюсь: нам этого нельзя*.

Словосочетание слова *конфессиональный* с омонимом *мир*₁–*мир*₂ обозначает согласное сосуществование разных конфессий без войн и ссор как на всем пространстве мира — планеты, так и в любом регионе, например, у соседствующих конфессиональных групп или народов. Молокане Закавказья, например, могут сказать, что у них с магометанами азербайджанцами *всегда был мир*, имея в виду отсутствие конфликтов на конфессиональной почве.

Нетрудно заметить, что значения исследовательского термина *конфессиональный мир* зависят от значения многозначного слова *мир*₁ или его омонима *мир*₂ [там же: 275]. В этих значениях словосочетание употребляться в данной статье не будет. В последующем изложении я буду пользоваться своим исследовательским термином *конфессиональный мир*, имеющим следующее значение: ‘конфессиональная система ценностей с примыкающей к ней совокупностью правил и запретов, возникающая в результате слияния вероучения и культурных традиций, а также сообщество (*мир*₁), живущее по правилам этой системы’. Смысловой акцент в этом термине падает на прилагательное *конфессиональный*.

Нужно отметить, что *конфессиональный мир* в указанном выше значении имеет своим смысловым центром общее понятие христианской веры, дающее это название концептуальному полю, центром которого является концепт спасения души — высшей ценности любой конфессиональной разновидности христианства. Языковые средства описания этого уровня понятия веры я рассматривать не буду; моей задачей будет указать некоторые воспроизводимые культурные формы проявления веры и их стереотипные названия — неологизмы в старообрядчестве и народном протестантизме.

Принятый мной методологический принцип — признание веры, культуры и языка тремя онтологически разными сущностями. Культура, по моему мнению, с начала своего существования была ориентирована на выживание и улучшение условий проживания человеческого рода; сформировавшаяся религия (в данном случае, это разновидности христианства) ориентирована на обретение

человеком надежды на бессмертие души; язык же всегда использовался как средство общения, сообщения и хранения сведений о культуре, вере и носителе их — человеке.

Вера, культура и язык находятся в постоянном взаимодействии. В (этно)конфессиональных группах, которые в течение нескольких веков занимали маргинальную позицию в государствах с иной доминирующей религией, произошло слияние веры и культуры, каковое было в Европе в средние века. Вера в таких группах напоминает кровеносную систему, разносящую кровь по всем направлениям в организме—культуре. Если кровоток прекращается, конкретная культура иссыхает или трансформируется в иную форму существования. Предметом моего исследования является взаимосвязь с русским языком трех современных конфессиональных групп — старообрядцев, сохранивших древнюю форму православия, молокан и духоборцев — представителей русского народного протестантизма. Почти все мои информанты относятся к крестьянскому населению или являются выходцами оттуда.

Но что такое конфессиональный мир в языке? Здесь сразу нужно отделить старообрядцев от молокан и духоборцев: конфессиональный мир старообрядцев основан на текстах не русского, а церковнославянского языка, на котором ведется богослужение и на котором были написаны книги для домашнего чтения — Жития святых и самые разнообразные сборники, содержащие поучения Отцов церкви. Именно там поименованы и описаны основные ценности древнерусского православия и собственно старообрядческие ценности. Правда, с 30-х годов XX века обучение церковнославянскому языку в старообрядческих сообществах советской России практически прекратилось, и мне в своих полевых исследованиях приходилось слышать в перерывах праздничной службы, как уставщица, читающая для соборных Жития святых, переводит их на русский язык с необходимыми комментариями [Никитина 1993].

У духоборцев псалмы, составленные преимущественно их вождями, которые были вполне грамотными людьми, читавшими Библию на церковнославянском языке, содержат много славянизмов и иногда близки к библейским текстам. Неграмотная масса духоборцев псалмы заучивала наизусть, но славянизмы, в отличие от старообрядцев, вряд ли попадали в их разговорный диалектный русский язык. Что же касается молокан, то с распространением Библии на русском языке, то есть в последней трети XIX в., их конфессиональный мир озвучивался на русском языке, за исключением нескольких псалмов, которые отдельные певцы до сих пор предпочитают петь на *славянском языке*, считая, что в нём *всё мягшее звучит*, и немногих лексических стереотипов, о которых речь впереди. В любом случае я буду далее рассматривать стереотипы, функционирующие в устной русской речи. Общее назначение этих стереотипов в трех названных группах — указание на принадлежность к «своей» вере и культуре, которые отличны от всех других, и тем самым построение барьера, отделяющего «своих» от «других / чужих». Это способ объединения, сплочения своего сообщества и средство его сохранения, особенно в условиях современного стирания граней между культурами.

Далее я буду рассматривать на конкретных примерах несколько типов сочетания лексики и грамматики — от лексических однословных стереотипов до законченных высказываний. Все стереотипы воспроизводятся; одни часто в разговорной речи любых представителей конфессионального мира, другие обычно в речи соответствующих *служителей* или *старцев* (например, в молоканстве это *пресвитер, беседник, сказатель, певец, пророк*). Новые единицы, как правило, появляются на основе известных продуктивных словообразовательных и синтаксических моделей, имеют разнообразные структуры — семантические, морфологические или синтаксические и всегда — конфессиональную значимость.

Краткие языковые конфессиональные стереотипы, разумеется, не в состоянии выразить все содержание конфессионального мира. Многие смыслы можно высказать только описательно, притом разными способами. Прежде всего это касается всякого рода запретов, которых достаточно в каждой из трех групп и которые составляют существенную часть их миропонимания. Так, в мире духоборцев и молокан существовал абсолютный запрет на матерную лексику, и об этом можно было узнать не только из высказываний носителей культуры, но просто обнаружив отсутствие таковой в течение долгого времени наблюдения над речевым поведением представителей этих культур. Однако соборные постановления у беспоповцев могли выражаться стереотипными формулами кратко сформулированных запретов, живших в устном языке, например, *баня запрещено, мясо отречено, пенсию получать зазорно*.

Итак, специальная лексика и формульные высказывания, присущие конфессиональной группе, составляют формально небольшую часть её разговорного русского языка.

Начну с лексической многозначности. Как я уже упомянула, слово *собор* у старообрядцев-беспоповцев мог бы составить новое значение слова *собор* в словарях современного русского языка. В языке конфессионального мира молокан образовались три *своих* значения у слова *собрание*: ‘сообщество исповедующих молоканское вероучение’ (собрание 1); ‘молоканское богослужение как сложный дискурс, состоящий из псалмопения, бесед и моления’ (собрание 2); ‘помещение, приобретенное или специально построенное для целей богослужения’ (собрание 3). Примечательно, что в отличие от обычного *собрания* русского языка это слово во всех трех значениях требует предлог *в*: *состоять в собрании* (быть его членом), *ходить в собрание* (на богослужение), *в новом собрании очень просторно* (в новом выстроенном помещении) — и таким образом показывает синтаксические отличия от *собрания* литературного русского языка.

Обратимся к форме собственного имени. Во всех трех группах ономастикон имеет свою специфику. Старообрядцы, шедшие на смерть за старую веру, ценят старый уклад жизни и старорусские имена — Феокист, Макарий, Евлампия, Февруса и т. п. В недавнем прошлом, выходя замуж, вчерашняя Марфуша становилась Марфой Прокопьевной, Прощка — Прокопием Гермогеновичем; изменялась форма имени и обязательно прибавлялось отчество. У молокан, хорошо знающих Ветхий Завет, нередки имена Исая, Моисей, Иона и т. п.; причем каждому

молоканину надлежит знать источник своего имени — соответствующего персонажа Ветхого Завета.

Ярким примером использования формы имени является в духоборческой среде практически обязательное употребление имен собственных в уменьшительной форме, даже в уменьшительно-ласкательной (не Пелагея, не *Полина*, а *Полюшка* / *Полечка*) как в обращении, так и в обычной речи при упоминании кого-то из «своих» независимо от различий в возрасте упоминаемого и субъекта высказывания. Это указывает на принадлежность к сообществу духоборцев как к одной большой семье. «Чужие / другие» так вести себя не должны, особенно если адресат или предмет речи — человек немолодой: его необходимо назвать по имени и отчеству (не *Фролушка*, а только *Фрол Кузьмич*). И только для «своих» Лукерья Васильевна Калмыкова, руководительница духоборцев во второй половине XIX в., знаменитая в русском Закавказье женщина, была *родимой Лушечкой* (более подробно см. [Никитина 2004]).

Другое морфологическое явление — словообразование аффиксальное и префиксальное, образование новых слов — неологизмов, ставших стереотипами.

Более всего к этому склонны молокане, которым нужны были номинации для выражения необходимых понятий их религиозной жизни. Что-то было уже готово до них, и был выбор. Так, если исполнители псалмов у духоборцев назывались *певчими*, то у молокан они были *певцами*. Стало стереотипом древнерусское слово *беседник* от глагола *беседовать* (ср. синонимичные *проповедник* и *проповедовать*). Возникли существительное *сказатель* от глагола *сказать* — с суффиксом деятеля *-тель* для обозначения члена собрания, прочитывающего в процессе псалмопения каждую строку из библейского псалма перед ее пропеванием; варианты *проказчик* или *проказыватель* — с префиксом *про-* и суффиксом *-чик* у первого слова и двумя суффиксами *-ыва-* и *-тель* у второго и с тем же корнем *-каз-*. Интересно слово *открышиа* в языке молокан-прыгунов, у которых есть пророки. Пророк под действием Святого Духа может открыть Библию не глядя на любом месте, указать пальцем на некоторую строку, которую надлежит прочитать. Читает сам или кто-нибудь еще, но только пророк объясняет, что значит написанное. Это всегда некоторое возведение Бога собранию 1, разновидность Откровения. Действия пророка и содержание написанного и есть *открышиа*. *Открышиа*, по-видимому, от глагола *открыть*, аналогично *крыть* — *крышиа*. Я никогда не слышала, чтобы кто-то сказал: *пророк сделал / произвел / совершил открышу*. *Открышиа* сочетается, как правило, с бытийным глаголом: *пророк возбудился, была открышиа*. В одном молоканском описании нескольких *открыши* в связи с возможным переселением в 1946 г. говорится: «все эти открыши не своею рукой открывались, а только указывал издали как Дух провещал». *Открышиа* имеет синонимом слово *открытие*, но оно довольно редко встречается.

Молокане же образовали от основы существительного при помощи суффикса и префикса от слова *молокан-е* глагол *за-молокан-ить(ся)* — ‘принять молоканскую веру’. Мне приходилось слышать это слово довольно часто, но я почему-то считала, что оно образовалось совсем недавно, в XX веке, пока не познакомилась

с молоканскими мемуарами под названием «(Сабытия) страдания для истинной веры. Памятная книшка», которую написал Нил Димрюков, уроженец села Митревка Николаевского уезда Самарской губернии. Его братья и он сам, как пишет, *замалаканили* в 1854 г. [Добрый Домостроитель благодати 1999].

Последние примеры на неологизмы с суффиксальным словообразованием — слова *букварь* и *духарь* — также принадлежат конфессиональному языку молокан. Первое образовано от основы слова *букв-а*, второе — от корневого слова *Дух*. Эти слова были вызваны к жизни необходимостью указать на две разновидности толкования Библии: буквальное и духовное, или символическое, которые существуют у молокан; иными словами, антиохийское и александрийское.

Перейдем к стереотипам синтаксическим, воспроизводимым словосочетаниям языка конфессионального мира. Прежде всего это довольно многочисленные сочетания существительного с прилагательным.

Несколько примеров из языка старообрядцев. Противниками церковных реформ патриарха Никона в процессе отторжения от новой ложной веры были созданы такие слова, как существительное *никониане* и прилагательное *никонианский* (*никонианская церковь, никонианские книги и т. д.*), имеющие в своей семантике негативную оценку. В настоящее время старообрядцы-поповцы говорят о *новообрядцах*, где негативной семантики нет. Активное отторжение не только от никонианской веры, но и от *злого мира*, от всего *мирского, нечистого* сказалось и в употреблении беспоповцами словосочетания *чистая / добрая посуда, чистая / добрая чашка* в противопоставлении *мирской посуде / чашке как нечистой*, при этом *чистая, или добрая чашка* принадлежит прежде всего не человеку, а *правильной старой вере*, выступая как один из ее вещных атрибутов, и находится в сфере сакрального. В среде старообрядцев-бегунов, весьма радикального согласия, в речи иноков часто встречаются словосочетания *бывшая мать, бывшая дочь* или *бывший сын*, а также номинации любых других *бывших* родственников, не употребительные в обычном русском языке, где есть только *бывший муж и бывшая жена*. Отречение от родства свойственно любому монашеству, но такие стереотипные названия встречались мне только у бегунов.

У молокан специфических сочетаний прилагательного и существительного довольно много. Так, *изложённый псалом* — термин молоканских певцов, обозначающий не псалом из Библии, а сочиненный текст на библейскую тему, который поется как псалом на богослужении (например, псалом об Иосифе Прекрасном или о крещении Иисуса). *Сухой баптист* (у молокан неодобр.) — молоканин, посещающий и молоканские, и баптистские собрания (богослужения), участвующий в последних в определенной роли (например, певца), но не принявший водного баптистского крещения, то есть не ставший баптистом; он как бы сидит на двух стульях. *Видимый крест* — крест, который носят православные и не принимают молокане, отвергающие водное крещение. Именно *видимому кресту* и иконам в присутствии священника молокане отказывались кланяться во времена гонений, и этот поступок назывался *отказаться попу*: «*Посли смерти радитиля мы вскороти отказались попу три брата*» (Памятная книшка Нила Димрюкова).

Приведу примеры противопоставленных словосочетаний по схеме S+A: *человек плотской* — *человек духовный*; то же в другом грамматическом оформлении V+ Prer.+S: *жить по плоти* — *жить по Духу*. Эти выражения встречаются в речи представителей во всех трех конфессиональных группах.

По схеме S+Prer.+ S построены некоторые музыкальные термины молокан: *Псалом с переходом, псалом с поворотом, псалом с рамкой*. Зависимые существительные обозначают некоторые особенности словесной и музыкальной структуры псалма, и в речи певца являются расхожими терминами-стереотипами, включенными в мир конфессионального пения.

В устную речь молокан попадает довольно много библейских языковых стереотипов. В книге-учебнике проповедника С. К. Жабина [Жабин 1912] есть раздел «Объяснение значения некоторых слов в духовном смысле». Он содержит более ста библейских слов и словосочетаний с толкованиями Жабина и обязательными отсылками к текстам новозаветных Посланий. Приведу только два примера пар слов, по смыслу противопоставленных друг другу, закрепившихся в языке молокан, прежде всего в языке беседников, в качестве стереотипов.

1. Метафоры молока и твердой пищи. Словарные статьи находятся в разных частях словаря и внешне не связаны друг с другом, однако противопоставление появляется в отсылках.

Молоко. — *Начатки учения о Христе для немощных в вере* (1Пет. 2: 2; 1Коринф. 3: 2; Евр. 5: 12; Римл. 4: 1).

Цитата из Послания Петра известна практически всем молоканам: *Как новорожденные младенцы, возлюбите чистое словесное молоко, дабы от него возрасти вам в спасение* (1Пет. 2: 22); Первое послание к коринфянам связывает эти метафоры, или символы: ап. Павел говорит: *Я питал вас молоком, а не твердой пищей, ибо вы были еще не в силах* (1Коринф. 3: 2). О том же он говорит в Послании к евреям: *судя, по времени, вам надлежало быть учителями; но вас снова нужно учить первым началам слова Божия, и для вас нужно молоко, а не твердая пища. Всякий, питаемый молоком, несведущ в слове правды, потому что он младенец; Твердая же пища свойственна совершенным, у которых чувства навыком приучены к различию добра и зла* (Евр. 5: 12–14).

Пища твердая. — *Полное и совершенное разумение истин учения Христа при достижении полного возраста Христова из младенцев* (Евр. 5: 12–14; 6: 1; Ефес. 4: 11–14).

В Послании к Ефесянам ап. Павел говорит, что это необходимо *на дело служения, для создания тела Христова (то есть церкви — С. Н.), доколе все придем в единство веры и познания Сына Божия, в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова* (Ефес. 4: 12–13).

2. **Врата узкие и путь тесный** — *Жизнь, сообразная с законом Божиим, неразлучная с бедствиями и скорбями* (Матфей 7: 14).

Указанное обращение к Евангелию от Матфея и включение еще и стиха 13 открывает оппозицию узкого и широкого пути: *Входите тесными вратами; потому что широки врата и пространен путь, ведущий в погибель, и многие идут ими;*

потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их (Матф. 7: 13–14).

Идея узкого пути жизни, ведущего к спасению души, очень популярна в духовных стихах старообрядцев, особенно беспоповцев.

Путь узкий — *благой, правый, прямой, истинный*. Но он же *тесный, тернистый, скорбный*.

В конце восьмидесятых годов XX века у старообрядцев Тувы в одной тетрадке я нашла стих, который не поется, но читается, Это стих, как мне объяснили, кто-то сочинил недавно, и его активно переписывают. В стихе осуждалось богатство: все хотят именно его, но нужно помнить, что

Путь широкий, он не тесный, / Не приводит в рай небесный.

В разговорах о современной жизни я часто слышала суждение и старообрядцев, и молокан о том, что теперь многие люди *живут не по Закону, а по слабости* (или *слабо живут*); как сказала молоканка, *вера теперь сокращенная стала. Жить по слабости* значит идти широким путем в погибель.

Разнообразны в трех культурах формулы этикета. Представители всех трех групп считают, что в слове *спасибо* часть слова (*бо*) не может быть принята, поскольку искажает слово *Бог* и содержит чуть ли не кощунственный смысл; поэтому говорят *спаси Христос* (старообрядцы) *Спаси Господь* или *Спаси Господи* (духоборцы и молокане). Формулы приветствия, как правило, представляют собой диалоги. Например, при вхождении в молоканский дом гости говорят: *Мир вашему дому!* Хозяева отвечают — *Мир вашему входу!* При входе в помещение для моления / поклонения духоборцы говорят: *Славен Господь прославился*, им отвечают ранее пришедшие: *Велико имя Господние, по всей земле слава его, от востока солнца и до запада!* Традиционные приветственные стереотипы-диалоги духоборцев представлены в работах исследователей прошлого времени, а также, например, в недавней работе [Косых 2017].

Безусловный интерес представляют тексты паремий — пословиц, загадок, — живущие в рассматриваемых культурах как свои или даже созданные в них. Это практически неисследованная область конфессионального творчества. Так, любимыми пословицами старообрядцев села Самодуровка (ныне Белогорного) Вольского р-на Саратовской области являются две: *В важных кустах свой устав* и *Всяк Еремей себя разумей*. Обе связаны с историей их села. Первый текст сообщает об *особости* своего сообщества; второй призывает к рефлексии в форме самоидентификации. В молоканском журнале «Млечный путь» в разделе «Молоканский юмор» были предложены загадки, связанные с текстами Библии и снабженные намеками, где следует искать ответ, например, *Великим он пророком был, / Но имя гадкое носил* (Из середины Библии); *За стеной, стеной / Барабаничик костяной* (из Евангелия от Луки). [Млечный путь 1999: 51].

Особый языковой мир составляет язык русских конфессиональных сообществ за рубежом. Время и мощный пресс «американского» языка уносят одно русское слово за другим, оставляя в памяти русскую грамматику. Молокане с самоиронией демонстрируют фразу *Зашатай дору, а то чилдренята засикуют*, где англ. *shut*

(*закрывать*), *door* (*дверь*), *children* (*дети*), *sick* (*больной*) в сочетании с русской грамматикой очень напоминают *глокую куздру* Щербы. Однако у большинства из них, чьи предки эмигрировали в США в начале XX века, сохранилось стремление оберегать свой русский язык, особенно слова своего конфессионального мира, поскольку многие считают, что утрата языка приведет к потере молоканской веры. Такая ценность, как красивое псалмопение, способное вызвать, по мнению молокан-прыгунов, отклик у Бога, способствует сохранению русских слов *пения*, *певец*, *голос* и даже названий технических деталей пения в своей, ставшей родной английской речи (Подробнее см. [Никитина 2001]).

Всё приведенное выше — лишь отдельные заметки с примерами, указывающие на то, что задача описания языковой картины религиозно-культурного мира конфессиональных групп требует как дальнейшего накопления материала, так и применения довольно сложного теоретического и методического каркасов, в частности, сравнительного описания таких языковых миров и способов их сопоставления.

Литература

Добрый Домостроитель Благодати. Журнал духовных христиан молокан. Воронеж. Тамбов. 1999 год. № 3. с. 10–20.

Жабин С. К. К Духовному Свету. Краткий курс Закона Божия для духовных христиан (постоянных молокан). Применительно к программе городских училищ. Издание пятое. Тифлис, 1912. С. 328–367.

Косых А. В. Богомоления духоборцев: взаимосвязь с христианской культурой // Актуальные вопросы современного богословия и церковной науки. Материалы IX Международной научно-богословской конференции, посвященной 100-летию начала мученического и исповеднического подвига русской православной церкви. 28–29 сентября 2017 г. Сборник докладов. Санкт-Петербург: Издательство СПбПДА. 2018. С. 129–133.

Млечный путь. Слободка. 1999, № 2.

Никитина С. Е. Об имени собственном в русских конфессиональных группах // Семиотика, лингвистика, поэтика. К столетию со дня рождения А. А. Реформатского. М. : Языки славянской культуры, 2004. С. 544–551.

Никитина С. Е. Русские конфессиональные группы в США: лингвокультурная проблематика // Русский язык Зарубежья / Под ред. Е. В. Красильниковой. М. : Эдиториал УРСС — 2001. С. 103–118.

Никитина С. Е. Устная народная культура и языковое сознание / 2-е издание. М.: ЛЕНАНД. 2014. 192 с.

Словарь русского языка: в 4-х т. АН СССР. Ин-т рус. яз. / Под. ред. А. П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. М. : Русский язык. 1981–1984 г. Т. 2. К–О, 1982.

Словарь русского языка: в 4-х т. АН СССР. Ин-т рус. яз. / Под. ред. А. П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. М. : Русский язык. 1981–1984 г. Т. 4. С–Я, 1984.

S. E. Nikitina

The Institute of Linguistics, Russian Academy of Science

(Russia, Moscow)

seniki38@mail.ru

THE CONFESSIONAL WORLD AND LANGUAGE STEREOTYPES

This article examines relationships between belief, culture and language based on data from three Russian confessional groups: Old Believers, Molokans and Doukhobors. The paper analyzes the types of linguistic and, to some extent, speech stereotypes that express significant religious and cultural concepts. “Confessional world” is defined as “a system of confessional values with the associated sets of rules and restrictions that resulted from merging of the corresponding religious doctrine and cultural traditions; as well as the society that exists according to the rules of this system”.

The language of the confessional world is a part of the Russian language within these societies, but is a highly significant and important part. Examples of types and forms of proper names are examined and analyzed as binding links of a confessional society. Some morphological and syntactic neologisms have been created to denote confessional meanings (*isprava, dobraja chashka* with Priestess Old Believers; *skazitel', otkrysha, psalom s ramkoj* with Molokans, etc.) that became stereotypes. Formulas used for greetings and ceremonial actions has also become stereotypes, as well as paroemias (proverbs and riddles); the latter barely described. The language of the confessional world is a complex subject of study, thus comparative description of different confessional worlds seems like a very promising research direction.

Keywords: confessional world, linguistic stereotypes, neologisms, morphological means, syntactic means, speech formulas.

References

Dobryy Domostroitel' Blagodati. Journal of spiritual Christians of Molokans. Voronezh. Tambov. 1999 год. №3. p. 10–20.

Zhabin S.K. *K Dukhovnomu Svetu. Kratkiy kurs Zakona Bozhiya dlya dukhovnykh khristian (postoyannykh molokan)* [To the Spiritual Light. A short course of the Law of God for spiritual Christians (permanent Molokans). With reference to the program of urban schools. Fifth edition. Tiflis. 1912. Pp. 328–367.

Kosykh A.V. [The Dukhobor Bogopolence: Interrelation with Christian Culture] // *Aktual'nyye voprosy sovremennogo bogosloviya i tserkovnoi nauki* [Actual Issues of Modern Theology and Church Science]. Proceedings of the IX International Scientific Theological Conference dedicated to the 100th anniversary of the beginning of the martyric and confessional feat of the Russian Orthodox Church. September 28–29, 2017 Collection of reports. St. Petersburg: SPbPDA Publ. 2018. Pp. 129–133. (In Russ.)

Mlechnyy put'. Slobodka [Milky Way. Sloboda]. 1999, №2.

Nikitina S. E. [About a proper name in Russian confessional groups] // *Semiotika, lingvistika, poetika. K stoletiyu so dnya rozhdeniya A. A. Reformatskogo* [Semiotics, linguistics, poetics. On the 100th anniversary of the birth of A. A. Reformatskii]. Moscow. Yazyki slavyanskoy kul'tury, Publ, 2004. P. 544–551. (In Russ.)

Nikitina S. E. [Russian confessional groups in the USA: linguistic and cultural problems] // *Russkiy yazyk zarubezh'ya / Pod red. Ye. V. Krasil'nikovoi.* [Russian language abroad / E. V. Krasilnikova ed.]. Moscow. Editorial URSS Publ. 2001. pp. 103–118. (In Russ.)

Nikitina S. E. *Ustnaya narodnaya kul'tura i yazykovoe soznanie* [Oral Folk Culture and Language Awareness] / 2nd Edition. Moscow. LENAND. 2014. 192 p.

Slovar' russkogo yazyka v 4-kh t. AN SSSR. In-t rus. yaz. / Pod. red. A. P. Yevgen'yevoi. [Dictionary of the Russian language: in 4 vol. USSR Academy of Sciences. Inst. Rus. lang / A. P. Evgenieva ed.]. 2nd ed. Moscow. Russkiy yazyk Publ. 1981–1984, vol. 2., 1982.

Slovar' russkogo yazyka v 4-kh t. AN SSSR. In-t rus. yaz. / Pod. red. A. P. Yevgen'yevoi. [Dictionary of the Russian language: in 4 vol. USSR Academy of Sciences. Inst. Rus. lang / A. P. Evgenieva ed.]. 2nd ed. Moscow. Russkiy yazyk Publ. 1981–1984, vol. 4., 1984.

Н. А. Николина

Московский педагогический государственный университет

(Россия, Москва)

admin@riash.ru

СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ ДЕФИСНЫХ КОМПЛЕКСОВ В СОВРЕМЕННОЙ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ

В статье рассматриваются новые типы образований, оформленных посредством дефиса и получивших в последние десятилетия широкое распространение в современной письменной речи. Выделяются структурные типы дефисных комплексов, определяются их основные функции: номинативная, функция категоризации, функция оформления фразеологизованных конструкций и речевых стереотипов, оценочная функция, функция логического выделения. Отмечаются сферы использования дефисных комплексов: философский дискурс, современная художественная речь, литературно-критический дискурс, интернет-коммуникация. Показана связь рассматриваемых единиц с активными процессами в современном русском словообразовании, в частности с усилением в нем тенденции к компрессии. Дефисные комплексы рассматриваются как единицы, занимающие промежуточное положение между словами и синтаксическими конструкциями. Большинство из них сохраняет окказиональный характер, однако их интенсивное использование в речи свидетельствует об активизации в современном русском языке лексико-синтаксического словопроизводства, росте его деривационного потенциала. В связи с этим предлагается расширить представления о моделях сращения, функционирующих в современной русской речи. Дефисные комплексы соотносятся со сходными по структуре объединениями, в которых используются другие знаки или наблюдается слитное написание компонентов. Отмечаются факторы, влияющие на распространение в речи дефисных комплексов.

Ключевые слова: дефис, голофразис; компрессия, раздельнооформленность; сращение; словопроизводство; цельнооформленность, функции.

В конце XX в. заметно активизировались деривационные процессы, связанные со свертыванием различных синтаксических конструкций. С одной стороны, высокую продуктивность проявляет универбация, предполагающая замену субстантивных словосочетаний однословным суффиксальным образованием (*выделенка*,

смешанка, научник и др.), с другой стороны, интенсивно используются различные типы сложных дериватов.

В последние десятилетия XX в. в русской письменной речи получили широкое распространение оформленные посредством дефиса комплексы, представляющие собой объединение компонентов словосочетания или предложения. Так оформляются недискретные, с точки зрения автора, высказывания, сочетания, воспринимаемые им как одна целостная номинация. Такие дефисные комплексы все чаще встречаются в философских текстах и в современной художественной речи, реже в языке СМИ; ср., например:

Это чистота потерянного рая, чистота *мира-вне-сегодня* (А. Ляхович);

Аврора... на месяц заперлась в *гостинице-с-кондиционером* (А. Иванов);

Но главное — это сессии, недельное *удаление-от-мира* (А. Матушинский);

Не-знаю-где-град (Д. Бобышев);

Бытие-в-мире — способ осуществления человеческого существа как... *бытия-вот* (В. Биbihин).

Активизация таких построений в русской письменной речи во многом обусловлена влиянием сходных по структуре единиц, которые регулярно используются в других языках и все чаще воспроизводятся в переводах. Для философского же дискурса это характерные для него в XX в. приемы терминообразования, ставшие, например, приметой стиля М. Хайдеггера и его последователей. Однако, как отмечал Вяч. Иванов, тенденция образования дефисных комплексов «кажется принадлежащей не одному автору и языку, а эпохе...» [Иванов 2004: 45].

Рассматриваемые дефисные комплексы в русской письменной речи явление не новое. Так, в поэтических текстах М. Цветаевой 20–30-х гг. встречается 336 таких единиц [Нарынская 2004]: *врозь-состояние, любовь-вблизи, навек-человек* и др. Используются они и в русских философских сочинениях 30-х гг. XX в. Например: Самое ее бытие есть непосредственное *бытие-для-себя*, самопрозрачность (С. Франк).

Однако активизация дефисных комплексов в различных жанрах письменной речи происходит именно в конце XX в. При этом она поддерживается сходными процессами в современной интернет-коммуникации и, как уже отмечалось, воздействием усилившегося межъязыкового взаимовлияния.

Регулярное обращение к дефисным комплексам в современной письменной речи отражает общую тенденцию к компрессии, характерную для развития языка, и мотивировано стремлением, во-первых, найти новые способы оформления фразеологизованных сочетаний и различных прецедентных феноменов, во-вторых, актуализировать связи, существующие между компонентами высказывания. Ср., например:

довольно глупо раскатать *зубу-*

не-дуру-и попасть эпохе в плен

(В. Куллэ)

Что *сказавший-в-сердце-своем*

Еще мог сказать! (И. Булатовский).

В старые времена *весь-я-не-умру* было делом выбора (М. Степанова).

Содержащие дефис единицы соотносятся с разными синтаксическими структурами, компоненты которых подвергаются объединению, соответственно, используются разные модели их построения. В один дефисный комплекс могут объединяться компоненты:

- 1) простого подчинительного словосочетания: *прыжок-в-уме* (И. Булатовский), *будущее-после-эксперимента* (О. Брейнингер); *общага-на-крови* (А. Иванов);
- 2) сложного словосочетания: *размышления-на-заданную-тему* (Л. Иоффе); душ бывает *черный-на-них-осадок* (А. Поляков);
- 3) предложение или его предикативная часть: Музыка отлучилась в *я-не-скажу-куда* (В. Куллэ); Она перестала быть Олей Белкиной. Теперь она... *Оля-папа-которой-убил-голубя* (Е. Михалкова).

Начало объединения слов, входящих в исходную синтаксическую структуру, маркируется дефисом как «компромиссным знаком» (В. М. Павлов), который, как это ни парадоксально, одновременно служит знаком незавершенности этого процесса. В процессе порождения новой единицы раздельнооформленность производящей синтаксической структуры сменяется относительной цельнооформленностью комплекса. В аспекте словообразования такие построения могут рассматриваться как особая разновидность сращений. Сращение традиционно рассматривается как слияние компонентов подчинительного словосочетания, однако в широком смысле оно может определяться и как такой способ словообразования, в основе которого слияние компонентов не только словосочетания, но и предложения. В этом случае как сращения особого типа могут интерпретироваться и голофрастические образования.

Распространение дефисных комплексов в современной письменной речи, таким образом, свидетельствует об активизации лексико-синтаксического словопроизводства, о его возрастающем деривационном потенциале в русском языке.

Дефисные комплексы, в основе которых объединение компонентов подчинительных словосочетаний или предложений, взаимодействуют в современной речи с дефисными комплексами, в основе которых бессоюзный сочинительный ряд. Например: ...Он... читал запоем, подряд всех-всех, *Манна-Белля-Тургенева-Толстого-Добычина...* (М. Кучерская); ...От *макарон-каш-картошки* худеют (О. Новикова). Такие объединения возникли в русской речи значительно раньше.

Если дефисные комплексы, основанные на слиянии компонентов подчинительного словосочетания или голофразисе, можно рассматривать как сращения или их аналог, то комплексы с сочинительными отношениями компонентов пополняют состав единиц, образованных сложением, которое характеризуется высокой степенью продуктивности в современном словопроизводстве.

В состав дефисного комплекса могут входить три-четыре компонента. Например: *снег-по-лоб* (А. Афанасьева), *следы-от-глаз* (Е. Поспелов), *заезжий-на-час-ездок* (Е. Клюев); *почти-что-лето* (Е. Михалкова).

Голофрастические образования включают и большее число компонентов:

Ребенок *сыт-обут-одет-крыша-над-головой...* (А. Иванов)

Давай играть:

в войну,

в *не-наступишь-на-ногу-умрет-мама*

а падающего толкни (А. Горбунова).

Однако чем больше компонентов входит в исходное сочетание, тем реже оно трансформируется в цельнооформленную дефисосодержащую единицу.

Дефисные комплексы выполняют в современной письменной речи ряд функций.

Во-первых, они используются для оформления устойчивых, регулярно воспроизводимых отрезков речи: точных и модифицированных цитат, речевых стереотипов, клише. Таким образом, они служат «новым способом фразеологизации речевого сегмента» [Зубова 2000: 304]. Например:

И чуден-этот-Днепр (Н. Искренко);

Я то и дело ловлю себя на этом слове, будто речь идет о книге про *любит-не-любит* (М. Степанова);

И на земле взойдут

под накат сапогов

глухой мир, немой труд,

май-нашли-дураков (И. Булатовский);

В молодости всяк хочет жить, чтоб *мыслить-и-страдать* (Ю. Малецкий).

В интернет-коммуникации дефисные комплексы служат также способом передачи чужой речи, эта функция последнее время реализуется и в современной художественной речи. Передача чужой речи, как правило, представляет собой «цитирование прямой речи как типичной реакции на предмет/явление либо как ярко иллюстрирующей событие/явление» [Занегина 2012: 696]. Ср., например:

Сначала друзья умещаются в автоответчике:

Всё-что-хотите-говорите-после гудка.

(О. Хлебников).

Во-вторых, рассматриваемые дефисные комплексы выступают в собственно номинативной функции и заполняют лакуны, существующие в лексическом составе языка. В результате возникают новые цельнооформленные номинации, подчеркивающие тесную связь составляющих их компонентов. Номинативная функция реализуется, например, в терминообразовании в сфере философского и искусствоведческого дискурса: *бытие-в-мире*, *драма-для-чтения*, *пьеса-не-для-театра*, *текст-в-тексте*, *образ-в-движении* и др.

Номинативная функция взаимодействует с функцией категоризации: использование рассматриваемых построений предполагает обычно «выделение особого класса предметов» [Занегина 2012: 696] или лиц. Например: Идиллическая цельность персонажа представляет собой нераздельность *я-для-себя* от *я-для-других* (Н. Тамарченко, В. Тюпа). Зоя станет *«женщиной-под-воздействием»* (А. Иванов).

В-третьих, дефисные комплексы могут выступать в речи в оценочной функции, чаще всего они выражают негативную или ироническую оценку: *Театр-на-Помойке* (В. Аксенов), романчик *все-равно-с-кем* (М. Кучерская), *мама-с-обложки* (Е. Михалкова).

Рассматриваемые дефисосодержащие единицы выполняют и ряд частных функций. Так, применительно к интернет-коммуникации Н. Н. Занегина отмечает такие функции, как «логическое выделение» и «подчеркивание связи зависимых слов именно с данным главным словом» [Занегина 2012: 696].

В художественной речи функции дефисных комплексов заметно усложняются: они, отражая интенции автора, воспроизводят целостный фрагмент индивидуально-авторской картины мира, служат средством создания художественного образа, «подчеркивают фонетические и семантические связи сочетающихся ... слов» [Николина 2009: 131], определяют ритмический рисунок текста, делают относительным «само представление о структурной оформленности слова и невозможности... пауз внутри него» [Фатеева 2004: 55].

Я в Библии-воды поймаю рыбу (А. Поляков);

осторожно присутствие в памяти

идеи-колес-вдоль-кустарников-выжженных

вкривь выявляет виски... (Г. Айги);

светом

страдающе-в-облике-собранным

из первосвета явившись

вздрагивая

ждать (Г. Айги);

Мы пьем *из-смерть-с-пути-метафор* (В. Мельников).

Сами все научились

Изменяться, как нравится,

В *мастерские-спускаясь-подземелья*.

(М. Степанова).

Шел снег и быстрые *следы-от-глаз* скрывал

(Е. Поспелов).

Регулярное употребление дефисных комплексов в поэтических текстах характерно для определенных индивидуальных стилей, например таких поэтов, как Г. Айги, Н. Азарова, Т. Грауз, Е. Поспелов, М. Степанова.

В философских текстах рассматриваемые типы дефисных образований служат терминами или выступают как эквивалентное средство перевода имеющих сходную структуру единиц. Так, базовые понятия философской системы М. Хайдеггера последовательно передаются в русских переводах дефисосодержащими построениями: *бытие-в-мире*, *бытие-к-смерти*, *бытие-между*, *воля-к-смерти*, *самопродвижение-к-успеху*, *умение-быть-в-мире* и др.

Рассматриваемые дефисные комплексы в современной речи соотносятся с многочисленными образованиями, в которых объединяемые компоненты оформляются как слитные написания либо между ними используется косая черта как условный пограничный сигнал. «Такие склеенные образования являются новым средством категоризации действительности — они не только придают тексту... выразительность, но и подчеркивают определенный смысл, который обычно передается несколькими словами» [Шмелева 2015: 49].

Дефисные комплексы, широко распространенные в современной речи, занимают промежуточное место между синтаксическими конструкциями и лексическими единицами. Большая их часть сохраняет окказиональный характер. Однако активность их образования и употребления свидетельствует об усилении продуктивности таких способов словообразования, как сложение и сращение, и «возрастающей свободе словосложения» [Павлов 1985: 122]. Представляется, что в настоящее время сращение вряд ли целесообразно ограничивать только двумя моделями, которые отмечаются в «Русской грамматике» 1980 г.: «наречие + прилагательное или причастие», «имя существительное + прилагательное или причастие». В рамках этого способа появляются новые модели, что обнаруживает новые тенденции его развития.

Литература

Занегина Н. Н. Словосочетания-записанные-через-дефис как способ категоризации и новый прием языковой выразительности в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (2012). Вып. 11. М., 2012. Т.1. С. 696–705 с.

Зубова Л. В. Современная русская поэзия в контексте истории языка. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 432 с.

Иванов Вяч. В. Лингвистика третьего тысячелетия. Вопросы к будущему. М.: Языки славянской культуры, 2004. 208 с.

Нарынская Н. Ю. Структурно-семантические особенности лексико-синтаксических окказионализмов в идиолекте М. И. Цветаевой: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2004. 22 с.

Николина Н. А. Активные процессы в языке современной русской художественной литературы. М. : ИТДГК «Гнозис», 2009. 336 с.

Павлов В. М. Понятие лексемы и проблемы отношений синтаксиса и словообразования. Л. : Наука, 1985. 299 с.

Фатеева Н. А. Поэзия рубежа XX–XXI веков: что происходит в языке и с языком // *Russica Romana*, vol. XI — Pisa; Roma, 2004. С. 53–64.

Шмелева Е. Я. Интернет-коммуникация: новые тенденции в русском словообразовании // Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 2. С. 46–52.

N. A. Nikolina

Moscow Pedagogical State University

(Russia, Moscow)

admin@riash.ru

THE STRUCTURE AND FUNCTIONS OF HYPHENATED COMPLEXES IN MODERN WRITTEN LANGUAGE

The author considers new types of hyphenated complexes that got broadcast in the modern written language last decades. The author pointed out structural types of hyphenated complexes, names their main functions: nominative functions, categorization function, function of phraseologized constructions and speech stereotypes figuration, evaluation function, logical accentation function. There are spheres of hyphenated complexes use such as philosophical discourse, modern literary language, literature and critical discourse, Internet communication. The article shows the link of analyzing units with the active processes of the modern Russian word-formation especially with the gain of tendency to compression. Hyphenated complexes are intermediate in words and syntax constructions. The majority of them retains the occasional character but their overdraft proves the activation of lexical and syntax word-building, increasing of their derivational facilities. That side the author offers to extend the idea of fusion models functioning in the modern Russian language. Hyphenated complexes relate to structurally similar units that use other signs or joined-up writing. The author names the factors that influence on the spread of hyphenated complexes.

Keywords: hyphen, holophrasis, compression, separability, fusion, word-formation, continuity, function.

References

Zanegina N. N. [Word combinations written with a hyphen as the way of categorization and the new example of language emphasis] *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoj mezhdunarodnoj konferencii «Dialog»* (2012). Issue. 11, Moscow, 2012, vol.1. Pp. 696–705. (In Russ.)

Zubova L. V. *Sovremennaya russkaya poehziya v kontekste istorii yazyka* [The modern Russian poetry in the case of language history]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2000. 432 p.

Ivanov V. V. *Lingvistika tret'ego tysyacheletiya. Voprosy k budushchemu* [Linguistics of the third millenium. Questions for the future]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2004. 208 p.

Narynskaya N. Yu. *Strukturno-semanticheskie osobennosti leksiko-sintaksicheskikh okkazyonalizmov v idiolekte M. I. Cvetaevoi*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Structural-semantic special aspects of lexical-syntactic occasional words in idiolect of M. I. Cvetaeva]. Rostov-na-Donu, 2004. 22 p.

Nikolina N. A. *Aktivnye processy v yazyke sovremennoj russkoj hudozhestvennoj literatury* [Active processes in the language of the modern fiction literature]. Moscow, ITDGK Gnozis Publ., 2009. 336 p.

Pavlov V. M. *Ponyatie leksemy i problemy otnoshenij sintaksisa i slovoobrazovaniya* [The concept of lexical unit and problems of syntax and word-formation relation]. Leningrad, Nauka Publ., 1985. 299 p.

Fateeva N. A. [Poetry of the turn of 20th-21st century: what happens in the language and with the language]. *Russica Romana*, vol. XI — Pisa; Roma, 2004, p. 53–64. (In Russ.)

Shmeleva E. Ya. [Internet–communication: new tendencies in Russian wordformation]. *Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik*, 2015, No. 2, pp. 46–52. (In Russ.)

Б. Ю. Норман

*Белорусский государственный университет
(Беларусь, Минск)*

*Уральский федеральный университет
(Россия, Екатеринбург)
boris.norman@gmail.com*

К ВЫРАЖЕНИЮ ФУНКЦИИ MAGN В РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ (ВЫСКАЗЫВАНИЯ ТИПА *ТОТ ЕЩЕ СТУДЕНТ!*)*

В данной статье автор исследует обороты русской разговорной речи типа *Тот еще студент!* Порядок компонентов и грамматический род здесь могут меняться: *тот еще/еще тот, та еще/еще та, то еще/еще то, те еще/еще те*. Эти конструкции служат выражением лексической функции Magn ‘высокая степень, интенсивность’. Обычно эти обороты содержат пейоративную (негативную) окраску, однако иногда употребляются для того, чтобы передать чувство одобрения или даже восхищения. Приводятся примеры из русской художественной литературы. Автор делает попытку выяснить механизмы соотношения и взаимодействия сем ‘очень’ и ‘плохо’. Статья содержит семантический анализ существительных, заполняющих предикатную позицию в данных оборотах. На материале Национального корпуса русского языка (почти 400 примеров) показано, что слова с изначально отрицательной коннотацией (*бандит, нахал, урод*) согласуются с общей семантикой оборота. Слова с нейтральным или положительным значением (*бизнес, герой, золото*), попав в состав оборота, получают иронический оттенок. Ирония наиболее очевидна в случаях с диминутивами (*народец, подарочек, работка* и т. п.).

Ключевые слова: русская разговорная речь, лексическая функция, существительное, негативная коннотация, диминутив, ирония.

Одним из результатов применения метода компонентного анализа, столь популярного в середине XX века, стало открытие набора универсальных лексических функций, типа Лос ‘место, локализация’, Совп ‘конверсив’, Воп ‘хороший’,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда; проект № 16–18–02005.

Sing ‘единичность’, Degrad ‘портиться’ и др. [Мельчук 1974: 82 и след.]. Эти функции, в значительной степени определяющие сочетаемость слов, играют роль своего рода универсальных мыслительных операторов в речевой деятельности. Скажем, лексическую функцию Magn (семантический компонент ‘высокая степень, интенсивность’) можно увидеть в таких выражениях, как *проливной дождь*, *круглый дурак*, *трескучий мороз*, *тяжелая болезнь*, *жгучая брюнетка* и др. В этом смысле прилагательные *проливной*, *круглый*, *трескучий*, *тяжелый*, *жгучий* оказываются синонимичными: просто их употребление обусловлено синтактикой (сочетаемостью). Учение о лексических функциях получило затем дальнейшее развитие в работах А. Вежбицкой, составившей свой список «семантических примитивов», с помощью которых можно истолковывать огромное количество ситуаций [Вежбицкая 1999: 140–141]. Методика компонентного анализа продолжает, с опорой на те или иные концепции, активно разрабатываться и другими исследователями, см., например: [Reuther 2003].

В данном случае предметом нашего внимания будет лексическая функция Magn и ее выражение в русском языке. Разумеется, значение ‘очень, много, сильно, в высокой степени’ может выражаться не только прилагательными вроде *проливной* или *жгучий*. Оно содержится также в семантике многих существительных (*бездна*, *ливень*, *оацья*), глаголов (*мчатся*, *обожать*, *нагуляться*), наречий (*окончательно*, *катастрофически*, *свято*), фразеологизованных предложно-падежных сочетаний (*до нитки*, *выше головы*, *от пуза*) и т. д. Несомненно его присутствие в словообразовательных производных вроде *холодина*, *дырища*, *худющий* и т. п., см.: [Крысин 2012]. Можно рассматривать среди средств выражения Magn и лексические повторы (редупликации): *длинный-длинный*, *громко-громко*, *ужас-ужас* и т. п. Для выражения той же функции в русском языке используются также местоимения и частицы (*самый*, *целый*, *аж* и др.). При этом «Magn’ов у одного слова может быть довольно много, например, у слова *интерес*, по данным НКРЯ, — более 20, у слов *любовь* и *скорость* — более 30, у слова *ответственность* — около 40 Magn’ов» [Кустова 2011: 258].

Одна из конструкций, имплицитно содержащих в себе функцию Magn в современном русском языке, — это сочетание элемента *тот* (по происхождению — указательного местоимения) с элементом *еще* (по происхождению — усилительной частицей). Первый элемент здесь может изменяться по роду и числу: *тот еще*, *та еще*, *то еще*, *те еще*. Может варьироваться и порядок компонентов: *еще тот*, *еще та*, *еще то*, *еще те*. По всем родам и числам вариант с препозицией бывшего местоимения фиксируется чаще, чем с препозицией бывшей частицы. Однако это не отражается на их семантике.

Следует признать, что на сегодняшний день интересующий нас оборот только этимологически связан с указательными местоимениями и усилительной частицей. Для современного языка он семантически неразложим. Чрезвычайно важна синтаксическая роль данной конструкции. Весь оборот *тот еще* и т. п. с функцией Magn занимает в предложении отчетливую предикатную позицию, как член предложения это — именное сказуемое. Именно поэтому элементы *тот*, *та*, *то*,

те в составе оборота стоят всегда в именительном падеже (это подчеркивает их отрыв от производящих местоимений). Использование оборота сопровождается повышенной экспрессией и эмфатическим ударением на элементе *тот / та / то / те*.

Оборот типа *Тот еще студент!* — яркая черта современной разговорной речи; в литературе до XX века он не встречается. Нет его и в словарях литературного языка. По-видимому, впервые зафиксировано это выражение в «Большом словаре русской разговорной экспрессивной речи» В. В. Химика с пометами и толкованием: *Неодобр. Разг.* О том, кто или что обладает отрицательными качествами в высшей степени. *Ванька тот еще жулик!* [Химик 2004].

Приведем теперь примеры из текстов:

В общем, едва ли надо объяснять, что **ученичок** я был **еще тот**. Нет, учился-то я как раз неплохо — не хуже многих. Но я (курсив мой) *вертелся* (Л. Рубинштейн. Духи времени).

Следовало переписать книгу в лучезарном ключе. Но расковыривать старый невроз — **то еще удовольствие** (Слава Сэ. Сантехник. Твое мое колено).

Все его соавторы — Геннадий Шпаликов, Валентин Ежов, Виктор Конецкий — были **те еще любители заложить за воротник** («Аргументы и факты», 2016. № 52).

...наши старшие
тоже думали о нас вещи страшные
и старались спасти свои детища
а мы были **деточки те еще**

(Л. Петрушевская. Стихи(хи)).

Что значит — *то еще удовольствие* или *деточки те еще*? Ясно, что таким образом подчеркиваются свойства предмета: его исключительность, высокая степень проявления. Одновременно с этим, очевидно, сообщается отрицательное отношение говорящего к данным свойствам (см. приведенное выше толкование оборота в Словаре В. В. Химика).

Однако представляется, что негативная оценка — менее обязательная семантическая составляющая данного оборота, чем Magn. Об этом говорят некоторые примеры, в которых употребление оборота *тот еще* или *еще тот* рассчитано скорее на то, чтобы вызвать у читателя чувство одобрения, уважения или даже восхищения.

Михалев. Да, я молодец!

Михалева. **Еще тот парень!**

Михалев. Ты тоже, мать, здорово все придумала.

Михалева. Да, мы были пара хоть куда!.. (Э. Радзинский. Спортивные сцены 80-х).

Ты пойми, это игра для взрослых. Воспринимай это как карнавал. Атрибутика у них жутковатая, но **парфюм — тот еще** (ж. «Берлинский телеграф». 2016, № 13).

В планах у наших талантливых студентов — масштабирование разработки на США, Россию и Украину. Так что **школа еще та**, главное — ее не потерять («Аргументы и факты». 2017, № 40).

В этих контекстах *тот еще парень* означает ‘замечательный парень’, *тот еще парфюм* — ‘благородный, фирменный парфюм’, *школа та еще* — ‘школа надежная, зарекомендовавшая себя’.

Употребление данного оборота в «положительном» значении явно вторично, производно по отношению к «отрицательному». По устному свидетельству А. Д. Шмелева, первая литературная фиксация конструкции с *тот еще* с одобрителем оттенком относится к повести А. И. Солженицына «Раковый корпус» (год завершения — 1966):

— Какое танго, это бабушки танцевали! Настоящий танец сейчас это рок-н-ролл. У нас его еще не танцуют. В Москве, и то мастера... **Тот еще танец!** — прищелкнула Ася. — Только точно не могу показать, сама не видела.

Вообще смена коннотации у слова — с «отрицательной» на «положительную» или наоборот — не такой уж редкий случай развития лексического значения, особенно в условиях разговорной речи (см. об этом, например, в [Розина 2014]). Но взаимодействие сем «сильного» и «плохого» в составе лексического значения слова имеет довольно сложный характер, который требует специального комментария. В основе здесь лежит взаимодействие параметрической («много») и аксиологической («плохо») семантики.

С одной стороны, когда «плохость» достигает высокой степени, своего максимума или тем более экстремума, она становится исключительной, психологически притягательной для индивида. Отсюда естественный интерес к разного рода преувеличениям, уродствам, извращениям, преступлениям. В связи с этим стоит вспомнить бахтинскую трактовку карнавала — особой привлекательной «жизни наизнанку», в которой сочетались эксцентрика и отмена запретов, «низ» становился «верхом» и т. п.: «Вольное фамильярное отношение распространяется на всё: на все ценности, мысли, явления и вещи» [Бахтин 1963: 164–165]. А современный автор, развивая эти идеи, свою книгу о русском просторечии назвал «Поэтика низкого» [Химик 2000].

В конце концов, самое низменное любопытство есть проявление интереса, а интерес, участвуя в формировании категории ценности, мотивирует познание. «На уровне обыденного сознания, ценность действительно можно рассматривать как предмет потребности или выражающего его интереса» [Максимов 1997: 113]. «Связь сознания с интересом (потребностью) есть выражение сущности ценностного отношения» [Там же: 139].

Неудивительно, что экстремальность оказывается психологически значимее (сильнее) эстетической или моральной оценки. Из речевой практики нам известны случаи, когда человек гордится или хвастается своими недостатками. Примеры такого рода фиксируются и в литературе:

— А помнишь наши уроки домоводства?

— Конечно, сама Лидия Григорьевна Салова вела. У меня всегда хуже всех получалось, — с парадоксальной гордостью поддержала Ася (Л. Улицкая. Бедные родственники).

А в следующей цитате женщина рассказывает о своем муже:

... Приятно само сознание того, что он есть, приятно сказать подруге или соседке при случае: «Мой вчера крышу перестилал, да ветром его прохватило, простыл малость, пришлось молоком горячим отпаивать». Или даже и так: «Мой-то как зенки залет, так сразу за ухват либо за кочергу и давай крушить что ни попадя, тарелки в доме целой уж не осталось». Вот вроде бы жалоба, а на самом деле — нет, хвастовство. Ведь не скажешь про него, что паровоз изобрел или атомное ядро расщепил, а хоть что-нибудь сделал, проявил себя, и за то спасибо. Мой! (В. Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина).

Мы видим, что речевой акт перемещается из одной категории (жалоба) в другую (хвастовство), и перлокутивный эффект не заставит себя ждать: наверняка подруга или соседка проникнется чувством уважения или даже зависти.

Всё это — о поэтизации отрицательного, о сдвиге данной категории на аксиологической шкале.

С другой стороны, верхний предел, максимум или экстремум какого-то свойства — это то, что не соответствует общепринятому стандарту, а потому не одобряется. Согласно польской поговорке, со *zanadto, to niezdrawo*. В приблизительном переводе: То, что «слишком», — это «плохо». В языке исконное стремление человека к «золотой середине» формирует интуитивную норму общения, экономящую усилия и оптимизирующую акт коммуникации. Как писал А. М. Пешковский, «все мы, чтобы нас понимали, должны равняться в нашей языковой деятельности по окружающим, должны говорить, как все... Всякий говорящий одновременно и подражает, и вызывает подражание, и говорит “как все”, и создает это “как все”» [Пешковский 1959: 61].

Таким образом, можно считать, что внутренняя противоречивость человеческой природы находит свое выражение и в амбивалентности оборотов с *tot еще*. Более того, получается, что экстремум и пейоратив движутся в семантическом пространстве «навстречу» друг другу. И результат такого взаимодействия в конкретном случае бывает разным: иногда побеждает «очень», а иногда — «плохо». Это зависит еще и от лексического значения существительного, входящего в данный оборот. Для проверки этой гипотезы обратимся к материалам НКРЯ (www.ruscorpora.ru; дата доступа 07.03.2017).

Всего на сочетании *tot еще, та еще, то еще, те еще* и их инверсионные варианты в НКРЯ зафиксировано примерно 4 с половиной тысячи вхождений. Правда, из них большая часть — это сочетание указательного местоимения *tot/ta/to/te* с частицей *еще* (примеры: *Внук Федя, тот еще мал; Тот еще больше разозлился; А то еще у него увлечение было — скрипка* и т. п.). В значительном числе примеров *то* играет роль частицы, союза или соотносительного слова в сложном предложении (*Я-то еще как уважаю; То он уже ушел, то еще не пришел; Если на Тимофея метель, то еще неделю мести будет*); это объясняет повышенную долю среднего рода в обследованном материале. Все эти примеры нас не интересовали и были удалены как посторонние. Остались в опыте 196 вхождений для оборота с семантикой Magn в мужском роде, 114 — в женском, 27 — в среднем и 53 — во множественном числе. Полученные количественные данные представлены в таблице.

Количество оборотов с *тот еще, та еще, то еще, те еще* в НКРЯ

Оборот	Общее количество вхождений в НКРЯ	В том числе с семантикой Магп
Тот еще / еще тот	559	196
Та еще / еще та	269	114
То еще / еще то	3340	27
Те еще / еще те	254	53

Первый вопрос, который нас интересует, это: какие существительные принимают участие в данном обороте?

При огромном разнообразии лексических единиц здесь бросается в глаза масса прямых инвектив или слов, которые словари сопровождают пометами *неодобр.*, *пренебр.*, *уничиж.*, *презр.* и т. п. Естественно, всем им свойственна сниженная стилистическая окраска. Это существительные мужского рода *баламут, бандит, бардак, геморрой, Иуда, кавардак, козел, нахал, трус, урод, фарисей, хулиган...* Существительные женского рода: *дура, гадость, гнида, змеюка, клоака, оторва, рожа, стерва, сучка, шамовка* и др. Их появление подтверждает общую (прототипическую) пейоративную семантику оборота. Из общего числа существительных мужского и женского рода примерно половина — наименования лиц, что тоже неудивительно с учетом оценочного характера всего оборота. Мы имеем здесь дело как бы со случаем семантического согласования: семантика всего оборота соответствует значению существительного, играющего в нем ключевую, опорную роль. Вместе с тем, обилие негативных номинаций здесь не должно удивлять. По словам исследователей разговорной речи, для нее «больше характерно выражение отрицательных оценок разного рода, чем положительных» [Земская, Китайгородская, Ширяев 1981: 112].

В тех же случаях, когда существительное по своей семантике нейтрально или в принципе оценивается положительно — *аромат, банкет, бизнес, боец, герой, колорит, характер, экземпляр...* (м. р.); *затяя, наука, перспектива, песня, разумница, романтика...* (ж. р.), *золото, искусство, лицо, оружие, удовольствие...* (ср. р.), *вопросы, гены, радости, чудотворцы...* (мн. ч.), на него наводится оттенок **иронии**, предвзятости, в конечном счете — несогласия или неодобрения. Это значит, что прототипическая пейоративная семантика конструкции подчиняет себе лексическое значение. Если же семе 'плохо' не удастся «победить» сему 'очень, много', то результатом их взаимодействия становится значение особенности, выпадения из общего ряда, отсылки к некоторому образцу. *Тот еще колорит* означает 'особый колорит', *та еще романтика* — какая-то 'необычная романтика'... Удивительно, но в составе данных оборотов со значением Магп, по данным НКРЯ, встречаются даже терминологические единицы, такие как *атмосфера, минное поле, наследственность, прононс, рациональность, цветопередача, цензор* и т. п.

Ироническая трактовка всего оборота очевидна и в многочисленных случаях употребления **диминутивов**, представленных в нашем материале. Вообще, как известно, ирония может быть стимулом к энантиосемическому развитию слова. Номинация может быть в основном своем значении нейтральной или даже

положительной, но ироническое отношение к предмету (лингвопрагматический аспект значения) легко переходит в критическое, и у слова появляется негативная коннотация. «Амбивалентность диминутивов — уже отмечавшаяся черта, вообще свойственная русскому характеру: то, что только что было хорошим, может стать плохим, милое — гадким, доброе — злым, без всякого перехода» [Протасова 2001: 82]. Это мы и видим в случаях вроде *видик, запашок, коллективчик, народец, подарочек, работничек, турнирчик* (м. р.); *дамочка, задачка, квартирка, погодка, работка* (ж. р.); *времечко, заседаньице, имечко, местечко* (ср. р.), *деточки, защитнички, квартирки* (мн. ч.) и т. п.

Некоторые слова на общем фоне выделяются своей употребительностью. Для оборота с опорным словом мужского рода самое частое существительное — это *фрукт* 7 (+ *фрукты* 3), затем *жук* 6 (+ *жучара* 1), *вид* 6 (+ *видок* 5, *видик* 2), *тип* 5 (+ *типчик* 1), *подарок* 4 (+ *подарочек* 2), *гусь* 4... Среди существительных женского рода самое частое — *штучка* 8 (+ *штучки* 1), потом идут *сволочь* 5, *смейка* 4, *стерва* 4, *сука* 3 (+ *сучка* 1) и т. д. Среди слов среднего рода безусловный чемпион — *удовольствие* 8. Среди повторяющихся представлены также существительные *боец, козел, геморрой, характер; картина, квартирка, публика; времечко, зрелище, пополнение* и др.

Таким образом, связь всего оборота с лексическим значением существительного, играющего в нем опорную роль, сводится, по нашим данным, к следующему:

— если существительное изначально содержит в себе сему неодобрения (это инвектива, «обидное слово» и т. п.), то оборот усиливает пейоративное значение;

— если существительное изначально характеризуется нейтральной или «положительной» семантикой, то оборот подчеркивает особенный характер референта, допуская конкуренцию отрицательной и положительной оценок. Возможно развитие иронического или дистанцированного отношения к референту;

— если существительное — диминутив, то оборот приводит к снижению его значения и развитию иронического оттенка.

Стоит задаться вопросом и о происхождении оборота с *тот еще*. Оборот этот — сравнительно новый для русского языка способ выражения функции Magn, пришедший из разговорной речи. Судя по всему, в его становлении принял участие и региональный или этнический фактор. Некоторые свидетельства указывают на его южно-русское или западно-русское происхождение. Интересна в данном плане цитата из книги Ирины Ратушинской «Одесситы»:

Лучших выбили, а **пополнение** — «**то еще**», как сказали бы в Одессе.

Если согласиться с этой точкой зрения, то вполне вероятно связь интересующего нас оборота с идиш, а через него — с германскими языками.

Такова общая картина употребления оборота *тот еще*... в современной русской речи. Но нельзя сбрасывать со счетов и еще одну его черту: это яркий признак разговорности, «свойскости». Оборот, что называется, «на слуху», и распространяется он довольно быстро, поэтому может появиться в совершенно неожиданных контекстах. Так, по устному свидетельству О. С. Иссерс, на омском телевидении

есть передача «Тот еще вечер», а в городе есть заведение под названием «Тот еще бар». Оценочный компонент в таких наименованиях стирается, зато подчеркивается особый статус референта, соответствие его некоторым образцам.

Литература

Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. Изд. 2-е. М. : Советский писатель, 1963.

Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М. : ЯРК, 1999. 780 с.

Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М. : Наука, 1981. 276 с.

Крысин Л. П. О выражении лексической функции Magn в русской разговорной речи // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты. Сб. ст. в честь 80-летия И. А. Мельчука. М.: ЯСК, 2012. С. 344–348.

Кустова Г. И. Слова со значением высокой степени: семантические модели и семантические механизмы (Magn'ы-прилагательные) // Слово и язык. Сб. ст. к 80-летию акад. Ю. Д. Апресяна. М.: ЯСК, 2011. С. 256–268.

Максимов А. Н. Философия ценностей. М.: Высшая школа, 1997. 176 с.

Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». Семантика, синтаксис. М.: Наука, 1974. 346 с.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка, режим доступа: www.ruscorpora.ru

Пешковский А. М. Объективная и нормативная точка зрения на язык // Пешковский А. М. Избранные труды. М.: Учпедгиз, 1959. С. 50–62.

Протасова Е. Роль диминутивов в современном русском языке // Русский язык: система и функционирование. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. V. Тарту, 2001. С. 72–88.

Розина Р. И. «Перевертыши» разговорной речи // Znaczenie — text — kultura. Prace ofiarowane profesor Elżbiecie Janus. Warszawa, 2014. С. 105–110.

Химик В. В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000.

Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: НОРИНТ, 2004. 762 с.

Reuther T. Semantische Primitiva (Englisch, Russisch, Deutsch) // Slavistische Linguistik 2001. Referate des XXVII. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens. Frankfurt/Friedrichsdorf, 11–13.9.2001 / Hrsg. von H. Kusse. München, 2003. S. 287–307.

Выражаю благодарность Л. Л. Иомдину, Р. И. Розиной, А. Д. Шмелеву, сделавшим ряд полезных замечаний при обсуждении доклада на эту тему на Шмелевских чтениях в феврале 2018 г.

B. Yu. Norman

Belarusian State University
(Belarus, Minsk),
Ural Federal University
(Russia, Ekaterinburg)
boris.norman@gmail.com

**TOWARDS THE EXPRESSION OF THE FUNCTION MAGN IN RUSSIAN
EVERYDAY LANGUAGE (THE UTTERANCES OF THE *Tot esche student!*
(‘HE IS THAT STUDENT!’) TYPE)**

The author investigates conversational expressions of the *Tot esche student!* ‘He is that student!’ type. The order of the components and grammatical gender in them may vary: *tot esche/eshe tot, ta esche/eshe ta, to esche/eshe to, te esche/eshe te* (*tot yeshche/yeshche tot, ta yeshche/yeshche ta, to yeshche/yeshche to, te yeshche/yeshche te*). These constructions are used to express the lexical function Magn ‘high degree, intensity’. Usually these expressions have pejorative (negative) connotation, but sometimes they are used to convey the feelings of approval and even admiration. Examples from contemporary Russian works of fiction are provided. The author attempts to reveal the mechanisms of correlation and interaction of ‘quite’ and ‘badly’ semes. The article provides semantic analysis of nouns that fill the position of predicates in these expressions. On the basis of the material extracted from the Russian National Corpus (about 400 examples), it is shown that words with originally negative connotation (*бандит bandit* — ‘bandit’, *нахал nakhal* ‘cheeky’, *угод urod* — ‘freak’) match the general semantics of the expression. Words with neutral and positive meanings (*бизнес biznes* — ‘business’, *герой geroi* — ‘hero’, *золото zoloto* — ‘gold’), after becoming a part of the expression, get ironic reading. Irony is most obvious in case of diminutives (*народиц, подарочек, работка* [lit. little people, present, job] etc.).

Keywords: Russian everyday language, lexical function, noun, negative connotation, diminutive, irony.

References

Bahtin M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky’s poetics]. 2-nd edition. Moscow: Sovetskii pisatel’ Publ., 1963.

Vezhbickaya A. *Semanticheskie universalii i opisaniye yazykov* [Semantic universalialia and description of languages]. Moscow: YaRK Publ., 1999. 780 p.

Zemskaya E. A., Kitaigorodskaya M. V., Shiryayev E. N. *Russkaya razgovornaya rech’*. *Obshchie voprosy. Slovoobrazovanie. Sintaksis* [Russian spoken language. General questions. Word formation. Syntax]. Moscow: Nauka Publ., 1981. 276 p.

Krysin L. P. [About expression of the lexical Magn function in the Russian spoken language]. *Smysly, teksty i drugie zakhvatyvayushchie syuzhety*. Sb. st. v chest’ 80-letiya I. A. Mel’chuka. Moscow: YaSK Publ., 2012, pp. 344–348. (In Russ.)

Kustova G. I. [Words with value of high degree: semantic models and semantic mechanisms (Magn's — adjectives)]. *Slovo i yazyk*. Sb. st. k 80-letiyu akad. Yu.D. Apresyana. Moscow: YaSK Publ., 2011, pp. 256–268. (In Russ.)

Maksimov A. N. *Filosofiya cennostei* [Philosophy of values]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1997. 176 p.

Mel'chuk I. A. *Opyt teorii lingvisticheskikh modelei «Smysl ↔ Tekst»*. *Semantika, sintaksis* [Approaches to the theory of linguistic models “Sense ↔ Text”. Semantics, syntax]. Moscow: Nauka Publ., 1974. 346 p.

NKRYa — *Nacional'nyi korpus russkogo yazyka* [National Corpus of Russian Language], URL: www.ruscorpora.ru

Peshkovskii A. M. [The objective and standard point of view on language]. In: Peshkovskii A. M. *Izbrannye trudy*. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1959, pp. 50–62. (In Russ.)

Protasova E. [A role of diminutives in modern Russian]. *Russkii yazyk: sistema i funkcionirovanie. Trudy po russkoi i slavyanskoi filologii. Lingvistika. Novaya seriya*. V. Tartu, 2001, pp. 72–88. (In Russ.)

Rozina R. I. [“Transmutations” of informal conversation]. *Znaczenie — text — kultura*. Prace ofiarowane profesor Elżbiecie Janus. Warszawa, 2014, pp. 105–110. (In Russ.)

Khimik V. V. *Poetika nizkogo, ili Prostorechie kak kul'turnyi fenomen* [Poetics of low, or Popular speech as cultural phenomenon]. St. Petersburg : Philological faculty of St. Petersburg State University, 2000.

Khimik V. V. *Bol'shoi slovar' russkoi razgovornoj ekspressivnoi rechi* [Big dictionary of the spoken expressive Russian]. St. Petersburg: NORINT Publ., 2004. 762 p.

Reuther T. Semantische Primitiva (Englisch, Russisch, Deutsch). *Slavistische Linguistik 2001*. Referate des XXVII. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens. Frankfurt/Friedrichsdorf, 11–13.9.2001. Hrsg. von H. Kusse. München, 2003. S. 287–307.

Н. К. Онипенко
Институт русского языка им В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
onipenko_n@mail.ru

ОБ ОСНОВАНИЯХ КЛАССИФИКАЦИИ СИНТАКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ*

В статье рассматриваются типы конструктивной обусловленности синтаксических единиц, сопоставляются разные подходы к проблеме отношения языковой единицы и контекста. Конструктивная обусловленность понимается как результат взаимодействия формы (структуры), семантики и синтаксической функции. Обусловленными синтаксемами признаются такие, семантика которых зависит от их синтаксической функции. В отличие от синтаксических падежей, маркирующих синтаксические функции независимо от семантики существительного и семантики предложения, обусловленные синтаксеммы реализуют свою семантику в составе моделей с определенным типовым значением. Форма косвенного падежа интерпретируется не в качестве маркера зависимости, но как средство организации обязательного компонента предикативной синтаксической конструкции. В статье рассматриваются субстантивные синтаксеммы «до+Род. п.» с модально-событийным (*до шуток / не до шуток; до разговоров / не до разговоров: не до сна*), модально-делиберативным (*не до людей, не до книг, не до искусства*), модально-оценочным (*не до вежливости, не до гордости, не до справедливости*) значениями и синтаксические конструкции, компонентами которых являются синтаксеммы «до+Род.п.». Предлагается сравнительный анализ близких по структуре и семантике предложений, выявляются семантические признаки, указывающие на связь семантики синтаксеммы с уровнем предложения: модальность, отрицание, наличие/отсутствие контроля, моно-/полисубъектность, степень категоричности высказывания.

Ключевые слова: русский языка, функциональный синтаксис, коммуникативная грамматика, синтаксеммы, функция, синтаксическая позиция, классификация синтаксических единиц

Для классификации синтаксических единиц наиболее важным является решение вопроса об отношении синтаксиса и семантики. Разделение семантики

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект № 18-012-00263).

и синтаксиса как разных аспектов языковой единицы является следствием жестко аналитического, вербоцентрического подхода к русскому языку. Такой подход предлагает «описание мира в терминах причин и их следствий», требует изолированного представления языковых уровней и противопоставляет синтаксис семантике.

Однако для русистики традиционным является иной подход — целостный, «синтетический» взгляд на описываемый объект. А. П. Чудаков, характеризуя основные черты научного метода В. В. Виноградова, в качестве седьмой черты указывал «редкое и давно утраченное гуманитарным знанием свойство — видеть всё только в связи со всем» [Чудаков 1995: 14].

«Целостность», «синтетизм» соответствуют общему взгляду на мир, заложенному в русской языковой системе. А. Вежицкая пишет об этом так: «Синтаксическая типология языков мира говорит о том, что существует два разных способа смотреть на действительный мир, относительно которых могут быть распределены все естественные языки. Первый подход — это по преимуществу описание мира в терминах причин и их следствий; второй подход дает более субъективную, более импрессионистическую, более феноменологическую картину мира. Из европейских языков русский, по-видимому, дальше других продвинулся по феноменологическому пути» [Вежицкая 1996: 73].

Сегодня аналитический вербоцентрический подход уступил место грамматике конструкций [Лингвистика конструкций 2010], которая исходит из семантико-синтаксической цельности конструкции, признает возможность безглагольных предложений и уделяет значительное внимание именным конструкциям.

Для русистики признание семантической целостности конструкции и связь лексической семантикой с синтаксисом также не является новым направлением. Связь лексического значения и условий употребления слова учитывал В. В. Виноградов при классификации лексических значений. В. В. Виноградов предложил различать свободные номинативные, фразеологически связанные, функционально-синтаксически ограниченные и конструктивно-обусловленные значения [Виноградов (1953) 1977]. По Виноградову, возможны два направления синтаксической зависимости лексического значения: зависимость на уровне членов предложения и на уровне словосочетания (когда лексическое значение зависит от присловных распространителей лексической единицы, в другой терминологии — от набора семантических валентностей).

Д. Н. Шмелев в книге «Проблемы семантического анализа лексики» [Шмелев 1973], обсуждая отношения семантической структуры слова и его синтагматических (сочетаемостных) возможностей, рассматривал разные типы синтаксических конструкций, в том числе безглагольные конструкции, в которых «значение вполне определенного действия создается <...> лексико-синтаксической организацией самой конструкции (*я бегом на станцию; шофер — ни слова; слезы градом по ее лицу*)» [Шмелев 2008: 101–102]. Тем самым признается тот факт, что в рамках синтаксической конструкции лексическая семантика и синтаксис находятся в тесном взаимодействии, что для осмысления именных компонентов важна не только их

зависимость от глагола, но и их функционирование в составе определенной конструкции.

Необходимость соединения синтаксиса и семантики при классификации синтаксических единиц отстаивает в своих трудах Г. А. Золотова. Так, в «Синтаксическом словаре» [Золотова 1988] системное описание минимальных синтаксических единиц (синтаксем) основывается на трех параметрах: морфологической форме, лексической семантике и синтаксических функциях в составе предложения и текста. Г. А. Золотова, используя понятия изосемии, структурно-семантической модификации и синтаксического поля предложения, предложила системное описание моделей русского предложения. В этом описании модели предложений с именными предикатами оказываются не менее значимыми, чем глагольные предложения. «Синтаксический словарь» Г. А. Золотовой стал весомым вкладом русской синтаксической науки в падежную грамматику — особое направление в современной лингвистике, основным объектом которого является категория падежа. Если Ч. Филлмор (который терминологически обозначил это направление) шел от падежной грамматики к грамматике конструкций, то Г. А. Золотова соединила системное описание субстантивных синтаксем с системным описанием типов синтаксических связей и классификацией моделей русского предложения (т.е. классификацией конструкций).

Сегодня уже не надо доказывать, что категория падежа тесно связана с лингвистикой конструкций: это отражается и в системном описании падежей, и в функционально-семантической интерпретации падежных словоформ.

Изучая падеж в плане семантики, грамматисты ставили перед собой разные задачи: определить отношения между планом выражения и планом содержания падежных словоформ, найти инвариантное значение того или иного падежа или установить связи между разными значениями одного падежа, выявить системообразующие признаки падежей (О возможностях разных подходов см. [Филлмор (1968) 1985]). А. Вежбицкая, обсуждая проблемы описания падежной семантики, говорила о четырех теориях падежа, которые она разграничила следующим образом: «(1) падежи имеют значения, но они многозначны; большинство падежей имеет много значений, которые, однако, нельзя четко отделить друг от друга (Б. Г. Г. Дельбрюк, А. А. Потеня); (2) падежи имеют значения, но этих значений немного; значения падежей могут быть четко разграничены (А. В. де Гроот, Э. Бенвенист); (3) падежи имеют значения, но они не многозначны (Р. Якобсон, Э. Гарсиа); (4) падежи не имеют значений, «падежная маркировка» чисто поверхностное явление (Ч. Филлмор)». Сама А. Вежбицкая предлагает пятую теорию, в которой количество падежных значений большое (значения связаны, но при описании могут быть разграничены), это количество зависит от количества конструкций, включающих тот или иной падеж; каждое значение «может и должно быть представлено в точной и проверяемой формуле, которая обладает полной предсказующей силой; и эти формулы <...> следует строить на основе самодостаточных семантических первоэлементов (semantic primitives)» [Вежбицкая (1980) 1985: 303–342]. Теория падежей, предложенная А. Вежбицкой, содержит интерпретацию

падежных значений (например, творительного в русском языке) посредством семантических формул, толкующих такие категориальные слова, как, например, инструмент, эмоция, стихийное воздействие, сравнение и др., в определенных синтаксических конструкциях.

Соотношение синтаксиса предложения и семантики падежа стало основой классификации падежей по Е. Куриловичу. Е. Курилович предложил делить падежи на синтаксические и семантические (наречные, конкретные) [Курилович (1949) 1962]: первые маркируют синтаксическую функцию и позицию, вторые выражают семантико-синтаксические категории и предполагают тесное взаимодействие с категориальной семантикой субстантивной лексики (*в доме, в мае, в страхе; дорогой, зимой, пилот* — семантика падежной или предложно-падежной формы обусловлена семантикой субстантивной лексики, а не синтаксической позицией).

Деление на синтаксические и семантические падежи применяет Р. Мразек в своей монографии, посвященной русскому творительному падежу [Мразек 1964]. Тот же принцип деления падежных форм использует А. П. Печеный [Печеный А. П. 2012 (<http://rusgram.ru/>)], которому принадлежит статья о творительном падеже в «Русской корпусной грамматике»; при этом речь идет не о падеже целиком, а об употреблении падежных форм в составе определенных синтаксических конструкций. К синтаксическим падежным формам А. П. Печеный относит Творительный Агенса, Пациенса и Творительный предикативный. Принцип противопоставления синтаксиса и семантики переносится и на решение вопроса о роли предлога в выражении падежного значения: предлог признается «вершиной» именной группы и тем самым приравнивается к самостоятельной части речи (что не соответствует взглядам Е. Куриловича); описание семантики падежа производится без учета предлогов. Более эффективным для синтаксиса русской падежной системы представляется иное решение вопроса о предлогах: считать предлог частью единой предложно-падежной формы, и тем самым не противопоставлять лексическую семантику, морфологическую форму и синтаксическую функцию (см. [Золотова 1988]).

Некоторые классификации русских падежных форм, предложенные в конце XX — начале XXI вв., используют терминологию В. В. Виноградова, т. е. различают свободные, конструктивно-обусловленные и связанные (управляемые) падежные формы. Сопоставляя эти классификации с идеями Е. Куриловича, можно увидеть определенную симметрию: наречные (семантические) падежи квалифицируются как свободные, независимые, а синтаксические, по Куриловичу, падежные формы — как конструктивно-обусловленные. При этом термин «конструктивно-обусловленные» используется в усеченном виде и по-разному: Г. А. Золотова пишет об *обусловленных* именных синтаксемах [Золотова, 1988], а Г. И. Кустова — о *конструктивных* падежных формах.

Несмотря на определенную близость в терминологии, эти два подхода различаются. Подход Г. И. Кустовой учитывает принадлежность падежной формы уровню словосочетания или уровню конструкции, поэтому Вин. прямого объекта в словосочетании квалифицируется как управляемый, а тот же Вин. объектный в действительной конструкции как «конструктивный» (<http://rusgram.ru/>). Кроме того,

предлог рассматривается как составная часть конструкции, в результате и *в денциках/ в денцики* — конструкция, и *служить в денциках/ пойти в денцики* — конструкция.

Подход Г. А. Золотовой соотносит конструктивную обусловленность не с падежной формой в составе определенной синтаксической структуры, которая квалифицируется как конструкция, а с семантикой падежных форм и их предназначенностью к функционированию в качестве главных компонентов модели предложения. Обусловленными, по Г. А. Золотовой, являются субъектные (как именительного, так и косвенного падежей) и предикатные (признаковые) синтаксемы, которые образуются от глаголов, прилагательных, существительных и наречий и употребляются как предикаты (сказуемые). И здесь мы видим расхождение с теми теориями, в которых именительному падежу отказано в семантическом наполнении (Е. Курилович, Ч. Филмор). Синтаксемы именительного падежа (так же как и синтаксемы косвенных падежей) в концепции Г. А. Золотовой не свободны от семантики, их семантика является частью семантики синтаксической конструкции, в которую они входят. Принципиально важно, что семантика обусловленных синтаксем соединяет лексическую семантику существительных с семантикой синтаксической конструкции.

В отличие от предложений с номинативным подлежащим и спрягаемо-глагольным сказуемым, предложения с косвенными падежами субъекта («неканоническими подлежащими») и субстантивными некоординируемыми сказуемыми относят к фразеологизированным структурным схемам [Русская грамматика 1980, II], что означает сужение семантических вариантов и ограничение парадигматических возможностей. Трудность описания таких предложений состоит в том, что теоретический инструментарий, используемый в современном синтаксисе, разработан для глагольных предложений. Безглагольные предложения квалифицируются либо как неполные, либо как фразеологизированные, т. е. неподлежащно-сказуемые, чаще нечленимые. Но так ли это?

Попробуем ответить на этот вопрос применительно к предложениям с формой «до + Род. п.», которые Русская грамматика-80 относит к фразеологизированным структурным схемам. Таких схем в Грамматике три: *Не до сна; До шуток ли ему? Какое (ему) дело до этого?* Для третьей схемы допускаются варианты: *Что ей за дело до нас? Что мне до них?* [Русская грамматика, II 1980: 384, 392–393].

Очевидно, что исходной в этом ряду является невопросительная конструкция без слова *дело* (*Не до сна*) и что в этот ряд нужно добавить «нефразеологизированное» (по АГ-80) предложение *Мне нет дела до тебя*. Очевидно и то, что вопросительные конструкции являются вторичными, так как не являются собственно вопросительными и выражают то же модально-отрицательное значение. Задача — показать, что конструктивно-обусловленные синтаксемы «до + Род.п.» не зависят ни от какого другого члена предложения и являются предикатами неизосемических моделей с добавочным модальным значением. Интерпретация таких предложений должна соединять семантическую характеристику существительных, структурную и грамматическую характеристику синтаксической конструкции и особенности употребления этих предложений в тексте.

Первой особенностью предложений с синтаксемами «до + Род.п.» в предикате является неполнота их грамматической парадигмы.

Ср.: (1) *Он (не) интересовался / поинтересовался экспедицией => (2) Ему (не) интересна экспедиция => (3) Его (не) интересуется экспедиция => (4) Ему нет дела до экспедиции/ Какое ему дело до экспедиции?/ Что ему за дело до экспедиции? => (5) Ему сейчас не до экспедиции / До экспедиции ли ему?*

В предложении (1) речь идет о контролируемых действиях, каузированных наличием интереса (либо об отсутствии этих действий) личного субъекта. Эта структурная схема не имеет парадигматических ограничений (ни предикативно-грамматических — по категориям времени, модальности и лица; ни структурно-семантических — модальность, фазисность). См, например: *Поинтересуйся экспедицией; Лучшие интересуйся экспедицией / Пусть он поинтересуется экспедицией*. Подобные модально-волеитивные преобразования невозможны для предложений (2) — (5). В предложениях (2) и (3) есть именительный падеж, с которым согласуется сказуемое, но не субъектный, а объектный. Для предложений (2) и (3), в которых именит. падеж выражает объект интеллектуального отношения, возможны, кроме временных форм, сослагательная и желательная модальности (два синтаксических наклонения). Для предложения (5) авторы Русской грамматики-80 указывают пятичленную парадигму (§ 2587) или четырехчленную (§ 2618), а для вопросительно-отрицательных вариантов предложения типа (4) парадигму ограничивают настоящим временем (§ 2616) [Русская грамматика, II 1980: 384, 392–393].

Вторая особенность рассматриваемых конструкций связана с субъектным компонентом — его семантикой и формой, его обязательным или необязательным наличием. В Грамматике все три структурных схемы признаются полными предложениями, но обращает на себя внимание то, что в первой схеме (*Не до сна*) отсутствует Дат. пад. субъекта, хотя авторы указывают на «нормальность и высокочастотность субъектной детерминации» [Там же: 384]. Материалы НКРЯ за период с 1980 по 2018 г. свидетельствуют о том, что предложений этой структуры без субъектной синтаксемы в Дат. п. много, но они оказываются либо контекстуально-зависимыми (1), либо обобщенно-личными контекстуально-независимыми (2); см. примеры:

(1) *Он думал о том, что сделал это, и даже искал повода для гордости. И скорее всего, вся эта история и была поводом, но как-то было не до гордости. Здорово устал, да и не перед кем было, а с самим собой какой смысл (В. Ремизов. Воля вольная); Но только тут не в меру серьезно все выходило, не до фанаберии. Пришлось-таки кузнечиху позвать. (А. Крамер. О скитальцах и странниках); Карбакается из ямы вверх и тянет за собой внучку. Тут уж не до полтеса. У таких людей, которые карбакаются из ямы вверх, не бывает ни совести, ни чести. (В. Токарева. Своя правда); Большинство правительств работают в аварийном режиме. Не до стратегий. Если им и не приходится самим постоянно тушить «пожары» разного рода, то необходимо все время быть начеку — вдруг что рванет. (Ф. Лукьянов. Стабильность ради выживания // «Огонек», 2015).*

(2) С таким кодексом не до калачей. На корочку хлеба бы хватило — и то ладно. (коллективный. Форум: 12 часов в день? Не могу согласиться с М. Прохоровым; 2010–2011); На пустой желудок не до развлечений. (А. Коткин. Самый хищный попугай // «Новгородские ведомости», 2013.04.27). См. также пословицу *Не до жиру, быть бы живу*. По запросу «на пустой желудок» в Яндексе было получено значительное количество примеров; см. некоторые из них: *На пустой желудок — не до веселья и шуток / не до философий/ не до любви/ не до культур-мультипур/ не до разговоров / не до русалок*.

Примеры под цифрой (1) оказываются понятными только с учетом контекста. Так, в предложении *Не до фанаберии* говорится о том, что кузнецам-мужчинам пришлось умерить свое высокомерие по отношению к кузнецу-женщине, жизнь заставила их пойти на уступку. Но это понятно не из самого предложения, а из всего текстового фрагмента.

Контекстуальная зависимость предложений типа *Ему не до сна* маркируется не только отсутствием субъектной синтаксемы (*кому*), но и наличием местоименных наречий *здесь* и *тут* в анафорической функции: *В Америке меня знают пять тысяч читателей, критиков и журналистов. Книги некоммерческие, “серьёзные”, расходятся микроскопическими тиражами. Переводные — тем более. Тут уж не до славы. Спасибо, что вообще печатают.* (С. Довлатов. Переводные картинки). Субъект из определено-личного становится обобщенно-личным, но предложение от контекста не отрывается, на обязательный контекст указывает анафорическое местоименное наречие *тут*. Для превращения этого предложения в контекстуально-независимое необходим такой распространитель, который бы обозначал причину или условие ненужности, невозможности, необязательности, незначимости чего-л. для обобщенно-личного субъекта; см., например: *В бою не до славы; На пустой желудок не до подвигов и битв*.

Таким образом, следует признать, что предложения типа *Не до сна* не являются полными, что структурная схема этих предложений должна включать в свой состав обязательный Дат. падеж субъекта: *Матери не до сна*. А значит, предложение с предикатом *не до сна* нужно квалифицировать как двухкомпонентное, членимое (иную точку зрения см. в [Русская грамматика 1980, II: 384]).

Сравнивая эти конструкции (*Ему не до сна; До шуток ли ему? Какое (ему) дело до этого? Что ей за дело до нас? Что мне до них? Мне нет дела до них*), необходимо отметить их формальную общность, которая состоит в наличии двух обязательных компонентов: субъекта, выраженного Дат. п., и предиката, представленного синтаксемой «до + Род п.». Сменяемая часть включает разные средства выражения отрицания (*не, нет*), местоименные слова (*какой, что*) и делексикализованное существительное *дело*. Материал НКРЯ показывает, что предложения со словом *дело* могут передавать и неотрицательные значения:

У меня дело до них, за мной присылали. (А. Островский, П. Невежин. Блажь); — *Из Хорошилова, сударыня... У меня дело до вашей милости.* — *Что такое?* (Д. Благово. Рассказы бабушки из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово); *Заявив лакею, что у него есть дело до господина Зубова,*

о котором ему уже говорено было, он велел доложить о себе. (Е. Салиас. Ширь и мах); ... и **каждому** есть дело до всего мира, как **миру** есть дело до каждого. (Ю. Айхенвальд. Достоевский); ... **каждому** есть дело до своей «славишки», до своего «хлебца», до своей «канфетки», и никому нет дела до заверченной в чаду угара больной и старой Родины. (В. Розанов. Из припоминаний и мыслей об А. С. Суворине).

В этих предложениях субъект выражается формой «у+Род.п.» и Дат.пад. без предлога. В первом случае образуется стандартная посессивная конструкция и синтаксема «до+Род.п.» обозначает адресата, что подтверждается синонимической заменой на «к+Дат.п.»: *Однако у меня дело есть к вам.* (Л. Толстой. Смерть Ивана Ильича); *Никакого дела у меня к нему не было.* (Ф. Шаляпин. Моим детям).

Во втором случае (в предложениях с Дат. п. субъекта) синтаксемы «до+Род.п.» выражают не адресата, а предмет мысли, объект внимания, т. е. синонимичны делиберативной синтаксеме «о+Предл.п.»: *каждому* есть дело до своей «славишки», до своего «хлебца» = 'каждый думает о своей славе, о своем хлебце'. Это значат, что делиберативное «до+Род.п.» является не присловной (управляемой), не наречной (примыкающей), а конструктивно-обусловленной синтаксемой: эта синтаксема входит в состав предиката в моделях с субъектно-модусной синтаксемой Дат. п.

Третья особенность конструкций с предикатными синтаксемами «до+Род.п.» состоит в том, что предложение выражает, помимо основного типового значения, добавочное модально-отрицательное.

Г. А. Золотова в «Синтаксическом словаре» выделяет две обусловленные синтаксемы с модально-предикативным значением: одна — в составе модели с Именит. п. субъекта и модальными словами *охотник, охоч, жаден*, вторая — в предложениях с Дат. п. [Золотова 1988: 51]. Предложения с Дат. п. квалифицируются в словаре как модальные модификации моделей с типовым значением «Субъект личный и его состояние». Дат. п. обозначает субъекта состояния, для которого какое-либо действие оказывается невозможным (*Ему не до сна, не до шуток, не до смеха, не до еды/ До сна ли ему/ До шуток ли?..*), не самым важным (*Ему не до любезностей, не до вежливости, не до приличий/ Сейчас не до речей*), неинтересным (*Великим людям не до кошек/ не до мусора* — примеры из Интернет-ресурса).

Причины такого отношения могут быть в самом субъекте (*великие люди, гении, власть/власти*) или в сложившихся обстоятельствах, в ситуации, поэтому в составе подобных предложений мы видим местоименные слова (*здесь, тут, теперь, сейчас*), которые синонимичны словосочетаниям *в такой ситуации, в таком положении, в такую минуту*; см. пример: *Назо, Рима не тревожь./Уж не помнишь сам / тех, кому ты письма шлешь. /Может, мертвецам. / По привычке. Уточни / (здесь не до обид)/ адрес. Рим ты зачеркни / и поставь: Ауд.* (И. Бродский). Анализ материала показывает, что типовое значение должно быть уточнено: содержанием предложения является не само состояние, а состояние как причина отношения (чаще отрицательного) к чему-л, т. е. невозможность чего-л. оказывается свидетельством определенного состояния субъекта, того положения дел, в котором субъект оказался.

В зависимости от семантики существительных различаются модально-событийные синтаксемы (*до шуток / не до шуток; до разговоров / не до разговоров: не до сна*), модально-делиберативные (*не до людей, не до книг, не до искусства*), модально-оценочные (*не до вежливости, не до гордости, не до справедливости*). Интерес представляют те тематические сферы, к которым относятся существительные, образующие синтаксемы «до + Род.п.» с модально-оценочным значением. Семантику этих существительных можно интерпретировать с помощью слов «излишество», «несущественное», «неосновное» — то, от чего можно отказаться. Материал показывает, что мы отказываемся (1) от деталей (*не до тонкостей, подробностей, нюансов, мелочей, изысков, пустяков*); (2) от этикета (*не до вежливости, любезности, деликатности, дипломатии, приличий, манер, политеса, благородства, скромности, галантности, церемоний, цирлихов-манирлихов*); (3) от проявлений превосходства (*не до фанаберии, не до брезгливости, престижа, утонченности, щепетильности, самолюбия, гонора, чистоплюйства, позерства*); (4) от проявлений тонких и нежных чувств между мужчиной и женщиной (*не до любви, романтики, поэзии, лирики, поцелуев, нежностей, ухаживаний*).

Предложения с делексикализированным словом *дело* добавляют сему контроля. Семантическая разница между предложениями *Ему не до приличий* и *Ему нет дела до приличий* не в основном типовом значении, а в субъектной перспективе этих конструкций. Конструкции типа *Ему не до тебя / сна / еды / не до приличий* характеризуются **инволюнтностью** субъекта и, следовательно, отсутствием его контроля над ситуацией. Предложения типа *Ему нет дела до тебя / до твоих проблем / до приличий* выражают осознанный выбор, осознанное исключения кого-л. или чего-л. из сферы своих личных интересов. Если в первой конструкции Дат. п. обозначает субъекта состояния, то во второй — Дат. субъекта соединяет диктальную и модусную семантику. *Ему не до тебя* = он занят и не может, не умеет возможности уделить тебе внимание. *Ему нет дела до тебя* = ты и твои проблемы ему не интересны. Предложения второго типа более категоричны.

Кроме того, предложения *Ему не до сна, не до развлечения* характеризуются односубъектностью: и состояние, и невыполнимое действие относятся к одному и тому же субъекту (Он так волнуется, что не может заснуть; У него столько дел, что он не может развлекаться). *Ему не до сплетен* означает, что он занят делом и не сплетничает; *Ему нет дела до сплетен, разговоров* — он не интересуется тем, что говорят другие.

Четвертая особенность относится, в первую очередь, к предложениям типа *Мне не до сна*, которые требуют контекстуальной поддержки, т. е. оказываются контекстуально зависимыми; например: — *Пусти, хозяин, веселых людей — скomorохов!* — *Скоморохи, здесь не до веселья!* *У нас сын потерялся!* (Б. Шергин. Дивный гудочек). Тезис *Не до веселья* предполагает наличие обоснования. См. еще примеры: *Тут уже было не до разговоров* — *мерный несмолкаемый гул плотно закупоривал уши.* (Д. Емец. Таня Гроттер и магический контрабас); *Большинству страховщиков сейчас не до привлечения новых клиентов* — *первоочередной задачей стало сокращение издержек.* (Е. Обухова. Год сжатия // «Эксперт»,

2015). В сложном предложении первая часть требует обоснования, которым оказывается вторая часть бессоюзного сложного предложения. Такое сложное предложение соответствует структуре и семантике пословицы *Не до журу, быть бы живу*. В обосновании появляется тот фактор, который оказывается более важным в данный момент, который вынуждает субъекта отказаться об более выгодного и привлекательного с общепринятой точки зрения: ...*двугривенный!* — *Иона дергает возжсами и чмокает. Двугривенный цена не сходная, но ему не до цены...* *Что рубль, что пятак — для него теперь всё равно, были бы только седоки...* (А. Чехов. Госка).

Невозможность естественного состояния также требует обоснования: *Ночь грозила ненастьем. Константину Ионычу было не до сна и не до покоя. Где теперь его мальчик? Где будет крыться бедное дитя, если к полуночи хлынет студёный ливень, разразится гроза и заблещут змеями трескучие молоньи?* (Н. Лесков. Чающие движения воды) — обоснованием становится несобственно-прямая речь.

Таким образом, синтаксемы «до+Род.», образованные как от абстрактных (событийных, признаковых, пропозитивных), так и от конкретных существительных, реализуют свою модально-отрицательную семантику в составе конструкций с модально-отрицательным значением. Форма косвенного падежа является не маркером зависимости, но средством организации обязательного компонента предикативной синтаксической конструкции. Сравнительный анализ близких по структуре и семантике предложений позволяет выявить семантические признаки, указывающие на связь семантики синтаксемы с уровнем предложения: модальность, наличие/отсутствие контроля, моно-/полисубъектность, степень категоричности высказывания.

Литература

Вежбицкая А. Дело о поверхностном падеже. Пер. с англ. // Новое в зарубежной лингвистике. XV, М. : Прогресс, 1985. С. 303–341.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. Пер. с англ., отв. ред. М. А. Кронгауз, вступ. ст. Е. В. Падучевой. М. : Русские словари, 1996. 416 с.

Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова // В. В. Виноградов. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М. : Наука, 1977. С. 162–189.

Золотова Г. А. Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М. : Наука, 1988. 440 с.

Золотова Г. А., Ониненко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М. : ИРЯ РАН, 2004. 541 с.

Курилович Е. Проблема классификации падежей // Курилович Е. Очерки по лингвистике. М.: Изд. иностр. лит. , 1962. С. 175–203.

Кустова Г. И. Падеж (<http://rusgram.ru/>). М., 2011.

Лингвистика конструкций (под. ред. Е. В. Рахилиной). М. : Азбуковник, 2010. 583 с.

Мразек Р. Синтаксис русского творительного (Структурно-семантическое исследование). Praha : Academia, 1964. 285 с.

Печеньй А. П. Творительный падеж (<http://rusgram.ru/>). М., 2012.

Русская грамматика. Т. II. М.: Наука, 1980. 710 с.

Филлмор Ч. Дело о падеже. Пер. с англ. // Новое в зарубежной лингвистике. X. М. : Прогресс, 1981. С. 369–495.

Чудаков А. П. Семь свойств научного метода Виноградова // Филологический сборник. (К 100-летию со дня рождения академика В. В. Виноградова). М. : ИРЯ РАН, 1995. С. 9–15.

Шмелев Д. Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М. : Наука, 1976. 152 с.

Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. Изд. 3-е. М. : Изд-во ЛКИ. 2008. 280 с.

N. K. Onipenko

V. V. Vinogradov Russian Language Institute (Russian Academy of Sciences)

(Russia, Moscow)

onipenko_n@mail.ru

ABOUT THE GROUNDS FOR THE CLASSIFICATION OF SYNTACTIC UNITS

The article deals with the types of constructive conditionality of syntactic units, compares different approaches to the problem of the relation between the linguistic unit and the context. Constructive conditionality is understood as the result of interaction of form (structure), semantics and syntactic function. Conditional syntaxes are those whose semantics depends on their syntactic function. Unlike syntactic case marking of syntactic functions independently of the semantics of the noun and the semantics of the sentences, due to syntaxeme implement its semantics in the composition of models with a certain standard value. The form of the indirect case is interpreted not as a dependency marker, but as a means of organizing the obligatory component of the predicative syntactic construction. The article discusses the substantive syntaxeme “do+Genus. p.” modal-event (*do shutok / ne do shutok; do razgovorov / ne do razgovorov: ne do sna*), modal-deliberative (*ne do lyudej, ne do knig, ne do iskusstva*), modal-evaluative (*ne do vezhливosti, ne do gordosti, ne do spravedливosti*) values and syntactic constructions, the components of which are syntaxes “do+Genus.p.” Offers a comparative analysis of similar structure and semantics of the sentences, identifies the semantic features indicate the relationship of the semantics of syntaxeme with the level of the sentence: modality, negation, presence/absence of the control, mono/polysubject, the degree of categorical statements.

Keywords: Russian language, functional syntax, communicative grammar, function, syntactic position, classification of syntactic units.

References

Wierzbicka Anna. [The case of the surface case. Transl. from English] // *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New in foreign linguistics]. XV, Moscow: Progress Publ., 1985. Pp. 303–341. (In Russ.)

Wierzbicka Anna. *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Knowledge. Transl. from English]. Moscow. Russkie slovari Publ., 1996. 416 p.

Vinogradov V. V. *Osnovnye tipy leksicheskikh znachenii slova* [Main types of the word's meanings] // V. V. Vinogradov. *Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya*. [Selected works on lexicography and lexicology] Moscow. Nauka Publ., 1977. Pp. 162–189.

Zolotova G. A. *Sintaksicheskii slovar': repertuar elementarnykh edinits russkogo sintaksisa* [Syntactic dictionary: repertoire of elementary units of Russian syntax]. Moscow. Nauka Publ., 1988. 440 p.

Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Yu. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative grammar of the Russian language]. Moscow. RLI RAS, 2004. 541 p.

Kurilovich E. [The problem of classification of cases] // Kurilovich E. *Ocherki po lingvistike* [Essays on linguistics]. Moscow. Inostrannaya literatura Publ., 1962. P. 175–203. (In Russ.)

Kustova G. I. *Padezh* [Case] (<http://rusgram.ru/>). Moscow, 2011.

Lingvistika konstruksii, pod. red. E. V. Rakhilinoi [Linguistics of constructions, E. V. Rakhilina ed.]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2010. 583 p.

Mrazek R. [Russian syntax of ablative (Structural and semantic research)] *Sintaksis russkogo tvoritel'nogo (Strukturno-semanticheskoe issledovanie)*. Praha: Academia Publ., 1964. 285 p.

Pechenyi A. P. *Ablativ* [Ablative] (<http://rusgram.ru/>). Moscow, 2012.

Russkaya grammatika [Russian grammar]. Vol. II, Moscow. Nauka Publ, 1980. 710 p.

Fillmore C. [Case of the case. Transl. from English] // *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New in foreign linguistics]. X, M.: Progress, 1981. P. 369–495.

Chudakov A. P. [Seven properties of the scientific method of Vinogradov] // *Filologicheskij sbornik (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya akademika V. V. Vinogradova)*. [Philological collection (to the 100th anniversary of the academician V. V. Vinogradov)]. Moscow, IRYA RAN, 1995. S. 9–15. (In Russ.)

Shmelev D. N. *Sintaksicheskaya chlenimost' vyskazyvaniya v sovremennom russkom yazyke* [Syntactic articulability of a statement in the modern Russian language]. Moscow. Nauka Publ., 1976. 152 p.

Shmelev D. N. *Problemy semanticheskogo analiza leksiki* [Problems of semantic analysis of vocabulary]. Ed. 3. Moscow, LKI Publ. 2008, 280 p.

Е. В. Падучева

Федеральный исследовательский центр Информатика и управление /
ГИРЯ им. А. С. Пушкина
(Россия, Москва)
elena.paducheva@yandex.ru

СКОЛЬКО ЗНАЧЕНИЙ У СЛОВА *ВСЁ-ТАКИ*?*

Статья посвящена анализу различных значений слова *всё-таки*. Для *всё-таки* в Активном словаре русского языка и в книге В. Ю. Апресян (“Уступительность: механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке”, М., 2015) предлагается три значения: уступительное, аргументативное и тривиальное. Наш анализ свидетельствует о наличии у *всё-таки* и других значений. Уступительное значение возникает только в контексте *но, а, и, хотя*. Вне этого контекста значение *всё-таки* — это сценарий, который проходит через три этапа: сначала имелось исходное положительное мнение о положении вещей; потом возникло противоположное мнение; а в конце концов («*всё-таки*») возоблагодало исходное положительное мнение. Это *всё-таки* в значении ‘в конечном счете’. Различается также возмездительное *всё-таки* — когда уступительность касается малого количества. Тривиальное *всё-таки* сближается со значением ‘в конечном счете’.

Ключевые слова: уступительное, аргументативное, тривиальное значение; положение вещей, возмездительное значение, сценарий.

Я исхожу из описания значений слова *всё-таки* в Активном словаре русского языка (АС), где у *всё-таки* различается три значения (см. также [Апресян 2015: 258–259]). Используется также опыт семантической экспликации слова, отраженный в Wierzbicka 1987, Levin, Rapoport 1998.

1. Толкование *всё-таки*-1

Имеет место ситуация А1, имеет место ситуация А2. Говорящий считает, что если имеет место ситуация А1, то естественно, чтобы не имела места ситуация А2. Т. е. *всё-таки* выражает противоречие ожиданиям. Это **уступительное** *всё-таки*.

* Работа написана при поддержке проекта РНФ 18–18–00462, «Коммуникативно-синтаксический интерфейс: типология и грамматика», реализуемого в ГИРЯ им. А. С. Пушкина.

Это толкование можно перефразировать следующим образом: Ситуация А2 имеет место несмотря на то, что имеет место ситуация А1. Оборот *несмотря на* не является элементарным смыслом, но он более эксплицитно выражает семантику уступительности.

Толкования примеров из АС.

(1) Его не звали, но он *всё-таки* пришел = Несмотря на то, что его не звали (А1), он пришел (А2).

(2) Шел дождь, но мы *всё-таки* пошли гулять = Несмотря на то, что шел дождь, мы пошли гулять.

(3) Детский центр *всё-таки* закрыли, несмотря на многочисленные протесты = Несмотря на многочисленные протесты, детский центр закрыли.

Здесь *всё-таки* кажется избыточным, излишним.

(4) Фердинанд и его приятель, неуязвимые пройдохи, саламандры судьбы, василиски счастья, отделались местным и временным повреждением чешуи, тогда как Нина, несмотря на свое давнее, преданное подражание им, оказалась *всё-таки* смертной. (В. Набоков. Весна в Фиальте) Здесь в плеонастичности *всё-таки* можно усомниться. Мы вернемся к этому примеру ниже.

Ситуация А1 может быть не выражена:

(5) Мне *всё-таки* удалось успеть до перерыва = Несмотря на что-то (не указанное или ясное из контекста), мне удалось успеть до перерыва. Или *несмотря ни на что*.

Толкования примеров из Корпуса.

(6) Сердце билось так, что мешало вслушиваться, и *всё-таки* я расслышал: дверь подъезда внизу медленно приотворилась и не затворялась мгновений пять... (В. Ерофеев. Москва-Петушки) = Несмотря на то, что сердце мешало вслушиваться, я расслышал.

(7) — Там тоже есть телевизор. — Там маленький... — заупрямилась Аля. Но *всё-таки* встала и ушла. (В. Токарева Своя правда) = Несмотря на то, что заупрямилась, встала и ушла.

(8) Она говорит — надо *всё-таки* похлопотать, чтобы его определили в спецшколу. (А. Геласимов. Жанна) = Надо, несмотря на что-то (не указанное), похлопотать, чтобы его определили в спецшколу.

(9) Его, наверняка, снимали в эпоху немого кино. *Всё-таки* придётся смотреть. Жалко её обманывать. (А. Геласимов. Нежный возраст) = Несмотря на то, что фильм снимали еще в эпоху немого кино <т. е. давно>, придётся его смотреть.

(10) Пропал? Невелика потеря, но *всё-таки* неприятно. Поискав кругом, я обнаружила чемодан под столиком. (И. Грекова. В вагоне) = Невелика потеря, но, несмотря на это, неприятно.

(11) Не то чтобы мой личный авторитет был особенно велик, но *всё-таки* могли бы учесть... (И. Грекова. В вагоне) = Мой личный авторитет невелик, но, несмотря на это, могли бы учесть...

Можно думать, толкование с *несмотря на* годится только для контекста А1, но (а, и, хотя) *всё-таки* А2. А в контексте, где А1 отсутствует, *всё-таки* неоднозначно. Так, предложение (12)

(12) Он *всё-таки* поехал в Италию

может означать:

а) Он поехал в Италию, несмотря на какие-то препятствия (которые были потом преодолены);

б) Он поехал в Италию; было мнение, что он не поедет в Италию (или: говорящий считал, что он не поедет в Италию).

Опровергаться может не прежнее мнение говорящего, а мнение какого-то другого лица, ср. пример:

(13) А *всё-таки* она вертится.

Пример (13) показывает, что уступительность — это неточное описание семантики *всё-таки*, которое годится только для определенного контекста. Значение *всё-таки* вне этого контекста — это сценарий, который включает три этапа. Сначала имелось исходное положительное мнение о положении вещей (*Она вертится*); потом возникло противоположное мнение; а в конце концов («всё-таки») возобладало исходное положительное мнение¹. Исходное мнение — ‘она вертится’; далее идут возражения, а в конце утверждается, что исходное мнение оказалось верным.

Обратимся к примеру (4). Исходное мнение — все люди смертны, и Нина в том числе; промежуточное мнение — что Нина исключение; а в итоге оказывается, что исходное мнение было верно.

2. Толкование *всё-таки-2*

Имеет место ситуация А1; имеет место ситуация А2; говорящий считает, что если имеет место ситуация А1, то естественно, чтобы не имела места ситуация А2; говорящий считает, что в данном случае имеет место ситуация А2, потому что имеет место благоприятствующая этому ситуация А3.

Это **аргументативное** *всё-таки*. См. об этом значении *всё-таки* в [Падучева 2001]. В Синонимическом словаре [НОССРЯ] *всё-таки-2* входит в синонимический ряд лексемы *как-никак*: <Вино покупаю, хотя мне вредно.> *Серебряная свадьба, как-никак*.

Например.

Тогда уже было видно, что это конченный человек, но я сдержался тогда. *Всё-таки* гость... (Ф. Искандер. Чик читит обычаи) = Сдержался, хотя естественно было не сдержаться; сдержался, потому что гость.

Примеры из Корпуса.

Я чуть не крикнул Фреду: “Так совершали бы подвиги!”. Но сдержался. *Все-таки* я пил за его счёт. (С. Довлатов. Чемодан) = Сдержался, хотя естественно было не сдержаться; сдержался потому, что пил за его счёт.

Ещё немного ураганных усилий, и Эле-Фантик вылетел бы из тоннеля, как пушечное ядро. Но *всё-таки* его подпирал сзади капитан-шеф-повар. (А. Дорофеев.

¹ Эта идея принадлежит Анне Зализняк.

Эле-Фантик) — Не вылетел (ситуация А2 имеет место) потому, что его подпирал сзади капитан-шеф-повар (ситуация А3).

Надо иметь сознательность, товарищи, вы же *всё-таки* рабочий класс. (О. Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней) = Вы не имеете сознательности, а надо иметь, потому что вы рабочий класс.

3. Толкование *всё-таки*-3

Говорящий сообщает, что имеет место ситуация А2, как бы возвращаясь к разговору об А2 или возражая кому-то, кто утверждал, что не А2. Это **тривиальное** *всё-таки*.

И *всё-таки* неожиданно кончилась война! Раз — и кончилась. (И. Грекова. Перелом)

— Нет, ты *всё-таки* дура. (А. Геласимов. Жанна)

— *Всё-таки* все они сволочи, — разрешала себе Ирина. (В. Токарева. Своя правда)

Всё-таки герцогини глупее герцогов, — думала Софья Яковлевна (М. Алданов. Истоки).

Можно думать, тривиальное *всё-таки* — это вариант *всё-таки*-1. Исходное мнение — ‘ты дура’. Далее следуют возражения, но в итоге говорящий возвращается к своему исходному мнению.

4. Прочие значения *всё-таки*

Как явствует из примера (13), уступительность не является полным описанием значения *всё-таки*-1. Перефразировкой с заменой *несмотря на* на *всё-таки* можно пользоваться как необходимым, но не достаточным описанием значения *всё-таки*-1.

Замена *всё-таки* на *несмотря на* невозможна в вопросительном предложении. Здесь обычно сферой действия *всё-таки* является не то слово, перед которым оно стоит, а оператор вопроса.

(14) — Ну когда же вы *всё-таки* приедете? Я очень хочу вас видеть! (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей) = всё-таки скажите, когда вы приедете; *всё-таки* относится к оператору вопроса.

(15) А почему вы *всё-таки* развелись? (Л. Улицкая. Пиковая дама) ≈ *почему всё-таки*; т. е. *всё-таки* относится к оператору вопроса.

(16) Скажите, а что же *всё-таки* явилось причиной гибели Геннадия? (О. Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней) = в конечном счете.

(17) Вы, наверное, *всё-таки* страдали, когда жена от вас ушла? (Ф. Искандер. Муки совести, или Байская кровать) = в какой-то мере, немного.

(18) — Мне не ясно, что же у больного *всё-таки* болело! (Г. Горин. Почему повязка на ноге?) ≈ всё-таки мне не ясно

(19) Два ученика и одна девочка. Как её *всё-таки* звали? Может, и не Марина. (А. Геласимов. Фокс Малдер похож на свинью) = возвращаясь к разговору.

(20) — А вот что ты *всё-таки* говорил про храм толпе на базаре? (М. Булгаков. Мастер и Маргарита) ≈ скажи всё-таки, что ты говорил.

Во всех этих примерах *всё-таки* не является просто уступительным: *всё-таки* не относится к тому слову, перед которым стоит. В (19) значение *всё-таки* можно считать тривиальным. Однако вопросительные предложения — это особый контекст.

Посмотрим на утвердительные предложения.

В примере (21) тоже не проходит толкование *всё-таки* как ‘несмотря на’:

(21) Досталось мне, я понимаю, куда меньше горя, чем другим детям <...>, но *всё-таки* досталось. (И. Грекова. Перелом) = немного, но досталось.

Такое *всё-таки* можно назвать **возместительным**.

В примере (22) тоже неуместно толкование *всё-таки* как уступительного:

(22) Кямал помогал собрать вещи, принёс пустые коробки из-под марокканских апельсинов и моток бельевой верёвки. *Всё-таки* какая-то польза от него была. (В. Токарева. Своя правда)

Предложение *Всё-таки* какая-то польза от него была — это следствие из предыдущего предложения, а не противоречие ему. Фраза **Несмотря на то, что Кямал помогал собрать вещи, какая-то польза от него была*, — это прямой абсурд. Так что это не уступительное *всё-таки*: можно было бы сказать **Так что** какая-то польза от него была. Уступительность относится только к малой степени: небольшая была польза, но была — *Так что польза от него была, но малая*; возместительное *всё-таки*.²

Другие примеры.

(23) Он очень не скоро пришел, но *всё-таки* пришел — возместительное *всё-таки*;

(24) Уговорить старика <на операцию> было нелегко, так как за свою слепоту он *всё-таки* получал какую-то небольшую пенсию. (Л. Петрушевская. Маленькая волшебница) = получал небольшую пенсию, но получал.

(25) Он очень медленно собирался с мыслями, но *всё-таки* собирался. (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей) — возместительное *всё-таки*

(26) Мог бы сварить себе кофе (*всё-таки* занятие), но кофе он уже выпил три чашки, пожалуй, на сегодня хватит. (В. Быков. Бедные люди) ‘Не ахти какое, но занятие’. Возместительное *всё-таки*.

(27) — Но поскольку это, *всё-таки*, войсковой отряд, я должен что-то придумать для нашего командира, Бруса Роновича. (А. Сапковский. Свет вечный)

Таким образом, есть употребления *всё-таки*, которые, не будучи аргументативными или тривиальными, не являются уступительными. Можно предложить

² На самом деле этот отрывок входит в более широкий контекст, из которого следует, что от Кямала нельзя было ожидать никакой пользы, поскольку он обманывал Ирину — скрывал, что женился. Я отвлекаюсь от этого контекста.

возмездительное *всё-таки* на роль четвертого значения этого слова. Создается представление о чем-то небольшом (небольшая, но польза; не ахти какое, но занятие).

Интересно посмотреть, как *всё-таки-1* переводится на другие языки (по параллельным корпусам).

На английский.

Самое частое соответствие — ноль.

Но уж если придется *всё-таки* съехать, гадюка, тогда молись. (А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Пикник на обочине)

“But if I am forced to move, you creep, you’d better say your prayers.” (A. Strugatsky, B. Strugatsky. Roadside Picnic, Antonina W. Bouis)

Второе по частоте соответствие — *after all* ‘в конечном счете’:

Но надо полагать, что *всё-таки* рассказывал профессор, иначе придется допустить, что то же самое приснилось и Берлиозу. (М. Булгаков. Мастер и Маргарита)

But it must be supposed that the professor did tell the story *after all*, otherwise it would have to be assumed that Berlioz had had the same dream. (M. Bulgakov. Master and Margarita (Richard Pevear, Larissa Volokhonsky))

Мне удалось себя убедить, что он *всё-таки* не просто сумасшедший. (В. Набоков. Ultima Thule)

I managed to convince myself that he was not simply a lunatic *after all*, (V. Nabokov. Ultima Thule (Dmitri Nabokov, Vladimir Nabokov))

Дальше идут *still* и *yet*, с чисто английским распределением:

“Интересно *всё-таки* знать, из чего они сделаны”, — перебил я его. (В. Набоков. Посещение музея)

“*Still*, I would be interested to know what they are made of,” I interrupted. (V. Nabokov. The visit to the museum (Dmitri Nabokov, Vladimir Nabokov))

слегка *всё-таки* сутулый — *yet* a little stooped]

Соответствие *nevertheless* ‘тем не менее’ возникает только в контексте ‘но’, ‘и’, ‘а’, ‘хотя’:

Вследствие этого что-то неясное томило душу председателя, и *всё-таки* он решил принять предложение. (М. Булгаков. Мастер и Маргарита)

As a result, something vague weighed on the chairman’s soul, but he *nevertheless* decided to accept the offer. (M. Bulgakov. Master and Margarita (Richard Pevear, Larissa Volokhonsky))

Возможно соответствие, которое прямо повторяет одно из предложенных толкований *всё-таки-1* — *in spite of everything* ‘несмотря ни на что’:

“А *всё-таки*, знаете, в этом человеке есть какая-то мощь!” (В. Набоков. Истребление тиранов)

“You know, though, *in spite of everything*, there is a certain strength about that man,” (V. Nabokov. Tyrants destroyed (Dmitri Nabokov, Vladimir Nabokov))

Особые соответствия для вопросительных контекстов — *anyway, in any case, anyhow*.

Спорадические соответствия: *even so* (в контексте *но*), *indeed, again* (тривиальное *всё-таки*), усилительная конструкция с *do*:

... какая-то грубая механика памяти в нем *всё-таки* работает. (В. Набоков. Истребление тиранов)

... a certain crude mechanism of memory *does* function in him. (V. Nabokov. Tyrants destroyed (Dmitri Nabokov, Vladimir Nabokov))

То есть имеется множество соответствий в английском языке русскому *всё-таки*. Но этот разброс не свидетельствует о неоднозначности *всё-таки-1*.

Соответствие *nevertheless* 'тем не менее' возникает в контексте, где есть или подразумевается ситуация А1. В контексте, где А1 не подразумевается, возникает соответствие *after all* 'в конечном счете'. Остальные соответствия несущественны.

Из параллельного русско-французского корпуса:

(28) На нашей семье *всё-таки* было это пятно, что папа сидел, мама боялась, что меня не примут в пионеры или не сразу примут. (С. Алексиевич. Время секонд-хэнд)

Mais il y avait *quand même* cette tache sur notre famille — mon père avait été condamné. Et ma mère avait peur qu'on ne me prenne pas chez les pionniers, ou pas tout de suite. (S. Alexievitch. La fin de l'homme rouge ou le temps du désenchantement (Sophie Benech))

В (28) нет уступительности или противоречия ожиданию. Но французское *quand même* хорошо переводит русское *всё-таки*.

Так что, можно думать, *всё-таки-1* неоднозначно: на месте *всё-таки-1* различается уступительное *всё-таки* (в контексте *но, а, и, хотя*), *всё-таки* малого количества (возместительное) и остаточное *все-таки* — *after all* = в конечном счете.*

Литература

АС — Активный словарь русского языка, т. 2 / Отв.ред. Ю.Д. Апресян. М. : ЯСК, 2014.

НОССРЯ — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общим руководством Ю.Д. Апресяна. Языки славянской культуры — Wiener slawistischer Almanach, Москва-Вена 2004.

Апресян В.Ю. Уступительность: механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке. М. : ЯСК, 2015.

Падучева Е.В. Модальность сквозь призму дейксиса. // Традиционное и новое в русской грамматике. Сборник статей памяти В.А. Белошапковой. М. : Индрик, 2001, 184–197.

Levin B., Rappaport H. M. Building verb meaning. // M. Butt, W. Geuder (eds). The Projection of Arguments: Lexical and Compositional Factors. CSLI Publications, 1998. P. 97–134.

Wierzbicka A. English Speech Act Verbs: A Semantic Dictionary. Sydney etc.: Acad. Press, 1987.

* Автор благодарен Анне Андреевне Зализняк и Татьяне Евгеньевне Янко за помощь в работе над текстом статьи.

E. V. Paducheva

Federal research center Informatics and management/

Pushkin State Russian Language Institute

(Russia, Moscow)

elena.paducheva@yandex.ru

HOW MANY MEANINGS DOES THE RUSSIAN *VSE-TAKI* (‘STILL, NEVERTHELESS’) HAVE?

In the book of V. Yu. Apresyan (“Concession: mechanisms of formation and interaction of complex meanings in a language”, Moscow, 2015) and in Active dictionary of the Russian Language the word *всѣ-маку* (*vse-taki*) has three meanings: a concessive meaning, an argumentative meaning and a trivial meaning. Our analysis suggests that *всѣ-маку* (*vse-taki*) has other meanings as well. The concessive meaning of *всѣ-маку* (*vse-taki*) arises only in the context of the conjunctions *но, а, и, хотя*. Outside this context the meaning of *все-маку* (*vse-taki*) is a script that includes three stages: at the beginning there is an initial positive opinion about the state of affairs; then the opposite opinion arises; but in the end («все-таки») the initial meaning prevails. Here *все-маку* (*vse-taki*) means ‘eventually’. A compensatory *всѣ-маку* (*vse-taki*) can also be differentiated — when “concessive” means ‘in a small amount’. Trivial *всѣ-маку* (*vse-taki*) is cognate to the meaning ‘eventually’.

Keywords: concessive, argumentative trivial meaning; state of affairs, compensatory meaning, script

References

AC — *Aktivnyi slovar’ russkogo yazyka, t. 2, pod. red. Yu. D. Apresyana* [Active dictionary of the Russian Language v.2. Ed. Ju. D. Apresyan]. Moscow. YaSK Publ., 2014.

НОССРЯ — *Novyi objasnitel’nyi slovar’ sinonimov russkogo yazyka, pod. red. Yu. D. Apresyana*. [New Explanatory Dictionary of Russian Synonyms. Ed. Yu.D. Apresyan. YaSK Publ. — Wiener slawistischer Almanach, Moscow-Vienna 2004.

Apresyan V. Ju. *Ustupitel’nost’: mekhanizmy obrazovaniya i vzaimodejstviya slozhnykh znachenii v yazyke*. [Concession: mechanisms of formation and interaction of complex meanings in a language] Moscow: YaSK Publ., 2015.

Paducheva E. V. [Modality through the prism of deixis] // *Ttradicionnoe i novoe v russkoj grammatike. Sbornik statej pamjati V. A. Beloshapkovoj*. [Traditional and new in Russian grammar. Collection of articles in memory of V. A. Beloshapkova] Moscow, Indrik Publ.. 2001, 184–197.

Levin B., Rappaport H. M. Building verb meaning // M. Butt, W. Geuder (eds). *The Projection of Arguments: Lexical and Compositional Factors*. CSLI Publications, 1998. P. 97–134.

Wierzbicka A. *English Speech Act Verbs: A Semantic Dictionary*. Sydney etc.: Acad. Press, 1987.

А. Р. Пестова
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
pestova2012@gmail.com

ИМЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В СЛОВАРЕ

В статье рассматриваются особенности синтаксического управления у существительных в русской разговорной речи (РР) и отражение этих особенностей в толковом словаре. Анализ осуществляется с учетом моделей управления, характерных для кодифицированного литературного языка (КЛЯ). Описывается три варианта несовпадения моделей управления в РР и в КЛЯ: 1) в КЛЯ слово употребляется без зависимых, а в РР с зависимыми (на примере слов *паника* и *маразм*); 2) в КЛЯ существительное употребляется с зависимыми, а в РР их не имеет (на примере существительных *бутылка* и *вирус*) и 3) слово имеет разные модели управления в КЛЯ и в РР (на примере слов *мастер*, *проблема*, *бред* и *глаз*). Реже всего из перечисленных вариантов встречается второй: когда в КЛЯ слово употребляется с управлением, а в РР не имеет управляемых конструкций. Более типичным для РР является разнообразие вариантов управления. Отмечено, что это, как правило, обусловлено спецификой семантики слова в разговорной речи, а также ее общими характеристиками: спонтанностью, непринужденностью и эллиптичностью.

Ключевые слова: стратификация лексики, разговорная речь, лексикография, толковый словарь, синтаксис, именное управление.

Синтаксическое управление — важная лингвистическая информация о слове. Однако в традиционных словарях русского языка оно представлено непоследовательно и фрагментарно, главным образом в немногочисленных иллюстративных примерах, не отражающих вариативность (часто существующую в рамках нормы)¹. Трудность систематического описания управления обусловлена тем, что для

¹ Так, Ю. А. Бельчиков и Г. Я. Солганик, рассматривая лексикографические издания различной направленности, отмечают, что словари с информацией о синтаксических связях слов — это «наименее разработанный в русской лексикографии тип словарей» [Бельчиков, Солганик 1997: 41].

большого числа слов управление определяется индивидуально, в словарном порядке². На синтаксическую сочетаемость слова влияет целый ряд факторов, в том числе семантические. Объектом данного исследования являются существительные, значение и, соответственно, управление которых обусловлено той подсистемой языка, к которой они относятся: к кодифицированному литературному языку (далее — КЛЯ) или к разговорной речи (далее — РР).

Работа над «Толковым словарем русской разговорной речи» под руководством Л. П. Крысина (см. [ТСРР-1, ТСРР-2, ТСРР-3]), в частности над зоной SYNT словарной статьи, в которой помещаются сведения о синтаксических характеристиках слова, показывает, что использование слова в повседневном речевом общении может влиять на его синтаксическое поведение³.

Следует отметить, что существительные, используемые как в РР, так и в КЛЯ, могут иметь одинаковое управление. Так, слово *выжимки* имеет в КЛЯ значение «то, из чего выжат сок, остатки после выжимания сока, масла» [АТоС] и управляет беспредложным родительным падежом либо предложно-падежной конструкцией *из чего-л.*: *выжимки винограда, выжимки из льна*. В РР это слово используется еще и в значении «предельно краткое содержание чего-либо» [ТСРР-1] и имеет такую же модель управления: *выжимки монографии, выжимки из выступления*. Существительное *монополия* с семантикой «исключительное право государства, организации, фирмы и т. п. на производство, продажу чего-л. или на деятельность в какой-л. сфере общественной жизни» [БТС] управляет беспредложным родительным падежом и предложно-падежной конструкцией *на что-л.*: *монополия предприятия на производство стали*. В РР это слово с семантикой «об исключительном праве, преимуществе, первенстве кого-л. в какой-л. области» [БТС] имеет такую же сочетаемость: *В 1995-м закончилась столичная монополия на звание Чемпиона России. Имя первого немосковского чемпиона навеки осталось в истории российского футбола* (Блоги, 2016).

В данной статье рассматриваются случаи, когда синтаксическое поведение в КЛЯ и в РР у одного и того же существительного различается. Такое расхождение возможно и в случае семантического различия слова в КЛЯ и РР, и в случае тождества или сходства значений.

Возможны три варианта такого расхождения.

1. В КЛЯ слово употребляется без зависимых, а в РР имеет управляемые конструкции. Рассмотрим в качестве примеров существительные *паника* и *ма-разм*.

В КЛЯ слово *паника* в значении «внезапный непреодолимый страх, сильное смятение, охватившее кого-л. (обычно сразу многих людей)» [БТС] используется без зависимых:

² Хотя выделяются семантические разряды слов с однотипными синтаксическими свойствами [Апресян 1967: 118 и сл.]; [Ицкович 1968: 20]; [Апресян 1995: 545].

³ См. также [Щерба 1957: 116], [Золотова 1973: 115–117], [Земская 1996: 13], [Гловинская 1996], [Крысин 2018].

Если бы поднялась **паника** — все бы друг друга передавили (М. Шишкин. Венерин волос).

В РР **паника** используется в близком значении «массовое волнение по поводу чего-л.» и встречается с конструкцией *вокруг чего-л.*:

Кому выгодна паника вокруг свиного гриппа? (Блоги, 2009).

Народ, похоже, устал от паники вокруг курса рубля (Блоги, 2014).

Еще один пример такого несовпадения — существительное *маразм*. В КЛЯ оно употребляется в значениях «состояние полного упадка психической и физической деятельности человека вследствие старости или длительной хронической болезни» [БТС] и используется без управляемых конструкций:

К концу жизни Лида стала терять память, приговаривала, что склероз — самое удобное заболевание, с ним забываешь о других болячках и о маразме тоже (А. Иличевский. Медленный мальчик).

Управляемые конструкции появляются у этого слова в РР, где оно употребляется в переносном значении «о чем-л. абсурдном, крайне нелепом» [ТСРР-2017]. Это предложно-падежные конструкции *с чем-л.* и *вокруг чего-л.*:

Когда закончится маразм со штрафами за недобор газа, электричества? (Блоги, 2009).

В мае публиковал пост про маразм с установкой знаков платной парковки (Блоги, 2013).

При всем маразме вокруг игр наши спортсмены, в этой крайне сложной и неуровозной ситуации, выступили вполне достойно (Форум, 2016).

Маразм вокруг темы глобального потепления не стихает (Блоги, 2018).

2. В КЛЯ слово употребляется с зависимыми, а в РР их не имеет. Проиллюстрируем это на примере существительных *бутылка* и *вирус*.

Слово *бутылка* в КЛЯ имеет значение «стеклянный сосуд для жидкостей, обычно цилиндрической формы, с узким продолговатым горлом, или пластиковый, пластмассовый и т. п. сосуд такой формы» [АТoS, т. 1] и может управлять предложно-падежными конструкциями *для чего-л.*, *под что-л.*, *из-под чего-л.* и *с чем-л.*: *бутылка для молока, под масло, из-под вина, с бензином*. В значении «мера количества чего-л., помещенного в такой сосуд» [Там же] это слово управляет беспредложным родительным падежом: *бутылка воды*.

В РР семантика этого слова сужается: оно употребляется в значении «об одной емкости спиртного (обычно водки)» [ТСРР-2014] и не имеет при себе зависимых:

Бутылку жена спрятала/ еле нашли// (Запись устной речи, 2010).

На пять мужиков три бутылки? Да ты что/ им и пяти-то мало! (Запись устной речи, 2011).

Вы, девки, наводите порядок, а я бегу за бутылкой (В. Пронин. Испанский гость).

Кроме того, в РР *бутылка* может обозначать спиртное вообще и в таком случае тоже употребляется без зависимых:

Рано тебе ещё с бутылкой дружить (Ф. Абрамов. Пелагея).

Напьется, свалится пьяный, проспится и опять за бутылку. Так и пил, пока «Агдам» этот не кончился. Потом и «Саперави» выжрал (О. Пернай. В одной организации...).

Существительное *вирус* в значении «мельчайший микроорганизм, возбудитель инфекционных заболеваний человека, животных и растений, размножающийся в живых клетках» [АТоС, т. 2] в КЛЯ обычно используется с беспредложным родительным падежом:

Рыжий кот дикий и, возможно, является разносчиком вируса бешенства или других вредных заболеваний. (Наука и жизнь, 2008).

Такое же синтаксическое поведения и у слова *вирус* в переносном значении «чём-л. негативном, обладающем способностью к быстрому распространению» [АТоС]:

Вирус агрессии и недовольства летает от человека к человеку, стремительно размножаясь. (М. Петросян. Дом, в котором...)

В РР это слово употребляется в значении «вирусная инфекция» [ТСРР-2014] и используется без управления:

Я этой зимой таким вирусом переболела// Две недели пластом пролежала// (Запись устной речи, 2010).

Ребёнок болеет вирусом, четвёртый день температура (Блоги, 2015).

Следует отличать такие случаи отсутствия управления в РР от намеренного нарушения норм управления, которые говорящий может допускать в качестве языковой игры: *Не вижу виновника//* (опущено слово *торжества*): слово *виновник* в РР, как и в КЛЯ, требует после себя зависимого слова в родительном падеже, однако в приведенном примере говорящий его опускает для создания комического эффекта⁴.

3. Слово имеет разные модели управления в КЛЯ и в РР. В качестве примеров можно привести слова *мастер, проблема, бред* и *глаз*.

Одно из значений, в котором употребляется существительное *мастер* в КЛЯ, — «человек, достигший большого умения, мастерства в работе, творчестве, деле» [БТС]. Оно управляет беспредложным родительным падежом и предложно-падежными конструкциями в чём-л. и по чему-л.:

У этого великого мастера живописи был незаурядный литературный талант (К. Чуковский. Репин — писатель).

Китайцы, великие мастера в обращении с пустотой, знали три способа ее использования (А. Генис. Довлатов и окрестности).

Как показали раскопки усадьбы Олисея Гречина, в его иконописной мастерской работали не только живописцы, но и мастера по производству серебряных иконных окладов (Вестник РАН, 2004).

В РР слово *мастер* употребляется и в значении «искусный, ловкий в каком-л. деле человек» [БТС], и в значении «человек, имеющий склонность к чему-л., охотник до чего-л» [ТСРР-2], и помимо управления конструкцией *на что-л.*:

⁴ Пример из [Капанадзе 2005: 116].

— Придумай что-нибудь, Викусъ. Ты же у нас **мастер на выдумки** (Г. Лавецкая. Между любовью и любовью),

может подчинять себе форму инфинитива (обычно вместе с его зависимыми), и это яркое отличие от употребления слова *мастер* в КЛЯ:

— Но ты понимаешь/ в принципе эта наша привычка всем всегда советовать... Вот Вика у нас/ большой **мастер давать советы**// (К/ф «Частная жизнь», 1982).

— Ты его слушай больше. Андрюша **мастер сказки рассказывать** (А. Берсенева. Полет над разлукой).

— Очень даже себе на уме, старый мухомор. **Мастер наводит тень на плетень** (С. Гандлевский. НРЗБ).

Существительное *проблема* в КЛЯ имеет значение «сложный вопрос, нуждающийся в специальном исследовании; задача, не имеющая пока решения» [БТС] и употребляется с беспредложным родительным падежом:

То, чем занимаются братья Сальниковы, — путь к решению **острейших проблем воспитания и образования** (Сельская новь, 16.09.2003).

В РР во второй половине XX в. у слова *проблема* появилось размытое значение «о чём-л. трудновыполнимом, трудноосуществимом; вообще какая-л. трудность, неприятность» [ТСРР-3], — возможно, под влиянием английских оборотов со словом *problem*. При этом оно может управлять конструкциями *у кого с кем-чем-л., в чём-л.*:

У папы опять **проблемы со спиной**// Поясница отказывает// (Запись устной речи, 2016).

У меня такая же **проблема с сыном** была. Война была со школой насмерть у меня. Учителям нынче на детей плевать (Блоги, 2016).

Нужно как можно скорее... пойти в банк и уведомить его о грядущих **проблемах в выплатах** (Блоги, 2014).

Кроме того, в публицистических текстах встречается управление *вокруг кого-чего-л.*, при этом существительное *проблема* всегда имеет форму множественного числа:

Проблемы вокруг проживания иногородних студентов в общежитиях из года в год одни и те же: на всех не хватает мест, ужасные бытовые условия, наглая административная (Комсомольская правда, 14.08.2006).

Разрубить узел **проблем вокруг Милошевича** будет далеко не просто, так как конституция Сербии не допускает выдачу сербских граждан иностранным судам (Труд-7, 16.01.2001).

Слово *бред* в КЛЯ имеет значение «бессознательное состояние человека, сопровождающееся галлюцинациями, бессвязной речью и т. п.», а также сама такая речь [АТoS, т. 1]. Оно управляет беспредложным родительным падежом: *бред кого-л.*:

— Ну зачем же обращать столько внимания на **бред больного?** (Э. Радзинский. Княжна Тараканова).

В значении «мания человека, состоящая в ложном представлении, которое определяет его поведение» [АС] *бред* может также управлять словами, обозначающими это ложное представление:

Он достал книжку о нравах и привычках душевнобольных, и после долгих споров из всех навязчивых идей был выбран **бред величия** (И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок).

Любовь порождает бред, чаще всего **бред ревности** (Знание — сила, 1997).

В РР значение более широкое: «о чём-л. бессмысленном, нелепом, неправдоподобном» [ТСРР-1]. Здесь возможно несколько вариантов управления. Первый — беспредложным родительным падежом (кого-чего-л.):

Перечитала этот **бред гимназистки**, и вдруг стало так очевидно, что ничего у нас не будет, что ты никогда не уйдешь от нее ко мне (М. Шишкин. Венерин волос).

Наверное, весь этот **бред рекламы**, обещающей нам элитные квартиры в элитных домах... так и будет продолжаться (Блоги, 2013).

Второй вариант, который употребляется в РР, — предложно-падежная конструкция о ком-чём-л.:

Я не хочу повторять тот **бред о пьяных русских**, коим только кухонный нож можно доверить (Блоги, 2012).

Я-то уж было поверила в этот **бред о сказочном наследстве** (М. Милованов. Естественный отбор).

Встречается, кроме того, управление вокруг кого-чего-л.:

Я имею в виду... фанатский **бред вокруг актёра**... Одна роль — и мир (девушек) сошел с ума (Форум, 2011).

Помните **бред вокруг генетики** в 50–60 годы? Мол, если привносить некие изменения в тело животного физически, то они закрепятся на генном уровне (Блоги, 2002).

И наконец, в РР слово бред может управлять конструкцией с чем-л.:

Что за **бред с налогами** с продажи авто? (Блоги, 2010).

Что за **бред с телефоном**? При включении телефона идёт надпись МТС и телефон перезагружается, так бесконечно (Блоги, 2015).

Существительное *глаз* в одном из своих значений «особая способность видения, присущая человеку благодаря тому или иному занятию, профессии и т. п.» [МАС] в КЛЯ управляет беспредложным родительным падежом:

Описание методики исследования было намеренно сделано с грубыми, сразу заметными **глазу специалиста** ошибками (Знание — сила, 2014).

Метель гнала и гнала по степи снежные вихри, и утром даже **наметанный глаз охотника** не приметил бы в ней каких-либо следов (Г. Гусаченко. Тигровый перевал).

В РР *глаз* в этом значении обычно употребляется с оценочным прилагательным в конструкции *кого-л. на кого-что-л.*:

А у него был **острейший, звериный слух и глаз на оттенки и интонацию** (Д. Рубина. Белая голубка Кордовы);

У нее феноменальный **глаз на всё**, начиная от одежды, образа в целом до мельчайшей детали в пространстве (Мурманский вестник, 14.03.2015).

Только я частенько его видел с очень даже приятными дамами. **Глаз у него хороший на эсеницин**, ничего не скажешь (Блоги, 2012).

Рассмотренный материал позволяет нам сделать следующие выводы.

Во-первых, особенности управления существительных в РР обусловлены ее общими характеристиками: спонтанностью, непринужденностью и эллиптичностью. Такие словосочетания, как *проблемы вокруг проживания, бред с налогами, бумага на тебя* — это эллиптические конструкции, в которых обозначаются целые ситуации, вне контекста не всегда понятные, но возможные в условиях непринужденного общения.

Во-вторых, обычно разница в управлении в РР и КЛЯ связана со спецификой семантики слова в РР. Однако несовпадение форм управляемых конструкций возможно и при одинаковом или близком значении слова. Это отчетливо видно на примере со словом *глаз*.

В-третьих, как показывает рассмотренный материал, самый редкий вариант несовпадения управления — когда в КЛЯ существительное имеет при себе управляемые синтаксические конструкции, а в РР то же слово употребляется без зависимых. Более типична обратная ситуация. А в случаях, когда слово имеет различные варианты управления в КЛЯ и в РР, в последней вариантов синтаксического управления обычно больше, чем в КЛЯ.

Литература

Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995. 767 с.

Апресян Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М.: Наука, 1967. 252 с.

АС — Активный словарь русского языка. Т. 1: А–Б / Отв. ред. академик Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 2014. 408 с.

АТoS — Академический толковый словарь русского языка. Т. 1, 2 / Отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016.

Бельчиков Ю. А., Солганик Г. Я. О лексикографических изданиях адресной направленности // Облик слова. Сборник статей памяти Дмитрия Николаевича Шмелёва / Отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Институт русского языка РАН, 1997. С. 41–47.

БТС — Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 2000. 1535 с.

Гловинская М. Я. Активные процессы в грамматике (на материале инноваций и массовых языковых ошибок) // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки русской культуры, 1996. С. 237–304.

Земская Е. А. Введение // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки русской культуры, 1996. С. 9–31.

Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. 351 с.

Ицкович В. А. Языковая норма. М.: Просвещение, 1968. 92 с.

Капанадзе Л. А. Голоса и смыслы. Избранные работы по русскому языку / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., Институт русс. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 2005. 333 с.

Крысин Л. П. Коммуникативно актуальные смыслы и их лексико-грамматическое выражение в повседневной речи // Взаимодействие лексики и грамматики. Тезисы докладов международной конференции Двенадцатые Шмелевские чтения (24–26 февраля 2018 г.). М., 2018. С. 45–46.

МАС — Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1999.

ТСРР-1 — Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1, А — И / Отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2014. 776 с.

ТСРР-2 — Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 2, К — О / Отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2017. 864.

ТСРР-3 — Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 3, П — Р / Отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2019. 824 с.

Щерба Л. В. Современный русский литературный язык // Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 110–129.

A. R. Pestova

V. V. Vinogradov Russian Language Institute (Russian Academy of Sciences)

(Moscow, Russia)

pestova2012@gmail.com

NOUN GOVERNMENT IN RUSSIAN EVERYDAY SPEECH AND ITS REPRESENTATION IN THE DICTIONARY

This paper deals with specific features of the noun government in the Russian everyday speech and its representation in the explanatory dictionary. The analysis considers the models of government, typical for codified standard language. Three variants of the difference between the government in the colloquial speech and the standard language are described: 1) the noun is used without any governed words in the standard language and with the governed words in the everyday speech (nouns *panika* ‘panic’ and *marazm* ‘dementia’ are given as examples), 2) the word is used with the governed words in the standard language and without any governed words in the colloquial speech (nouns *butylka* ‘bottle’ and *virus* ‘virus’), and 3) the noun has different models of government in the standard language and in the colloquial speech (nouns *master* ‘master’, *problema* ‘problem’, *bred* ‘delirium’ and *glaz* ‘eye’). The second variant is the least common. The variety of the models of government is more typical for the Russian colloquial speech. It’s mentioned, that this feature is connected with the specific semantics of the word in the everyday speech as well as its general characteristics: spontaneity, naturalness and ellipticity.

Keywords: stratification of the vocabulary, everyday speech, lexicography, explanatory dictionary, syntax, noun government.

References

Akademicheskij tolkovyj slovar' russkogo yazyka. T. 1, 2 [Academic explanatory dictionary of the Russian language] / L.P. Krysin, ed. Moscow: Izdatel'skii Dom YaSK Publ., 2016.

Aktivnyj slovar' russkogo jazyka. T. 1: *A–B* [Active dictionary of Russian. Vol. 1: *A–B*] / Yu. D. Apresyan, ed. Moscow, 2014. 408 p.

Apresyan Yu. D. Eksperimental'noe issledovanie semantiki russkogo glagola. [Experimental research in the semantics of the Russian verb]. Moscow: Nauka Publ., 1967. 252 p.

Apresyan Yu. D. Izbrannye trudy. T. II: Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya. [Selected works. Vol. II: Integrated description of language and systematic lexicography]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury Publ., 1995. 767 p.

Bel'chikov Yu. A., Solganik G. Ya. [About target-focused lexicographic editions] // *Oblik slova. Sbornik statej pamyati Dmitriya Nikolaevicha Shmelyova* [Image of the word. Collected papers in memory of Dmitrii Nikolaevich Shmelyov] / L.P. Krysin, ed. Moscow: Institut russkogo yazyka RAN Publ., 1997, pp. 41–47. (In Russ.)

Glovinskaya M. Ya. [Active processes in grammar (a case study of innovations and mass speech errors)] // *Russkij yazyk konca XX stoletiya (1985–1995)* [Russian language in the end of the 20th century (1985–1995)]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury Publ., 1996, pp. 237–304.

Ickovich V. A. *Yazykovaya norma* [Language norm]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1968. 92 p.

Kapanadze L. A. *Golosa i smysly. Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Voices and senses. Selected works about the Russian language] / L.P. Krysin, ed. Moscow: Institut russ. yaz. im. V.V. Vinogradova RAN Publ., 2005. 333 p.

Krysin L.P. [Communicative actual senses and their lexical-grammar expression in everyday speech] // *Vzaimodejstvie leksiki i grammatiki. Tezisy dokladov mezhdunarodnoj konferencii Dvenadcatye Shmelevskie chteniya (24–26 fevralya 2018 g.)* [The interaction between lexicon and grammar. Abstracts of the International scholarly conference The Twelfth Shmelev readings (February, 24–26, 2018). Moscow, 2018, pp. 45–46. (In Russ.)

Shcherba L. V. [Modern Russian standard language] // *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selected works about the Russian language]. Moscow: Uchpedgiz Publ., 1957, pp. 110–129.

Slovar' russkogo yazyka: V 4-h t. [Dictionary of the Russian language: in 4 vol.] / A.P. Evgen'eva, ed. Moscow: Rus. yaz. Publ., 1999.

Tolkovyj slovar' russkoj razgovornoj rechi. Vyp. 1, 2, 3. [Explanatory dictionary of the Russian everyday speech. Vol. 1, 2, 3] / L.P. Krysin, ed. Moscow: Yazyki slavyan-skoj kul'tury Publ., 2014, 2017, 2019.

Zemskaya E. A. Introduction // *Russkij yazyk konca XX stoletiya (1985–1995)* [Russian language in the end of the 20th century (1985–1995)]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1996, pp. 9–31.

Zolotova G. A. *Ocherk funktsional'nogo sintaksisa russkogo yazyka* [Essay on functional syntax of the Russian language]. Moscow: Nauka Publ., 1973. 351 p.

Т. Б. Радбиль

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского
(Россия, Нижний Новгород)
timur@radbil.ru*

**АКТИВНЫЕ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НАЧАЛА XXI ВЕКА:
ПРОБЛЕМА ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ***

В статье излагаются идеи лингвокультурологической интерпретации активных процессов в современном русском языке через призму их соответствия или несоответствия исконно русским моделям языковой концептуализации мира. Материалом для исследования выступают новые явления в языке Интернета. Мы развиваем высказанное нами ранее положение о том, что в плане именно способов языковой концептуализации мира инновационные явления в русском языке последних лет отражают доминирование типично русского способа смотреть на вещи, хотя в отдельных случаях мы можем говорить и о влиянии чуждых «русскому миру» ментальных, социокультурных и поведенческих моделей. Перед нами — культурная оппозиция «свое» — «чужое», отражаемая в том числе в процессах так называемой «культурной апроприации заимствований», которая своеобразно преломляется в диалектическом противостоянии двух антиномий: на интерпретационном (формально-структурном) уровне это антиномия *синтетизм / аналитизм*, на концептуальном, содержательном уровне — это антиномия *идиоматичность / неидиоматичность*. С нашей точки зрения, все заимствования так или иначе подлежат приобщению к национальному культурному фонду, однако культурная апроприация имеет, как минимум, две стадии. На начальной стадии концептуального освоения иноязычные явления еще не «переварились» русским миром. Именно такие активные процессы отражают «дрейф» русской лексики и грамматики к аналитизму. Это проявляется в несклоняемости «новых» субстантивов и адъективов, в неизменяемости элементов устойчивых выражений, в тенденции к фиксированному

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского Фонда Фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 18–012–00195 А. The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18–012–00195 А.

порядку компонентов. На содержательном уровне этому «дрейфу» соответствует тенденция к смысловой «прозрачности», «одномерности» новых моделей, к их неидиоматичной рецепции в узусе. На следующей стадии концептуального освоения иноязычные явления на формально-структурном уровне, напротив, демонстрируют «дрейф» в сторону повышенного синтетизма. Неизменяемые элементы начинают изменяться, входят в русские модели словообразования. На содержательном уровне это проявляется в том, что слова и выражения с иноязычными компонентами приобретают идиоматичность, знаком которой является семантическая компрессия, смысловая емкость подобных новообразований. В итоге мы постулируем наличие разноуровневых параметров (на уровне коммуникативно-дискурсивном, лексико-семантическом, словообразовательном и грамматическом), по которым можно диагностировать степень культурной апроприации того или иного инновационного образования с иноязычными строевыми элементами.

Ключевые слова: активные процессы, русский язык в Интернете, культурная апроприация заимствований, синтетичность / аналитичность, неидиоматичность / идиоматичность

В статье развиваются и получают теоретическое осмысление изложенные нами в ряде предыдущих работ идеи лингвокультурологической интерпретации активных процессов в современном русском языке чрез призму их соответствия или несоответствия исконно русским моделям языковой концептуализации мира. Материалом для исследования выступают новые явления в языке Интернета.

Слова и выражения, модели и категории национального языка, помимо своего прямого значения, имеют то неуловимое содержание, что связано с выражением точки зрения, обычаев, традиций и культуры того или иного народа. Именно в области этого «неуловимого содержания» мы и будем формировать принципы лингвокультурологической интерпретации активных лексико-грамматических процессов в русском языке начала XXI в.

Ранее мы высказали положение о том, что, в плане именно способов языковой концептуализации мира, инновационные явления в русском языке последних лет отражают доминирование типично русского способа смотреть на вещи, хотя в отдельных случаях мы можем говорить и о влиянии чуждых «русскому миру» ментальных, социокультурных и поведенческих моделей. Дело в том, что сами исходные принципы, по которым происходит своеобразная аккумуляция чужих корней, в русском языке остаются исконными, неизменными вот уже столетиями [Новые тенденции 2014; Радбиль 2017].

С точки зрения отражения в языке неких инвариантных культурных доминант, неких вековых принципов его устройства и функционирования, перед нами — культурная оппозиция «свое» — «чужое», представленная в том числе в процессах так называемой «культурной апроприации заимствований». Мы условно выделяем два уровня интерпретации, квалификации, оценки и сопоставления языковой семантики и культурного содержания в языке: содержательный (ЧТО отражено в фактах языка) и интерпретационный (КАК, каким способом отражено).

Культурная оппозиция «свое» — «чужое» своеобразно преломляется в диалектическом противостоянии двух антиномий: на интерпретационном (формально-структурном) уровне это антиномия **синтетизм / аналитизм**, на концептуальном, содержательном уровне — это антиномия **идиоматичность / неидиоматичность**.

С нашей точки зрения, все заимствования так или иначе подлежат приобщению к национальному культурному фонду, однако культурная апроприация имеет, как минимум, две стадии.

На начальной стадии концептуального освоения иноязычные явления еще не «переварились» русским миром.

На интерпретационном уровне именно такие активные процессы отражают «дрейф» русской лексики и грамматики к **аналитизму**, отмечаемый многими исследователями [Русский язык и советское общество 1968]. Это проявляется: (1) в несклоняемости «новых» субстантивов и адъективов: *женщина вамп, стиль-киберпанк, дискурс масс медиа*; (2) в неизменяемости элементов устойчивых выражений: *VIP ложа, Интернет-коммуникация, хит-парад*; (3) в тенденции к фиксированному порядку компонентов: *Работа Про, Мама Плюс* — нельзя **про работа, *плюс мама* и др.

На содержательном уровне этому «дрейфу» соответствует тенденция к смысловой «прозрачности», «одномерности» новых моделей, к их **неидиоматичной рецепции** в узусе (которая заключается в полной выводимости значения целого из суммы значений его компонентов): *шоу-бизнес, пиар-кампания, бизнес-проект* и пр. Неидиоматичность выступает как следствие понятийной неосвоенности носителями языка одного или всех компонентов (говорящий вынужден использовать готовое значение из языка-источника, принимать его, так сказать, на веру), как следствие минимальной метаязыковой рефлексии над внешней или внутренней формой.

На следующей стадии концептуального освоения иноязычные явления на интерпретационном, формально-структурном уровне, напротив, демонстрируют «дрейф» в сторону повышенного **синтетизма** (мы, кстати, вслед за В.Г. Гаком, различаем синтетизм грамматический и лексический [Гак 1966]: последний выражается в тенденции максимально выражать разные компоненты смысла в одном слове, независимо от их природы: лексической или грамматической — *разбежались* вместо **бе'гом завершили движение в разные стороны*).

Ослабление аналитизма и развитие синтетизма проявляется в следующих явлениях: (1) становится возможным изменение порядка следования компонентов: *интернет-дискурс* → *дискурс интернета, секс-индустрия* → *индустрия секса*; (2) на фоне этого компоненты осмысляются как самостоятельные лексические единицы и приобретают лексико-грамматическую оформленность по законам русской грамматики, например, склоняются: *в дискурсе интернета*; (3) иноязычные элементы входят в русские модели словообразования: *гламурненько, эксклюзивчик, флешечный, безлимитище, юэсбишка, лайкать, френдить, селфить, забанить*; (4) иноязычные элементы, изначально нечленимые, вошедшие в русский язык, так сказать, в «целом» виде, приобретают членимость или квази-членимость

по аналогии с русскими словами той же модели: *смайлик*, *флешка* (Так, про металлическую монету номиналом в 1 евро говорят: *один еврик*).

Например, в политической, медийной или научной речи изначально было *дискурс масс медиа*, причем имелись колебания в графическом отражении — *массмедиа*, *масс-медиа*, *масс медиа*, потом стали употреблять *массмедийный дискурс* (и в сокращенном виде — просто *медийный дискурс*). Входя в русские модели словообразования, слово порождает дериват *массмедийщики* или просто — *медийщики*.

На содержательном уровне это проявляется в том, что слова и выражения с иноязычными компонентами приобретают **идиоматичность**, знаком которой является новоприобретенная семантическая компрессия, смысловая емкость подобных новообразований. Переход от неидиоматичного прозрачного семантического представления к идиоматичному, семантически усложненному, отражается в том, что по мере освоения неидиоматичность ослабляется, что подтверждает метафоризация новообразований и их ироническое обыгрывание — активное включение в разнообразные модели «языковой игры»: *эрзац-продукты*, *нанолапти*, *бабушка вамп*, *ретрокошки*.

Показательным примером наведенной, приобретенной идиоматичности как отражения культурной освоенности выступает своеобразное ассимилирование иноязычных аббревиатур, которые изначально воспринимаются чисто механическим образом, соответствуя их семантике в языке-источнике. Так, элемент *VIP* сначала приобретает плеонастическую добавку, расшифровывающую непрозрачный для русского сознания иноязычный элемент: *VIP-персона*. Затем этот компонент окончательно вписывается в русскую грамматику — мы можем сказать (или написать) просто *VIPы*, *ВИПы* и даже *випы*.

То же для несколько более раннего периода мы наблюдали для аббревиатуры *PR* — «public relations». Через стадию чисто механической, фонетической русификации *пиар* данный корень активно включается в механизмы русского словообразования: *пиарить*, *пиариться*, *распиарить*, *распиариться*, *пропиарить*, *пропиариться*, *распиаренный*, *пропиаренный*, *пиарный*, *пиарщик* и пр.; есть даже деепричастия *пиаря*, *распиарившись* и пр.: *Вам не кажется, что вы форумом ошиблись, пиаря Теле2?* — URL: <http://www.cells.ru/forum/read.php?3,1729076,1729197>; *Распиарившись на теме митингов и протестов, Александр стал правозащитником.* — URL: <http://pelik911.livejournal.com/361382.html>

В наших предыдущих работах мы рассматривали процессы культурной апроприации заимствований на примерах вхождения заимствованных основ в модели русского экспрессивного словообразования — а именно образование диминутивов: типа *флешка* [Радбиль, Рацибурская 1997]. В этом мы видим проявление тенденции эмоционально-экспрессивного и оценочного отношения к миру вообще, той самой **эмпатии**, атмосферы особой эмоциональной насыщенности и личностной вовлеченности в номинацию вещей и событий, которая распространяется даже на самые обычные вещи, окружающие человека, которые в норме не подлежат какому-либо оцениванию или эмоциональному переживанию их бытия.

Заимствованные лексемы естественным образом вовлекаются в этот круг тотальной эмпатии русского дискурса.

В целом в лингвокультурологическом аспекте процесс аккультурации лексико-грамматических новаций как переход от начальной стадии к финальной можно представить следующим образом.

I. Содержательный аспект. Вместе с иноязычным компонентом усваивается некий общий денотативный или сигнификативный слой, необходимый для заполнения имеющейся лакуны в когнитивной базе этноса или для обозначения появившейся в нашей жизни реалии: затем этот «слой» подлежит концептуальному переосмыслению и эмоционально-оценочной трансформации уже в соответствии с «ключевыми идеями русской языковой картины мира» [Зализняк, Левонтина, Шмелев 1995], т. е. становится **скрытой предикацией**. В таких словах выделяется своего рода **диктумная часть**, актуализующая номинативное содержание понятия, выраженное заимствованным элементом, и **модусная часть**, представляющая точку зрения говорящего на объект номинации, сложный комплекс оценочной реакции говорящего на данное понятие, выраженный исконно-русским формантом.

Например: **ФЛЕШКА**:

ИНОЯЗЫЧНЫЙ КОМПОНЕНТ: ДИКТУМНАЯ ЧАСТЬ (номинативное содержание понятия) ‘переносной электронный носитель информации, используемый в качестве внешней памяти в компьютерах и других устройства’

+

РУССКОЯЗЫЧНЫЙ КОМПОНЕНТ: МОДУСНАЯ ЧАСТЬ (точка зрения говорящего на объект номинации) указание на малый размер; категоризация по женскому роду; эмпатия («уменьшительно-ласкательный») оттенок смысла)

=

СКРЫТАЯ ПРЕДИКАЦИЯ: объект престаает быть просто техническим средством; он вписан в систему ценностей «русского мира», его бытие лично переживается говорящим посредством включения особого эмоционального, задушевного отношения к объекту номинации и к ситуации общения в целом.

II. Коммуникативно-прагматический аспект. Дальнейшие стадии культурной апроприации заимствованных элементов связана уже с изменениями коммуникативных условий их функционирования. Речь идет о том, что, изначально возникнув в роли единицы, заполняющей определенную концептуальную или культурную лакуну, лексема с заимствованным элементом употреблялась, соответственно, лишь в одной специализированной сфере: *гламур* — в сфере модных тусовок и глянцевого журналов, *экслюзив* — в сфере бизнеса, маркетинга и рекламы, *троллить* и *забанить* — в сфере интерактивно неформального Интернет-коммуникации в социальных сетях. На стадии концептуального освоения лексема приобретает смысловую двуплановость и идиоматичность и благодаря этому, получает возможность перейти на высшую, мотивационно-прагматическую и коммуникативно-дискурсивную стадию — она используется в других сферах коммуникации, изначально уже никак не связанными с ее стандартным значением и типами употребления в языке-источнике.

Заспамить — ‘направить в чей-либо адрес большие объёмы мусорной электронной почты (*спама*) не с целью собственно рассылки этой почты, а с целью создания неудобств данному адресату’: *Я пишу курсач и мне нужно много людей для того, чтобы статистические данные были полными, да и самому интересно. Я, конечно, заспамил друзьям уже, но это не то.* — URL: <http://w-o-s.ru/hint/15277>;

То же — для неолексемы **пиарить**: *Как **распиарить** сарай на TripAdvisor?* — URL: <https://www.hotline.travel/obzory-i-analitika/kak-raspiarit-saray-na-tripadvisor/>; **Пиарные** объявления в стихах и прозе! Стишки о собачках и кошках! Бесплатно, естественно!! — URL: <http://pesikot.org/forum/index.php?showtopic=149969&st=240>

Банить и **троллить**, например, теперь можно не только в Интернет-пространстве.

Забанить — ‘заблокировать, установить в софте форума, блога или т. п. запрет на сообщения определенного участника’: [заголовок] *На Украине Льва Толстого «забанили» за «агрессорску мову».* [подзаголовок] *В Хмельницком запретили постановку «Анны Карениной» театра-студии из Киева.* — КП-Нижний Новгород online. — URL: <https://www.nnov.kp.ru/daily/26747/3776537/>

Троллить — ‘размещать в Интернете (на форумах, в дискусионных группах, в вики-проектах, ЖЖ и др.) провокационные сообщения с целью вызвать конфликты между субъектами, взаимные оскорбления и т. п.’: [Тема на форуме:] *Как **троллить** жену / девушку?* — ФОРУМ Picabu.ru. — URL: https://pikabu.ru/story/kak_trollit_zhenudevushku_3276271; *Фанаты «ПСЖ» **затроллили** Жерара Пике, придя на матч в майках с надписью «Остаётся».* — Телеканал ЕВРОСПОРТ: Официальный сайт. — URL: https://www.eurosport.ru/football/ligue-1/2017–2018/story_sto6279267.shtml

Эти слова не только изменили условия коммуникации, расширив сферу употребления за пределы Интернета, они еще и вписались в русские модели языковой концептуализации мира. Еще в работах А. Вежбицкой отмечалось, что яркой чертой русской грамматики является экспансия пассивно-возвратных и безличных конструкций, которые выражают так называемый «феноменологический» взгляд на мир, когда событие, состояние, действия происходят с субъектом *как бы само собой* — или по крайней мере «не потому, что он этого хотел», пользуясь выражением А. Вежбицкой [Вежбицкая 1996]. Культурная апроприация иноязычных корней в русской грамматике как раз и проявляется активным вовлечением их в разнообразные синтаксические модели пассивизации и имперсонализации. Прежде всего это касается распространенности безличных форм глагола: *Подскажите, ... можно ли ее подключить к домашнему вай-фаю так, чтоб нигде ничего не забанилось, не заблокировались...* [4pda.ru/forum/lofiversion/index.php?t693103–60.html]; *Забанил в одном месте — забанилось везде* [forum.sape.ru]; *Да просто снова затроллилось и не живет спокойно!* — Форумы Germany.ru. — URL: <https://foren.germany.ru/arch/sieunder/f/4627465.html>

В заключение отметим, что язык выступает одним из ярких, точных и глубинных манифестаций коллективной психологии этноса. Именно поэтому он может и должен служить тестом для диагностики истинного отношения народа к тому

или иному явлению жизни. Все это в полной мере относится и к культурным моделям освоения пластов чужой культуры, иноязычных смыслов. Русский язык располагает мощными культурными механизмами усвоения и даже присвоения «чужого».

В итоге мы постулируем наличие разноуровневых **параметров**, по которым, как нам кажется, можно диагностировать степень культурной апроприации того или иного инновационного образования с иноязычными строевыми элементами:

1) **на уровне коммуникативно-дискурсивном** — актуализация какой-либо национально-культурной установки говорящих (эмпатия, чрезмерная гиперболизация, гипертрофия оценочности, ориентация на духовный идеал, ироническое «остранение» карнавального типа и пр.) в различных речевых ситуациях; расширение изначально специализированной сферы употребления и перенос моделей употребления в другие сферы;

2) **на уровне лексико-семантическом** — «идиоматичность» как наличие смысловых и эмоционально-оценочных приращений, в сравнении с языком-источником; «скрытая предикцированность» модусно-диктумного характера (смысловая двуплановость, совмещающая обозначение предмета и точки зрения на него);

3) **на уровне словообразовательном** — вовлеченность в типично русские модели словообразования, в том числе экспрессивного;

4) **на уровне грамматическом** — грамматическая оформленность по законам русской морфологии (утрата несклоняемости, категоризация по роду, пассивизация, безличность и пр.).

Литература

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / пер. с англ.; отв. ред. и сост. М. А. Кронгауз; авт. вступ. ст. Е. В. Падучева. М. : Русские словари, 1996. 411 с.

Гак В. Г. Беседы о французском слове (Из сравнительной лексикологии французского и русского языков). М.: Международные отношения, 1966. 335 с.

Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. М. : Языки славянской культуры, 2005. 544 с.

Новые тенденции в русском языке начала XXI века: кол. монография / Т. Б. Радбиль, Е. В. Маринова, Л. В. Рацибурская, Н. А. Самыличева, А. В. Шуმიлова, Е. В. Щеникова, С. Н. Виноградов; под ред. Л. В. Рацибурской. М. : Флинта; Наука, 2014. 304 с.

Радбиль Т. Б. Язык и мир: парадоксы взаимоотражения. М. : Издательский дом ЯСК, 2017. 592 с.

Радбиль Т. Б., Рацибурская Л. В. Словообразовательные инновации на базе заимствованных элементов в современном русском языке: лингвокультурологический аспект // Мир русского слова. 2017. №2. С. 33–39.

Русский язык и советское общество: социолого-лингвистическое исследование. Кн. 3: Морфология и синтаксис современного русского литературного языка / АН СССР: Ин-т рус. яз. Под ред. М. В. Панова. М. : Наука, 1968. 367 с.

T. B. Radbil

*National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
(Russia, Nizhni Novgorod)
timur@radbil.ru*

**ACTIVE LEXICAL-GRAMMATICAL PROCESSES IN RUSSIAN
AT THE BEGINNING OF THE XXIST CENTURY: A PROBLEM
OF LINGUO-CULTOROLOGICAL INTERPRETATION**

This paper presents the ideas of linguo-cultorological interpretation of active processes in modern Russian language through the prism of their consistency or inconsistency with primordially Russian models of language conceptualization of the world. The research materials are new phenomena in Russian in the Internet. The author develops statement set out earlier that innovational phenomena in current Russian, in the aspect namely of modes of language conceptualization of the world, reflect domination of typically Russian ways to look at things, although in some cases we can speak of the influence of alien to «the Russian world» mental, socio-cultural and behavioral models as well. There is cultural opposition «mine» — «other peoples'» in front of us which is reflected including in the processes of so-called «cultural appropriation of loanwords» refracted peculiarly in dialectic opposition of two antinomies: at the interpretational (formal-structural) level that is the antinomy *synthetism / analytism*, and at the substantial level that is the antinomy *idiomaticity / non-idiomaticity*. In our view, all the loanwords are subject in one way or another to inclusion in the national cultural fund, nevertheless there are two stages of the cultural appropriation at least. At the initial stage of conceptual adoption foreign language phenomena are not «digested» by «the Russian world» yet. It is such active processes which reflect Russian lexis and grammar «drift» forward analytism. It is revealed in indeclinability of «new» substantives and adjectives, in inalterability of collocations' elements, in tendency to fixed component order. At the substantial level the tendency to sense «transparency», «unidimensionality» of innovative models, and their non-idiomatic reception in usus corresponds to aforesaid «drift». At the following stage of conceptual adoption foreign language phenomenon at the formal-structural level, demonstrate «drift», on the other hand, toward increased synthetism. Inalterable elements trend to decline and join in Russian word-formative models. At the substantial level it is revealed in the situation that words and expressions with foreign components get idiomaticity the sign of which is semantic compression, sense capacity of such new formations. As a final result, the author postulates the multi-level parameters (at the communicative-discursive, lexical-semantic, word-formative and grammatical levels) which allow diagnosing a degree of the cultural appropriation of one or another innovative with foreign structural elements.

Keywords: active processes, Russian in the Internet, cultural appropriation, synthetism / analytism, idiomaticity / non-idiomaticity.

References

Vezhbitskaya A. *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition], M. A. Krongauz (trans., ed. and comp.), E. V. Paducheva (introd. art.). Moscow, Russkie slovari Publ., 1996, 411 p.

Gak V. G. *Besedy o francuzskom slove (Iz sravnitelnoj leksikologii francuzskogo i russkogo yazykov)* [Conversations on a French word (From the comparative French-Russian lexicology)]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 1966, 335 p.

Zalznyak A. A., Levontina I. B., Shmelev A. D. *Klyuchevye idei russkoi yazykovoi kartiny mira* [The key ideas of the Russian language picture of the world], col. art. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2005, 544 p.

Novye tendentsii v russkom yazyke nachala XXI veka [New tendencies in Russian in the beginning of 21st century], col. monograph / T. B. Radbil', E. V. Marinova, L. V. Ratsiburskaya, N. A. Samylicheva, A. V. Shumilova, E. V. Shchenikova, S. N. Vinogradov; L. V. Ratsiburskaya (ed.). Moscow, Flinta-Nauka Publ., 2014, 304 p.

Radbil' T. B. *Yazyk i mir: paradoksy vzaimootrazheniya* [The language and the world: paradoxes of interreflection]. Moscow, Izdatelskij dom YaSK, 2017, 592 p.

Radbil' T. B., Ratsiburskaya L. V. [Word-formative innovations on the basis of foreign elements in modern Russian]. *Mir russkogo slova*, 2017, no 2. pp. 33–39.

Panov M. V. (ed.). *Russkij yazyk i sovetskoe obshchestvo: sociologo-lingvisticheskoe issledovanie. Kn. 3, Morfologiya i sintaksis sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Russian language and the Soviet society: sociological-linguistic studies. Vol. 3. Morphology and Syntax of the modern Russian literary language] / AN SSSR, In-t rus. yaz. Pod red.. Moscow, Nauka, 1968, 367 p.

Ренате Ратмайр
Экономический Университет
(Вена, Австрия)
renate.rathmayr@wu.ac.at

МЕТАКОММУНИКАТИВНЫЕ РЕПЛИКИ В КОРПОРАТИВНОМ ОБЩЕНИИ: НА ПРИМЕРЕ ЖАНРОВ СОВЕЩАНИЙ И СОБЕСЕДОВАНИЙ

В статье рассматриваются метакоммуникативные реплики и единицы не в пре-скриптивных жанрах кодексов и учебников, а в аутентичной бизнес-коммуникации. Выбираются жанр совещания, в котором присутствуют как эгалитарная коммуникация на одном социальном уровне, так и коммуникация сверху вниз и наоборот снизу-вверх и жанр собеседования, в котором роли участников заранее фиксированы. Корпусом служит корпус совещаний и собеседований совместного проекта о дискурсивном анализе корпоративной коммуникации в России, описанный в книге «Корпоративная коммуникация в России. Дискурсивный анализ» [Милехина, Ратмайр 2017: 214, 259].

Цель статьи — показать, какова функция метакоммуникативных единиц и как они формулируются. Анализ показал, что в метакоммуникативных репликах употребляются самые разнообразные глаголы речи — такие, как *говорить/сказать, отметить, переговорить, включить в коммуникацию, перечислить, определить, пробежаться по пунктам* и многие другие. Также употребляются метаязыковые формулы: *скажем так, так сказать, как тебе сказать* и др. На совещаниях они встречаются в основном в трех речевых актах — в директивных: кто что кому должен сказать, в ассертивных: кто кому что сказал и в комиссивных: говорящий кому что скажет.

Тематический фокус на совещаниях — прямое или, реже, косвенное обсуждение тем, о которых предстоит говорить. Темы как правило задает ведущий, а в случае собрания представителей компании на одном уровне — все присутствующие. Кроме того, в директивных речевых актах распределяется, кто кому должен передать какие сообщения или поручения.

На собеседованиях интервьюер задает тему, о которой соискатель должен говорить на данном этапе собеседования. Встречаются также метаязыковые реплики, в которых формулируется побуждение говорить меньше, в более сжатой форме.

В статье приводятся примеры из аутентичных записей совещаний и собеседований.

Ключевые слова: корпоративная коммуникация, метакоммуникативные единицы, организация диалога, повышение приемлемости, поддержка понимания

1. Введение.

Роман Якобсон [Якобсон 1975] различал шесть основных функций языка: коммуникативная (референтивная), апеллятивная, поэтическая, экспрессивная, фатическая, метаязыковая.

Метаязык (от греч. *meta* — после, за, позади) — язык, средствами которого исследуются и описываются свойства языка, называемого предметным, или объектным. Таким образом имеется назначение языка выступать одновременно в качестве средства (инструмента) исследования и в качестве средства (инструмента) описания языка. Метакоммуникация — это «обычный вид общения, предметом которого является сам процесс общения» [Жукова, Лебедько, Прошина, Юзефович 2013: 245]. Условием успешной коммуникации считается постоянная рефлексия, постоянный контроль самого процесса общения участниками общения. И сама метакоммуникация отражает рефлектирование процесса общения, хотя рефлектирование может иметь и другие последствия, как, например, выбор другой формулировки, использование частиц, умалчивание определенных деталей и т. д. [Techtmeier 2001: 1450].

Темы метакоммуникации — самые разнообразные: всё, что на языковой поверхности общения и на фоне или заднем плане коммуникации играет роль для общения, может стать поводом метакоммуникативных высказываний, от ссылки на иллокутивный тип (*Это было побуждение*) и до распределения ролей (*Теперь твоя очередь*) [ср. Techtmeier 2001: 1453]. Hinrichs указывает на то, что в повседневной коммуникации избыток метакоммуникативных высказываний может оказаться вредным, и приводит в качестве примеров жанры выяснение отношений, спор супругов, обмен репликами, упрек-оправдание и др. [Hinrichs 1991: 335].

Литературы о метакоммуникации много, а о метакоммуникации в деловом общении — мало. Интерес представляет, например, лингвистический анализ метакоммуникации внутри компаний [Meuer 2012]. Автора интересует, как сотрудники одной компании в Гэттинге (Германия) оценивают коммуникацию при введении новой системы менеджмента (окружающая среда, здоровье и безопасность). Эмпирический материал автора — это 20 качественных интервью с ведущими менеджерами высшего уровня, с одной стороны, и с сотрудниками, которые должны исполнить новые формы менеджмента, с другой стороны. Основной интерес исследования — какие лингвистические методы помогают оценить успешность и качество коммуникации внутри компании. Метакоммуникация в этой работе понимается на макроуровне текста и все высказывания респондентов в интервью рассматриваются как метакоммуникативные. Из результатов этого исследования

можно отметить, например, наблюдение, согласно которому степень понимания, принятия (Akzeptanz) и выполнения стратегий менеджмента зависит от полноты объяснений и обоснований умышленности стратегий: если инструкции кажутся излишними, то они не воспринимаются [Meuer 2012: 242].

В нашей статье метакоммуникация рассматривается на микроуровне реплик и частей реплик. Цель статьи — показать, какие функции чаще всего выполняют метакоммуникативные реплики и единицы в корпоративной коммуникации и как они формулируются. Для этого сначала представляются прагматические свойства (функции и особенности) метакоммуникативных единиц (МКЕ)¹, описанные в лингвистической литературе. Затем будут представлены корпус и метод анализа. В следующих разделах приводятся примеры для основных функций МКЕ в текстах корпуса: организация диалога с помощью МКЕ, повышение приемлемости с помощью МКЕ и поддержание понимания с помощью МКЕ.

2. Прагматика (функции и особенности) метакоммуникативных единиц

Содержание высказывания всегда охватывает не только лексические и грамматические значения, но и прагматические аспекты, такие как иллюкуция, перлюкуция, пресуппозиции, аллюзии и совокупность модальных значений, в том числе оценку достоверности утверждаемого факта. С целью повышения понимания высказывания на всех этих уровнях говорящие широко употребляют метакоммуникативные средства языка. Уточняют, например, иллюкуцию: *это обещание/упрек/побуждение* и т. п. [ср. Bublitz 2001: 1334].

МКЕ отличаются в зависимости от коммуникативных ситуаций, они связаны с спецификой учреждений, в которых проходит общение, с ролями, которые выполняют участники [Techtmeier 2001: 1461], другими словами: кто (по статусу), кому, в какой ситуации, с какой целью говорит. В отличие от повседневной и особенно от фатической коммуникации деловая коммуникация почти всегда целенаправленна, она служит в общей сложности повышению прибыли данной компании [Ср. Riel, Cees V. M. van & Charles J. Fombrun 2007]. В расслабленной межличностной коммуникации выбор слов и другие особенности оформления реплик менее существенны, менее «опасны», чем в официальном общении, например, на объединенных собраниях компаний. В корпоративной коммуникации особенно крупных компаний подробности формулировки речи даже регулируются в этических кодексах, например:

Правильная речь — это сочетание верного тона, артикуляции, произношения, громкости и точного подбора слов. [Корпоративные кодексы этики АКБ «Инвестторгбанк» (ОАО), ОАО «Социнвестбанк»; цит. по Скрипник 2012: 52]. Все рекомендации являются вариациями общего требования, сформулированного как констатация факта в одном из кодексов: *Работник Компании независимо от уровня,*

¹ О разных названиях метакоммуникативных элементов речи см, например, Olszewska [2007: 11–13].

вида и способа общения — вежлив, доброжелателен, отзывчив. [Русгидро, цит. по Рисинзон, Скрипник 2017: 354; о культуре речи в кодексах см.: Ратмайр, в печати]

В литературе приводятся разные названия функций метакоммуникативных единиц (МКЕ) в диалоге, которые можно собрать в три группы:

— поддержка понимания [Techtmeier 2001: 1453–1457), или интерпретационные функции, или функции по поддержанию взаимопонимания в диалоге [Голетиани 2013]: *Ты имеешь в виду...?, Я имею в виду, что..., то что я сейчас скажу, это объяснение моих предыдущих высказываний; Я знаю, что это нужно понять как совет.*

Эти функции другими авторами интерпретируются как «комментирование, объяснение, констатирование, оценивание (как своих, так и чужих общений)» [ср. Жукова, Лебедько, Прошина, Юзефович 2013: 245];

— повышение приемлемости сказанного, редукция конфликтности, поддержка хороших отношений: *То, что я сейчас скажу, не относится к теме, но...; Я знаю, что надо было бы начать доклад с выражения благодарности* [Techtmeier 2001: 1453–1457]. Эта функция у Голетиани [Голетиани 2013] называется «модальная функция», например: *Не могу согласиться...;*

— организация диалога или полилога (диалогоуправление): *Как мы поступим, сначала поговорим о проблеме х, а затем у?; Теперь говорю я; тут я сразу должен вмешаться, твоя критика ведь напрямую касается меня...* [Techtmeier 2001: 1453–1457]. По Голетиани; диалогоуправляющие функции или функции по организации интеракции — это жанровые клише: *открытие и закрытие интеракции, введение нового топика, возвращение к предыдущему, сохранение, трансформация или закрытие топика* [Голетиани 2013: 61].

Не всегда удается отнести МКЕ однозначно к какой-либо одной функции, что вызвано высокой степенью их полифункциональности. Она иногда приближает МКЕ к актам исправления, коррекции, например: *Никто же не должен принимать это лично (persönlich nehmen; Bublitz 2001: 1458).* МКЕ *Только маленькое дополнение к сказанному выше Х-ом* имеет не меньше следующих пяти функций: обоснование присвоения роли говорящего, маркировка прошедшего момента в дискуссии, частичное подтверждение высказывания Х-а, критика высказывания Х-а и смягчение критики и усиление приемлемости [Techtmeier 2001: 1457].

МКЕ могут быть инициативными или реактивными репликами, или частями реплик. Синтаксический состав может быть разный: полные предложения, подчиненные предложения, клишированные адвербиальные реплики [Techtmeier 2001: 459].

3. Корпус и метод

Примеры берутся из корпуса совещаний и собеседований совместного проекта о дискурсивном анализе корпоративной коммуникации в России [Милехина, Ратмайр 2017: 214 и 259–260] и из корпуса Р. Ратмайр «Русская речь и рынок» [Ратмайр 2013].

Корпус совещаний был записан Т. А. Милехиной в 2004–2014 гг. в различных российских компаниях в Москве, Санкт-Петербурге, Казани, Владикавказе, Саратове и других городах в присутствии и с разрешения руководства и сотрудников соответствующих компаний. «Материалы записывались в компаниях разного профиля деятельности: банковского и издательского бизнеса; электронной торговли; маркетинговых коммуникаций; производства отделочных материалов; производства и продажи мебели; лесозаготовки; торговли алкогольной продукцией и запчастями» [Милехина, Ратмайр 2017: 218].

Корпус собеседований содержит записи 26 собеседований. Материалы были собраны в первом полугодии 2008 г. и во втором полугодии 2012 г. в компаниях и кадровых агентствах Москвы и других городов России.

Применяемый метод — это функционально-прагматический и лингвистический дискурсивный анализ [Brünner 2009: 153 и сл.], который обеспечивает интерпретацию особенностей речевого поведения в социальном и общественном контексте.

Поиск частотных метакоммуникативных средств в корпусах охватил существительные и глаголы речи, глаголы *понимать* и *значить*, фразеологизм *иметь в виду*, синтагмы *то есть*, *в смысле* (ср. [Голетиани 2003: 339]).

4. Организация диалога

Для жанра совещаний характерна, с одной стороны, несимметричность ролей и важность статуса, а с другой неформальность: полилог присутствующих, когда говорят все одновременно и нейтральная тональность варьируется по целому спектру — от шутливой до грубой. Изменение тональности тесно связано с терпимым отношением к употреблению грубых слов и выражений, а также с конфликтностью обсуждаемых ситуаций. Грубость встречается очень редко, она в этом случае может быть связана и с лояльным отношением к ругательствам, которые воспринимаются как показатель дружеских, неформальных отношений в коллективе. При этом важную роль играет возраст участников (ср. [Милехина, Ратмайр 2017: 230–231]).

Совещания проводятся с определенной целью, и темы определяют, как правило, руководители. Употребляемые при этом метакоммуникативные средства Olszewska [2007: 36 и сл.] описывает как «тематизирующие метатекстемы». На совещание СВ8–2012, записанном в торговой компании по электронике в Москве, обсуждаются проблемы, связанные с продажей. Прямое обсуждение темы имеет место в примере (1), косвенное в примере (2):

1. <И> *Я не знаю/ что у нас там получится по пятнице и по субботе и воскресенье/ сейчас на эту тему поговорим/ но ситуация именно такая... //* (СВ8–2012).

2. <И> *Чтобы нам в бесконечность в какую-то сейчас не уходить / я хотел на эту тему отдельно/ так сказать/ собраться / не в рамках оперативного собрания/* (СВ8–2012).

В примерах (3) и (4) метакоммуникация выражается в конативном акте. Присутствует также проспективная и ретроспективная минимизация собственных

вербальных, ментальных и других действий в интерпретациях речи и оправданиях (ассертивные речевые акты) с помощью частицы *просто*. А в примерах (5) и (6) руководитель распределяет обязанности и призывает к кооперативности:

3. <А> Этот вопрос я возьму на себя/ и решу его в ближайишие там два дня/ два/ три дня/ так вот//(СВ18–2012).

4. <В.> Антон/ я просто поясню/ здесь дело в том что такая/ н-не неопределенность/ по этому проекту/ (ПРА).

5. С1 — Давайте скажем Ермакову/ чтобы уходил от/ них// (СВ 13)

6. <В> Ребята/ давайте не будем/ вернемся в конструктивное русло беседы и давайте определим задачи/ что мы хотим// (СВ18–2012).

Планирование речевой деятельности компаний — одна из основных целей совещаний. В примере (7), в репликах Макса хорошо видна полифункциональность МКЕ: говорится не только об организации речевой деятельности, но и оценивается информация как понятная, как конфиденциальная:

7. Макс. — Я в течении дня вам скажу/ угу/ вот// ну// вся информация/ что обязательна/ можно сказать/ что вся информация/ которая будет услышана мною/ она как бы понятна со стороны компании/ которая в интересах компании/ она как бы конфиденциальна/ в следствие необходимости/ могу подписать соответствующую бумажку// (СВ 21–2012); Макс. — Да/ но что хотел еще отметить/ что если какие-то будут там недочёты скажем там/ какие-то у меня вопросы будут/ я буду сразу как бы эти все моменты включать в коммуникацию/ скажем/ сразу сообщать что если/ по ходу дела мы будем сразу это устранять// (СВ 21–2012).

Есть совещания, которые почти целиком являются метатекстом. В примере (8), из записи совещания по рейтингу агентств маркетинговых коммуникаций, входящих в группу, обсуждается последовательность действий и оценка этого:

8. 1 — То есть с точки зрения мысли структурности очень хорошо/ Начинаем рейтинг объясняем почему мы вторые где наша роль куда мы идем/ дальише переходим к активу отвечаем на вопросы связные с конфликтом бизнеса по клиентам//

2 — Ну да и по людям//

1 — По людям/ Озвучиваем те моменты которые мы хотим озвучить//

2 — Ну вроде как я все старалась включить//

1 — По-моему очень хорошо// Давайте зафиксируем/ дождемся когда он вызовет//

2 — Ну в понедельник мы договорились ориентировочно потому что он говорит что-то «Погода Я отлежаться хочу»//

1 — Понятно// Ну хорошо/ я бы даже сказала отлично/ (СВ 11–2012)

Пример (9), в котором спорят о том, кто что сказал, иллюстрирует высокую степень интертекстуальности: говорят о том, что было и будет сказано, просят что-то сказать. А в примере (10) объединены комиссивный и директивный речевые акты:

9. мужской голос — Я только что сейчас рассказал/ что там// мужской голос — Ну хорошо/ мы Валере скажем/ он поставит/ помоем// мужской голос — Оксана говорит/ чтобы здесь не было ничего там лишнего/ что в лесу рассортируем всё/

и сразу повезем//; мужской голос — Я ничего не сказал/ я спрашиваю / сортировка будет в лесу или здесь?; мужской голос — Я и сказал/ вот это предложение сортировать в лесу//; **Макс.** (перебивая) — А/ вот еще последний момент / еще хотел/ в понедельник у нас с Евгением по плану еще / мы вот с Ларисой когда переговаривали (СВ 11–2012)

10. <А2.> Мы просто-напросто должны уже говорить о каких-то конкретных вещах/ говорить скажем о (нрзбр.) шансах/ (ПИК).

Анализ записей совещаний показал, что в метакоммуникативных репликах употребляются самые разнообразные глаголы речи, такие как *говорить/сказать, отметить, переговорить, включать в коммуникацию, перечислить, определить, пробежаться по пунктам* и многие другие. Также употребляются метаязыковые формулы: *скажем так, так сказать, как тебе сказать* и др. Они на совещаниях в основном встречаются в трех речевых актах — в директивных: *кто что кому должен сказать*, в ассертивных: *кто кому что сказал* и в коммиссивных: *говорящий кому что скажет/сказал*.

Гораздо реже, чем на совещаниях, диалогоуправляющие МКЕ употребляются в беседах. Беседы являются непубличным жанром устной корпоративной коммуникации на грани внутренней и внешней (полу-внутренняя корпоративная коммуникация): представитель компании, чаще всего менеджер по персоналу или сам руководитель компании должен отобрать наиболее подходящего нового сотрудника компании. Другой вариант, если отбор персонала организуется при помощи рекрутинговых агентств, тогда интервьюер — профессиональный рекрутер. Соответственно они имеют место либо в компании, либо в рекрутинговом агентстве, если функция подбора персонала частично выведена в аутсорсинг. Бывают и смежные формы, когда руководитель компании ведет беседы в помещениях рекрутингового агентства, которое уже сделало предварительный отбор соискателей (например: СБ4–2008).

На беседах интервьюер задает тему, о которой соискатель должен говорить на данном этапе беседы, например, употребляя глаголы речи: *перечислить, определить, сказать в побуждении*, например, когда спрашивают о методах, которые соискатель собирается применять на курсах по повышению квалификации, или просят соискателя задавать свои вопросы, если они есть:

11. <С> Как вы считаете/ чем должен заниматься менеджер по обучению и развитию персонала у нас в компании? Основные обязанности перечислите/ какие вы видите? [... 10 строчек пропущено]

<С> ... вот а какими методами вы бы... определили или что можете нам сказать о том что... (СБ3–2008).

Материал Корпуса, записанного в 2008 г., свидетельствует, что чаще всего требуется рассказать о причинах ухода с предыдущего места работы

12. <Э.> Ещё раз можете назвать причину увольнения?

<К.5> Я же сказал что/ у нас немножко видение разошлось//

<Э.> Я поэтому говорю/ ещё раз напомните/ вот честно говоря забыл/ не записал сюда//(СБ4–2008)

В записанном в 2012 г. в большом бизнес центре в Москве собеседовании (СБ10–2012) участвуют: <АА> 30 лет, менеджер по рекрутменту, крупной компании и <ИС> 31 год, кандидатка на вакансию. В начале обсуждается тематическая последовательность, причем в противоречии к обычному порядку кандидатка хочет ее определить сама.

13. <АА> э-э поэтому я предлагаю нашу встречу по... построить таким образом/ ну э-э хотелось бы чтобы вы рассказали о себе в контексте вашего резюме/ может быть тех задач уже которые вы выполняли в качестве эйчар бизнес партнера/ да/ [4 строчки пропущено] <АА> ./ я с вашего позволения мм... буду задавать вам уточняющие какие-то вопросы/ <ИС> конечно/ да/ <АА> пере... перебивать вас/ вы там уж не считите меня таким... бестактным хамом/ <ИС> э-э конечно/ я наоборот даже может быть попросила бы вас акцентировать те моменты/ потому что в общем-то опыт достаточно большой <АА> угу/ <ИС> несмотря на то что я не так долго в эйчаре/ <АА> угу/ <ИС> и поэтому может быть вы мне сакцентрируете то что интересует вас/ вот ну как бы какой у вас таргет/ какой у вас фокус/ (СБ10–2012)

5. Повышение приемлемости высказываний и реплик

В отличие от организации диалога, которая относится к уровню содержания совещаний, приемлемость высказываний относится к уровню отношений между их участниками (ср. [Vublitz 2001: 1331]). Конструктивное, эффективное общение предполагает взаимное соблюдение постулата кооперации Грайса [Grice 1975]. Требуется минимизация конфликтности, принятие даже противоположных мнений или по крайней мере уважение к ним.

Интересно, что приемлемость, очевидно, важна в собеседованиях, а в совещаниях нужна в гораздо меньшей степени. Это вызвано скорее всего тем, что на совещаниях члены компаний знают друг друга, уровень отношений среди них урегулирован, а на собеседованиях уровня отношений «еще нет», зато есть явная необходимость создания взаимодоверия между еще не знакомыми персонажами. С этой целью употребляются, например, превентивные МКЕ. Один директор отдела кадров употребляет предварительное извинение *извините за некорректность вопроса*, но, как она сказала в интервью, конечно, спрашивает женских соискателей о планах рожать детей, *поскольку это риск, конечно*: <СК> Ну а мы сразу спрашиваем// Вот я/ сразу/ спрашиваю говорю/ «Вы извините мне/ м-м-м/ некорректность моего вопроса»// (ИЗ6–2008).

Можно добавить, что потом в собеседованиях она применяла превентивные извинения непоследовательно. *Не хочу Вас перебивать; не хочу Вам противоречить* — другие превентивные метакоммуникативные реплики, характерные для корпоративной коммуникации. Говорящий с их помощью показывает, что он соблюдает правила вежливой коммуникации, но лишне не тратит времени. А ретроспективная метакоммуникативная минимизация собственных вербальных, ментальных и других действий выражается в интерпретациях речи и оправданиях (ассертивные речевые акты).

В беседах встречаются также метакоммуникативные реплики, в которых формулируется побуждение *говорить меньше, в более жатой форме*. Другими словами, призывают соискателей к соблюдению постулата количества Грайса [Grice 1975].

14. <М.> *А-а/ на Менжинского / все/ вижу... (пауза) Давайте с вами начнем с региональной сети города х/ ну вкратце/ я думаю что по... этим местам наверно до... до фирмы х можно вкратце//* (СБ 5–2008).

Требование соблюдения постулатов количества, релевантности и ясности также встречается в этических кодексах некоторых компаний: *Сотрудник Банка обязан: предоставлять клиенту как можно более полную информацию о Банке и услугах, быть внимательным к потребностям клиента, стараться предложить те услуги, которые могут его заинтересовать; максимально удовлетворять запросы клиента.* [Корпоративный кодекс этики ООО КБ «Профит Банк», по Скрипник 2012: 44].

Ретроспективные МКЕ сигнализируют, например, о неловкости. В примере (15) метаязыковой формулой *скажем так* выражается неудобство при ответе на вопрос о сугубо личных отношениях соискателя. Интересно, что личные вопросы задаются не только женщинам, но и мужчинам. Так директор рекламной компании удивляется, что 37-летний соискатель еще не женат, и прямо спрашивает его:

15. <Э> *А вы до сих пор холосты?*

<К 9> *Я разведен скажем так.* (СБ4–2008).

В рамках анализа переговоров и функций в этом жанре частицы *просто* встречались многие примеры, где частица сопровождает интерпретацию собственной речи и управление тем, как понимает эту речь адресат. Реализуются метакоммуникативные акты с глаголами речи в форме настоящего-будущего совершенного вида (*я просто поясню, ну просто я сейчас скажу*), реже в будущем времени несовершенного вида (*просто буду отвечать*) или в инфинитиве с настоящим временем модального глагола *хотеть* (*просто хочу определиться*), или же с формой прошедшего времени глагола *хотеть*, при сохранении отношения к будущему (*я тебе просто хотел дорассказать*). Частица смягчает категоричность речи говорящего (ср. [Ратмайр 2013: 180–185]).

6. Поддержка понимания

В корпусе обнаружено мало примеров, указывающих на поддержку понимания с помощью МКЕ. В примере (16) из собеседования женщина-интервьюер не уверена, правильно ли она поняла указания соискательницы, а в примере (17) организация диалога, точнее определение темы интервьюером, а соискатель подтверждает, что он понял директивный акт. Пояснение оборотом *иметь в виду* иллюстрирует пример (18):

16. <К> *А я правильно поняла что вы учились в у... <ЕП> В РГТУ// <К> А-а/ это в РГТУ/ все/ поняла/ значит с другой стороны читала неправильно/ (смеется) <ЕП> Да/ да-да-да/* (СБ 08–2012.).

17. <ЕП> *А... можно вот/ вы рассказываете про систему/ да/ бизнеса/ а вы конкретно вот что там делали/ вы открывали с нуля/ вы работали с новыми*

партнерами/ вы интернет строили/ что конкретно? <Е> Ага/ понял/ значит изначально/ изначально я пришел как менеджер проекта (СБ 08–2012).

18. <ЕП> Ну это вот комфорт понимается как атмосфера/ потому что есть состояние комфорта в котором вообще ничего не делать/ все равно тоже будет комфортно// [<К> Да/ да... не/ я имею в виду все-таки профессиональный комфорт/ <ЕП> Ну-у/ безусловно конечно важна <Е> вот/ ну и опять же чтобы это гармонично сочеталось с моей жизнью/ с личной я имею в виду/ (СБ 08–2012).

В корпусе есть пример объяснения значения экономического метода мотивации, который не служит кооперативной атмосфере собеседования, а, наоборот, выражает некоторую агрессивность соискательницы по отношению к интервьюеру. В уже цитированной беседе СБ10–2012, записанной в 2012 г. в большом бизнес-центре в Москве, участвуют: <АА> 30 лет, менеджер по рекрутменту, крупной компании и <ИС> 31 год, кандидатка на вакансию.

19. <ИС> я-я до этого интер... я вообще интересуюсь соционикой/ я интересуюсь э-э методом мотивации по Герчикову/ я его очень много применяю/ <АА> немножко расскажите что это такое/ буквально... <ИС> э-э ну Герчиков просто наш российский ученый который разработал достаточно простой базис э-э мм... ну... там неких факторов которые разделяют <АА> угу/ <ИС> мотивации на четыре э-э на четыре типа/ соответственно там/ ну те которым нужны награды/ те которых мотивируют деньги/ те кому нужна административная работа <АА> угу/ <ИС> и как бы менеджерские функции/ ну вот по вот такому базису в таблице еще э-э дополнительно есть у него некие люмпены <АА> угу/ <ИС> которых вообще ничего не мотивирует/ (СБ10–2012).

Резюме

Метакоммуникация — существенный элемент любой коммуникации. На примере жанров «совещание» и «собеседование» было показано, что в разных жанрах корпоративного общения функции МКЕ различаются по частотности. В совещаниях очень важную роль играет организация диалога, обсуждение того, о чем будет идти разговор, кто должен сказать или сделать что-то. Наблюдается организация диалога на уровне темы, ролей говорящих и слушающих, распределение вербальных и других задач.

На собеседованиях как распределение ролей, так и тематические рамки заранее существуют и обсуждаются в меньшей степени (хотя в одном из приведенных выше примеров соискательница в какой-то степени взяла на себя роль ведущего и задавала темы беседы).

На уровне взаимоотношений партнеров по коммуникации действует повышение приемлемости высказываний, важным средством выражения которого также являются МКЕ. Применяются как превентивные, так и ретроспективные МКЕ, смягчающие возможную конфликтность интеракции. В рассмотренных жанрах встречаются также МКЕ, поддерживающие взаимопонимание, причины их сравнительно низкой частотности подлежат дальнейшим исследованиям.

Список литературы

Голетиани Л. Коммуникативная неудача в диалоге. На материале русского и украинского языков. München: Verlag Otto Sagner, 2003.

Голетиани Л. Использование метакоммуникации в диалогах с намеренным нарушением коммуникативных постулатов. // Ритуал в языке и в коммуникаци/ отв. ред. Л. Л. Федорова, М.: Языки славянских культур, 2013. Стр. 57 и сл.

Жукова И. Н., Лебедько М. Г., Прошина З. Г., Юзефович Н. Г. Словарь терминов межкультурной коммуникации. М. : Флинта Наука, 2013. 632 с.

Милехина Т. А., Ратмайр Р. (отв. ред.) Корпоративная коммуникация в России: дискурсивный анализ. Коллективная монография. М. : Языки славянской культуры, 2017. 632 с.

Ратмайр Р. Культура речи в этических кодексах компаний и реальное общение на примере обслуживания клиентов // “Труды Института русского языка”, вып. 3. М., 2017. С. 115–125.

Рисинзон С. А., Скрипник Е. Корпоративные этические кодексы // Корпоративная коммуникация в России: дискурсивный анализ / отв. ред. Т. А. Милехина, Р. Ратмайр. М. : Языки Славянской культуры, 2017. С. 353–371.

Скрипник Е. Эксплицитная коммуникационная политика в российских компаниях на примере корпоративных кодексов этики, Дипломная работа, Вена 2012.

Brünner G. Linguistische Diskursanalyse und ihre Anwendung auf die Wirtschaftskommunikation.” // Diskurs und Ökonomie: Diskursanalytische Perspektiven auf Märkte und Organisationen, Rainer Diaz-Bone; Gertraude Krell, Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2009, pp. 153–176.

Grice H. P. Logic and conversation. // Syntax and Semantics. Vol. 3: Speech Acts, Peter Cole; Jerry L. Morgan, New York: Academic Press, 1975. Pp. 41–58.

Bublitz W. Gesprächskonstitution III: Prozeduren // Text- und Gesprächslinguistik. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung, Bd. 2, Berlin, New York 2001. Pp. 13310–1340.

Grice H. P. Logic and conversation. // Syntax and Semantics. Vol. 3: Speech Acts, Peter Cole; Jerry L. Morgan, New York: Academic Press. 1975. Pp. 41–58.

Hinrichs U. Linguistik des Hörens. Hörverstehen und Metakommunikation im Russischen. Wiesbaden: Harrassowitz, 1991. 385 Seiten.

Meyer M. Linguistische Analyse innerbetrieblicher Metakommunikation. Frankfurt/Main: Peter Lang Verlag, 2012.

Olszewska D. Metatexteme in den Geisteswissenschaften. Typologie — Funktionalität — Stilistik. Gdansk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdanskiego, 2007, 323 S.

Riel, Cees B. M. van & Charles J. Fombrun. Essentials of corporate communication: Implementing practices for effective reputation management. London & New York: Routledge, 2007.

Techtmeier B. Form und Funktion von Metakommunikation im Gespräch// Text- und Gesprächslinguistik. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung, Bd. 2, Berlin, New York 2001. Pp. 1449–1463.

Электронный ресурс Яacobсон, Р. Лингвистика и поэтика. www.philology.ru/linguistics1/jakobson-75.htm Москва 1975 (3.2.2018).

Renate Rathmayr

Vienna University of Economics and Business

(Austria, Vienna)

renate.rathmayr@wu.ac.at

METACOMMUNICATIVE ELEMENTS IN BUSINESS COMMUNICATION: WITH EXAMPLES FROM BUSINESS MEETINGS AND JOB INTERVIEWS

In this article, we analyze metacommunicative elements in authentic business communication—not in prescriptive codices and manuals—with actual examples from business meetings and job interviews. In the latter the role of participants is predetermined, whereas in business meetings communication happens at different hierarchical levels. The corpus for this analysis is the same as in the Russian-Austrian joint project of discourse analysis of Russian Corporate communication [Milechina, Ratmajr 2017: 214, 259].

The aim of this paper is to show which functions particular metacommunicative elements fulfill and how they are formulated. Speakers use different verbs to express the act of speaking like for instance: *talk, speak, mention, note, have a talk with someone, list, determine, discuss item by item*. We also find metacommunicative formulas like *for instance, let's put it this way, so to speak, how can I tell you*. They occur in the meetings in three types of speech acts: in directive acts the speaker wants to commit the addressee to a particular verbal action, in assertive acts the speaker agrees to, or confirms, statements as being true or factual, and in commissive speech acts the speaker promises to commit himself to a particular verbal action.

The thematic focus in meetings is direct or, less frequently, indirect speech about the topics of the speech. Normally it is the leader, who decides the topics, but if all participants are of the same level, they all decide the topics together. In directive speech acts someone who has to perform informative speech acts or give orders to do something is appointed.

In job interviews, the interviewer determines the topics on which the interviewee is required to speak. In the corpus, we also found metacommunicative formulas in which the job applicant is asked to speak less or in a more concise way. In other words, the applicant is asked to apply Paul Grice's postulate of quantity. In the paper, one can find examples of all types of metacommunicative text fragments in authentic meetings and job-interviews.

Keywords: corporate communication, metacommunicative elements, organization of dialogue, increased acceptability, help for understanding.

References

Brünner G. Linguistische Diskursanalyse und ihre Anwendung auf die Wirtschaftskommunikation." // Diskurs und Ökonomie: Diskursanalytische Perspektiven auf Märkte und Organisationen, Rainer Diaz-Bone; Gertraude Krell, Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2009, pp. 153–176.

Goletiani, L. *Kommunikativnaja neudacha v dialoge. Na materiale russkogo i ukrain-skogo jazykov*. [Communicative failure in the dialogue. On the material of Russian and Ukrainian languages]. München: Otto Sagner 2003. (In Russ.)

Goletiani, L. [The use of meta-communication in dialogues with a deliberate violation of communicative postulates] // *Ritual v jazyke i v kommunikacii / otv. Red. L. L. Fedorova* [Ritual in language and communication / ed. L. L. Fedorova], M.: Jazyki skavjanskich kul'tur, 57 ff. (In Russ.)

Grice, H. P. *Logic and conversation // Syntax and Semantics. Vol. 3: Speech Acts*, Peter Cole; Jerry L. Morgan, New York: Academic Press, 1975. Pp. 41–58.

Bublitz, W. *Gesprächskonstitution III: Prozeduren // Text- und Gesprächslinguistik. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung, Bd. 2*, Berlin, New York 2001, 1310–1340.

Grice, H. P. *Logic and conversation // Syntax and Semantics. Vol. 3: Speech Acts*, Peter Cole; Jerry L. Morgan, New York: Academic Press, 1975. Pp. 41–58.

Hinrichs, U. *Linguistik des Hörens. Hörverstehen und Metakommunikation im Russischen*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1991, 385 Seiten

Meyer M. *Linguistische Analyse innerbetrieblicher Metakommunikation*. Frankfurt/Main: Peter Lang Verlag 2012.

Milechina, T. A., Ratmajr R. (ed.) *Korporativnaja kommunikacija v Rossii: diskursivnyi analiz*. [Corporate Communication in Russia: Discursive Analysis] Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ, 2017. 632 p. (In Russ.)

Olszewska, D. *Metatexteme in den Geisteswissenschaften. Typologie — Funktionalität — Stilistik*. Gdansk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdanskiego. 2007, 323 S.

Ratmajr R. [Speech culture in the ethical codes of companies and real communication on the example of customer service] // „Trudy Instituta Russkogo jazyka. vol. 13“. Moscow, pp. 115–125. (In Russ.)

Riel, Cees B. M. van & Charles J. Fombrun. *Essentials of corporate communication: Implementing practices for effective reputation management*. London & New York: Routledge, 2007.

Risinzon S. A., Skripnik, E. [Corporate ethical codes] // *Korporativnaja kommunikacija v Rossii. Diskursivnyi analiz / otv. red. T. A. Milechina, R. Ratmajr* [Corporate Communication in Russia: Discursive Analysis / T. A. Milechina, R. Ratmajr eds.] Moscow, Jazyki Slavjansoj kul'tury Publ, 2017, pp. 353–371. (In Russ.)

Skripnik, E. *Eksplicitnaja kommunikacionnaja politikav rossijskich kompanijach na primere korporativnykh kodeksov etiki. Diplomnaja rabota* [Explicit communication policy in Russian companies on the example of corporate codes of ethics. Graduation thesis]. Vena, 2012.

Techtmeier, B. Form und Funktion von Metakommunikation im Gespräch// Text- und Gesprächslinguistik. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung, Bd. 2, Berlin, New York 2001. Pp. 1449–1463.

Zhukova, I. N., Lebend'ko, M. G., Proshina Z. G., Juzefovich, N. G. Slovar' terminov mezhkul'turnoj kommunikacii. Moscow, Flinta Nauka Publ 2013

Электронный ресурс Jakobson, R. Lingvistika i poetika. www.philology.ru/linguistics1/jakobson-75.htm Moskva 1975 (3.2.2018).

Е. В. Рахилина

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
rakhilina@gmail.com*

Д. А. Рыжова

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Россия, Москва)
daria.ryzhova@mail.ru*

СЛАВНЫЙ КОРАБЛЬ — ОМУЛЕВАЯ БОЧКА... К МИКРО-ИСТОРИИ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПЕРЕХОДОВ*

В статье обсуждается процесс семантического развития русского прилагательного *славный* в период с начала XVIII в. и до начала XXI в. На материале НКРЯ определяется набор основных значений слова, сосуществующих и сменяющих друг друга. Показано, что в XVIII веке слово *славный* употребляется преимущественно (по крайней мере, в письменных текстах) в значении ‘известный, прославленный’. Это значение почти полностью устаревает уже к XIX веку, а на базе семантики известности формируется значение сильной положительной оценки. Подобные переходы (‘известный’ => ‘хороший’ как частный случай более общей модели ‘отличающийся от других’ => ‘хороший’) зафиксированы во многих других языках мира. Пик частотности оценочных употреблений слова *славный* приходится на XIX в., а в XX–XXI вв. оно не только реже употребляется в качестве оценочного маркера, но и меняет значение ярко положительной оценки на семантику умеренной, «сниходятельной» похвалы. Этот процесс постепенного выхода из узуса оценочного маркера представляет особый интерес, поскольку он отличается от засвидетельствованных и описанных ранее.

Ключевые слова: лексическая семантика, корпусная лингвистика, микродиахрония, русский язык, оценочная лексика, семантический переход, славный

* Исследование поддержано грантом РФФИ №17-04-00517-ОГН «Развитие морфологического и семантико-синтаксического компонентов корпусного описания грамматики современного русского языка».

1. Введение

Исходным материалом для настоящей работы послужило русское прилагательное *славный* в период с начала XVIII века и по настоящее время, то есть в течение трех веков. С исторической точки зрения, три века — период сравнительно краткий для существенных изменений в лексической семантике¹. Однако *славный* мы выбрали неслучайно: это оценочное прилагательное, а в отношении оценочной лексики особых ожиданий семантической стабильности как раз быть не может. Хорошо известно, что оценочные маркеры по своей природе очень динамичны. Они относятся к пласту эмфатических слов, цикл жизни которых обычно оказывается недолгим: когда в процессе узуса эмоциональный компонент стирается, с ним уходит и яркость оценки, так что языку требуется новое живое и неожиданное слово для этой зоны.

Нас интересует, насколько такой цикл короток: может ли он полностью уложиться в выбранный нами микродиахронический промежуток. Если да, то корпусные наблюдения над лексикой этого класса помогли бы установить перечень возможных источников для оценочного значения и детали возможных микро-семантических сдвигов на пути его формирования.

Для слов и конструкций, формирующих значение количественной оценки признака, — так называемых интенсификаторов — эта задача сейчас обсуждается и решается в целой серии работ (прежде всего, на материале английского языка, но не только), см. [Ito, Tagliamonte 2003], [Aijmer 2011], [McManus 2012], [D'Arcy 2015], а также [Герасимов 2016] и мн. др. На фоне широкого круга исследований, посвященных интенсификаторам, лексике с производным значением качественной оценки уделяется много меньше внимания (ср. для русского языка прежде всего [Кустова 2011], а также наши предварительные исследования [Карпова и др. 2011], [Рыжова 2016]). В частности, пока не изучена пост-финальная стадия жизненного цикла оценочных маркеров: неясно, что происходит со словами, которые перестают употребляться в классическом (положительном или отрицательном) оценочном значении.

Русское прилагательное *славный* кажется нам интересным материалом для обсуждения этих теоретических вопросов: как показывают корпусные исследования по НКРЯ, его семантика заметно менялась в тот короткий период, который мы имеем возможность наблюдать. Наш материал позволяет выдвигать предположения и о семантическом источнике значения положительной оценки у слова *славный* (раздел 2), и о последовательном развитии этого значения (раздел 3). В разделе 4 мы вписываем наши наблюдения в более широкий типологический контекст и в 5–6 соотносим это с возможными направлениями его последующей семантической эволюции. Итоги суммируются в заключении.

¹ Впрочем, выборочные исследования показывают, что по крайней мере для русского языка масштабы внутренней, семантической перестройки лексических единиц в этот период гораздо существеннее, чем мы могли бы ожидать. См., например, [Добрушина, Даниэль 2016], [Живов 1996] и др.

2. XVIII век как исходная точка

Прилагательное *славный* — отыменное, оно образовано от существительного *слава*, и в исходном типе употреблений значит ‘известный, прославленный’. Большинство примеров начала XVIII века касаются прославленности в военном отношении. Классические примеры из текстов — *славные победы, дела или славное оружие*, ср. (1):

(1) *По славной щастливой победе над королем швецким под Полтавою указ дан генералу-фельдмаршалу графу Шереметеву <...>* [А. М. Макаров (ред.). Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) (1698–1721)]

Это «военное» оценочное значение сохранилось в русском языке до сих пор:

(2) *Ныне это крупнейший порт на западном побережье, о славной истории которого расскажут экспонаты Морского музея, разместившегося в чудом сохранившемся замке XII–XVII вв.* [Владимир Гаков. Во Францию -- на машине времени (2001) // «Туризм и образование», 2001.03.15]

Впрочем, соответствующие контексты существенно сузились. Прежде всего, сужение произошло за счет устаревания предметных и абстрактных имен: в нейтральном контексте мы уже не говорим, как в XVIII веке, *виктория, держава* или *самодержцы*, и поэтому не встречаем эти имена в контексте *славный*. Точно так же, мы уже не используем метонимически вещественное имя *железо* (как материал изготовления) для обозначения оружия (а только для компьютерной техники), и поэтому не говорим, как три века назад, **славное железо*.

Конечно, это не единственная причина сужения употреблений *славный*. Устаиваются не только существительные, с которыми оно некогда сочеталось, но постепенно — примерно с середины XIX века и до наших дней — уходит из узуса и само прилагательное (ср. статистику его частотности по данным НКРЯ на Рис. 1), сужая свою семантику и сферу своего применения.

В XVIII веке прилагательное *славный* использовалось значительно шире, чем теперь. В то время была еще очень сильна его семантическая связь с существительным *слава*, которая слабо ощущается современными носителями. *Славный*

Рис. 1. Частотность прилагательного *славный* в разные периоды (с 1800 по 2014 г.)

в XVIII веке — это, прежде всего, ‘известный’. Этим обуславливаются и его особые синтаксические свойства, а именно, наличие у него дополнительных валентностей, вводящих причину славы, см. примеры (3–4), или среду, в которой человек (держава, армия) широко известны (5).

(3) *Как се досадно было им мыслити: Швеция, оружием славная, се Швеция, всей Европе страшная, гофрский народ, имя ужасное народ гофрский с Россиею девять лет борется, а еще бедно!* [архиепископ Феофан (Прокопович). Слово похвальное о баталии Полтавской (1717)]

(4) *Но и се не подобно, ибо воинству российскому дело было не со зверьми, но с людьми, с людьми, умом и мужеством славными, а людей тех, кораблями наступающих, галерами победило.* [архиепископ Феофан (Прокопович). Слово похвальное о флоте российском и о победе, галерами российскими над кораблями шведскими иулия 27 дня полученной (1720)]

(5) *Которое оных же шведов, уже давно во всем обученных и славных в Европе (которых называли французы бичем немецким) под Полтавою так жестоко низринуло, что всю их максимум низ кверху обратило.* [А. М. Макаров (ред.). История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) (1698–1721)]

Значение ‘известный, прославленный’ в XVIII веке не ограничивается, как в наши дни, только военными контекстами. Встречаются и совершенно «гражданские» употребления слова *славный*, см. пример (6), для которых также характерно наличие у прилагательного дополнительных валентностей (7).

(6) *О пропорциональной твердости тел славный французский физик Мариотт также некоторые опыты учинил и нашел, что <...>* [М. В. Ломоносов. Продолжение о твердости разных тел (перевод) 1741]

(7) *<...> тако ж Латинское слово некоего славнаго в языке том автора, перевестъ на Русское <...>* [[Петр I]. Регламент или устав духовной коллегии (1721)]

Как и современное нейтральное прилагательное *известный*, слово *славный* в XVIII веке не во всех контекстах предполагает положительную оценку и не всегда свидетельствует о мощи и величии объекта, наделяемого этим свойством. Это хорошо показывают примеры (8–9), где прилагательное *славный* применяется по отношению к карточному игроку и вору, т. е. употребляется в значении ‘хорошо известный’, но не *‘известный как выдающийся / великий’.

(8) *Она часто езжала в дом одного славнаго тогдашнего карточного игрока.* [Д. И. Фонвизин. 1798]

(9) *Был славный вор в Москве.* [«Петр I и вор» (1754)]

Уже к концу XIX века сфера употребления прилагательного *славный* в значении ‘известный, прославленный’ очень сильно сужается. К XXI веку отголоском этого значения остаются преимущественно «военные» контексты, причем, как мы уже говорили, их круг весьма ограничен по сравнению с XVIII веком и в основном сводится к набору клишированных сочетаний, ср. *славные победы, славная история, славный город*. Дополнительные валентности причины и места распространения славы тоже оказываются почти полностью утрачены. В НКРЯ есть ряд примеров употребления прилагательного *славный* в конструкциях с дополнительными

валентностями, датированных второй половиной XX и даже началом XXI века, однако все они ощущаются как стилизованные, умышенно архаизированные, ср. (10). Между тем, в современном русском языке эти валентности характерны для прилагательных *известный*, *знаменитый*, выражающих на синхронном уровне значение, очень близкое тому, которое почти утратило слово *славный*, ср. *широко известный в узких кругах*, а также пример (11).

(10) *А в замке том обитал рыцарь, славный своими подвигами.* [Мариам Петросян. Дом, в котором... (2009)]

(11) *Коктебель — “Край голубых вершин”, одно из самых примечательных мест Крыма — он знаменит чудесным пляжем, чистейшим воздухом и морем, обилием развлечений и прекрасными винами.* [Туризм по России (2003)]

Засвидетельствовано в корпусе и другое семантически близкое к исходному значение слова *славный*, в современном узусе полностью отсутствующее: ‘именитый, высокопоставленный’ (о людях, занимающих высокое положение в обществе, ср. пример 12). Это значение зафиксировано в Словаре русского языка XI–XVII веков, но уже в толковом словаре В. И. Даля оно отсутствует. Можно предположить, что в начале XIX века эту функцию берет на себя прилагательное *знатный*, по своей исходной семантике и направлению исторического развития очень близкое слову *славный* (см. [Скоринкин 2016]).

(12) *Фамилии не будут упадать, но в своей ясности непоколебимы будут чрез славныя и великия дома.* [[Петр I]. О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах (1714)]

Таким образом, в XVIII веке хорошо засвидетельствованы значения, связанные с идеей известности и впоследствии в большинстве утраченные русским языком. Вместо них и на их семантической базе *славный* развивает новый кластер значений — оценочных.

3. Развитие оценочного значения

По-видимому, уже в XVIII веке у слова *славный* было ещё одно значение: ‘хороший, отличный’, т. е. значение положительной оценки, никак прямо не связанной с идеей известности. В текстах единичные примеры этих употреблений начинают появляться со второй половины XVIII века (см. пример 13), а к середине XIX века они оказываются чрезвычайно распространены.

(13) *Роксолан был весьма сему рад, ибо он имел у себя славного богатырского коня, на котором сам не мог ездить и который остался ему после отца его; итак, просил он Силослава выйти с ним на несколько расстояния от города, где обещал служить ему тем, чего он от него требует.* [М. Д. Чулков. Пересмешник, или Славенские сказки (1766–1768)]

В то же время, даже полное отсутствие следов этого значения в корпусных примерах первой половины XVIII века не позволяет утверждать, что на тот момент оно действительно не существовало, а возникло позже, к середине XVIII века. По меньшей мере два обстоятельства свидетельствуют об обратном.

Во-первых, это значение приводится в словаре русского языка XI–XVII веков и иллюстрируется, в частности, примером (14). В нем прилагательное *славный* модифицирует существительное *одежда*, которое не связано явным образом ни с военной тематикой, ни с социальным статусом обладателя одежд; судя по контексту, нет никаких оснований предполагать и то, что сама одежда была чем-нибудь знаменита.

(14) *Одѣвъся въ одежю свѣтлы и славну.* (Ж.Феодос.Нест.) Усп. сб., 84. XII–XIII вв.

Во-вторых, первые примеры употребления прилагательного *славный* в оценочном значении появляются в текстах более разговорных жанров, чем те, с которыми мы сталкиваемся в корпусе, — это тоже заставляет предположить, что в разговорном языке такое значение, возможно, существовало и ранее. Такая гипотеза поддерживается исследованиями семантически близкого к прилагательному *славный* слова *знатный* (см. [Скоринкин 2016]), первые употребления которого в значении положительной оценки приходится на тот же самый период, т. е. на рубеж XVIII–XIX веков. При этом в большинстве случаев *знатный* в этом значении встречается в конструкциях с прямой речью. Ясно, что такие употребления проникли в корпус из разговорного языка, и мы не можем сказать достоверно, насколько долго это значение просуществовало в устном дискурсе, прежде чем оно было впервые отражено в вошедших в корпус письменных текстах. Тот факт, что примеры оценочных употреблений прилагательных *славный* и *знатный*, согласно корпусным данным, появляются практически одновременно и в текстах близкой жанровой принадлежности, может свидетельствовать в большей степени об изменениях в составе корпуса, чем о семантической эволюции соответствующих слов: корпус начинает отражать не только письменный, но и, в той или иной степени, разговорный язык.

Итак, мы не можем достоверно установить момент формирования у прилагательного *славный* значения положительной оценки — но мы можем уверенно утверждать, что оценочное значение для него не может быть исходным. Оно — естественный этап семантического развития очень прозрачного по своей внутренней форме отыменного прилагательного *славный* — процесса его квази-грамматикализации, то есть превращения из полнозначной лексемы в лексический маркер со значением из грамматического набора, в который входит оценка. Этот процесс нам очень интересен с теоретической точки зрения, мы рассмотрим его подробнее.

Согласно корпусным данным (см. диаграмму на Рис. 2), расцвет оценочных употреблений прилагательного *славный* приходится на XIX век, ср. характерные примеры (15–16)²:

(15) *Между этими норами у нас обыкновенно ставится круглый стол дорожный, повар наш славный, кормит хорошо.* [А.С. Грибоедов. [Путевые письма С.Н. Бегичеву] (1819)]

(16) *У него нашел я отличный прием, славный ужин и мягкую чистую постель.* [Ф.Ф. Вигель. Записки (1850–1860)]

² Отдельно отметим, что в большинстве примеров из текстов XX–XXI вв. *славный* обозначает оценку особого типа, о которой пойдет речь ниже, в разделе 6.

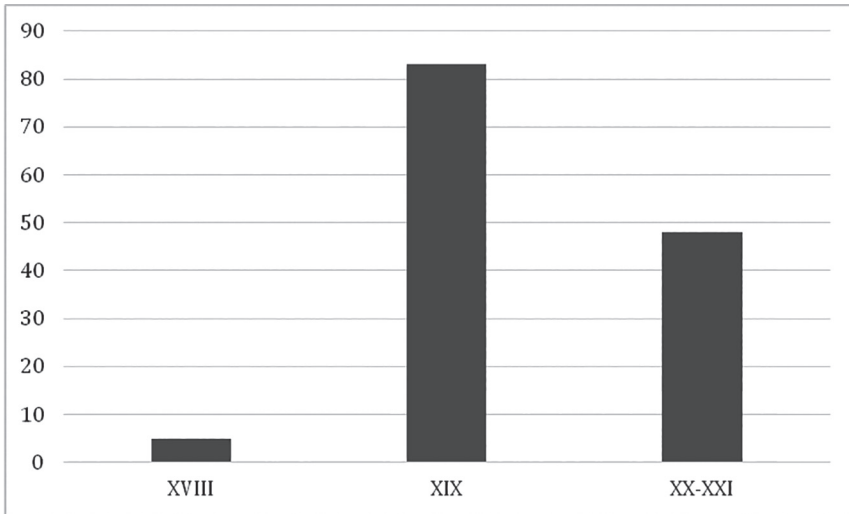

Рис. 2. Соотношение оценочных употреблений прилагательного *славный* (по выборкам из 100 случайных примеров, датированных XVIII–XXI вв.)

Действительно, ни *славный повар*, ни *славный ужин* не подразумевают известности, данные сочетания выражают только функциональную положительную оценку ('повар, который хорошо готовит' / 'вкусный ужин'). Такие употребления начинают постепенно вытеснять исходное значение. Так, в текстах середины — конца XIX века *славные дни* — это погода, пригодная для гуляний, как в (17), а не дни ратных подвигов, как это было ещё в начале века (ср. пример 18).

(17) *Утром все дни ничего не делал и чувствую себя отлично, по причине славных дней и ходьбы пешком.* [А. В. Дружинин. Дневник (1845)]

(18) *Но никогда, никогда не вздумают люди, чтобы кратковременное торжество некоторых политических бродяг и мечтателей могло быть в мире знаком вечного уничтожения добродетели и патриотизма, которые одушевляли славные дни Греции и Рима.* [[Н. М. Карамзин]. Политика // «Вестник Европы», 1802]

Важен и «градус» оценки, выражаемой словом *славный* в этот временной период: корпус прямо указывает, что это оценка высокой степени, т. е. ярко положительная. В этом отношении показателен пример середины века (19а):

(19а) *Славная у тебя лошадь!* — говорил Азамат. [М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839–1841)]

С точки зрения сегодняшней нормы такое предложение (если мы сочтем его приемлемым) будет интерпретироваться как 'неплохая у тебя лошадь', то есть выражать спокойную, вежливую положительную характеристику лошади. Однако с точки зрения нормы XIX века понимать это сочетание нужно совершенно иначе — и об этом свидетельствует продолжение реплики (19а):

(19б) *...если б я был хозяин в доме и имел табун в триста кобыл, то отдал бы половину за твоего скакуна, Казбич!* [М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839–1841)]

В современном русском языке такое продолжение было бы невозможно, потому что сейчас оценка *славный* много слабее (см. подробнее раздел 6 ниже). В диакроническом же варианте семантики *славный* она соответствует *высшей* похвале функциональным свойствам объекта (лошадь у Казбича и быстрая, и красивая, и умная...) и примерно равна современным *Ну и лошадь у тебя, Казбич! / Вот это лошадь! / Отличная у тебя лошадь!* Так же нужно понимать и «переводить» и примеры про погоду, ужин и повара.

По-видимому, в XIX веке оценочное значение слова *славный* проникает в литературный язык, и некоторое время относительно нейтральное ‘известный’ и ярко положительное ‘отличный’ сосуществуют. Как кажется, именно эта языковая ситуация отражается в словах популярной старинной арестантской песни «Славное море, священный Байкал». Считается, что она была написана поэтом-любителем, учителем Дмитрием Давыдовым и опубликована в 1858 году — когда, как мы видели, оценочное значение *славный* уже достаточно развилось, но еще не полностью одержало победу. Поэтому в первых, самых известных строках этого текста сосуществуют оба значения: под *славное море* имеется в виду ‘знаменитый’, ‘всем известный’ *Байкал*, огромный, как море. Автор почтительно называет его *священным*. По отношению к Байкалу как к природному объекту — такому же, как небо, или океан, или звезды — вряд ли вообще применима какая бы то ни было (и в том числе положительная) оценка. Напротив, *корабль* — артефакт, а артефакты имеют сильную функциональную составляющую, которая превалирует в их значении и легко попадает в сферу действия оценки субъекта. Наш субъект — беглец, он плывет через Байкал и хвалит свой «корабль» — *омулевую бочку*, которую он для этого приспособил. Никакой идеи известности в *славный корабль* нет и не может быть: речь идет о тайном побеге с каторги и плывет в этой бочке беглец совершенно один, надеясь на лучшие качества своего импровизированного судна и воспевая его. Так что если «перевести» на современный русский, получится, что сейчас он спел бы что-то вроде: «Отличный / классный / крутой у меня корабль: омулевая бочка».

Итак — знаменитое море, и по нему плывет прекрасный корабль. Выражены эти два смысла одним и тем же прилагательным *славный*, которое выступает в разных значениях: оценочном и нет. Они последовательно возникают, сосуществуют, конкурируют, оценочное со временем «выигрывает», но независимо от этого оба спустя век уходят из языка и сейчас полностью устарели. Однако развиваясь, они шли по типологически уже известному пути, который мы обсудим в следующем разделе.

4. Типологический фон

Модель формирования значения положительной оценки на базе семантики известности для слова *славный* не уникальна. Слова с исходным значением ‘известный, знаменитый’ становятся источниками новой оценочной лексики и в других языках. Так, французское слово *fameux* ‘известный’ может быть использовано для выражения высшей степени восхищения (ср. *une robe fameuse* ‘превосходное

платье’). Такая же модель полисемии характерна для английского слова *famous* (*a famous performance* ‘превосходное выступление’).

По-видимому, модель ‘известный, знаменитый’ => ‘очень хороший’ представляет собой частный случай более общей схемы ‘заметный, отличающийся от других’ => ‘очень хороший’. Именно слова, в исходной семантике которых присутствует идея выделения объекта из общего ряда, по нашим предварительным данным, становятся главным источником оценочных маркеров во многих языках, ср.:

- ‘стоящий в стороне, выдающийся вверх или вперед’: сербск. *изванредан* (‘из ряда вон выходящий’), англ. *outstanding*, русск. *выдающийся*
- ‘блестящий’: нем. *glänzend*, франц. *brillant, splendide*
- ‘другой’: русск. *отличный*, белорусск. *адменны*, укр. *відмінний* и мн. др., подробнее см. [Рыжова 2016].

Примеры подобного развития (хотя, скорее всего, калькированного) встречаются и в русском языке, ср. уже обсуждавшееся выше прилагательное *знатный* (ср. *знатный между учеными людьми* => *знатные цы*).

Замечательно, что эту же модель искусственно воспроизводят И. Ильф и Е. Петров в своем романе «Двенадцать стульев»: Эллочка Людоедочка использует в качестве маркера положительной оценки признаковое слово *знаменитый*, которое в литературном русском языке в такой функции не употребляется. Авторы вступили в зону языковой игры и сочинили для этой лексемы семантику, которая в русском никогда не реализовывалась:

(20) *Эллочка насторожилась.*

— *У меня как раз знакомый дипломат приехал из Вены и привез в подарок. Забавная вещь.*

— *Должно быть, знаменито, — заинтересовалась Эллочка.*

— *Ого! Хо-хо! Давайте обменяемся. Вы мне стул, а я вам ситечко. Хотите?*

Наш следующий вопрос — что должно прийти и что приходит на смену семантике оценочного маркера для лексемы *славный*.

5. Количественная оценка

Дальнейшее развитие оценочных значений изучено сравнительно мало. Известно, что слова с семантикой оценки склонны переходить в класс интенсификаторов. В большей степени это характерно для маркеров отрицательной оценки (см. [Jing-Schmidt 2007], [Герасимов 2016]). Однако и положительно окрашенным словам такая модель не чужда. Так, например, в словаре [Heine, Kuteva 2002] в качестве возможных лексических значений-источников для грамматической семантики интенсивности, помимо негативного ‘bad’, приводится положительное ‘true’ (ср. также русск. *хороший мальчик* => *хорошая взбучка*).

Засвидетельствованы, однако, и случаи переходов в обратном направлении: от значения интенсивности к семантике качественной оценки. По-видимому, именно по этой схеме развивается русское прилагательное *знатный*, которое

встречается в роли слова-усилителя уже в XVIII веке, в то время как его употребление в качестве маркера положительной оценки проникают в тексты значительно позже (см. [Скоринкин 2016]). В ряде случаев очередность возникновения значений количественной и качественной оценки установить затруднительно, а во многих контекстах идея количественной оценки совершенно неотделима от качественной: так, например, *фантастический успех* — это и большой успех, и очень хороший, а *ужасная жара* — и очень интенсивная, и крайне неприятная. Все это позволяет предположить, что зоны интенсификации и положительной / отрицательной оценки смежны (и, по-видимому, связаны между собой метонимическими отношениями). К ним же примыкают значения большого количества (ср. *хорошая сумма денег*) и большого размера (*хороший кусок пирога*).

В условиях такой тесной связи между оценочными значениями разной природы особенно удивительно то, что слово *славный* не развивает семантику интенсивности, большого количества или большого размера. Если говорить точнее, то в корпусе встречаются единичные примеры с наречием *славно*, в которых оно может быть интерпретировано как маркер высокой степени (ср. 21), или с прилагательным *славный*, выражающим семантику значительного количества (22).

(21) *Сколько я ни просил жандарма, он печку все-таки закрыл. Мне становилось не по себе, в голове кружилось, я хотел встать и постучать солдату; действительно встал, но этим и оканчивается все, что я помню...*

...Когда я пришел в себя, я лежал на полу, голову ломило страшно. Высокий, седой жандарм стоял, сложив руки, и смотрел на меня бессмысленно внимательно <...>.

— *Славно угорели, ваше благородие, — сказал он, видя, что я очнулся.* [А. И. Герцен. Былое и думы. Часть вторая. Тюрма и ссылка (1854–1858)]

(22) — *Если б этот овраг был мой, то я отдал бы его на аренду гайдамакам и собирал бы с него славный доход.* [О. М. Сомов. Гайдамак (1825)]

Однако таких примеров крайне мало, и соответствующие значения не фиксируются словарями. У прилагательного *славный* другой путь, о котором мы поговорим в следующем разделе.

6. Бесславный *славный*

Формирование значений интенсивности, большого размера и большого количества свидетельствует о том, что слово остается на пике языковой моды: оно достаточно яркое и может использоваться для выполнения разного рода экспрессивных функций. Однако что происходит со словом после того, как оно достигает конечной точки грамматикализации, будь то переход в класс интенсификаторов или формирование значения положительной или отрицательной оценки, установить сложнее: выходя из моды, слово резко теряет частотность.

Некоторые маркеры оценки, по-видимому, просто устаревают и перестают употребляться совсем, ср. русск. *дивный*, *чудный*. Другой сценарий — это спецификация оценочного значения. Самые известные примеры — это переходы

прилагательных с семантикой общей положительной или отрицательной оценки в слова, обозначающие те или иные качества человека. В русском языке по этой схеме развивались прилагательные *добрый*, *злой* и *худой*. Известно, что каждое из них в некоторый момент своей семантической эволюции использовалось в качестве оценочного маркера с очень широкой сочетаемостью, ср. примеры (23–24), датированные XVIII веком:

(23) *Ежели из Шимахи в Низовую когда едут, то надлежит конвой доброй с оными купцами российскими ехать, дабы те товары которых в Персии куплены, в целости без утраты в Российское государство привезли.* [Переписка и дела во время посольства Артемия Волынского (1716–1718)]

(24) *Тожде ясно видим и в неких христовых притчах: о худом домостроителе, о злых винограда делателех, о лукавом рабе, сокрывшем талант господина своего.* [архиепископ Феофан (Прокопович). Слово в день Святого Благоверного князя Александра Невского (1718)]

Постепенно эти слова утратили возможность употребления в значении функциональной оценки, однако не устарели полностью. Вместо этого прилагательные *добрый* и *злой* зафиксировали за собой обозначение определенных душевных качеств человека, а прилагательное *худой* — его внешнего вида (ср. также устаревший глагол *раздобреть* в значении ‘растолстеть’). Такой механизм спецификации значения типологически релевантен. В частности, переход ‘хороший’ => ‘добрый’ зафиксирован в сербском, французском, немецком, испанском, итальянском, коми и многих других языках (см. также Каталог семантических переходов Анны А. Зализняк, где это сдвиг представлен).

У прилагательного *славный* другой путь, аналогов которому мы пока не знаем: вероятнее всего, не потому, что их нет, а потому что никто пока не занимался их целенаправленным поиском.

Помимо остаточных употреблений в «военном» значении, о которых мы уже говорили выше, в XX–XXI вв. встречаются примеры использования слова *славный* в качестве средства выражения положительной оценки, однако ее «градус» снижается: она уже не ярко положительная, а умеренная, «снисходительная». Это семантическое изменение очень тонкое, и в толковых словарях оно не находит отражения. Однако анализ примеров из корпуса позволяет его выявить. Формально оно проявляется в изменении сочетаемости прилагательного *славный* в текстах, датированных XX–XXI веками. В этот период оно модифицирует в основном существительные, обозначающие животных, детей и подростков (25); просторечные, иногда грубые именованья взрослых людей, как в (26–27), ср. также *славный малый*, а также существительные с уменьшительно-ласкательными суффиксами (28) — т. е. разного рода *сниженные номинации*. Аналогично употребляется и наречие *славно* (см. 29).

(25) *Из калитки вышла хозяйка, прикрикнула, и только тогда черная собака умолкла. — Какой славный песик, — сказала мама. — Не укусит?* [Олег Тихомиров. Кутя, домой!.. // «Мурзилка», 2002]

(26) *Оказывается / она славная старушенция!* [Дон Хосе, Игорь Дмитриев, муж, 62, 1927]

(27) *Славная тетка. На такой собачьей должности находится, а сердце доброе.* [1976]

(28) *И тогда присутствующие с облегчением поймут, что банкет не подорвет благосостояния торгового дома «Евтушенко и сыновья», ибо шпроты с задранными хвостами, плавающие в желто-зеленом машинном масле, колбаса из нутрии и прочие разносолы доставлены бесплатно премудрой женщиной из ресторана «Окунь», и никому, кроме государства, ничего не стоили, равно как и славное вино в оплетенных бутылках, присланное благодарной Грузией, чьих звонких сынов Женя перепирует на язык родных осин.* [Ю. М. Нагибин. Дневник (1983)]

(29) *Пианино славно бренчало всё одну и ту же мелодию, но с разных боков, музыкально довольно интересно, слегка дурманно, и неохота было вставать.* [Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000]

Вместе с общим понижением «градуса» оценки сфера применения оценочной характеристики, обозначаемой словом *славный*, смещается с функциональных свойств объекта (ср. *славный повар* как отлично выполняющий свои функции в разделе 3) на его внешний вид, ср. (30–31):

(30) *Никакой ты не Муми-тролль! У Муми-тролля такие славные ушки! А у тебя!* [Аида Зябликова и др. Муми-тролль, м/ф (1978–1983)]

(31) — *И какой славный здоровый ребенок. Не то что наша щепка. — Не хватало еще, чтобы он стал такой же круглый, — шепотом возмутился папа.* [Владислав Крапивин. Болтик (1976)]

Все сказанное свидетельствует о новом семантическом статусе оценочных употреблений *славный*, то есть о новом семантическом сдвиге в его значении, произошедшем в XX веке, который требует фиксации в словаре и типологического осмысления.

7. Заключение

Итак, мы рассмотрели историю семантического развития русского прилагательного *славный* на материале представленных в НКРЯ текстов XVIII–XXI веков и обнаружили, что процесс семантических изменений этой лексемы довольно быстрый, и он хорошо документирован в НКРЯ. Видно, что этот процесс распадается на две части. Первая его часть — путь от значения ‘известный, знаменитый, прославленный’ к семантике экспрессивной положительной оценки, известный теоретикам как процесс грамматикализации. Он полностью соответствует имеющимся представлениям о стратегиях перехода полнозначных слов в маркеры положительной оценки и, как мы показали в разделе 4, воспроизводит достаточно распространенную модель такого перехода. Мы не можем точно указать момент преобразования прилагательного *славный* в оценочный маркер, мы можем только сказать, что это был очень длительный процесс, начавшийся заведомо раньше XVIII века (который служил для нас в этой работе своего рода исторической «точкой отсчета»).

Что можно сказать уверенно — это что семантическим источником грамматикализации служит существительное *слава* и производное от него прилагательное, и что XIX век представляет пик этого процесса, после которого он идет на спад и переходит в свою вторую фазу — пост-грамматикализации.

Опираясь на наши знания о принципах изменения оценочных значений, на этом этапе семантического развития *славный* можно было бы ожидать его расширения и превращения в интенсификатор — и тогда сейчас мы говорили бы что-то вроде *вчера разразилась славная гроза*, как говорим: *разразилась страшная гроза* или, например: *он славно испугался*, а не: *не на шутку / очень испугался*. Другой возможный вариант развития — наоборот, сужение значения *славный*, которое в таком случае могло превратиться в имя какого-то человеческого качества — скажем, ‘веселый’ или ‘упитанный’ — по аналогии с тем, как это произошло с *добрым* или *худым*.

В реальности мы наблюдаем нечто третье: формирование значения, которое мы условно назвали значением сниженной оценки или снисходительной похвалой. Неясно, можно ли его рассматривать как промежуточный этап на пути к сужению значения или как формирование особой оценочной семантики. И первое, и второе решение требуют поиска типологических аналогов соответствующего перехода — и, соответственно, дальнейших исследований в этом направлении.

Литература

Герасимов Д. В. Интенсификатор *до ужаса* в русском языке на пути грамматикализации // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2016. № 1 (XII). С. 336–363.

Добрушина Н. Р., М. А. Даниэль (ред.). Два века в двадцати словах. Москва: Издательский Дом ВШЭ, 2016. 456 с.

Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века / В. М. Живов, Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996. 591 с.

Карпова О. С., Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова, Д. А. Рыжова. Оценочные значения ребрендингового типа в признаковой лексике (по материалам Базы данных семантических переходов в качественных прилагательных и наречиях) // А. Е. Кибрик (гл. ред.). Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 25–29 мая 2011 г.). Вып. 10. М.: РГГУ, 2011. С. 292–304.

Кустова Г. И. Оценка как универсальная категория и типы оценочных значений прилагательных // Материалы конференции “Проблемы лексико-семантической типологии (ВГУ, 8–9 октября 2010 г.)”, Воронеж: Издательство ВГУ. 2011. С. 246–253.

Рыжова Д. А. Фантастическая конференция, чудовищный доклад: формирование оценочных значений на базе русской признаковой лексики // Вестник Московского Университета. Серия 9: Филология. 2016. № 4. С. 178–192.

Скоринкин Д. А. Знатный // Добрушина Н. Р., М. А. Даниэль (ред.). Два века в двадцати словах. Издательский Дом ВШЭ, 2016. С. 13–37.

Aijmer K. Are you totally spy? A new intensifier in presentday American English // S. Hancil (Ed.), Le Havre: Presses universitaires de Rouen et du Havre, 2011. P. 155–172.

D'Arcy A. Stability, stasis and change // *Diachronica*. 2015. V. 4 (32). P. 449–493.

Heine B., Kuteva T. *World Lexicon of Grammaticalization* / B. Heine, T. Kuteva, Cambridge University Press, 2002. 390 p.

Ito R., Tagliamonte S. Well weird, right dodgy, very strange, really cool: Layering and recycling in English intensifiers // *Language in Society*. 2003. V. 2 (32). P. 257–279.

Jing-Schmidt, Zh. Negativity bias in language: A cognitive-affective model of emotive intensifiers // *Cognitive Linguistics* 18, 3, 2007. P. 417–443.

McManus J. English degree modifiers : a diachronic corpus-based study of the maximizer class. PhD thesis, University of Liverpool, 2012.

Ekaterina (Vladimirovna) Rakhilina

National Research University Higher School of Economics

V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Russia, Moscow)

rakhilina@gmail.com

Daria (Aleksandrovna) Ryzhova

National Research University Higher School of Economics

(Russia, Moscow)

daria.ryzhova@mail.ru

MICROHISTORY OF SEMANTIC SHIFTS: THE CASE OF THE RUSSIAN ADJECTIVE *SLAVNYJ*

The paper proposes a corpus analysis of a Russian adjective *slavnyj*. Its semantic evolution is analyzed through its distribution in XVIII–XXI centuries texts, including the main types of its usages, its main meanings, and possible shifts from one meaning to another. It is shown that the initial semantics of ‘being famous’ that the adjective *slavnyj* expresses up to the beginning of the XIX century gives rise to the idea of strong positive evaluation. *Slavnyj* is very frequent as a positive marker during the XIX century, and then it gradually loses its intrinsic expressiveness. Nowadays, this adjective became much less frequent, having undergone a peculiar meaning shift: it marks a moderate compliment. While the grammaticalization pattern of *slavnyj* represents a well known shift ‘famous’ => ‘good’ (as a specific case of a more general pattern ‘differing from the others’ => ‘good’) widely attested crosslinguistically, the further stage of the semantic evolution of the word *slavnyj* appears to be more exotic.

Keywords: lexical semantics, corpus linguistics, microhistory, Russian, evaluation, semantic shift, *slavnyj*.

References

Aijmer K. Are you totally spy? A new intensifier in presentday American English // S. Hancil (Ed.), Le Havre: Presses universitaires de Rouen et du Havre, 2011. P. 155–172.

D'Arcy A. Stability, stasis and change // *Diachronica*. 2015. V. 4 (32). P. 449–493.

Dobrushina N. R., M. A. Daniel' (Eds.). *Dva veka v dvadtsati slovakh* [Two centuries in twenty words]. Moscow: Izdatel'skii Dom VShE [HSE Publishing House], 2016. 456 p. (In Russ.)

Gerasimov D. V. [Russian degree modifier *do uzhasa* on the grammaticalization path]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvistichekikh issledovanii*. 2016. no. 1 (XII). pp. 336–363. (In Russ.)

Heine B., Kuteva T. *World Lexicon of Grammaticalization* / B. Heine, T. Kuteva, Cambridge University Press, 2002. 390 p.

Ito R., Tagliamonte S. Well weird, right dodgy, very strange, really cool: Layering and recycling in English intensifiers // *Language in Society*. 2003. V. 2 (32). P. 257–279.

Jing-Schmidt, Zh. Negativity bias in language: A cognitive-affective model of emotive intensifiers // *Cognitive Linguistics* 18, 3, 2007. P. 417–443.

Karpova O. S., E. V. Rakhilina, T. I. Reznikova, D. A. Ryzhova. [Meaning of estimation in semantic shifts of the rebranding type in adjectives and adverbs (on the material of the Database of semantic shifts in Russian adjectives and adverbs)] // A. E. Kibrik (Ed.). *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»*. [Proc. “Computational linguistics and intellectual technologies”]. Vol. 10. Moscow: RSUH Publ., 2011. pp. 292–304. (In Russ.)

Kustova G. I. [Evaluation as a universal category and types of adjectival evaluative meanings] // *Materialy konferentsii “Problemy leksiko-semanticheskoi tipologii”* [Proc. “Problems of lexical semantic typology”], Voronezh: VGU Publ., 2011. pp. 246–253. (In Russ.)

McManus J. English degree modifiers : a diachronic corpus-based study of the maximizer class. PhD thesis, University of Liverpool, 2012.

Ryzhova D. A. [*Fantasticheskaja konferentsija, chudovish'nyj doklad*: derived polarity meanings of Russian adjectives] // *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9: Filologiya*. 2016. no. 4. pp. 178–192. (In Russ.)

Skorinkin D. A. [*Znatnyj*] // Dobrushina N. R., M. A. Daniel' (Eds.). *Dva veka v dvadtsati slovakh* [Two centuries in twenty words]. Moscow: Izdatel'skii Dom VShE [HSE Publishing House], 2016. pp. 13–37. (In Russ.)

Zhivov V. M. *Yazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka* [Language and culture in Russia of the XVIII century]. Moscow: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury» [School “Languages of Russian Culture”], 1996. 591 p. (In Russ.)

Р. И. Розина

*Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, РГГУ
(Россия, Москва)
raroziina@yandex.ru*

**СТРАТЕГИЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПРЕДИКАТНОЙ ЛЕКСИКИ:
ГЛАГОЛЫ ПОРЧИ (ЗАГРЯЗНЕНИЯ) — СЕМАНТИКА, СОЧЕТАЕМОСТЬ,
АСПЕКТУАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ***

Статья посвящена анализу одного из коммуникативно релевантных тематических классов русских глаголов, а именно глаголам загрязнения, и их сопоставлению с английскими глаголами того же тематического класса. Значительное численное превосходство русских глаголов загрязнения над английскими и различие стилистических характеристик — большое количество разговорных глаголов загрязнения в русском языке при их отсутствии в английском — позволяет сделать заключение о том, что загрязнение не является актуальным коммуникативным смыслом в повседневном общении носителей английского языка. Значение загрязнения русских глаголов — результат семантической деривации, состоящей в поднятии пресуппозиции основного значения глаголов, принадлежащих другим тематическим классам, до уровня ассерции; у английских глаголов значение загрязнения непроизводно. На основе семантики их основ множество глаголов загрязнения разбиваются на такие подклассы, как глаголы способа загрязнения, глаголы средства загрязнения и глаголы результата. Анализ аспектуального поведения глаголов показывает, что с точки зрения связи между семантикой глаголов и характером видовых пар глаголы результата отличаются от глаголов способа и средства загрязнения. Заключительная часть статьи посвящена проблемам перевода. В английском языке отсутствуют эквиваленты русских разговорных глаголов загрязнения; помимо этого, благодаря развитой в русском языке глагольной префиксации, нескольким русским глаголам загрязнения соответствует один английский. В результате при переводе с русского языка на английский текст становится менее экспрессивным, глаголы загрязнения часто переводятся с помощью глаголов других тематических классов или не переводятся вообще.

Ключевые слова: коммуникативно релевантные смыслы, тематический класс, аспектуальное поведение, глаголы загрязнения, перевод, русский язык, английский язык

* Статья выполнена в рамках проекта «Семантические процессы в сфере местоименной и предикатной лексики: стратегии референции и концептуализации», грант РФФИ № 17-04-00554.

В силу особенностей российского климата грязь, загрязнение — один из релевантных коммуникативных смыслов¹. Грязь — весенняя и осенняя распутица — изображена на картинах русских художников самых различных периодов, и 19-го в., и современных; слово *грязь* и связанные с ним встречаются в топонимах, в частности в московских: *Садовая-Черногрязская* улица — (от названия притока Яузы р. *Черногрязки*), ул. *Балчуг* (от тюркск. заимствования в значении ‘болото, грязь’), деревня *Черная Грязь* в Московской области, *Грязевка* — река Московской области, пограничная с Владимирской областью, *Грязи* — районный центр в Липецкой области и город и село в Кемеровской области т. п.

Русские глаголы загрязнения — один из самых многочисленных подклассов глаголов порчи объекта. В русском языке глаголов загрязнения около 40, не считая возвратных глаголов: *возюкать*, *вывалить*, *вывозить*, *завозить*, *загадить*, *загваздать*, *загрязнить*, *закапать*, *замазать*, *замарать*, *замаслить*, *замурзать*, *замуслить* / *замусолить*, *замусорить*, *замызгать*, *запачкать*, *засалить*, *заследить*, *заслюнявить*, *засушить*, *захватать*, *извозить*, *изгадить*, *изгваздать*, *измазать*, *измазюкать*, *испачкать*, *измызгать*, *испакостить*, *мазать 1*, *мазюкать 3*, *марать 1*, *обляпать*, *обслюнявить*, *пачкать* и др. Среди этих глаголов нет ни одного книжного, все они либо нейтральные, либо разговорные, что свидетельствует о том, что речь о грязи чаще всего идет именно в повседневном общении.

В англоязычной культуре разговоры о грязи и загрязнении явно занимают не такое важное место.. В английском языке намного меньше глаголов загрязнения, чем в русском — их всего 9²: *daub* ‘пачкать’, ‘грязнить (обычно чем-то жидким, краской или грязью)’; *dirty* ‘пачкать’; *foul* ‘пачкать’, ‘засорять’, ‘загаживать’ — произв. от *foul* ‘гадить’; *smear* ‘пачкать чем-л. жирным или липким’, ‘мазать’; *smirch* ‘марать’, ‘пачкать’; *smudge* ‘пачкать’, ‘сажать пятна’, ‘размазывать’; *soil* ‘пачкать’, ‘грязнить’, ‘марать’, ‘покрывать пятнами’; *splatter* ‘забрызгивать (густой субстанцией — краской, грязью, джемом)’; *stain* ‘пятнать’, ‘покрывать пятнами’, ‘пачкать’ — и среди них ни одного разговорного.

Особенность русских глаголов загрязнения — в том, что за исключением небольшой группы простых (непроизводных) глаголов с самым общим значением загрязнения (*грязнить*, *марать*, *мазать*, *пачкать*, *пятнать*), все остальные — префиксальные производные от глаголов различной семантики: глаголов перемещения объекта (*валить*, *возить*), глаголов прикосновения (*лапать*, *хватать*), глаголов покрытия объекта чем-либо (*маслить*, *слюнить*). Исключение представляют глаголы *загваздать* / *изгваздать* ‘сильно загрязнить’ и *замызгать* ‘истрепать, испачкать’: мотивирующие их глаголы в современном русском языке не употребляются, но глагол *гваздать* есть в словаре Даля [Даль 2002]: **гваздать** пск., курск. марать, мазать, грязнить, пачкать, гадить, от *гвазда* ‘грязь’), а глагол *мызгать*

¹ О коммуникативно значимых (релевантных) смыслах и семантических полях см. статьи [Крысин 2012], [Розина 2015].

² Список глаголов приводится по словарю [Collins Thesaurus 2018].

в словарях Ушакова [Ушаков 1935–1940, т. 2]: **мызгать** (*прост.*) пачкать, мять, трепать (платье, белье) и Ефремовой [Ефремова 2000]: **мызгать** *разг.-сниж.* Пачкать, портить небрежной ноской, трепать (обычно одежду).

Глаголов разных тематических классов, мотивирующих русские глаголы загрязнения, около 20, и такая огромная разница между числом мотивирующих глаголов и числом префиксальных производных объясняется тем, что их соотношение имеет характер пучка: от одного мотивирующего глагола образуется несколько префиксальных глаголов загрязнения, например:

	<i>вывозить</i>			<i>замазать</i>
<i>возить</i>	<i>завозить</i>	или	<i>мазать</i>	<i>вымазать</i>
	<i>извозить</i>			<i>измазать</i>
				перемазать

Каким образом у префиксального производного глагола, мотивированного глаголом, не принадлежащим тематическому классу глаголов загрязнения, возникает значение загрязнения? Рассмотрим несколько примеров.

1. Глагол загрязнения мотивирован глаголом перемещения объекта:

Валять — *вывалять* / *извалять*.

Только за один съёмочный день звезду три раза *валяли* в снегу (Комсомольская правда, 15.03.2007);

Она [собака] мотала и *валяла* Софочку по земле, не разжимая челюстей (Комсомольская правда, 07.11.2009).

Толкование:

Ассерция: Субъект ворочал Объект с боку на бок, катал, волочил по поверхности или в массе.

Следствие: частицы поверхности или массы приходили в контакт с поверхностью Объекта.

В толковании производных префиксальных глаголов *вывалять* и *извалять* компонент толкования, описывающий перемещение Объекта, становится пресуппозицией, а следствие поднимается до уровня ассерции:

вывалять / *извалять*

В Санкт-Петербурге курьер известной кондитерки “Невские берега” в прямом смысле сначала *вывалял* пирожные в грязном снегу с землёй, а потом обратно их расфасовал (VistaNews, 22.02.2017).

Ударная волна погасила костер, разметала, *изваляла* в песке контуженную компанию, а заодно и других, поблизости отдыхающих (Комсомольская правда, 08.05.2001)

Толкование:

Пресуппозиция: Субъект перемещал Объект по поверхности / в массе

Ассерция: частицы массы пришли в контакт с поверхностью Объекта;

Объект покрыт частицами массы;

Следствие: тем самым Объекту нанесен ущерб: Объект грязный.

При этом должно быть соблюдено еще одно условие: масса, в которой перемещают Объект, должна быть ‘плохой’, неподходящей к данному Объекту: это пыль, грязь смола, перья. Если масса, в которой перемещают Объект, ‘хорошая’, Объект грязным не становится, ср.:

Сформированные шарики *вываливать* в какао, кокосовой стружке или молотых орехах (рецепт пирожного «Картошка» из блогов, 2018).

Между тем, если в какао *вываливать* рукав, он станет грязным.

2. Глагол загрязнения мотивирован глаголом прикосновения *хватать*.

Предметы без спроса не *хватай* руками своими погаными... (В. Пронин. Банда 8)

Толкование:

Ассерция: Субъект приводит руки в плотный контакт с Объектом.

Следствие: руки Субъекта оставляют следы на поверхности Объекта

Захватать

Толкование

Пресуппозиция: Субъект привел руки в плотный контакт с поверхностью Объекта

Ассерция: на поверхности Объекта следы рук Субъекта.

Следствие: Тем самым Объекту нанесен ущерб: Объект грязный.

Этот глагол демонстрирует еще одно важное ограничение на сочетаемость: поверхность, с которой происходит контакт, должна обладать определенным свойством: на ней должны быть видны следы пальцев — т. е. она должна быть гладкой и блестящей или абсолютно чистой. По данным НКРЯ, *захватанными* могут быть блестящие поверхности стеклянные (стакан, очки), полированные (крышка рояля) и различные предметы из ткани (полотенце), дерева (ручка молотка), бумаги (деньги).

Очень яркий пример — глагол *ляпать* ‘ударять’, в этом значении в современном русском языке не используемый. Его префиксальные дериваты, *заяпать* и *обляпать* имеют значение ‘запачкать чем-л. жидким’. Понятно, что для того, чтобы такое значение появилось, нужно, чтобы у глагола *ляпать* было следствие ‘летят брызги’, а это, в свою очередь, требует, чтобы у глагола *ляпать* был подходящий Объект — лужа, канава, заполненная грязью и т. п. И действительно, в других славянских языках находим соответствующие русск. *ляпать* глаголы, у которых есть значение ‘ударять ногами по воде или по грязи’: укр. *ляпати* ‘шлёпать’, с.-хорв. ‘шлёпать по грязи’³.

С точки зрения семантики основ глаголы загрязнения можно разделить на три группы.

1. Непроизводные глаголы с общим значением ‘пачкать’ (ни способ, которым пачкают что-либо, ни субстанцию, которой пачкают, глагол не описывает): *грязнить*, *марать*, *мазать*, *пачкать*, *пятнать*. Назовем эти глаголы **глаголами результата**.

³ Автору данной статьи встречалось также диалектное значение глагола *обляпывать* ‘ударями лопаты укреплять боковые стороны грядки’.

2. Префиксальные дериваты глаголов различной семантики, описывающих способ воздействия на Объект. Назовем их **глаголами способа загрязнения** : *вывалить, извалить, вывозить, извозить, завозюкать* (сниж.), *извозюкать* (сниж.), *закапать, обкапать, залапать, заляпать, обмазать, перемазать, замазюкать* (сниж.), *измазюкать* (сниж.), *обмусолить, замусолить, наследить, заследить, захватать*.

Непроизводный глагол	Префиксальный дериват — глагол способа загрязнения	Непроизводный глагол	Префиксальный дериват — глагол способа загрязнения
валить	вывалить	мазать	замазать
	извалить		измазать
возить	вывозить		обмазать
	завозить		перемазать
	извозить	измазюкать	
возюкать (сниж.)	завозюкать	замазюкать	
	извозюкать	замуслить / замусолить	
капать	закапать	муслить / мусолить	обмусолить
	обкапать		заследить
лапать	залапать	следить	наследить
ляпать	заляпать		—
		обляпать	хватать

3. Третья группа — приставочные дериваты глаголов, указывающих на перемещение какой-либо субстанции на поверхность Объекта. Поскольку основа глагола называет эту субстанцию, назовем эту группу глаголов **глаголами средства загрязнения**.

Непроизводный глагол перемещения массы на поверхность объекта	Приставочный дериват — глагол средства загрязнения	Непроизводный глагол перемещения массы на поверхность объекта	Приставочный дериват — глагол средства загрязнения
*гваздать (утеряя; от <i>гвазда</i> 'грязь')	загваздать	*салить	засалить
маслить	замаслить	слюнить	заслунить
мусорить	замусорить		обслунить
			обслонявить

Обращает на себя внимание различие префиксов, использующихся в каждой группе глаголов. В группе глаголов способа используется 4 различных префикса: *за-*, *из-*, *об-*, *вы-*. В группе глаголов средства — всего 2, *за-* и *об-*.

Рассмотрим теперь аспектуальное поведение глаголов каждой группы.

Глаголы результата

Глаголы первой группы (глаголы результата) могут образовывать видовые пары с префиксальными производными, например, *пачкать* — *испачкать*, и *пачкать* — *запачкать*. Обе пары проходят тест Маслова — [Маслов 1984]: глагол совершенного вида позволяет замену на глагол несов. в контексте настоящего исторического и на глагол несов. в тривиальном значении (в значении повторяющегося действия):

Он *испачкал/ запачкал* куртку сажей.

Он *пачкает* куртку сажей и уходит.

Каждый вечер у костра он *пачкает* куртку сажей.

Однако кроме этих двух глаголов совершенного вида, являющихся его видовыми парами, *пачкать* мотивирует еще один префиксальный глагол совершенного вида, не являющийся его видовой парой, *перепачкать*. Приставка *пере-* вносит в значение глагола семантический признак 'весь' или 'сильно', и глагол *перепачкать* не может быть заменен глаголом *пачкать* в контекстах Маслова, ср.:

Они полезли к нему целоваться и *перепачкали* его сгущенкой (Г. Галахова. Легкий кораблик — капустаный листок). ≠

Они лезут к нему целоваться и *пачкают* его сгущенкой.

Всякий раз они лезут к нему целоваться и *пачкают* его сгущенкой.

Соотношение глагола *пачкать* с префиксальными производными поэтому выглядит следующим образом:

Глагол	Префиксальный дериват — видовая пара	Префиксальный дериват другой семантики
пачкать	испачкать	
	запачкать	
		выпачкать
		обпачкать
		перепачкать

Однако у префиксальных производных есть свои видовые пары, которые образованы суффиксацией: *выпачкать* — *выпачкивать*. Возникает следующая картина:

Глагол результата	префиксальный дериват — видовая пара	Префиксальный дериват другой семантики	Видовая пара — суффиксальный дериват
пачкать	испачкать		
	запачкать		
		выпачкать	выпачкивать
		обпачкать	обпачкивать
		перепачкать	перепачкивать

Так же устроены другие глаголы этой группы, кроме *пятнать*, у которого нет префиксального производного, не являющегося его видовой парой.

Глагол результата	видовая пара — префиксальный дериват	Видовая пара — суффиксальный дериват	Префиксальный дериват другой семантики	Видовая пара — суффиксальный дериват
гадить	загадить	загаживать		
			изгадить	изгаживать
грязнить	загрязнить		обгадить	обгаживать
мазать	замазать	замазывать		
			измазать	измазывать
			перемазать	перемазывать
			вымазать	вымазывать

Глагол результата	видовая пара — префиксальный дериват	Видовая пара — суффиксальный дериват	Префиксальный дериват другой семантики	Видовая пара — суффиксальный дериват
марать	замарать	замарывать		
			измарать	измарывать
пятнать	запятнать	запятнывать		

Таким образом, в рамках глаголов результата есть три типа видовых пар:

а) тип *грязнить* — *загрязнить*: глагол несов. — префиксальный глагол сов.;

б) тип *измазать* — *измазывать*: префиксальный глагол сов. — глагол несов., образованный суффиксацией;

в) кроме того, встречаются видовые тройки: *замазать* — *мазать* и *замазывать* и *замарать* — *марать* и *замарывать*.

Глаголы способа загрязнения

Посмотрим теперь, как себя ведут глаголы способа. Все глаголы способа образованные от непроизводных глаголов описывающих различные способы воздействия на объект, — префиксальные дериваты совершенного вида. Их видовые пары образованы с помощью суффиксации, например, *вываливать* от *вывалить*. Глагол *ляпать* ‘ударить’ мотивирует два префиксальных глагола загрязнения: *заяпать* и *обляпать*, у каждого из которых есть видовая пара, образованная с помощью суффиксации: *заяпывать* и *обляпывать*. Часть этих суффиксальных имперфективов факультативна. В целом, возникает следующая картина (0 в таблице стоит в тех случаях, когда имперфектив возможен, но судя по отсутствию примеров в Национальном корпусе, не используется):

Мотивирующий глагол воздействия	Префиксальный дериват — глагол способа загрязнения	Суффиксальный имперфектив — видовая пара	Наличие в НКРЯ
валять	вывалять	ываливать	+
	извалять	—	
возить	в ^ы возить	—	
	завозить	—	
	извозить	—	
возюкать (сниж.)	завозюкать	завозюкивать	0
	извозюкать	извозюкивать	0
лапать	залапать	залапывать	0
ляпать	заяпать	заяпывать	+
	обляпать	обляпывать	0
мазюкать	измазюкать	измазюкивать	0
	замазюкать	замазюкивать	0
муслить / мусолить	замуслить / замусолить	замусливать / замусоливать	+
	обмусолить	обмусоливать	0
следить	заследить		0
	наследить	—	
—	изгваздать	изгваздывать	0
хватать	захватать	захватывать	0

Из таблицы видно, что в рамках глаголов способа, в отличие от глаголов результата, встречаются только видовые пары, образованные суффиксацией, например *залапать* — *залапывать*; *замусолить* — *замусоливать*. При этом отсутствие примеров в Национальном корпусе русского языка говорит о том, что во многих случаях глагол несов. либо потенциальный либо очень малоупотребительный. Реальных видовых пар оказывается всего три: *вывалить* — *вываливать*, *залапать* — *залапывать* и *замусолить* — *замусоливать*.

Глаголы средства

Мотивирующий глагол перемещения массы	Префиксальный дериват — глагол загрязнения	Суффиксальный имперфектив	Наличие в НКРЯ
*гваздать (утерян; от гвазда 'грязь')	загваздать	—	—
капать	закапать	закапывать	0
	обкапать	обкапывать	0
маслить	замаслить	замасливать	+
мусорить	замусорить	замусоривать	+
	засалить	засаливать	+
слюннить	заслюнить	—	—
	обслюннить	—	—
слюнявить	заслюнявить	заслюнявливать	0
	обслюнявить	обслюнявливать	+

Итак, для глаголов средства характерны только видовые пары, в которых глагол несов. образован с помощью суффиксации, причем несколько глаголов несов. только потенциально возможны.

В целом, аспектуальное поведение разных групп глаголов загрязнения выглядит следующим образом:

Характер аспектуального поведения			
Тип видовой пары			Видовая тройка
Группа глаголов	Непроизводный глагол несов. — глагол сов., образованный префиксацией приставочный дериват	Префиксальный глагол сов — глагол несов., образованный суффиксацией дериват	
Глаголы результата	+	+	+
Глаголы способа	—	+	—
Глаголы средства	—	+	—

Судя по этой картине, четкая связь между семантикой и аспектуальным поведением прослеживается у глаголов результата. Они противопоставлены глаголам способа и средства, имеющим сходные аспектуальные характеристики.

Проблемы перевода

Разбиение английских глаголов загрязнения на группы примерно такое же, как разбиение русских: глаголы с общим значением загрязнения (глаголы результата): *dirty, foul, smirch, soil* (всего 4); глаголы, указывающие на характер вещества которое попадает на поверхность объекта, — как правило, густого или жирного (глаголы средства): *daub* ‘пачкать’, ‘грязнить (обычно чем-то жидким, краской или грязью)’, *smear* ‘пачкать чем-л. жирным или липким’, *splatter* ‘забрызгивать (густой субстанцией — краской, грязью, джемом)’; (всего 3); глаголы, указывающие на способ помещения пачкающего вещества на поверхность объекта: *smudge* ‘пачкать’, ‘сажать пятна’, ‘размазывать’; *splatter* забрызгивать (обычно чем-л. густым: краской, грязью, джемом)’; *stain* ‘пятнать’, ‘покрывать пятнами’, ‘мазать’ (всего 3). Между тем количественное наполнение групп английских и русских глаголов резко различается:

Семантическая группа глаголов	Русские глаголы	Английские глаголы
Глаголы результата	20	4
Глаголы способа воздействия на объект	19	—
Глаголы способа перенесения вещества на поверхность объекта	—	3
Глаголы средства	7	3

Такое расхождение в количестве глаголов каждой группы и, в частности, большое количество специализированных глаголов, описывающих частные характеристики действия загрязнения в русском языке, неизбежно должно вызывать трудности при переводе. Действительно, переводчик иногда не находит эквивалента, и глагол или причастие, имеющие значение загрязнения, в английском переводе просто опускаются, ср.⁴:

*Весь **измазанный** в мазуте машинист быстро поставил масленку* (Н. Островский. Как закалялась сталь) — *The man dropped his oil can* [букв.] ‘Мужчина **поставил** масленку’.

Глагол загрязнения может быть заменен глаголом другого семантического класса, и значение загрязнения просто теряется, ср.:

[Вдова] *была **замарана** мукой* (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев) — [The widow] *was covered with flour* [букв.] ‘Вдова была **покрыта** мукой’.

*Платок был густо **замаран** кровью* (Ф. Достоевский. Братья Карамазовы)

The handkerchief was soaked with blood [букв.] ‘Платок был **пропитан** кровью’.

Еще одна возможность — заменить глагол или причастие атрибутивным словосочетанием, например:.

*В маленьком **грязном** номере, **заплеванном** по раскрашенным панно стен...* (Л. Толстой. Анна Каренина)

⁴ Все примеры переводов приводятся по параллельному корпусу Национального корпуса русского языка.

*In a little dirty room with the painted panels of its walls **filthy with spittle*** (Constance Garnett).

Напротив, при переводе с английского языка на русский один и тот же английский глагол получает разные эквиваленты в разных контекстах, ср.:

Английский глагол загрязнения	сочетаемость	Русский эквивалент	сочетаемость
smear	themselves with clay	измазать	глиной
	tears, lipstick, mascara	размазать	слёзы, помаду, тушь для ресниц
	children from head to toe with tallow drippings	закапать	детей свечным салом с ног до головы
smudge	mascara, blood, sweat	размазать	тушь, пот, кровь по лицу
	face with oil	перепачкать	лицо маслом
	paper	пачкать	бумагу
	nose	испачкать	нос
	shirt sleeves with soot	выпачкать	рукава рубашки сажей

Разнообразие русских глаголов загрязнения настолько велико, а различие значений префиксальных производных одного и того же мотивирующего глагола настолько мало, что во многих случаях выбор переводчика кажется совершенно произвольным.

Вследствие развитости русского глагольного словообразования сходные явления можно наблюдать и при переводе с русского языка на французский и с французского на русский. Оттенки действия, которые в русском языке описывает приставочный глагол, во французских переводах передаются словосочетанием глагола с предлогом, наречием или дополнением; между тем, одному французскому глаголу соответствует целая серия русских глаголов с разными приставками или с одной приставкой и разными основами, например, *arriver* — *прибыть, приехать, прийти, прилететь, доехать, дойти, долететь* [Гак 1976: 266–267].

Литература

Бабенко Л. Г. (ред.). Большой толковый словарь русских глаголов / Под ред. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-Пресс книга, 2007.

Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. Л.: «Просвещение», 1976. 299 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В четырех томах. М.: Русский язык, 2002.

Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный. — М.: Русский язык. 2000.

Крысин Л. П. Человек в зеркале русской разговорной речи (лексикографический аспект) // *Słowo. Tekst. Chas XI. Szczecin; Greifswald*, 2012. р. 539–547.

Маслов Ю. С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском языке // *Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии*. Л., 1984. С. 48–65.

Розина Р. И. Русская разговорная речь сквозь призму лексикографии и английского языка // *Известия РАН. Серия лит. и языка*, 2015, т. 74, №4. С. 47–58.

Ушаков Д.Н. (ред.). Толковый словарь русского языка, тт. 1–4 / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935–1940

Collins 2018 — Collins Thesaurus. Synonyms, Antonyms and Definitions. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english-thesaurus> (дата обращения: 20.06.2018).

R. I. Rozina

V. V. Vinogradov Russian Language Institute (Russian Academy of Sciences)

(Russia, Moscow)

rarozina@yandex.ru

**THE STRATEGY OF PREDICATES CONCEPTUALIZATION:
VERBS OF SPOILING (DIRTYING) — MEANING, COMBINABILITY,
ASPECTUAL BEHAVIOR**

The article is concerned with the comparison of Russian and English verbs of dirtying. The verbs under consideration are subdivided in either language into similar lexical groups, i.e. verbs of the result, of the way of dirtying and of the means of dirtying, yet the filling of corresponding groups is different. A much greater number of verbs of dirtying in Russian than in English, as well as the colloquial stylistic reference of the former in contrast to the neutrality of the latter, bring one to the conclusion that in English, in contrast to Russian, dirtying is not a communicatively relevant sense. The nature of meaning of Russian and English verbs of dirtying differs as well. Meanings of Russian verbs of dirtying are mostly results of semantic derivation, consisting in raising the presupposition of the basic meaning of verbs of various lexical classes to the level of assertion, whereas the meanings of the corresponding English verbs are non-derived. The analysis of the aspectual behavior of Russian verbs of each group reveals the difference between verbs of result on the one hand and both verbs of the way of dirtying and verbs of the means of dirtying on the other. The article addresses problems of translation as well. The wealth of verbal prefixal derivatives in Russian lacking in English results in difficulties one confronts while translating from Russian into English. This is why in English translations of Russian texts verbs of dirtying are often substituted with verbs of other lexical classes or omitted altogether.

Keywords: communicatively relevant senses, lexical class, aspectual behavior, verbs of dirtying, translation, Russian, English

References

Babenco G. L., ed. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkikh glagolov* [The big explanatory dictionary of Russian verbs]. Ed. By L. G. Babenco. Moscow, AST-Press kniga Publ., 2007.

Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka. V chetyrekh tomakh* [The explanatory dictionary of the Great Russian language. In 4 vols.]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 2002.

Efremova T.F. *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-obrazovatel'nyi* [The new dictionary of the Russian language. Explanatory-educational]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 2000.

Gak V.G. *Sravnitel'naya tipologiya frantsuzskogo i russkogo yazykov* [Comparative typology of French and Russian]. Leningrad, Prosveschenie Publ., 1976. 299 p.

Krysin L.P. [A human being in the mirror of Russian everyday speech (a lexicographical aspect).

Slovo. Tekst. Chas XI. Szczecin, Greifswald, 2012. P. 539–547. (In Russ.)

Maslov Yu.S. [The aspect and the lexical verb meaning in Modern Russian]. Maslov Yu.S. *Ocherki po leksikologii* [Lexicological sketches]. Leningrad, 1984. pp. 48–65. (In Russ.)

Rozina R.I. [Russian everyday speech through the prism of lexicography and English]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*, 2015, no 4, pp. 47–58. (In Russ.)

Ushakov D.N., ed. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [The explanatory dictionary of the Russian language, vol, 1–4]. M, 1935–1940.

Collins Thesaurus. Synonyms, Antonyms and Definitions. URL: <https://www.collins-dictionary.com/dictionary/english>

В. А. Салимовский

*Пермский государственный национальный исследовательский университет
(Россия, Пермь)
Salimovsky@rambler.ru*

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛЕКСИЧЕСКИХ И ГРАММАТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В СТИЛИСТИКО-РЕЧЕВОЙ СИСТЕМНОСТИ

В статье предпринята попытка синтеза понятий стилистико-речевой и дискурсивной системности на основе деятельностного подхода к тексту. Кратко рассматривается разработка проблемы системности речи. Предметом исследования выступает текст научного описания в отдельной области знания, продуцируемый в соответствии с определенной программой познавательных-коммуникативных действий. Эта программа обуславливает, с одной стороны, «формы последовательности и сцепления высказываний» (М. Фуко), т.е. порядок дискурса, а с другой — стилистико-речевую системность как взаимосвязь и взаимообусловленность лексических и грамматических единиц на текстовой плоскости, используемых для достижения типовых целей. Последние рассматриваются с учетом условий их реализации, т.е. как задачи, разрешаемые познавательными-коммуникативными операциями.

Релевантными условиями научного описания являются: характер изучаемого объекта, задаваемые исследовательской программой его деление на части и набор параметров фиксации данных наблюдения. Речевые (дискурсивные) практики истолкованы как познавательные-коммуникативные операции, совершаемые при разрешении повторяющихся задач с использованием некоторого состава лексических и грамматических единиц. Показано, что научное описание, осуществляемое в соответствии со сложившейся программой исследования, имеет свой словарь. Образующие его разряды слов соотнесены со строго определенными элементами семантико-грамматической организации предложения и обнаруживают закономерные морфологические и словообразовательные особенности.

Ключевые слова: стилистико-речевая системность, дискурсивная системность, речевая разновидность, научное описание, дискурсивная практика.

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант № 17–29–07049).

В лингвистическую теорию понятие речевой системности введено, по-видимому, Г. О. Винокуром в начале 1920-х гг. Откликаясь на положения соссюрковского «Курса общей лингвистики», он характеризовал речь не просто как индивидуальное говорение, но и как особую нормативную структуру: несколько актов речи, писал он, «уже не сумма индивидуальных актов только, а их система, обладающая... общеобязательной значимостью, смыслом, хотя бы и в узких, но всё же социальных пределах» [Винокур 1990: 29].

С конца 1960-х гг. понятие речевой системности становится одной из ключевых категорий функциональной стилистики. М. Н. Кожина, в исследованиях которой это понятие является базовым, определила его так: «Речевая системность функционального стиля — это взаимосвязь и взаимозависимость используемых в данной сфере языковых средств разных уровней — по горизонтали и по вертикали — на основе выполнения этими средствами единого коммуникативного задания...» [Кожина 1972: 115–116]. Коммуникативное задание понимается здесь предельно обобщенно: как назначение того или иного вида деятельности в единстве с формой сознания. В 1950–60-е гг. столь высокий уровень абстракции определялся задачей выделения и описания основных функциональных макростилей.

Например, в научной сфере деятельности обобщенный и абстрагированный характер мышления обуславливает взаимосвязь языковых единиц разных уровней по функциональному значению отвлеченности. Иллюстрируя взаимодействие лексики и грамматики, М. Н. Кожина отмечала: «...Здесь широко употребляются научные термины, абстрактная лексика, а также «обычные» конкретные слова в отвлеченных и обобщенных значениях, которые как бы «ведут» за собой наиболее отвлеченно-обобщенные по своим значениям морфологические средства... Это, например, настоящее вневременное глаголов, формы лица глаголов в безличном, неопределенно- и обобщенно-личном значениях..., преобладание несовершенного вида как наиболее отвлеченного над совершенным... Все эти средства представляют собой не совокупность, не набор, а именно систему взаимосвязанных средств...» [Кожина 1972: 116–117].

Одновременно с экспликацией категории речевой системности лингвистами осуществлялся анализ распределения и функционирования лексических и грамматических единиц языка в разных стилях и типах речи (исследования Б. Н. Головина, М. Н. Кожиной, О. Б. Сиротининой, Д. Н. Шмелева и др.).

В последней трети XX в. идея системности речи получает развитие в различных направлениях дискурсного анализа [Schiffrin 1994], причем в работах, ориентированных на принципы французской школы, она становится одной из базовых. Так, согласно М. Фуко, дискурс — это «практика, обладающая собственными формами сцепления и собственными же формами последовательности» [Фуко 1996: 168]. Это определение хорошо поясняют, например, такие суждения ученого: «Количественные описания, биографическое повествование, установление, интерпретация, выведение законов... — всё это мы можем найти в медицинском дискурсе XIX в. Какие же сцепления существуют между ними? Какова их необходимость? Почему появляются именно эти высказывания, а не какие-либо другие?» [Фуко 1996: 51].

Попробуем совместить представленные трактовки системности речи — сначала в эмпирическом анализе, а затем как теоретических положений, относящихся к одному и тому же объекту.

Рассмотрим фрагмент научного текста — описание вида растения:

Берёза пушистая — *Betula pubescens*: Дерево... до 20 м высотой... Молодые побеги тонкие, тёмно-бурые... Листья яйцевидной формы, с округлым, слегка сердцевидным или слабоусеченным основанием, на верхушке острые или заостренные...; края двоякозубчатые. Длина листа — 4–6 см... Лист плотный, с 6–7 парами боковых жилок... Соцветия — женские, сережки около 3 см длиной... Плод — орешек, продолговато-эллиптический в поперечной плоскости...

Отметим, что научный описательный текст имеет сравнительно несложную организацию. Поэтому, с одной стороны, он может быть удобным «опытным полем» для проверки предположений общего характера, но, с другой, эти предположения нуждаются в развитии на материале текстов иных коммуникативных сфер.

В отличие от традиционной характеристики макростилей, снизим уровень абстракции. Предмет научного исследования будет рассматриваться по отношению не к науке вообще, а к отдельной отрасли знания (биологии) — и уже — отдельной научной дисциплине (ботанике). В нашем случае предметом являются морфологические свойства вида растения. Соответственно субъект научно-познавательной деятельности (автор-ученый) предстает как специалист в определенной области, чья компетенция включает весь необходимый набор познавательных и стилистико-речевых средств [Каджая 2016].

Важно при этом учитывать, что автор текста, как и читатель-специалист, ориентирован на дисциплинарную исследовательскую программу. Она предполагает определенный порядок описания органов растений по заданным морфологическим параметрам — главным образом параметрам формы, размера, цвета. Иными словами, эта программа является своего рода фреймом. Для семейства «Березовые» порядок таков: жизненная форма, внешний вид, побеги, листья, соцветия, плоды. По отношению к отдельным органам растения фрейм конкретизируется. См. таблицу (в ее столбцах жирным шрифтом выделены номинации, используемые в рассматриваемом тексте):

Программа фиксации признаков объекта

Форма пластинки	Форма верхушки листа	Форма края листа	Форма основания листа	Размер листа (его частей)
широкояйцевидная яйцевидная ланцетная округлая овальная продолговатая обратнояйцевидная обратноланцетная линейная	тупая острая заостренная остроконечная выямчатая	цельнокрайняя зубчатая пильчатая городчатая выямчатая волнистая двоякозубчатая двоякопильчатая	клиновидная округлая сердцевидная стреловидная копьевидная неравнобокая усеченная суженная	количественно-именное сочетание

Мы видим, что описание строится как своего рода заполнение матрицы: *Листья яйцевидной формы, с округлым, слегка сердцевидным или слабоусеченным*

основанием, на верхушке **острые** или **заостренные...**; края **двоякозубчатые**. Действительно, признак **яйцевидный** (*Листья яйцевидной формы*) — оно из возможных значений параметра «форма пластинки», признаки **острый**, **заостренный** — значения параметра «форма верхушки», признак **двоякозубчатый** — параметра «форма края», признаки **округлый**, **сердцевидный**, **слабоусеченный** — параметра «форма основания».

Обнаруживается закономерная связь лексических и грамматических единиц. В самом деле, рассматриваемый тип текста характеризуется своим словарем. Основными группами слов являются обозначения: 1) органов (частей) растения: *лист, пластинка, верхушка, основание, край*; 2) параметров: *форма, размер (длина, ширина, высота), цвет, расчленение, жилкование*; 3) качественных признаков: *волнистый, городчатый, двоякозубчатый, заостренный, клиновидный, копьевидный, обратнойяйцевидный, остроконечный, пальчаторасчлененный, перистый, пальчатый* и др.; 4) количественных признаков: количественно-именные сочетания (*3 см, 6 пар* и под.); 5) места, времени и степени проявления признака: наречия места, времени, меры и степени (*сверху, снизу, позже, почти, слегка*); предложно-падежные формы существительного, имеющие локативное или темпоральное значение (*в таежной зоне, на севере, в мае* и под.).

Нетрудно увидеть, что лексические единицы каждой из групп соотнесены с вполне определенными компонентами семантико-грамматической организации предложения и обнаруживают закономерные морфологические и словообразовательные особенности. Так, номинации органов растения выступают субъектом — носителем качественного или квалификативного признака: *Листья яйцевидные. Плод — орешек*. Номинации частей органа растения регулярно используются не только в роли предиктируемого субъекта (*Основание округлое. Верхушка острая*), но и в функции предиката, характеризующего предиктируемый предмет как целое по части. В этом случае они представлены в форме тв. п. с предлогом *с*: *Листья с округлым основанием, с острой верхушкой*. Распространены синонимичные конструкции, в которых номинация органа растения используется в предложно-падежных формах, имеющих локативное значение: *Листья в основании округлые, на верхушке острые*.

Как видим, в описании внешнего вида растения (органов и их частей) весьма часто используются номинализации — как результат компрессии исходных (глубинных) субъектно-предикатных структур: *Основание листа — округлое, верхняя часть — заостренная / Лист с округлым основанием и заостренной верхней частью*.

Аналогичный синтаксический механизм обнаруживается и при функционировании слов второй группы (обозначений параметров описания). Они выступают в предложении либо субъектом (*Форма яйцевидная*), либо предикативным компонентом: *Листья яйцевидной формы*.

Основная функция слов третьей группы (обозначений признаков растений) — предикативная, реже атрибутивная (при номинализации исходной структуры). Обычно субъекту предиктируется несколько признаков, поэтому предложение осложнено однородными членами, а поскольку признаки могут варьироваться,

наряду с соединительными выражаются разделительные отношения: *Листья яйцевидной формы, с округлым, слегка сердцевидным или слабоусеченным основанием, на верхушке острые или заостренные...* При этом, как правило, используется полная форма прилагательных и причастий. Многие лексемы образованы сложением: *остроконечный, пальчаторасчлененный*, в том числе с опорным компонентом *-видный*: *клиновидный, копьевидный, обратнойяйцевидный*; характерны суффиксы *-чат, -ист*: *городчатый, пальчатый, перистый, волнистый* и др.

Необходимость определения степени, а также места и времени проявления признака объясняет регулярное использование слов четвертой группы — наречий и предложно-падежных форм соответствующей семантики — в функции распространителей предиката или предложения в целом: *Листья неясно двоякозубчатые... снizu с опушением... в молодом возрасте светло-зеленые.*

Из анализа следует, что сложившаяся программа описания растения предполагает появление именно этих типов высказывания, а не каких-либо других, и именно в этой их последовательности, в этих связях. Ср. суждение М. Фуко о медицинском дискурсе: «Вопрошающий субъект вопрошает в соответствии с определенной решеткой исследования (эксплицитной или нет) и воспринимает всё согласно своей программе информации» [Фуко 1996: 53].

Переходя с уровня представленности и связи типов высказывания в дискурсе на уровень собственно языковой организации (выбора и употребления языковых средств), мы обнаруживаем тесную взаимосвязь лексических и грамматических единиц на основе частного коммуникативного задания, в нашем случае — установки на описание характерных морфологических свойств растения. Важно, что картина взаимосвязи разноуровневых языковых единиц на текстовой плоскости становится более полной, чем при изучении макростилей: фиксируются и получают объяснение не только те особенности употребления языковых средств, которые детерминированы спецификой научно-познавательной деятельности как таковой (например, употребление формы ед. ч. существительных в обобщенно-собирательном значении: *береза* как вид дерева), но и те, которые определяются системой частных познавательно-речевых задач, вплоть до коммуникативных заданий отдельных высказываний.

Этим завершим анализ фрагмента текста и вернемся к вопросу о соотношении понятий дискурсивной и стилистико-речевой системности.

Очевидно, что эти понятия соотносятся с одним и тем же объектом — речью, но выделяют в нем разные предметные области. Изучение дискурсивной системности предполагает установление типов дискурсивных практик, их последовательностей и связей (в определенных исторических условиях), а стилистико-речевой системности — традиционных особенностей выбора и употребления языковых единиц разных уровней под влиянием экстралингвистических факторов. Представляется, что рассматриваемые понятия могут быть согласованы в рамках общего системно-деятельностного подхода [Сидоров 1987].

Как известно, конечная цель деятельности обычно достигается некоторой системой действий, подчиняющихся частным целям. Для достижения цели «необходим

учет условий, в которых ее предстоит реализовать. Соотношение цели с условиями определяет задачу, которая должна быть разрешена действием» [Рубинштейн 2002: 443]. При рассмотрении деятельности в технологическом аспекте — как практики — в фокусе внимания оказывается ее воспроизводимость в соответствии с традицией: сложившимися программами, схемами, стереотипами, матрицами, алгоритмами.

Если при изучении дискурса мы стремимся не только установить состав и взаимосвязь совершаемых познавательных-коммуникативных действий (в результативном плане — высказываний), но и исследовать их языковую форму, то в анализе должны быть учтены условия продуцирования высказывания. В научном описании релевантными условиями являются: 1) характер изучаемого объекта (референтная отнесенность текста как знака) и задаваемые «программой информации» 2) членение этого объекта, 3) категориальный аспект выделения его признаков (ср. описание количественное, качественное, структурное, формы и содержания, кинематическое и др.).

Анализ показывает, что синтез понимания речевой системности как форм сцепления и последовательности высказываний и как взаимосвязи разноуровневых языковых единиц на текстовой плоскости достигается в том случае, когда внимание сосредоточено не на реализации иллюкутивных целей, отвлеченных от условий общения (в том числе цели *описать кого-либо или что-либо*), а на разрешении противоречащихся в этой деятельности познавательных-коммуникативных задач.

С учетом сказанного дискурсивную (или речевую) практику можно определить как регулярно повторяющееся действие, являющееся разрешением стандартной познавательной-коммуникативной задачи.

Важно отметить, что языковыми средствами реализации повторяющихся частных коммуникативных заданий выступают не только отдельные языковые единицы, но и готовые к употреблению сегменты языковой материи, в том числе коммуникативные фрагменты (словесные группы) и контуры высказываний [Гаспаров 1996]. Например: *крупное дерево, по длине стебля, до [стольких-то] сантиметров в диаметре, в нижней части, с верхней стороны и под. Листья яйцевидные, с округлым основанием; Листья яйцевидно-треугольные, с острой верхушкой; Молодые листья тонкие, со смолистым запахом и под.*

В заключение подчеркнем, что собственно языковой — лексический и грамматический — аспект изучения речевых разновидностей (дискурсивных формаций) имеет первостепенное значение для решения важных прикладных задач — обучения языку (родному и иностранному), компьютерного моделирования речевой коммуникации.

Литература

- Винокур Г. О. Филологические исследования. М. : Наука, 1990. 455 с.
Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М. : Новое лит. обозрение, 1996. 352 с.

Каджая Л. А. Системность научного специализированного дискурса: использование жанровых форм и языковых средств / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2016. 180 с.

Кожина М. Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими / Перм. ун-т. Пермь, 1972. 395с.

Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб. : Питер, 2002. 720 с.

Сидоров Е. В. Проблемы речевой системности. М. : Наука, 1987. 141с.

Фуко М. Археология знания. Киев : Ника-центр, 1996. 208 с.

Schiffirin D. Approaches to discourse. Cambridge, MA & Oxford: Blackwell, 1994. 470 p.

V. A. Salimovsky

Perm State National Research University

(Russia, Perm)

salimovsky@rambler.ru

THE INTERRELATION OF LEXICAL AND GRAMMATICAL UNITS IN STYLISTIC-SPEECH SYSTEM

The paper attempts to synthesize the concepts of stylistic-speech system and discourse system based on the activity approach to the text. The study of the speech system matter is briefly considered. The subject of this research is a scientific descriptive text of a separate field of knowledge produced according to a certain program of cognitive-communicative actions. On the one hand, this program determines the “forms of statements’ consistency and coherence” (Michel Foucault), i.e. the order of discourse. On the other hand, the program examines the stylistic-speech system as the interrelation and interdependence of lexical and grammatical units in a text, which are used to achieve the goals. The latter are reviewed with the account of their implementation conditions, i.e. as the goals that are realized by cognitive-communicative operations.

The relevant conditions of the scientific description are the following: the nature of the object of study, its division into parts as assigned by a research program, a set of parameters to fix the observed data. The paper interprets discursive practices as cognitive-communicative operations performed while solving recurrent tasks using a certain repertoire of lexical and grammatical units. Any scientific description carried out in accordance with the established research program has its own vocabulary. The vocabulary consists of word classes that correlate with strictly defined elements of semantic-grammatical organization of a sentence and demonstrate appropriate morphological and derivational features.

Keywords: stylistic-speech system, discourse system, speech form, scientific description, discursive practice.

References

Vinokur G.O. *Filologicheskie issledovaniya*. [The Philological Studies]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 455 p.

Gasparov B.M. *Yazyk, pamyat', obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya*. [Language, Memory, Image. Linguistics of Language Existence]. Moscow, Novoe lit. obozrenie, Publ., 1996. 352 p.

Kadzhaya L.A. *Sistemnost' nauchnogo spetsializirovannogo diskursa: ispol'zovanie zhanrovyykh form i yazykovyykh sredstv*. [The system of scientific specialized discourse: the use of genre forms and language means]. Perm', 2016. 180 p.

Kozhina M.N. O rechevoi sistemnosti nauchnogo stilya sravnitel'no s nekotorymi drugimi. [On the speech system of scientific style in comparison with some others]. Perm', 1972. 395p.

Rubinshtein S.L. *Osnovy obshchei psikhologii* [The Fundamentals of General Psychology]. St. Petersburg, Piter Publ., 2002. 720 p.

Sidorov E.V. *Problemy rechevoi sistemnosti* [The Problem of Speech System]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 141p.

Fuko M. *Arkheologiya znaniya* [The Archaeology of Knowledge]. Kiev, Nika-tsentrl Publ., 1996. 208 p.

Л.Л. Федорова
Институт лингвистики РГГУ
(Россия, Москва)
lfvoux@yandex.ru

РУССКОЕ СЛОВОСЛОЖЕНИЕ: МЕЖДУ ЛЕКСИКОЙ И ГРАММАТИКОЙ

В статье рассматриваются способы образования сложных слов в русском языке. В традиционных грамматиках образование сложных слов обычно не выделяется в отдельный раздел и сами сложные слова классифицируются по разным основаниям. Современные типологические описания, напротив, стремятся построить классификации сложных слов, в которых были бы учтены как их структура, так и семантические особенности. В качестве основы настоящего описания выбрана Морфология конструкций — теоретическая схема в рамках Грамматики конструкций, рассматривающая слово не только как лексическую единицу, но и как конструкцию, устроенную по особым правилам. Сложные слова представляют собой конструкции особого рода, в которых взаимодействуют морфологические, лексические, синтаксические, фонотактические, прагматические правила организации целого. В статье предложены основные типы конструкций, соотносимые с разными языковыми уровнями между грамматикой и лексикой в зависимости от характера их компонентов и от ограничений на способ образования. Отмечены некоторые новые тенденции, связанные с заимствованными словами сложной структуры — композитами.

Ключевые слова: сложные слова в русском языке, способы словообразования, типология сложных слов, Морфология конструкций, композиты.

Словосложение в русской грамматике

Сложным словом обычно называют слово, состоящее из двух или более основ / корней. Под это определение попадают такие слова, как *садоводство*, *аква-парк* — безотносительно к тому, как и где они были образованы. Однако в плане словообразования к сложным словам естественно относятся те, которые имеют две и более мотивирующих основы в процессе словообразования [АГ 1982, 139]. Тогда парадокс заключается в том, что сложное слово может быть образовано не обязательно сложением, но и другими способами: сращением, аббревиацией (ср. *вечнозеленый*, *детсад* и др.), а также смешанными способами (напр. суффиксацией в сочетании со сложением).

Словосложение как способ словообразования в АГ понимается как чистое сложение (соединение слова и основы: *первоисточник*) либо как несамостоятельный способ в сочетании с другими (например, соединение двух основ и суффикса: *полководец*). Общего раздела об образовании сложных слов в АГ нет, между тем в типологическом изучении сложных слов проблема их цельного описания существует. В данной работе под словосложением будут пониматься все способы образования сложных слов в русском языке.

Место словосложения в системе словообразования

В русском словообразовании традиционно различаются аффиксальные и безаффиксные способы, а также конверсия [СРЯ 1981: 201–209]. Словосложение попадает в безаффиксные способы, но может рассматриваться и в аффиксальных смешанных.

К безаффиксным способам образования сложных слов (далее СС) относятся:

чистое сложение: *лесостепь, первоисточник, царь-пушка*; для него характерно наличие интерфикса, который является главным словообразовательным формантом; впрочем, для примеров типа *царь-пушка* интерфикс объявляется нулевым [АГ 1982: 139];

сращение: *умалишенный, вечноезеленый*; для слов, образованных сращением, отмечается, что они «эквивалентны производящим словосочетаниям по своим лексическим значениям и совпадают с ними по морфемному составу во всех словоформах» [Немченко 1984: 116];

аббревиация: *МГУ, вуз* (акронимы), *детсад, завкафедрой* (сложносокращенные слова; их отличительный признак — произвольное усечение основ).

К аффиксальным относится **суффиксально-сложный** способ (в зарубежной терминологии «парасинтетический»): *полководец, железнодорожный*, в том числе с нулевым суффиксом: *пароход, синеглазый*. Возможен и префиксально-сложный способ: *умиротворить*.

В числе смешанных способов АГ упоминает и сращение в сочетании с суффиксацией: *сиюминутный, сногшибательный* [АГ 1982: 139].

В соответствии с этим разделением могут быть выделены основные словообразовательные типы СС и пограничные случаи. К основным типам СС можно отнести 1) слова, образованные чистым сложением, 2) слова, образованные аффиксально-сложным способом, 3) сложносокращенные слова, 4) сращения, 5) сращения с суффиксацией.

К пограничным примерам между сложением и аффиксацией иногда причисляют слова с интернациональными основами-аффиксоидами: *автопробег, видеоролик, женофоб* (в зарубежной терминологии аффиксоиды также называют «semiwords» ‘полуслова’, а слова с аффиксоидами — неоклассическими сложными словами).

Как сложение с суффиксацией рассматривается образование прилагательных с первой основой числительного в косвенном падеже (*трёхэтажный*), где нет речи о соединительной гласной; в то же время прилагательное *сиюминутный* считается образованным сращением с суффиксацией.

Чистым сложением, а не сращением считается модель существительных с первой основой *пол-* (*пол-Москвы*), хотя в них нет соединительной гласной и видна связь компонентов в данных формах с исходным словосочетанием (ср. *пол огромной Москвы*).

Цельнооформленность СС и пограничные случаи

Другая классификация сложных слов — по способу написания. Слитные сложные слова противопоставляются составным: *платье-костюм, царь-пушка*. Дефис в общем случае и является знаком объединения частей в одно целое и тем самым — одним из показателей сложносоставного слова. В отличие от других языков (английского, французского) раздельное написание невозможно для русского сложного слова, хотя в последнее время встречаются раздельные написания заимствований-компонитов: *наблик рилейинз, от кутюр*.

Но дефис присоединяет к слову и однословное приложение. Слово с приложением обычно отличается относительной самостоятельностью частей, т. е. обе части склоняются: *от Ивана-царевича*, но с *экспресс-доставкой*. С другой стороны, если слово с приложением часто употребляется, первая часть может не склоняться, что и происходит в разговорной речи: *от Иван-царевича*. Такая конструкция приближается к СС.

Другие пограничные случаи — парные слова (*гуси-лебеди, дочери-матери*), а также слова с повторами, полными или неполными (*синий-синий, давным-давно, еле-еле*); эти образования имеют признаки и сложных слов, и словосочетаний.

Все эти проблемы не имеют пока однозначного решения в русской грамматической традиции, хотя АГ и предлагает определенные классификационные схемы.

Между тем в зарубежной лингвистике словосложение, в том числе и русское, является предметом типологического изучения.

Сложные слова в типологическом отношении

Наиболее общая формула описывает структуру сложного слова следующим образом:

$[XRY]Z$, где X, Y и Z представляют собой основные лексические категории, а R — имплицитное отношение между составляющими (т. е. оно не выражается никаким показателем). Лексическая категория понимается как часть речи (N, A, V, Num, Pron).

В классификации СС, одной из наиболее принятых на сегодняшний день, выделяются три основных типа СС по отношениям между компонентами:

Субординативные —		Атрибутивные —		Координативные	
эндо-	экзо-	эндо-	экзо-	эндо-	экзо-
<i>lipstick</i>	<i>pickpocket</i>	<i>blackbird</i>	<i>redskin</i>	<i>bitter sweet</i>	<i>Austria-Hungary</i>
<i>steamboat</i>		<i>green-eyed</i>	<i>greybeard</i>		

[Scalise, Bisetto 2009]

Внутри каждого типа противопоставлены эндоцентрические и экзоцентрические СС. Эндоцентрическое СС обычно называет разновидность того, что обозначено опорным компонентом. Для экзоцентрического СС его объект не назван ни в одном из его компонентов и не вступает с ними в родовидовые отношения. Например: экзоцентрическое *сухогруз* — это не груз, а судно, а эндоцентрическое *сухофрукты* — это фрукты. В эндоцентрических образованиях всегда присутствует компонент, который отвечает за лексическую категорию целого (Z); так, в английском эндоцентрическом *green-eyed* суффикс *-ed* отмечает атрибутивное значение (принадлежность субъекту). В то же время в русском *зеленоглазый*, как и в английском *greybeard* ‘седая борода, седебородый’, считается, что категория целого не выражена никак — нулевой суффикс не способен быть таким указателем, поэтому слова считаются экзоцентрическими. Здесь можно было бы возразить, что в русском языке категория целого однозначно передается флексией. Однако флексию обычно не рассматривают в качестве носителя словообразовательного значения (смена парадигмы словоизменения, впрочем, считается основой конверсии; ср. также сложно-флексионный способ словообразования, выделяемый В. Н. Немченко для слов типа *самолет, синеглазый* [Немченко 1984: 116–118]).

От Грамматики конструкций — к Морфологии конструкций

В современной лингвистике получила развитие Грамматика конструкций (СхG), которая стремится объяснить многообразие способов языкового выражения на основе изучения конструкций — объединений элементарных единиц, функционирующих как единое целое. Под конструкцией понимается языковое выражение, точнее его схема, с постоянной и переменной частями, в ее реализации происходит объединение и взаимопроникновение частей языкового выражения, так что «некоторые аспекты его формы или функционирования не являются строго предсказуемыми на основе его компонентов или других существующих конструкций» [Goldberg 2006: 5]. Обычно в Грамматике конструкций рассматриваются синтаксические конструкции — словосочетания с нарушением композициональности, т. е. такие, семантика которых не сводится к простому объединению значений составляющих, но может быть описана по некоторым правилам с учетом ограничений на разных уровнях: от просодического до прагматического [Рахилина 2010: 14].

В рамках этого направления голландский исследователь G. Booij выстраивает Морфологию конструкций, центральным понятием которой является слово. Оно рассматривается не только как единица словаря, но как минимальная конструкция. Этот подход позволяет описать лексику языка иерархически, не как список слов и идиом, а как процесс развертывания, детализации абстрактных моделей. На каждом уровне схемы (дерева) предполагается добавление нового содержания к уже заданному предшествующим уровнем (узлом), хотя новый класс может полностью наследовать заданное [Booij 2010, 25–26]. Сложное слово представляет собой морфологический конструктор, являющийся реализацией определенной конструкции в рамках заданных ограничений.

Компоненты сложного слова

При образовании сложных слов используется различный материал (морфемы, слова, части слов), на который накладываются ограничения — фонотактические, морфологические, синтаксические, семантические, лексические, порождающие более регулярные или более идиоматичные модели. «Цельность, единство конструкции как языкового знака, иначе говоря, то, что объяснение одного класса свойств, т. е. ограничений одного уровня, невозможно без обращения к другим уровням, является центральной идеей всей теории СхG» [Рахилина 2010: 21].

Более регулярные модели (т.е. подчиняющиеся общему правилу с наименьшим числом ограничений) тяготеют к уровню грамматики, более ограниченные — к лексике. В этом смысле их можно расположить иерархически «между грамматикой и лексикой».

Компонентами сложного слова, как их выделяют итальянские лингвисты [Benigni, Masini 2009], могут быть:

корни (roots) — *книголюб*, *листопад*

производные основы (stems) — *водопровод*

слова — *домовладелец*, *черно-белый*

словоформы — *трёхэтажный*, *сорвиголова*

части слов (stumps) — *завкафедрой*

связанные корни (аффиксоиды, semiwords) — *лженаука*, *женофоб*

соединительные гласные

суффиксы в суффиксально-сложных словах (parasynthetic) — *народовластие*, *знаменосец*.

В разных типах конструкций могут использоваться в качестве компонентов единицы различного статуса. Попробуем упорядочить их по иерархии «от грамматики к лексике».

1) **Морфологические конструкции** корневого сложения используют корни (или корни и производные основы) и соединительные гласные. Эти конструкции регулярны: общая схема (например (N+V)N или (A+N)A) реализуется в обширных классах слов. Многие конструкции не композициональны (т.е. смысл слова однозначно не предсказуем), экзоцентричны: например, (N+V)N (*пароход*). В то же время модели сложных прилагательных типа *зеленоглазый* ясно передают свое значение (в отличие от английских типа *greybeard* ‘седая борода’, в которых атрибутивный характер не выражен), с учетом того, что на их компоненты накладываются ограничения как семантического, так и фонотактического свойства [Федорова 2015].

Моделям корневого сложения обычно приписывается нулевой суффикс с разными категориальными значениями, что не решает проблему определения общей категории.

2) **Морфолексические конструкции** СС используют корни/основы и слова, объединенные соединительной гласной. Это чистые сложения в традиционной терминологии. Слово выступает опорным компонентом и передает лексическое

значение, уточняемое первым компонентом на основе определенного синтаксического отношения (например: *засухоустойчивый, морозоустойчивый, влагоустойчивый* — ‘устойчивый к воздействию N’). Ограничения на сочетаемость могут быть обусловлены прагматически и лексически: *(домо)владелец, (рабо)владелец, ?(коне)владелец, ?(сокровище)владелец*.

3) Между морфологическими и морфолексическими конструкциями оказывается класс суффиксально-сложных образований. Например, на основе суффикса *-ец* формируются структуры с заданным соотношением корней (N+V)N: *(богобор)ец, (знаменос)ец, (правдолюб)ец* и др. За значение целого отвечает суффикс; он управляет блоком корневых морфем. Можно назвать этот класс **морфосинтаксическими** конструкциями.

4) К **лексико-синтаксическому типу** можно отнести конструкции, включающие словоформы и не использующие соединительные гласные. Лексико-синтаксическим типом словосложения традиционно называют сращения [Немченко 1984: 116]. Мы определяем этот тип более широко, включая в него несколько классов.

- а) Конструкции прилагательных типа *трехэтажный*; они опираются на форму исходного словосочетания и оформлены суффиксом, задающим категорию целого, так что конструкции прозрачны по структуре и композициональны. Это регулярная и продуктивная модель.
- б) Сложные существительные с первой основой *пол-*. Также регулярный класс. Синтаксические отношения выражены падежной формой имени. Особенностью этого класса слов является то, что синтаксическая «голова» — слева, а не справа, как обычно.
- в) Сложные существительные «императивной» модели (V+N)N (*горюцвет, сорви-голова*). Глагол в форме императива утрачивает побудительное значение, но все же нельзя считать форму полностью нейтрализованной, так как у нее присутствует определенное модальное значение — ‘характерное действие, определяющее референта’. В отличие от модели прилагательных «императивная» модель обычно экзоцентрична и нерегулярна.
- г) Сложные наречия с повторами в застывших косвенных формах; здесь выделяется несколько подклассов: *белым-бело, давным-давно* (с общим значением интенсификации); *крест-накрест, крепко-накрепко, мало-помалу* (с включением предлогов, характеризующих способ действия). Этот класс имеет ограничения на сочетаемость, семантические, лексические и фонетические (**голубым-голубо*).
- д) Связанные конструкции лексико-синтаксического типа; они образуют уникальные конструкты на основе сращений: *сумасшедший, сногшибательный*; из новых *крымнаш*.

5) Конструкции-биномы **лексического типа** — в основном сложносоставные существительные. Отношения между компонентами атрибутивные: *царь-пуши-ка, эконом-класс* или координативные: *плащ-палатка, диван-кровать*. К координативным можно отнести и парные слова. Соположение, спаривание лексем — элементарный, дограмматический способ образования целого. Простейшее

соположение — чистый повтор — встречается не только в номинациях, но и в словах других морфологических классов с усилительным и/или экспрессивным значением (*синий-синий, еле-еле, пока-пока*).

Здесь возникает проблема отделения сложных слов от слов с приложением; граница между ними, как было отмечено выше, достаточно условна.

Многие конструкции-биномы пришли в язык как заимствования, так называемые композиты; в случае, когда хотя бы один компонент уже является освоенным, можно говорить о сложном слове (*аква-парк, хит-парад* и др.). Это относительно свободные образования, близкие к синтаксическим конструкциям с несклоняемым прилагательным; часто образуются ряды композитов с общим компонентом: *арт-клуб, арт-тусовка, арт-дизайн, арт-рок, артхаус* и др. В подобном случае общий компонент может приобретать характер аффиксоида. Так, в словаре композитов [Габдреева, Гурчани 2012] отмечено 28 единиц с первым компонентом *евро-*, 15 единиц с первым компонентом *пресс-* (не считая *пресс-папье*, французской по происхождению императивной модели *presse-papiers*: ‘дави-бумаги’). Причем компонент *евро-* используется в слитном написании и лишь один раз через дефис (*евро-скарт* ‘разъем европейского образца’), а компонент *пресс-* сохраняет традицию написания через дефис (ср. *пресс-конференция, пресс-атташе*). Аффиксоид *евро-* оказывается весьма продуктивным: в словарь не включены образованные в русском языке *Евровидение, евромайdan*, появившийся позднее.

Сложные номинации могут заимствоваться целиком, но как составные единицы: *ноу-хау, ай-си-кью*. Они не встраиваются в систему русских СС и могут рассматриваться как вкрапления. Другие сложные номинации заимствуются целиком как нечленимые лексемы: *армрестлинг, амбуцмен (омбудсмен), тирамису*. Мы не относим их к СС.

б) **Лексико-фонетические конструкции** — это сложносокращенные слова. Принцип их образования очень общий: усечение основы или основ, не ориентирующееся на морфемный состав. Существенным критерием допустимости целого является не прозрачность или композициональность, а фонетическая совместимость (хотя это не всегда работает). Нередко усечение оставляет трехбуквенный отрезок, не обязательно составляющий слог в исходном слове и не являющийся морфемой (ср. *прораб, комсомол*). Из недавних: *автозак, мундеп* (‘муниципальный депутат’). Здесь выделяется подкласс, сохраняющий словоформу в качестве второго компонента, не являющегося синтаксической «головой»: *завкафедрой, замдекана*; его можно характеризовать как фоносинтаксический подкласс.

В названиях организаций сокращенные конструкции часто многочисленны: *Минобрнауки, Роскомнадзор*.

Все эти образования уникальны, обычно недолговечны, а если закрепляются в языке — то становятся цельными лексическими единицами (*вуз, загс, прораб*).

К лексико-фонетическим конструкциям примыкают и немногие случаи блендинга (слияния); самые известные — заимствованные *смог, мопед, спанглиш, хинглиш*, в русском языке — *хрущёба* (из слияния *Хрущёв* и *трущоба*). Часто слияния имеют окказиональный игровой характер.

* * *

Таким образом, мы попытались выстроить иерархию типов конструкций СС между грамматикой и лексикой, в которой от чисто морфемных структур происходит переход к структурам, объединяющим компоненты словосочетания или сохраняющим их осколки. Путь в сторону лексики сопровождается обычно сужением границ классов, лексикализацией конструкций, вплоть до уникальных конструкций.

Литература

АГ — Русская грамматика, т.1 // Академия наук СССР. Под ред. Н.Ю. Шведовой. М. : Наука, 1982. 784 с.

Габдреева Н.В., Гурчиани М.Т. Словарь композитов русского языка новейшего периода. М. : Флинта-Наука, 2012. 276 с.

Немченко В.Н. Современный русский язык. Словообразование. М.: Высшая школа, 1984. 255 с.

Рахилина Е.В. Лингвистика конструкций / Отв. ред. Е.В. Рахилина. М. : «Издательский центр «Азбуковник», 2010. 584 с.

СРЯ — Современный русский язык. / Под ред. В.А. Белошапковой. М. : Высшая школа, 1981. 560 с.

Федорова Л.Л. Сложные прилагательные неотчуждаемой принадлежности в русском языке // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». Московский лингвистический журнал. 17(2), 2015, с. 61–74.

Benigni, V., Masini, F. “Compounds in Russian”, LINGUE E LINGUAGGIO VIII.2 (2009) 171–193.

Booij, G. Construction Morphology. New York: Oxford University Press, 2010.

Goldberg A. Constructions at Work. Oxford: Oxford University, 2006.

Scalise, S., Bisetto A. The classification of compounds. // The Oxford Handbook of Compounding. / P. Steckauer & R. Lieber (eds). 2009.

L. L. Fedorova

Institute of Linguistics of RSUH

(Russia, Moscow)

lfvoux@yandex.ru

THE RUSSIAN WORD COMPOSITION: BETWEEN LEXIS AND GRAMMAR

The paper aims to investigate modes of Russian word composition. In traditional grammars, word composition is usually not allocated to a separate section and the compound words themselves are classified on different grounds. Modern typological descriptions, on the contrary, tend to construct classifications of compound words, which would take into account both their structure and semantic features. The author suggests to

choose the Morphology of constructions as the basis of the description. It is a theoretical scheme within the framework of the Grammar of constructions, which treats the word not only as a lexical unit, but also as a construction arranged according to special rules. Compound words are constructions of a special kind, in which morphological, lexical, syntactic, phonotactic, as well as pragmatic rules interact for the organization of the whole. The article suggests a list of the main types of constructions, correlated with different language levels between grammar and lexis, depending on the nature of their components and the limitations on the modes of word formation. Some new trends related to the borrowed words of complex structure (“composites”) are noted.

Keywords: Compound words in Russian, word formation modes, typology of compounds, Morphology of constructions, “composites”, word composition.

References

AG — *Russkaya grammatika, t.1* [The Russian Grammar, v. 1] The Academy of Science of the USSR. N. Yu. Shvedova (ed.). Moscow, Nauka Publ., 1982. 784 p.

Gabdreeva N. V., Gurchiani M. T. *Slovar' kompozitov russkogo yazyka noveishego perioda* [Dictionary of composites of the Russian language of the modern period]. Moscow, Flinta-Nauka Publ., 2012. 276 p.

Nemchenko V. N. *Sovremennyi russkii yazyk. Slovoobrazovanie*. [The Modern Russian Language. Word formation]. Moscow, Vysshaya shkola, 1984. 255 p.

Rakhilina E. V. (ed.) *Lingvistika konstruktiv* [Linguistics of constructions] Moscow, «Izdatel'skii tsentr «Azbukovnik», 2010. 583 p.

SRYa — *Sovremennyi russkii yazyk, pod. red. V. A. Beloshapkovo* [Modern Russian Language] V. A. Beloshapkova (ed.). Moscow, Vysshaya shkola, 1981. 560 p.

Fedorova L. L. *Slozhnye prilagatel'nye neotchuzhdaemoi prinadlezhnosti v russkom yazyke* [Compound Adjectives of inalienable possession in Russian] *Vestnik RGGU. Seriya «Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie»*. *Moskovskii lingvisticheskii zhurnal*. 17(2), 2015, p. 61–74. (In Russ.)

Benigni V., Masini F. Compounds in Russian. *Lingue e Linguaggio*. VIII.2 (2009). 171–193.

Booij G. *Construction Morphology*. New York: Oxford University Press, 2010.

Goldberg A. *Constructions at Work*. Oxford: Oxford University, 2006.

Scalise S., Bisetto A. The classification of compounds. *The Oxford Handbook of Compounding*. P. Steckauer, R. Lieber (eds). 2009.

О. Е. Фролова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

(Россия, Москва)

olga_frolova@list.ru

ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ ЗНАЧЕНИЯ ТЕРМИНОВ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ (СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ)

В статье рассматриваются личные имена, называющие социальные статусы, их переносные характеризующие значения, а также прилагательные, образованные от таких личных существительных. Анализ толковых словарей позволил выявить единицы, переносные значения которых лексикализованы. Показано, как изменения в семантике отражаются на уровне словообразования и синтаксиса. Прилагательное *придворный* образовало новое переносное значение ‘служащий интересам властей; действующий в интересах правительства, администрации’, лексикализованное уже в начале XXI в. Прилагательные *аристократичный* и *буржуазный* способны образовывать краткие формы, то есть ведут себя как качественные. Национальный корпус русского языка отражает довольно обширную группу новых сложных прилагательных с оценочной семантикой, образованных от номинаций социального статуса: ***барственно-медленный***, ***пренебрежительно-барский***. Анализ употребления прилагательных по Национальному корпусу русского языка обнаружил атрибутивные словосочетания с абстрактными существительными, сфера референции которых не затрагивала социальную структуру. Было выявлено, что словосочетания с прилагательными социального статуса способны описывать внешность, речь, манеры и черты характера человека. Семантика наблюдателя присутствует у прилагательных *аристократичный*, *барственный*, *интеллигентный*, *плебейский*, *царственный*. Личные существительные способны употребляться в позиции оценочного предиката. Прилагательные же социального статуса могут выступать в речи в контексте интенсификаторов, причем даже те, у которых толковые словари не отмечают переносных значений. Было рассмотрено пять интенсификаторов и показано, что самой широкой сочетаемостью с ними характеризуется прилагательное *интеллигентный*.

Ключевые слова: социальный статус, переносное значение, дериват, личное существительное, прилагательное, абстрактное существительное, синтаксис, интенсификатор, Национальный корпус русского языка.

Стратификация общества, построенная на имущественных, экономических и правовых основаниях, отражает иерархическую структуру социума и характер связей в нем. Зеркалом разделения общества на страты в Российской империи были сословия, они определяли права и обязанности человека. Н. Лазаревский пишет: «Обыкновенно термином “сословие” обозначают отдельную группу подданных, своим юридическим положением каким-либо определенным образом отличающихся от остального населения, причем отличия эти передаются по наследству. В нашем законодательстве этому понятию соответствует термин “сосостояние”; изредка, впрочем, в законе и в этом смысле тоже употребляется термин “сословие” (Св. Зак., т. IX, ст. 3). Наука государственного права долгое время не различала С. от классов населения...» [Лазаревский]. Тот же автор продолжает: «Реформы Екатерины II создали четыре “главных рода людей”: дворян, духовенство, городских обывателей и сельских обывателей» [там же]. В БЭС говорится о пяти сословиях: дворянстве, духовенстве, крестьянстве, купечестве, мещанстве [БЭС 1997: 1129].

Номинации социальных страт и статусов формируют в языке переносные оценочные значения [Балашова 2014; Баранов 2014; Радаев, Шкаратан 1996; Фролова 2017а; Фролова 2017б]. Мы описали особенности переносных значений личных существительных *аристократ*, *барин*, *буржуа*, *лакей*, *холоп* в статьях [Фролова 2017а; Фролова 2017б].

На взаимосвязь изменений в лексической семантике и грамматике указывал Ю. Д. Апресян [Апресян 1995]. В настоящей статье мы намереваемся показать, как формирование переносных значений в группе личных существительных, называющих социальные статусы, и их адъективных дериватов отражается на словообразовании и синтаксисе. Для этого мы проследим лексикографическую фиксацию переносных значений в словарях, особенности словообразовательных гнезд, наличие в них абстрактных существительных, а также функционирование в речи словосочетаний с прилагательными, образованными от личных имен номинаций социальных статусов.

Было проанализировано двадцать три личных имени — номинаций социальных статусов по БТС (см. таблица 1), у восьми словарь не фиксирует переносных значений, у существительного *барин* словарь отмечает два переносных значения.

Словообразовательные возможности личных существительных выражаются в том, что от одной производящей основы формируются несколько прилагательных, имеющих характеризующее значение, одно из которых преимущественно употребляется как средство оценки (*аристократичный*, *барственный*, *ремесленнический*), а также абстрактное существительное (*аристократизм*, *буржуазность*, *интеллигентность*, *плебейство*, *холопство*, *царственность*).

За исключением слов *поп*, *интеллигент*, *казак*, *крестьянин*, *обыватель*, *чиновник* большинство личных имен перешло в разряд историзмов, что могло спровоцировать образование переносных значений. Существительное *крестьянин* вытесняется именем *фермер*. Однако, как показывает обращение к словарю, процесс формирования фиругативных значений неоднороден.

Таблица 1.

	Личное существительное	Наличие / отсутствие переносного значения в толковом словаре (БТС 2002)	Наличие двух прилагательных	Абстрактное существительное
1	аристократ	+	аристократический, аристократичный	аристократизм
2	барин	++	барский, барственный	барство барственность
3	буржуа	+		буржуазность
4	господин	+		
5	дворянин	нет		
6	император	нет		
7	интеллигент	нет	интеллигентный интеллигентский	интеллигентность
8	казак	нет		
9	крепостной	нет		
10	крестьянин	нет		
11	купец	+		
12	мещанин	+		мещанство
13	обыватель	+		
14	плебей	+		плебейство
15	помещик	+		
16	поп	нет		
17	придворный	нет		
18	пролетарий	+		
19	ремесленник	+	ремесленный ремесленнический	
20	слуга	+		
21	холоп	+		холопство
22	царь	+	царский, царственный	царственность
23	чиновник	+	чиновный чиновнический	

Несколько личных существительных формируют оценочные дериваты с функционально-синтаксически ограниченным значением: *буржуй*, *купчик*, *купчина*, *солдафон*, *царек* (см. [Виноградов 1977]).

Нас интересует сочетаемость отыменных прилагательных, поскольку именно функционирование атрибутивных словосочетаний позволяет обнаружить «отрыв» от собственно социологических наблюдений и выявить признаки, которые вначале приписываются представителям той или иной социальной страты, а затем переносятся и на других людей вне зависимости от их принадлежности к сословию, классу или социальной группе. В Национальном корпусе русского языка был задан подкорпус 2000–2018 г., единицей поиска было прилагательное. Отбирались словосочетания с абстрактными существительными, областью референции которых были представители других слоев общества.

Аристократический (284 документа, 370 вхождений) — аккуратность, амбиция, вежливость, вкус, замашка, изысканность, манеры, небрежение, небрежность, отстраненность, праздность, презрение, сдержанность, стать, тонкость, точность, услужливость, утонченность, учтивость, холодок, чувство, юмор, яд, вид, голова, лик, лицо, нос, пальцы, руки.

Аристократичный (50 документов, 54 вхождения) — блеск, манеры, русская речь, внешность лицо, нос.

Барский (209 документов, 294 вхождения) — великолепие, высокомерие, забава, замашка, ленца, манеры, прихоть, причуда, спесь, жест, облик, осанка, ручка, шажок (с барской руки, с барского плеча, с барского стола).

Барственный (39 документов, 45 вхождений) — нажим, кивок, голос, тон, интонация, смешок, вид, лицо, спокойствие, плавность движений, походка, небрежность, высокомерие, шуба.

Буржуазный (536 документов, 1 024 вхождения) — мода, нувориши, роскошь, вид.

Интеллигентный (756 документов, 1396 вхождений) — манеры, непосредственность, привычка, беседа, ирония, спор, речь, тон, лицо, вид, голос, наружность, улыбка.

Интеллигентский (222 документа, 361 вхождение) — комплекс, закомплексованность, скромность, душонка, тупик, рефлексия, вольнодумство, дискурс, язык, бла-бла, матерщинка, жаргон, речь, вранье, смесь роскоши и нищенства, мифология, натура, дилетантизм, сомнения, домыслы, вздор, сопли, слюни, страх, чистоплюйство, чувство юмора, заморочки, тайное знание, закваска, скорбь, бонтон, гнильца, внешность, своеволие, замашки.

Купеческий (264 документа, 433 вхождения) — загул, шик, размах, удаль, вольность, блажь, алчная клоака, уют, домострой, важность, замашка, расточительность, жадность, манера, красавица, борода, жест.

Мещанский (149 документов, 234 вхождения) — уют, чистоплотность, дух, украшение, роскошь, идеалы потребительства, примитив, кругозор.

Обывательский (146 документов, 177 вхождений) — уровень, представление, вкус, веселье, мерки, язык, ширпотреб, рутина.

Плебейский (70 документов, 86 вхождений) — малодушие, холод, робость, напор, полуинтеллигенция, тупость, тяга к яркости фасада, рассуждения, акцент, термин, прозвище, кличка, восторг, юмор, наружность, скулы, ноздри.

Придворный (405 документов, 858 вхождений) — лесть, уловка,

Ремесленный (132 документа, 192 вхождении) — ум, поделка, привычка, халтура.

Ремесленнический (5 документов, 7 вхождений) — поделка.

Холопский (27 документов, 32 вхождения) — рвение, готовность, комплексы, разум, традиция, привычка, дух, душа, имя.

Царский (1183 документа, 3097 вхождений) — подарок, житье (не царское дело).

Царственный (220 документов, 354 вхождения) — брезгливость, порода, улыбка, осанка.

Чиновничий (371 документ, 470 вхождений) — дух, язык.

Чиновный (100 документов, 127 вхождений) — вседозволенность, холодность, довольство, равнодушие, дух.

Остановимся на субстантивированном прилагательном *придворный*, БТС не отмечает у него переносного значения, но одно отражено в ТСРЯн21: «перен. Служащий интересам властей; действующий в интересах правительства, администрации» [ТСРЯн21 2008: 792]. В подкорпусе НКРЯ 2000–2018 г. обнаруживается 405 документов, 858 вхождений со словом *придворный*. Примеры показывают, что в текстах, описывающих события исторического прошлого, прилагательное, чаще всего, сочетается с личными существительными *врач, дама, молочница, поэт*, в переносном значении оно «втягивает» в круг определяемых и новые профессии XXI в. (примеры 1, 2), а также существительные, называющими различные организации (пример 3).

(1) *У него благодаря **придворным** социологам рейтинг выше президентско-го* [коллективный. Мистер Рейтинг (2015.03.14)] [НКРЯ].

(2) *Все ответы давно написаны **придворными** пиарщиками и одобрены к озвучиванию Самим* [коллективный. Форум: Навальный: «Могу я есть?». Судья: «Можете присесть» (2012)] [НКРЯ].

(3) *Оппозиция ругает газету за то что — **придворная*** (Д. Вертков. Всё впереди! (2012.11.16) // «Новгородские ведомости», 2012) [НКРЯ].

У прилагательных *аристократичный, буржуазный* в НКРЯ обнаруживаются краткие формы.

(4) *Гермес был образцовый денди: артистичен и **аристократичен**, одновременно интеллектуал и модник* (А. Иванов. Комьюнити) [НКРЯ].

(5) *Нам претила буржуазность, мы знали, что если искусство **буржуазно**, то оно — не искусство* (А. Рекемчук. Мамонты) [НКРЯ].

В речи встречаются также формы сравнительной степени от прилагательных социального статуса.

(6) *Легар утонченнее, изящнее, я бы даже сказала, **аристократичнее*** (Т. Шмыга. Счастье мне улыбалось) [НКРЯ].

(7) *Те, что **поинтеллигентнее**, задают вопросы и с интересом слушают ответы* (Н. Холмогорова. «Че там у атеистов?», 2015.09.28) [НКРЯ].

В найденных в НКРЯ словосочетаниях можно выделить несколько векторов:

а) характеристика речи у прилагательных *аристократичный, интеллигентный*; б) языка — *обывательский, чиновничий*; в) внешности — *аристократический, барский, царственный*; г) манер и поведения — *плебейский, холопский*.

Материал НКРЯ позволяет выявить ряд единиц — адекватных дериватов социальных статусов — сложных прилагательных. Количество их довольно велико, все они объединяются характеризующей оценочной семантикой (см. таблица 2).

Обнаруженные прилагательные окказиональны, пишутся через дефис и делятся на две группы: в одной номинация социального статуса стоит на первом месте, в другой — на втором. Обращают на себя внимание прилагательные *дворянско-интеллигентский, крестьянско-плебейский, чиновничье-обывательский*, в которых обе части образованы от личных имен с семантикой социального статуса.

Таблица 2

Личное существительное	Адъективный дериват
аристократ	аристократически-небрежный аристократически-бюрократический аристократически-изящный безупречно- аристократичный утонченно- аристократичный холодно- аристократичный
барин	барственно-хамский барственно-медленный непростительно- барский пренебрежительно- барский
буржуа	буржуазно-консервативный
дворянин	дворянско-интеллигентский, дворянско-бюрократический
интеллигент	интеллигентно-скучный интеллигентско-богемный интеллигентски-чопорный грустно- интеллигентный теплично- интеллигентский
крестьянин	крестьянско-плебейский
мещанин	мещански-простецкий
обыватель	обывательски-туристский
плебей	национально- плебейский плебейски-бунтарский,
ремесленник	ремесленно-стихотворный ремесленно-патриархальный ремесленно-равнодушно-бездарный
чиновник	чиновнивичье- обывательский
царь	царственно-статный, царственно-величественный

Мы проверили функционирование адъективных дериватов по НКРЯ, и обнаружилось, что ряд из них употребляется в контексте интенсификаторов, что свидетельствует о том, что относительные прилагательные ведут себя в речи как качественные (см. таблица 3).

Таблица 3

прилагательное	интенсификатор				
	очень	совсем	немного	слегка	несколько
аристократический	+		+		
аристократичный	+		+		
барский					+
буржуазный	+			+	
дворянский	+				
мещанский					+
обывательский		+			
интеллигентный	+	+	+	+	
холопский		+			

Проиллюстрируем употребление прилагательного *дворянский* с интенсификаторами (примеры 8, 9).

(8) *В коммунальной квартире так прожить трудно. У Ахматовой было **очень дворянское** поведение. — Эт она писала: для кого дуэль предрассудок, тот не должен заниматься Пушкиным?* (М. Гаспаров. Записи и выписки) [НКРЯ].

(9) *Пейзажная тема архитектуры в обстановке ранней осени. Пушкинский, русский и **очень дворянский** дух* (А. Вьяльцев. Путешествия в одну сторону) [НКРЯ].

Подведем итоги. Номинации социальных статусов в прямых значениях образуют иерархию, отражающую устройство общества. В переносных значениях личные существительные становятся средством характеристики и оценки. Подобную способность к выражению оценки сохраняют и отыменные прилагательные. Ряд прилагательных способны образовывать краткие формы и формы сравнительной степени. Шесть личных имен образовали абстрактные существительные, называющие свойства характера и особенности поведения человека: *аристократизм, интеллигентность, холопство, плебейство, солдафонство*. В двух словообразовательных гнездах была переосмыслена семантика собирательных существительных *барство, мещанство*, которые приобрели значения абстрактного признака. Адъективные дериваты выступают в речи определяющими в атрибутивных словосочетаниях, сфера референции которых уже не связана с социумом. Сочетаемость прилагательных показывает, что атрибутивные словосочетания описывают внешность человека, особенности его речи, поведенческие характеристики и черты характера. Анализ НКРЯ позволил выявить довольно значительный объем сложных прилагательных, первая или вторая часть которых представляет собой номинацию социально статуса: *аристократически-небрежный, утонченно-аристократичный*. Прилагательные, образованные от имен социальных статусов, употребляются в контексте интенсификаторов, причем как те, у которых уже сформировались переносные значения, так и те, которые не употребляются в переносных значениях в речи и у которых современные толковые словари фигуративных значений не отмечают. Так изменения в семантике группы имен, называющих социальные статусы, отражаются на уровне словоизменения, словообразования и синтаксиса.

Литература

Словари:

БТС 2002 — Большой толковый словарь русского языка. Ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт. 2002. 1536 с.

БЭС 1997 — Большой энциклопедический словарь. М. Советская энциклопедия. 1997. 1456 с.

ТСРЯн21 2008 — Толковый словарь русского языка начала XXI в. Актуальная лексика. Ред. Г. Н. Складская. М.: ЭКСМО. 2008. 1136 с.

ТСРРЛ 2014 — Толковый словарь русской разговорной лексики. Т.1. Ред. Л. П. Крысин. М.: ЯСК. 2014. 776 с.

Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. // Апресян Ю. Д. Избр. Труды. В 2-х т. Т. 2. М. : Языки русской культуры. 1995. 767 с.

Балашова Л. В. Русская метафорическая система в развитии XI–XXI вв. М. : Рукописные памятники Древней Руси: Знак, 2014. 632 с.

Баранов А. Н. Дескриптивная теория метафоры. М. : Языки славянской культуры. 2014. 632 с.

Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова // Виноградов В. В. Избр. Труды. Лексикология и лексикография. М. : Наука. 1977. С. 162–189.

Карасик В. И. Язык социального статуса. М. : Гнозис. 2002. 333 с.

Крячко В. Б. «Intelligent» и «интеллигент»: этнокультурные характеристики // Известия ВолгГТУ. Серия «Новые образовательные системы и технологии обучения в вузе». Вып. 6. межвуз. сб. науч. ст. ВолгГТУ. Волгоград, 2009. № 10. С. 72–75.

Лазаревский Н. 1890–1907. Сословия // Энциклопедический Словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. В 41 т. Т. 30а. СПб. [Электронный ресурс] URL: <http://www.vehi.net/brokgauz/>

Радаев В. В., Шкаратан О. И. Социальная стратификация. М. : Аспект Пресс. 1996. 313 с.

Сушкова-Ирина Я. И. Динамика социальной стратификации и её представленность в картинах мира // Электронный журнал «Знание. Понимание. Умение». 2010. №4 Культурология. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/4/Sushkova-Irina/>

Фролова О. Е. Нижняя ступень социальной иерархии и ее семантическое переосмысление // *Филологические заметки*, Пермь, 2017а. том 15, №2. С. 143–154.

Фролова О. Е. О коннотациях слов *аристократ*, *барин*, *буржуа* и их дериватов в русском языке // *Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки*, Екатеринбург, 2017б. том 19, №3 (166). С. 174–190.

O. E. Frolova

Moscow State University

(Russia, Moscow)

olga_frolova@list.ru

CHARACTERIZING MEANINGS OF SOCIAL STRATIFICATION TERMS (SEMANTIC AND GRAMMATICAL INDICATORS)

The article deals with personal names that call social statuses, their figurative characterizing meanings, and adjectives derived from such personal nouns. The analysis of explanatory dictionaries made it possible to identify units whose portable values are lexicalized. It is shown that changes in semantics are reflected at the level of word formation and syntax. The adjective *courtier* formed a new figurative meaning “close to the power and serving it”, lexicalized already at the beginning of the XXI century. Adjectives *aristocratic* and *bourgeois* are capable of forming short forms, that is, they behave

as qualitative. The Russian National Corpus reflects a fairly large group of new complex adjectives with evaluation semantics, formed from the nominations of social status: *barbaric-slow, disdainful-lordly*. Analysis of the use of adjectives in the Russian National Corpus revealed attributive phrases with abstract nouns, whose sphere of reference did not affect social relations. Phrases with adjectives of social status are able to describe the appearance, speech, manners and person's character. The semantics of the observer is present in the adjectives aristocratic, intelligent, plebeian, regal. Personal nouns can be used in the position of an estimative predicate. Adjectives of the same social status can appear in speech in the context of intensifiers, even those in which explanatory dictionaries do not mark figurative meanings. Five intensifiers were considered and it was shown that the broadest compatibility with them is characterized by an adjective intelligent.

Keywords: social status, figurative meaning, derivative, personal noun, adjective, abstract noun, syntax, intensifier, Russian National Corpus.

References

Dictionaries

Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka. [The Big Dictionary of Russian language] Ed by S. A. Kuznetsov. St. Petersburg: Norint Publ. 2002. 1536 p.

Bolshoy entsiklopedicheskiy slovar [The Big Encyclopedic Dictionary] Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ. 1997. 1456 p.

Tolkovyy slovar russkogo yazyka nachala. XXI v. Aktualnaya leksika. [Explanatory dictionary of the Russian language of the beginning of the XXI century. Current Vocabulary] Ed. by. G. N. Sklyarevskaya. Moscow: EKSMO Publ. 2008. 1136 p.

Tolkovyy slovar russkoy razgovornoy rechi. [Explanatory dictionary of Russian everyday speech] T.1. Ed by L. P. Krysin. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury Publ. 2014. 776 p.

Apresyan Yu. D. *Integralnoye opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Integral description of the language and systemic lexicography] // Apresyan Yu. D. [Selected Works.. In 2 vol.] *Izbr. Trudy*. Vol. 2. Moscow: Yazyki russkoy kultury Publ. 1995. 767 p.

Balashova L. V. *Russkaya metaforicheskaya sistema v razvitii XI–XXI vv.* [Russian metaphorical system in the development of the XI–XXI centuries] Moscow : Rukopisnyye pamyatniki Drevney Rusi: Znakh Publ. 2014. 632 p.

Baranov A. N. *Deskriptivnaya teoriya metafory*. [The descriptive theory of metaphor] Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury Publ. 2014. 632 p.

Karasik V. I. *Yazyk sotsialnogo statusa*. [Language of social status] Moscow: Gnozis Publ. 2002. 333 p.

Kryachko V. B. [“Intelligent” and “intellectual”: ethno-cultural characteristics] // *Izvestiya VolgGTU. Seriya «Novyye obrazovatelnyye sistemy i tekhnologii obucheniya v vuze»*. Iss. 6. mezhvuz. sb. nauch. st. VolgGTU. Volgograd. 2009. no. 10. pp. 72–75. (In Russ.)

Lazarevskiy N. [Estates of the realm] // *Entsiklopedicheskiy Slovar F. A. Brokgauza i I. A. Efrona*. In 41 vol. Vol 30a. St. Petersburg . 1890–1907. (In Russ.) Available at: <http://www.vehi.net/brokgauz/> (accessed 26.05.2018)

Radayev V. V., Shkaratan O. I. *Sotsialnaya stratifikatsiya*. [Social stratification] Moscow: Aspekt Press. 1996. 313 p.

Sushkova-Irina Ya. I. [Dynamics of social stratification and its representation in the pictures of the world] // *Elektronnyy zhurnal «Znaniye. Ponimaniye. Umeniye»*. 2010. no. 4 Kulturologiya. (In Russ.) Available at: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/4/Sushkova-Irina/> (accessed 26.05.2018)

Vinogradov V. V. *Osnovnyye tipy leksicheskikh znacheniy slova*. [The main types of lexical meanings of a word] // Vinogradov V. V. *Izbr. Trudy. Leksikologiya i leksikografiya* [Selected Works. Lexicology and lexicography]. Moscow: Nauka Publ. 1977. pp. 162–189. (In Russ.)

Frolova O. E. [The lower level of the social hierarchy and its semantic rethinking] // *Filologicheskiye zametki*. Perm. 2017 a. vol. 15. no. 2. pp. 143–154. (In Russ.)

Frolova O. E. [On the connotations of words aristocrat, master, bourgeois and their derivatives in Russian] // *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnyye nauki*. Ekaterinburg. 2017b. vol. 19. no. 3 (166). pp. 174–190. (In Russ.)

А. Э. Цумарев

*Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
zumarew@yandex.ru*

Л. Л. Шестакова

*Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
lara.shestakova@mail.ru*

ОСОБЕННОСТИ ПОДАЧИ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ О СЛОВЕ В «АКАДЕМИЧЕСКОМ ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА»

В статье рассматриваются особенности представления грамматической информации о слове в новом «Академическом толковом словаре русского языка» (АТос), относящемся к числу средних по объему толковых словарей. Обсуждаемые особенности отличают создаваемый словарь от предшествующего четырехтомного «Словаря русского языка» (МАСа), изданного Академией наук в 1980-е гг. Грамматическая информация о слове содержится в АТосе в двух зонах словарной статьи — зоне грамматических форм и зоне грамматических характеристик; она соответствует современной языковой норме и дается полнее и нагляднее, с большей последовательностью, чем в словаре-предшественнике. Это достигается как за счет систематического использования традиционных лексикографических средств, так и благодаря введению новых средств и способов наглядного представления грамматических сведений о слове. Новые способы применяются при описании формы родительного падежа единственного числа существительных. Например, в случае подвижного формообразовательного ударения словарная статья содержит указание финальной части слова, вместо традиционного указания лишь на флексию (**БЕЛОВЫ́К**, -в и к á). В словаре нашел отражение морфологический признак одушевленности, в качестве средства обозначения которого используется помета *одуш.* (**БА́БОЧКА** ... 1. *Одуш.* Насекомое с двумя парами крыльев). В значительном числе случаев возникает необходимость восполнения пробелов в описании грамматической стороны слова. В частности, в словаре более последовательно отражаются: наличие кратких форм у имени прилагательного (**БЕЗДУХО́ВНЫЙ**, -ая, -ое; -вен, -вна, -вно); ограничение в употреблении форм 1-го и 2-го

лица у глагола (**ГЛЮ́ХНУТЬ ... 2. ...** (1 и 2 л. не употр.) Становиться неслышным (о звуках); затихать); конструктивная обусловленность лексического значения (**БАССЕ́ЙН ... 3. какой.** Область залегания каких-л. определенных полезных ископаемых); специфика синтаксической связи управления (**ГРОЗИ́ТЬ ... 1. ... кому чем, с неопр. или с придаточным изъяснительным.** Предупреждать с угрозой о чём-л. тяжелом, страшном; угрожать). Приведенные в статье примеры свидетельствуют о необходимости усовершенствования традиционного грамматического описания лексики в ходе работы над новым толковым словарем русского языка.

Ключевые слова: современный русский литературный язык, грамматика, грамматическая норма, взаимодействие лексики и грамматики, лексикография, толковый словарь, словарная статья.

В 2016 г. вышли из печати 1-й и 2-й тома «Академического толкового словаря русского языка» (АТoS), работа над которым ведется в ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН. В этом словаре, задуманном как продолжение «Словаря русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой (МАС), предполагается представить многостороннее описание лексики современного русского литературного языка. Неотъемлемая часть такого описания — грамматическая информация о слове, соотносимая с двумя зонами словарной статьи: грамматических форм и грамматических характеристик.

При общей традиционности в оформлении этих зон они в определенной степени обновлены. Информация в них дается, в интересах пользователей словаря, полнее и нагляднее, с большей последовательностью, чем в словаре-предшественнике. Источниками грамматических сведений, включаемых в АТoS, являются как грамматики русского языка, так и словари разных типов, фиксирующие грамматические характеристики слов (словари грамматических трудностей, толковые, орфографические и др.). Предпочтение отдается современным изданиям, в том числе словарям, вышедшим на рубеже XX–XXI вв.

Обновление грамматических зон осуществляется в АТoS'e по-разному, в соответствии с принятыми правилами. Так, несколько из них связаны с грамматическим описанием существительных, в частности, с подачей формы родительного падежа единственного числа. В соответствии с одним из правил форма родительного падежа имеет вид финальной части слова, начиная со слога, на который падает ударение в именительном падеже:

БАШЛЫ́К, -лы́кá;

БЕЛОВЫ́К, -ви́кá;

ГАМА́К, -ма́кá;

ГОПА́К, -па́кá

ср.:

БУТЫ́К, -ты́кa и (*разг.*) -ты́кá.

Другое правило касается составных наименований (сложносоставных слов) с дефисным написанием. Поскольку в некоторых из таких слов склоняется только

вторая часть, а в других — обе части, форма их родительного падежа приводится полностью:

АЛЬФА-ЧАСТИЦА, альфа-частицы;
БИЗНЕС-КЛАСС, бизнес-класса;
БОЙ-БАБА, бой-бабы;
КРЕСЛО-КАЧАЛКА, кресла-качалки;
МАТЧ-РЕВАНШ, матча-реванша.

В описании качественных прилагательных (и относительных, приобретающих значение качественности) более последовательно, по сравнению с четырехтомным словарем, представлены краткие формы. Вот несколько статей, в которые введены такие формы, в том числе имеющие варианты:

БЕЗВРЕМЕННЫЙ, -ая, -ое; -менен, -менна, -менно;
БЕЗЗАВЕТНЫЙ, -ая, -ое; -тен, -тна, -тно;
ГОМОГЕННЫЙ, -ая, -ое; -нен, -нна, -нно;
БЕЗДЕЙСТВЕННЫЙ, -ая, -ое; -вен и -венен, -венна, -венно;
БЕЗЛИСТВЕННЫЙ, -ая, -ое; -вен и -венен, -венна, -венно.

Ср. и новые статьи прилагательных, имеющие в зоне грамматики информацию о наличии кратких форм:

БЕЗАЛЬТЕРНАТИВНЫЙ, -ая, -ое; -вен, -вна, -вно;
БЕЗДЕФЕКТНЫЙ, -ая, -ое; -тен, -тна, -тно;
БЕЗДУХОВНЫЙ, -ая, -ое; -вен, -вна, -вно;
ГИПОАЛЛЕРГЕННЫЙ, -ая, -ое; -гэнен, -гэнна, -гэнно.

Одна из установок словаря — это иллюстративное подтверждение тех или иных сведений о слове, в том числе вновь вводимых в словарные статьи. Это касается и упомянутых форм. Так, в грамматическую зону статьи «Безденежный» были введены краткие формы. Они реализуются только во втором значении 'не имеющий денег, нуждающийся в деньгах', где и проиллюстрированы цитатой:

БЕЗДЕНЕЖНЫЙ, -ая, -ое; -жен, -жна, -жно. **1.** *только полн. ф. Фин.* То же, что безналичный. *Безденежный расчет. Безденежная банковская операция.*

2. Разг. Не имеющий денег, нуждающийся в деньгах. *Безденежный человек. □ Мамины сестры, тетя Анюта с больной дочерью на руках и тетя Женя с двумя дочерьми --- тоже были довольно безденежны; семья тети Жени включала еще бабушку, которой не полагалось пенсии. И. Дьяконов. Книга воспоминаний. || Характеризующийся отсутствием денег. Декабрь был самый люто безденежный месяц в моей жизни. К. Воробьев. Вот пришел великан.*

Обновление коснулось в АТосе и грамматических характеристик слов. В словаре нашел отражение признак одушевленности, приписываемый существительным, винительный падеж которых совпадает с родительным (см. раздел «Как пользоваться

словарем». Т. 1, с. 15–16). Передающая этот признак помета *одуш.* последовательно ставится при словах, лексическое значение которых включает в себе понятие о живом. Данная помета используется в АТоСе вслед за Л. П. Крысиным, применившим ее в «Толковом словаре иноязычных слов», и может занимать разные позиции в словарной статье — при слове (в том числе многозначном) — *балерина, бобик, голубь*; при отдельном значении (или оттенке значения) — *бабочка, бобёр, бас*; при употреблении слова в значении другой части речи — *бедный, большой, глухой*:

БАЛЕРИ́НА, -ы, *ж.*, *одуш.* Артистка балета;

БО́БИК, -а, *м.*, *одуш. Разг.* О собаке, обычно беспородной (по распространенной кличке);

ГО́ЛУБЬ, -я, *род. мн. -ёй, м.*, *одуш. 1.* Птица средней величины с разнообразной окраской оперения (обычно серовато-голубой или белой) и большим зобом. ...

2. (*обычно в обращении*). *Разг.* Ласковое название мужчины.

БА́БОЧКА, -и, *род. мн. -ч е к, дат. -ч к а м, ж. 1.* *Одуш.* Насекомое с двумя парами крыльев. ...

2. *Разг.* Галстук в виде небольшого банта;

БОБЁ́Р, -б р а́, *м. 1.* мех бобра. ...

2. *Одуш.* То же, что б о б р ;

БАС, -а, *мн. басы́, м. 1.* Самый низкий по звучанию мужской голос. ... || *одуш.* Певец с таким голосом.

БЕ́ДНЫЙ, -а я, -о е; ... | *в знач. суц.* О человеке: **бе́дный**, -о го, *м.*, *одуш. Опекать бедных*;

БО́ЛЬШОЙ, -а́ я, -бе́; бо́льш ий, бо́льш е, бо́ле е. ... **4.** *Разг.* Взрослый, а также вышедший из младенческого возраста, подросток (о ребенке). ... | *в знач. суц. больш́ие*, -и́ х, *мн.*, *одуш.*;

ГЛУХО́Й, -а́ я, -бе́; ... | *в знач. суц. глухо́й, -бо́ го, *м.*, *одуш.*; **глуха́я**, -бо́ й, *ж.*, *одуш. Школа для глухих*.*

Введение в состав грамматических характеристик слова признака одушевленности важно и для разграничения омонимов. Ср.:

БОЛТУ́НЬЯ¹, -и, *род. мн. -н и й, дат. -н ь я м, ж.*, *одуш. Разг. Женск. к болтун¹*;

БОЛТУ́НЬЯ², -и, *род. мн. -н и й, дат. -н ь я м, ж. Разг. Яичница, взбитая на молоке и помешиваемая во время приготовления*.

ГАЗЕ́ЛЬ¹, -и, *ж.*, *одуш.* Горная коза из породы антилоп;

ГАЗЕ́ЛЬ², -и, *ж. 1. Лит.* Стихотворная форма в восточной поэзии;

ГАЗЕ́ЛЬ³, -и, *ж. Разг.* Полугрузовой автомобиль.

Особое внимание уделяется в словаре информации, маркирующей грамматические ограничения в реализации значений, оттенков значений, употреблений слов,

а также значений фразеологических сочетаний. Набор соответствующих помет, используемых при описании существительных, прилагательных, глаголов, широк: *только ед. ч., обычно мн. ч., только полн. ф., обычно кратк. ф., обычно повел. и т. д.*, например:

ВЫГОВОР ... 1. *только ед. ч.* Манера, характер произношения звуков, слов языка. *Парижский выговор*;

БАНАЛЬНОСТЬ ... 2. *обычно мн. ч.* (банальности, -ей). Банальное выражение, банальная мысль. *Говорить банальности*;

ГОТОВЫЙ ... 3. *обычно кратк. ф.* Приготовленный, годный к употреблению, использованию. *Обед готов*;

ГЛУБОКИЙ ... 1. ... || *только полн. ф. Спец.* Производимый на значительную глубину. *Глубокая вспашка. Глубокое бурение*;

ГЛАЗ ... ♦ **Разуть глаза** (*прост. неодобр.*) (*обычно в повелительном предложении*) — посмотреть внимательно, как следует. — *Не косите на чужой земле. — Как так — на чужой? --- Не видишь, где межевой столб стоит? — А он и говорит: «Ты сам разуй глаза и погляди, столб-то позади тебя стоит».* М. Шолохов. Поднятая целина.

Также отмечаются грамматические употребления слова в пределах выделенного значения, например:

БЕСПЕРСПЕКТИВНО. *Нареч. к бесперспективный.* — *А Саша дома? — Саша на работе, — ответила [мамаша] очень вежливо и даже как бы сострадав, что Алена до сих пор не обзавелась семьей, а бесперспективно бегаем за ее сыном.* В. Токарева. Тайна Земли. | *в знач. сказ. Любовь диктует свои правила, и навязывать ей свои — глупо, рискованно, бездарно и действительно бесперспективно.* М. Головановская. Я люблю тебя;

ГОВОРИТЬ ... 2. ... Выразить в устной речи какие-л. мысли, мнения, сообщать факты и т. п. ... | Употребляется в форме 1 л. ед. ч. наст. вр. для усиления требования, приказа (часто повторного). ... — *Ты куда! Стой! Стой, говорю!* — кричала бабушка. *Я мчался во весь дух.* В. Астафьев. Последний поклон;

ГОРЧИТЬ ... Иметь горьковатый вкус. *Масло горчит. Мука горчит.* ... | *в безл. употр. Где-то в груди горчило, будто она [Настена] наглоталась дыму.* В. Распутин. Живи и помни.

Составители словарных статей стремятся к восполнению пробелов в указании на грамматические ограничения значений, к систематичности в постановке названных и других подобных помет. Это касается, например, пометы (1 и 2 л. не употр.), которая отражает грамматическое ограничение, обусловленное лексической семантикой слова. Эта помета по необходимости была введена в целый ряд статей: **БЕЖАТЬ** (2–5, 7 значения), **БИТЬ** (два оттенка в 1 значении, 9 и 10 значения), **ГАЛДЁТЬ** (употребление ‘О птицах’), **ГЛÓХНУТЬ** (2–5 значения) и т. д.:

ГЛÓХНУТЬ, -ну, -нешь; *прош.* глдох и глдохнул, глдохла, -ло; *несов.* 1. (*сов.* оглохнуть). Терять способность слышать, становиться глухим. ...

2. (сов. заглухнуть) (1 и 2 л. не употр.) Становиться неслышным (о звуках); затихать. ...

3. (сов. заглухнуть) (1 и 2 л. не употр.) *Разг. устар.* Гаснуть, потухать. ...

4. (сов. заглухнуть) (1 и 2 л. не употр.) *перен.* Постепенно исчезать; постепенно слабеть, уменьшаться. ...

5. (сов. заглухнуть) (1 и 2 л. не употр.) Зарастать сорными травами, приходиться в запустение. ...

Важной задачей для авторов словаря является указание на конструктивную обусловленность лексического значения — явление, которое служит еще одним наглядным примером взаимодействия лексики и грамматики. Несмотря на то что в МАСе были выработаны определенные средства фиксации случаев этого рода, многие из них не нашли в нем своего отражения. Так, например, второе и третье значения слова *бассейн* не были снабжены пометами, указывающими на обязательное наличие у них определения или дополнения (первое значение может использоваться без них). В АТоСе этот недостаток в словарном описании был устранен:

БАССЕЙН, -а, м. 1. Открытый или находящийся в закрытом помещении искусственный водоем, специально сооруженный для плавания, купания, проведения различных испытаний (например, судов) и др. целей. *Плавательный бассейн. Городской бассейн. Бассейн фонтана.* □ ... *Наверное, неплохо провести отпускные дни, нежась в комфортабельном номере пятизвездной гостиницы, купаясь в бассейне и изредка вылезая на свет Божий для похода по магазинам.* И. Муравьева. *Поспешай не торопись.* || Спортивно-оздоровительное учреждение с таким водоемом. *Бассейн «Олимпийский».* *Купить абонемент в бассейн. Ходить в бассейн. Заниматься в бассейне.*

2. *чего или какой.* Совокупность притоков реки, озера и т. п., а также площадь стока поверхностных и подземных вод в водоем (реку, озеро, море). *Бассейн реки Волги. Страны Черноморского бассейна.* ...

3. *какой.* Область залегания каких-л. определенных полезных ископаемых. *Угольный бассейн. Железородный бассейн. Нефтегазоносный бассейн. Соляной бассейн.* ...

В предложениях *Он выскочил на полчаса в магазин, Мне нужно выскочить за хлебом* глагол *выскочить* характеризуется включенностью в предложно-падежные конструкции, не свойственные зафиксированным в МАСе другим значениям этого глагола, что послужило основанием для выделения в АТоСе у глагола *выскочить* смыслового оттенка ‘ненадолго выйти, выбежать куда-л. с какой-л. целью; отлучиться’, имеющего отчетливую разговорную окраску.

При обсуждении проблем словарного представления грамматики в АТоСе также достойна упоминания более тщательная фиксация фактов субстантивации, адъективации и адвербиализации (в некоторых случаях, как, скажем, в словах *бывший* и *говорящий*, эти процессы сопровождаются изменением лексической семантики слова), например:

БЫВШИЙ, -а, -е е. 1. *Прич. прои. от* быть.

2. ... || Ранее являвшийся кем-л., переставший занимать какую-л. должность, положение и т.п. *Бывший директор. Бывший спортсмен. Бывшая жена.* ... | в знач. суц. Разг. О прежнем муже, прежней жене: **бЫВШИЙ**, -е го , м., одуш.; **бЫВШАЯ**, -е й , ж., одуш. *Восстановить отношения со своим бывшим.* □ ... *У меня тоже ведь есть сын... Живет со своей матерью в Болшево. --- Хороший ребенок, но моя бывшая его перекармливает.* Г. Щербакова. Lovестория. *Катя обернулась — там, на самом вер-ху холма, стояли Зоя с бывшим.* Т. Тренина. *Никогда не говори «навсегда»;*

ГОВОРЯЩИЙ, -ая, -ее. 1. *Прич. наст. от* говорить. ...

3. в знач. прил. Такой, который произносит слова, фразы подобно человеку. ... *Из Москвы он привез детям подарки: крестнице своей Ляле он подарил говорящую куклу, Васе — пожарную каску.* А. Пантелеев. *Ленька Пантелеев. — Хотелось мне попугайчика говорящего купить, да все неподходящие, лопочут не по-русски.* В. Шишков. *Емельян Пугачев;*

БЕЗНА́Л, -а, м. Разг. Безналичные деньги; безналичный расчет. ... | в знач. нареч. **по безна́лу**, **безна́лом**. *Заплатить безналом.* □ *А весь наш многомиллионный бизнес строился только на живых деньгах — по безналу никто с кооперацией иметь дела не хотел.* А. Тарасов. *Миллионер.*

Значительные усилия прилагаются для уточнения синтаксических характеристик слов и устойчивых сочетаний (особенностей управления, синтаксической функции и т.д.). Ср., например, использование грамматических помет в следующих словарных статьях:

БЕ́ЛЫЙ ... ◇ **Белый и пушистый** кто (неодобр., ирон.) — хороший и ни в чём не виноватый;

БОЛВА́НКА ... 2. *чего, для чего и без доп.* Проф. В различных ремеслах и производствах: кусок металла, дерева и т.п., представляющий собой заготовку для какого-л. изделия;

ГРОЗИ́ТЬ ... 1. (сов. пригрозить); кому чем, с неопр. или с придаточным *изъяснительным*. Предупреждать с угрозой о чём-л. тяжелом, страшном; угрожать.

Рассмотренные в докладе особенности подачи грамматической информации о слове в АТОСе не исчерпывают всей затронутой проблематики, но, как нам кажется, дают достаточно ясное представление о многообразии задач, стоящих перед лексикографами, и о необходимости усовершенствования традиционного грамматического описания лексики и фразеологии в ходе работы над новым толковым словарем русского языка.

Литература

АТОС — Академический толковый словарь русского языка. Том 1: А – Вилять; Том 2: Вина – Гяур / Отв. ред. Л.П. Крысин. М., 2016.

МАС — Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Русский язык, 1981–1984.

A. E. Tsumarev

*V. V. Vinogradov Russian Language Institute (Russian Academy of Sciences)
(Russia, Moscow)
zumarew@yandex.ru*

L. L. Shestakova

*V. V. Vinogradov Russian Language Institute (Russian Academy of Sciences)
(Russia, Moscow)
lara.shestakova@mail.ru*

PECULIARITIES OF THE PRESENTATION OF GRAMMATICAL INFORMATION ABOUT THE WORD IN THE NEW “ACADEMIC EXPLANATORY DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE”

The article deals with some peculiarities of the presentation of grammatical information about the word in the new “Academic explanatory dictionary of the Russian language”, which is one of the medium-sized explanatory dictionaries of Russian. The peculiarities under discussion distinguish the dictionary from previous four-volume “Dictionary of the Russian language” (so called “Small academic dictionary”), published by the Academy of Sciences in the early 1980s. Grammatical information about the word is contained in “Academic explanatory dictionary of the Russian language” in two parts of the dictionary entry — the zones of grammatical forms and grammatical characteristics. The dictionary provides more complete, obvious and consecutive information than the dictionary-predecessor. These qualities are achieved due to both systematic use of traditional lexicographic tools and the putting into operation of new tools and ways of description (for example the new label “оду.”, i.e. “animate” is used). In particular, in the dictionary are consistently described: the presence of some grammatical word forms (for example short forms of adjectives), grammatical restrictions (in the case of some verbs — the lack of first and second person forms), peculiarities of syntactic government etc. The examples given in the article point out the need to improve the traditional grammatical description of vocabulary in development of the new explanatory dictionary of the Russian language.

Keywords: modern Russian standard language, grammar, grammatical norm, interaction of vocabulary and grammar, lexicography, explanatory dictionary, dictionary entry.

References

Akademicheskij tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Academic explanatory dictionary of the Russian language]. Vol. 1: A — Vilyat'; Vol. 2: Vina — Gyaur / Ed. L.P. Krysin. Moscow, YaSK Publ., 2016 [AToS].

Slovar' russkogo jazyka v 4 t. [The dictionary of the Russian language in 4 vol.]. / Ed. A. P. Evgen'eva. 2nd edition. Moscow : Russian language Publ., 1981–1984 [MAS].

В. Н. Шапошников

Московский государственный лингвистический университет

(Россия, Москва)

vladimirshaposhnikoff@yandex.ru

СЕМАНТИЧЕСКИЕ КЛАССЫ ГЛАГОЛОВ: ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Содержание глагола сосредоточивает большой набор грамматических и лексических категорий; он представляет целую процессуальную ситуацию, семантическими компонентами которой наряду с действием являются различные номинативные участники. В системе глагола выделяются лексико-грамматические типы, которые объединяются групповыми номинативными значениями и выражают их сопоставленными формальными средствами. Структура языка характеризуется тем, что общий состав данных способов глагольного действия окончательно не установлен.

При описании структуры языка выделяются синтактико-семантические классы, которые имеют типовые значения и общие категориальные, управляющие и синтаксические, трансформационные свойства. Синтактико-семантические классы глаголов связаны с морфологическими категориями. Принадлежность к выражаемому лексико-грамматическому классу формирует определенные закономерности состава и ранга семантических отношений глагольной лексемы.

В современном русском языке возникают новые слова определенных классов. Они составляют новые по конструктивным признакам типовые лексико-грамматические явления. Выделяется несколько структурно-семантических типов образующихся лексем. Вырабатываются определенные грамматические условия формирования лексических значений. Взаимодействует лексическая семантика и морфология, показатели сочетаемости и синтаксическая организация языковых единиц.

Ключевые слова: лексика, семантика, лексико-грамматические классы, языковые изменения.

В современном русском языке возникают новые слова определенных структурно-семантических классов. Они составляют новые по конструктивным признакам типовые лексико-грамматические явления.

В языковой организации содержание глагола сосредоточивает очень большой набор грамматических и лексических категорий; он представляет целую процессуальную ситуацию, семантическими компонентами которой наряду с действием являются различные номинативные участники. Они обуславливают возможные аспекты и способы организации материала. В системе глагола выделяются лексико-грамматические типы, которые объединяются групповыми номинативными значениями и выражают их сопоставленными формальными средствами. Структура языка характеризуется тем, что общий состав данных способов глагольного действия окончательно не установлен.

В этой теоретической связи должно раскрываться и внутренне разграничиваться понятие обобщенных языковых явлений, грамматические и лексические категории.

При описании структуры языка выделяются синтактико-семантические классы, которые имеют типовые значения и общие категориальные, управляющие и синтаксические, трансформационные свойства [Теоретические проблемы русского синтаксиса 2010]. В принципе отмечается [Апресян 2004], что синтактико-семантические классы глаголов связаны с морфологическими категориями. Принадлежность к выделяемому лексико-грамматическому классу формирует определенные закономерности состава и ранга семантических отношений глагольной лексемы.

Возникающие в русском языке новые слова, новые по конструктивным составляющим признакам типовые лексико-грамматические явления реализуют представление системы и структуры современного русского языка. Укажем основные типы новаций глаголов.

1. Приступательно-прогрессивный тип. Глаголы этого типа обозначают действие, которое субъект начал и затрачивает на него усилия; они обозначают длительность действия в прошлом и будущем. Эта форма употребляется также для выражения будущего запланированного действия, для выражения намерения совершить действие. Это значение совпадает с соответствующей формой будущего времени и в структуре высказывания нередко характеризуется наличием обстоятельств времени, указывающих на план будущего. Грамматические явления взаимодействуют с лексико-семантическими категориями и имеют соответствующие парадигматические ограничения. Ряд глаголов русского языка не могут иметь этой формы длительного времени: это глаголы, выражающие состояния, чувства, процессы восприятия и умственные состояния. В соответствии с таким ограничением эта форма обозначает процесс, текущее действие, которое будет происходить в определенный момент времени; выражается повторное, обычное действие в будущем или постоянный признак в будущем и несколько последовательных действий в будущем.

Глаголы имеют характерную словообразовательную структуру, в том числе двойные приставки, что свойственно одновидовым глаголам совершенного вида: пообсуждать, повзаимодействовать, посотрудничать, попринимать, попривыкать, поучаствовать, поизучать, поразмещать, поиграть, поугovarивать, позадавать, поузнавать, поболеть и под. Вообще «часто наблюдается, что приставка, ничего

не прибавляя к смыслу, усиливает выразительное значение глагола <...> Приставка *po* (*no-*) — одна из наиболее употребительных в этом случае». ¹ При этом такие глаголы не обозначают внутренний, конечный предел действия. ²

В морфологическом плане они обладают признаками совершенного вида: имеют формы прошедшего и будущего простого времени; могут иметь свойственные глаголам совершенного вида причастные и деепричастные формы прошедшего времени.

Соответственна лексическая синтагматика: приступательно-развивающие глаголы не сочетаются с фазовыми глаголами, поскольку те глаголы указывают на различные стадии протекания действия, а глаголы совершенного вида указывают на предел действия. Им свойственна сочетаемость с обстоятельствами времени. Данные глаголы не обозначают результативный, определенный интенсивностью или временем характер действия, который вообще может передавать приставка *no-*. Это морфема особой значимости, приставка ослабленного значения. Однако с ней такие глаголы не обозначают конечный предел действия, не имеют четкой ограниченности и законченности. Например: Проблемы еще есть, мы это сегодня *пообсуждаем* (ТВ 1.11.16); Сейчас попытаюсь *повзаимодействовать*, чтобы ускорить (уст. речь моб. тел. 26.7.17); Я вчера позанимался, *поизучал* этот закон (уст. речь ТВ 20.5.16); Предложил коллегам поискать других свидетелей и *поизучать* следы на улице (С. Таранов. Мстители); Странно было бы всем этим пренебречь, даже не *поизучав*, не поговорив с вами (Коммерсантъ 01.04.16); Спасибо за информацию о митрополите Илларионе. Сейчас *поизучаю* (Интернет 11.01.17); Я сейчас позвоню в кадры и в деканат, *поизнаваю*, есть ли ставка (уст. речь моб. тел. 29.08.18); Японцам лишь бы отходы *поперерабатывать* (И-т 20.05.17); В воскресенье он снова поедет на север страны, чтобы *поболеть* за свою команду (Metro 06.09.18).

Содержательная структура этих глаголов отличается от известного ограничительного способа действия, обозначающего ограниченность процесса по степени проявления и времени (посидеть, побегать, поболтать, полежать, поиграть, полетать, погулять, поговорить, помечтать, пописать и под.), и отличается от начинательного способа действия, обозначающего начало процесса (побежать, поплыть). Они включают в содержание характерный компонент `обращение к определенной деятельности`.

II. Орудийно-объектно-целевой тип. Это новая словообразовательная структура, тип которой составляют приставочно-суффиксальные глаголы. Выражается семантика выполнения некоторого цикла действий. Ей соответствует определенная валентность и семантико-синтаксическая организация, наличие объектных связей

¹ Например, *оу-* в *оумрети, оумирати*. Приставка *въс-*, *въз-* обозначает усиление впечатления, получаемое от глагола совершенного вида *въз-алкати* в соответствии с несовершенным *алкати* [Мейе 1951: 236].

² Употребление различных приставок позволяет славянским языкам придавать глаголам, помимо обозначения вида, различные экспрессивные оттенки. Таким образом, славянский вид допускал сочетание грамматической категории и реальных (конкретных) значений [там же].

у глагола: *пролечить, прокапать* (Прокапаете, потом придете на прием), *пропивать* (Любой антибиотик надо пропивать (уст. речь 2016).

III. Результативно-целевой тип: *догонять*, простореч. (Я что-то не догоняю (ТВ фильм 06.01.17), Ты не догоняешь?); *тормозить* (Компьютер тормозит сегодня), *вставлять* (Меня от этой музыки вставляет (уст. речь 25.2.17), *раскалывать* (Меня это раскаляет (уст. речь 25.01.17). При образовании данного типа у этих глаголов устраняется существовавшая объектная валентность, а также валентность пациен-са — орудия и обстоятельства.

IV. Объектно-результативный тип: *подставить, развести*, прост. (Она его развела; Она тебя разводит (ТВ фильм 09.01.17), Фильм о девице, по заданию спецслужб заманивавшей к себе известных оппозиционеров, разведившей их на секс, который снимался скрытой камерой, а потом это порнографическое видео выкладывалось в Сеть (Лит. газ. 2016.42), *кинуть, ставить* (Я ставлю всех преподавателей (уст. речь 2016), *напрягать* (Если вы считаете, что эта сумма напрягает ваш бюджет — добро пожаловать на бесплатный лёд (Коммерсантъ 27.12.16), *заказать, засмуцать, строить* (Э. Ф. потом полдня всех строила, объясняла разницу между историей языка и историей языкознания (уст. речь 2015); А. А. начал ее строить, и она подала заявление об уходе (уст. речь 2017).

Эти глаголы создаются путем семантического преобразования, устранения определенной валентности и изменения заполнения объектной валентности.

V. Результативно-качественный тип. Глаголы обозначают переход субъекта в новое качество: *виснуть* (Компьютер виснет), *зависать/зависнуть* (Ты там долго зависал? (уст. речь 2010), *залететь/залетать, тупить* (Что это я туплю (уст. речь 2012). В образовании этих глаголов происходит изменение валентности пациен-са, устранение семантики положения в пространстве (\neq на/ над).

VI. Результативно-воспроизводимый тип. Это глаголы приставочно-суффиксальной структуры. Выражается семантика результата и протекания действия в ряду других событий, приобщения к некоторому предметному ряду: *подвычислить, подзабыть* (Изрядно подзабыли), *поднадоесть* (Сильно поднадоесть), *подвисать* (Компьютер подвисает), *подсесть* (Подсесть на наркотики), *подсадить* (И так они постепенно начали привыкать к пиву. — Подсадил (уст. речь 2015), Поверженные инки и прочие латиноамериканские индейцы достойно за себя отомстили, посадив всю Европу на свои колониальные продукты (Лит. газ. 2016.45), *поддоставать*, простореч. (Поддастали вы, честное слово (И-т 29.03.16); *подизучить* (Крестилась я в 19 лет, сама. Потом решила подизучить, во что я верю, и поняла, что мимо, что не верю (И-т 09.11.15); *подразогнать* (Глава Чечни на минувшей неделе всерьез подразогнал судебную власть республики (Собеседник 2016.17).

Будучи сходными по словообразовательной структуре, эти глаголы отличаются по семантике от глаголов смягчительного способа действия (*подкрасил*). Отличия выражаются в синтагматике, поскольку эти глаголы сочетаются с наречиями, обозначающими высокую степень проявления действия. Они отличаются также общими категориальными, управляющими и синтаксическими, трансформационными свойствами.

Вся эта образовавшаяся семантико-грамматическая группировка новых глаголов в современном русском языке обусловлена характерным положением и соотношением в лексической системе и в морфологическом материале. Производные глаголы модифицируют тот или иной процесс по субъектной, временной или количественной определенности. Вырабатываются определенные грамматические условия формирования лексических значений. Взаимодействует лексическая семантика и морфология, показатели сочетаемости и синтаксическая организация лексических единиц.

Литература

Апресян Ю.Д. О семантической непустоте и мотивированности глагольных лексических функций // Вопросы языкознания. 2004, №4. С. 3–18.

Мейе А. Общеславянский язык. М. : Изд-во иностр. литературы, 1951. 492 с.

Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М. : Языки славянской культуры, 2004. 376 с.

Розина Р.И. Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге: глагол. М. : Языки русской культуры, 2003. 268 с.

Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря. Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М. : Языки русской культуры, 2010. 408 с.

V. N. Shaposhnikov

Moscow State Linguistic University

(Russia, Moscow)

vladimirshaposhnikoff@yandex.ru

SEMANTIC CLASSES OF VERBS: LEXICAL-GRAMMATICAL PROCESSES IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

In language organization the verb contents includes a large set of grammatical and lexical categories; it presents whole process situation. In system of verb the lexical-grammatical types are fixed, which are united by the group nominative meanings and express them with the formal means. The structure of the language is characterized that general consist of these modes of verb action isn't established completely.

In describing the structure of the language, syntactic-semantic classes are distinguished, which have typical meanings and common categorial properties. The syntactic-semantic classes connect with the morphologic categories. The belonging to the lexical-grammatical class forms certain regularities of consist and rank of semantic relations in verb lexeme.

In contemporary Russian language the new words of certain classes are forming. They form new typical lexical-grammatical phenomena. The row of structural-semantic types of making lexemes is fixed. Certain grammatical conditions of the forming of lexical

meanings are working. Lexical semantics and morphology, the combinability indices and the syntactic organization are interacts.

Keywords: vocabulary, semantics, lexical-grammatical classes, language changes.

References

Apresjan J. D. [On Semantic non-emptiness and motiveness of verb lexical Functions] // *Voprosy jazykoznanija*. Moscow, 2004. pp. 3–18. (In Russ.)

Meje A. *Obshch slav'anskij jazyk*. [Common Slavic Language] Moscow, 1959. 492 P.

Paducheva E. V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki*. [Dynamic Models in Semantics of Vocabulary] Moscow, 2004. 374 p. (In Russ.)

Rozina R. I. *Semanticheskoe razvitie slova v russkom literaturnom jazyke I sovremennoj slenge*. [Semantic development of word in Russian Literal Language and contemporary Slang]. Moscow, Yazyki russoi kultury Publ., 2003. 268 p.

Teoreticheskie problemy russkogo sintaksisa: Vzaimodeystviye grammatiki i slovarya / pod red. Yu. D. Apresyana. [Theoretical Problems of Russian Syntax: Interaction between grammar and vocabulary / Apresyan Yu. D. ed.] Moscow, Yazyki russoi kultury Publ., 2010. 408 p.

И. А. Шаронов

Российский государственный гуманитарный университет

(Россия, Москва)

Igor_sharonov@mail.ru

ВВОДНЫЕ СЛОВА КАК МАРКЕРЫ И МОДИФИКАТОРЫ РЕЧЕВЫХ АКТОВ: БЫТОВЫЕ ПРИЗНАНИЯ

Статья посвящена прагматическому анализу информативных высказываний, маркируемых вводными словами и оборотами со значением признания в чем-л. На основе материала, собранного в НКРЯ, анализируется употребление двенадцати частотно используемых вводных слов и оборотов. Эти единицы включают лексику, связанную с покаянием: *сознаваться, каяться, признаваться*; с искренностью: *не скрывать, откровенно, честно, правда, совесть, грех*; с необходимостью: *надо, нужно, необходимо, следует, должен*. Речевые акты признания выходят за рамки смыслов, составляющих значение речевого глагола *признаться* и используются шире своего первоначального предназначения. Выявляются три типовые ситуации с подвидами для актов признания: 1) Сообщения о своих действиях (личное участие говорящего, факт в прошлом, негативная оценка). 2) Сообщения о действиях кого-л. (неличное участие говорящего, факт в прошлом и настоящем, негативная / позитивная оценка). 3) Оценочные суждения говорящего (неличное участие говорящего, мнение, негативная / позитивная оценка). Определяются нечеткие границы использования вводных единиц для той или иной типовой ситуации. На основе сопоставления с теми же высказываниями без вводных определяются этические установки, которые преодолеваются с помощью акта признания, и, возможно, национальные особенности речевого этикета.

Ключевые слова: вводные слова, прагматика, субъективная модальность, речевые акты, речевой жанр признания.

Семантика вводных слов и оборотов рассматривается в современной лингвистике в связи с их метатекстовыми и субъективно-модальными функциями, см. [Апресян 1995, Баранов, Кобозева 1984, Виноградов 1959, Падучева 2011, Шаронов 2017]. К последним относятся выражение отношения говорящего лица к содержанию своего сообщения, маркирование и модификация речевого акта (далее РА).

Признания относятся к констативам, актам передачи информации, однако имеют свою специфику. Сообщение говорящего лица: *Честно говоря, это сделал я в косвенной речи трансформируется в высказывание: X признался, что это сделал он.* Другими словами, произнеся *Честно говоря...*, говорящий передает сигнал собеседнику: ‘Через данное высказывание я сообщу тебе информацию, которая должна быть оценена тобой как мое признание в чем-либо’.

Толкование речевого глагола *признаться* наряду с другими глаголами речи предложено в работах А. Вежицкой и М. Я. Гловинской. А. Вежицкая описывает акт признания как вынужденное, неохотное сообщение:

‘Говорящему трудно совершать данное речевое действие, и он совершает его как бы против воли’ [Вежицкая 1984: 99–109].

Близким образом А. Вежицкая толкует оборот *по правде говоря*, вводя дополнительный компонент ‘истинность сообщаемого’, который входит в пресуппозицию речевого акта (далее РА) признания:

‘Я не хочу не сказать того, что является истиной. Я полагаю, что ты понимаешь, что я бы предпочел этого не говорить’ [Вежицкая 1968: 18].

М. Я. Гловинская усложняет толкование, выделяя у русского глагола *признаться* два значения (условно бытовое и юридическое) и добавляя в оба значения связь говорящего с описываемой ситуацией:

1. «*X признается Y-у, что P* а:

(1) X — субъект ситуации P или имеет к ней отношение;

(2) Раньше X не хотел говорить, что P, потому что обычно людям трудно говорить такие вещи, как P;

(3) X говорит Y-у, что P;

(4) X говорит это, потому что по внутренним или внешним причинам хочет сказать Y-у, что P.

2. *X признается, что P (юрид.)* =

(1) X совершил плохой поступок P или обладает нежелательным свойством P;

(2) X говорит, что P;

(3) X говорит это потому, что внешние или внутренние обстоятельства заставляют его сказать правду;

(4) X знает, что его слова могут повлечь за собой изменения в его социальном статусе» (с.170) [Гловинская 1993: 170].

В первом значении связь говорящего с описываемой ситуацией выражена размыто: Говорящий является субъектом ситуации P или имеет к ней какое-либо отношение, а во втором, «юридическом» — более определенно: говорящий совершил плохой поступок или обладает «нежелательным свойством». Кроме того, в «юридическом» значении акцентируется внимание на последствиях для говорящего акта признания: сообщаемое актуально и может ‘повлечь за собой изменения в его социальном статусе’ (там же, с. 170). Аналогичный компонент в первом значении не представлен, из чего можно сделать вывод, что описываемые в таких признаниях прегрешения слабы для «изменений в социальном статусе», то есть для осуждения, наказания, или потеряли со временем свою силу.

«Юридическое» значение более соответствует прототипическим признаниям — признательным показаниям на следствии, христианской исповеди, покаянию. «Неюридическое» значение охватывает бытовые ситуации — распространенный в нашей культуре разговор “по душам”, доверительные беседы с близким другом [см. об этом в Шаронов 2012].

В бытовой речи компонент «вынужденность» обретает форму откровенности, сообщения собеседнику негативной, отрицательно оцениваемой информации, каким-то образом связанной с говорящим лицом. При этом предполагается, что изменение отношения собеседника к говорящему должны произойти скорее в лучшую, чем в худшую сторону. Как это возможно? С одной стороны, негативно оцениваемое событие, о котором говорящий, как будет далее видно, актом своего признания сожалеет или как бы сожалеет, не снижает его «моральный облик» в глазах адресата ввиду слабости, либо потери актуальности сообщаемого. С другой стороны, такого рода признания — свидетельство доверия к собеседнику, введение его в мир «своих», что повышает статус адресата и предполагает его признательность за доверие. Переход на более доверительный уровень может быть стимулирован и собеседником. Стратегии побуждения к такому переходу рассмотрены в работе [Верещагин, Ратмайр, Ройтер 1992], однако возможен и мотив «из песни слова не выкинешь», когда для полноценного рассказа такая информация оказывается необходимой.

«Юридические» признания часто не отличаются формально от прочих сообщений говорящего о себе, в качестве РА признания они интерпретируются на основе содержания. Специальным маркером «юридических РА признания» являются перформативы.

Сознавайтесь, и всё! Говорите: “Да, признаюсь, что я выступал на собрании потому, что хотел выгородить своих собутыльников (Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей).

За что вы его так? А за что вам надо? — спросил Ученик. Нас бы устроило, если бы вы из зависти, говорит ему Архивист. Это меня не украшает, сказал Ученик, но что делать, и заплакал. Была зависть, была. Признаюсь! А знаете, что было после того, как Ученик поплакал? Утёр он слёзы и сообщает: не буду каяться! Зачем мне каяться? (Д. Гранин. Зубр).

Прости меня, пожалуйста! Виновата, виновата, каюсь! (А. Белянин. Свирепый ландграф).

В отличие от вводных, перформативы как самостоятельные высказывания имеют фразовое ударение и отделяются от констативного высказывания паузой.

Бытовые речевые акты признания маркируются в речи вводными словами и оборотами (далее — вводными), интонационно связанными с содержательной частью высказывания. В однословных и неоднословных вводных используется лексика нескольких синонимических групп, связанных:

- с покаянием: *сознаваться, каяться, признаваться;*
- с искренностью: *не скрывать, откровенно, честно, правда, совесть, грех;*
- с необходимостью: *надо, нужно, необходимо, следует, должен.*

Некоторые единицы представлены несколькими грамматическими вариантами: *признаюсь, признаться; говорить — сказать; правду — по правде*. В оборотах частотен прямой и инвертированный порядок компонентов: *говоря откровенно / откровенно говоря; по совести сказать / сказать по совести; по чести сказать / сказать по чести*.

Разумеется, здесь представлены не все единицы, маркирующие сообщение как РА признания; составить исчерпывающий список вводных едва ли возможно. Для исследования были выбраны 16 частотно представленных в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) единиц. Ниже представлена статистика количества примеров употребления вводных признания по убывающей на январь 2018 г.:

Честно говоря:	2116
(Честно) признаюсь:	1785
По правде говоря / сказать	1220
Если честно:	898
Не скрою:	808
Откровенно говоря:	732
Если честно	462
Каюсь:	297
Грешным делом:	279
Стыдно признаться:	167
Стыдно сказать:	161
(Надо) признаться	156
Честно признаться:	125
Чего греха таить:	124
По совести сказать:	100
Положа руку на сердце	около 100

Мы исходим из того, что первые четыре единицы способны быть использованы в любой типовой ситуации признания. Поэтому были проанализированы контексты употребления остальных единиц 12 единиц. В задачу исследования входило:

- обнаружить причину перевода сообщения в форму признания,
- выявить косвенные акты, «маскирующиеся» под РА признания,

— попытаться выявить предпочтения и ограничения в выборе вводного в той или иной типовой ситуации РА признания.

Классификация обобщенных ситуаций использования бытовых признаний строится, во-первых, на противопоставлении факта и мнения (оценки), в пропозиции высказывания; во-вторых, на противопоставлении личного / неличного участия говорящего, в-третьих, на противопоставлении отрицательной / положительной оценки факта.

На основе указанных признаков все РА признания делятся на три типовые ситуации:

- 1) Сообщения о своих действиях (личное участие говорящего, факт в прошлом, негативная оценка).

2) Сообщения о действиях кого-л. (неличное участие говорящего, факт в прошлом и настоящем, негативная / позитивная оценка).

3) Оценочные суждения говорящего (неличное участие говорящего, мнение, негативная / позитивная оценка).

Ближе всего к «прототипическим» актам признания подходят примеры относящиеся к первой типовой ситуации. Высказывания, относящиеся ко второй и третьей типовой ситуации представляют набор косвенных речевых актов. В светской и повседневной беседе представление своего сообщения как признания, то есть выражение косвенного сожаления о том, что приходится говорить об этом, часто бывает более убедительным. Кроме того, использование маски признания позволяет избежать нарушения принципа Полианны, который предполагает предпочтение собеседником в разговоре приятных для него тем неприятным, поскольку нивелирует этически и этикетно неоправданные стратегии речевого поведения (Leech 1983: 156). Принцип Полианны страдает известной неопределенностью, поскольку культуры могут различаться тем, что в каждой из них считается принятым, допустимым или недопустимым. Представляется, что сопоставление высказываний с вводным и без него может позволить выявить этические и этикетные эталоны, отступление от которых подталкивает к перестройке обычного сообщения в признание.

Рассмотрим последовательно обобщенные ситуации бытовых признаний в их разновидностях и используемые вводные слова и обороты.

1. Сообщения о своих действиях (личное участие говорящего, факт в прошлом, негативная оценка).

Действия здесь понимаются несколько расширительно, включают как физические, так и ментально-эмоциональные акты говорящего лица в прошлом. Они делятся на: 1.1. Проступки говорящего в прошлом (совершение проступков и несовершенное должного, правильного). 1.2. «Неэталонные» эмоциональные мотивы и реакции. 1.3. Ошибочные мнения о ком-/чем-л. и нереализованные в прошлом планы, намерения.

1.1. Проступки говорящего в прошлом (совершение проступков и несовершенное должного, правильного). Для этой типовой ситуации в корпусе не встретились примеры с вводными *признаться, надо / честно / стыдно признаться, положила руку на сердце, чего греха таить*.

Каюся, мы нередко потешались над ним; посылали в этот «журнал» разные письма под самыми прозрачными псевдонимами, чуть ли не героев Достоевского или Лермонтова; невинный Скворцов не замечал и с гордостью письма печатал. (З. Гиппиус. Задумчивый странник).

Не скрою, я покривил душой перед Терещенко. (А. Рыбаков. Тяжелый песок).

*Но «Кориолана» я раньше, **стыдно сказать**, не читал, ибо забыть «Кориолана» немислимо.* (А. Эфрос. Профессия: режиссер).

*После показа дама-жена что-то долго, тонко и очень интеллигентно говорила, но, **по совести сказать**, мы в одно ухо слушали, в другое выпускали.* (В. Розов. Удивление перед жизнью).

Сопоставление сообщений с вводным признания и без него, ср.:

Каюсь, мы нередко потешались над ним VS Мы нередко потешались над ним.

диагностирует наличие в высказывании с вводным компонента 'сожаление о своих действиях', так сказать, легкого самоосуждения с целью устранить негативную реакцию слушающего и приблизить его доверительностью. Компонент 'сожаление' как облегченная форма раскаяния не полностью совпадает с выделяемым в толкованиях глагола признаться компонентом 'вынужденность', сближаясь в этом к речевому жанру покаяния и отдаляясь от жанра признательных показаний на следствии.

1.2. «Неэталонные» эмоциональные мотивы и реакции. Примеры для такой типовой ситуации представлены в корпусе довольно богато и разнообразно.

***Надо признаться**, я испытала облегчение, когда после сезона 1983 года из спорта ушли Наташа с Ростиком и Лена Гаранина с Игорем Завозиным.* (Н. Бестемьянова. Пара, в которой трое).

Каюсь, мне не достало мужества рассказать широнинцам правду о Книге Смысла, особенно после моего визита в диспетчерскую такси. (М. Елизаров. Библиотекарь).

*И мыться в эти дни не мылся — **честно признаться**, лень было.* (Р. Сенчин. Квартирантка с двумя детьми).

*Обсчитала меня рублей на шесть. **Откровенно говоря**, я немного растерялся. Не денег, естественно, жаль — за человека обидно* (С. Довлатов. Наши).

*Но тут уж я, **чего греха таить**, ужасно обрадовалась: все сделалось так, как мне хотелось, а я вроде и ни при чем.* (В. Белоусова. По субботам не стреляю.)

*Прошлым летом мы с женой как-то сидели, ужинали, светло еще было, и вдруг мимо окна пролетел мужчина. Жена закричала по-звериному, а во мне, **стыдно сказать**, заработал какой-то арифмометр, который с неправдоподобной скоростью вычислил время полета и выключился.* (А. Щербаков. Пах антилопы).

Самонаблюдение позволяет говорящему делать обобщения:

***По правде говоря**, я человек очень азартный.* (Н. Склярова. Если бы у медведя было ружье // «Вечерняя Москва», 2002.02.07) — *Подождите, Владимир Александрович, справлюсь ли я? **По совести сказать**, опыта у меня нет никакого!* (Л. Гумилевский. Судьба и жизнь).

Сопоставление сообщений с вводным признания и без него, ср.:

честно признаться, лень было VS лень было.

*Надо признаться, я испытала облегчение, VS Я испытала облегчение,
Откровенно говоря, я немного растерялся VS Я немного растерялся.*

диагностирует наличие в высказывании с вводным компонента ‘сожаление об отступлении от эталона в эмоциональном поведении, характере’. Эталон, видимо, заключается в том, что человек должен в любой ситуации проявлять волю, рассудительность, хладнокровие, великодушие и прочие добродетели. Цель таких признаний та же — устранить негативную реакцию слушающего и приблизить его доверительностью.

1.3. Ошибки в представлении о ком-/чем-л. и нереализованные в прошлом планы, намерения. Наиболее частотна представлена такая ситуация в корпусе примерами в вводными *грешным делом* и *по правде говоря*.

1.3.1. Ошибки в представлении о ком-/чем-л.

Зная, что он киевлянин, я, признаюсь, грешным делом подумал, уж не был ли он при немцах полицаем <...> Но сведущие люди сказали мне, что Турганов при немцах в Киеве не был. (В. Войнович. Иванькиада, или рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру).

— *А я сразу определил, только посмотрел: “Вот это настоящие ребята, прожжённые фронтовики”.* — *А у меня, по правде говоря, было сомнение насчёт Баха,* — *сказал Герне* (В. Гроссман. Жизнь и судьба).

1.3.2. Нереализованные в прошлом планы, намерения, желания.

И я, грешным делом, подумал, не здесь ли где золото, драгоценности? Даже покопал землю рукой под балкой, — пусто (И. П. Максимов. Дворец Эстергази (Из фронтового дневника)).

Не огорчил даже тот очевидный факт, что из города его вывел не ангел — о чем, по правде говоря, мечталось (Е. Водолазкин. Лавр).

Сопоставление сообщений с вводным признания и без него подводит к мысли об эталонах доброжелательства и прозорливости, к которым, видимо, также должен стремиться человек.

1.4. Бахвальство и жеманство под маской признания.

— *“Нью-йоркер” — самый престижный журнал в Америке. Они заплатят вам несколько тысяч.* — *Ого! Откровенно говоря, я даже не слишком удивился. Наверное, потому, что слишком долго всего этого ждал.* (С. Довлатов. Переводные картинки).

Не скрою, мне было приятно это напоминание о моей свердловской жизни. (И. К. Архипова. Музыка жизни).

Сопоставление сообщений с вводным признания и без него, ср.:

Откровенно говоря, я даже не слишком удивился VS Я даже не слишком удивился.

Не скрою, мне было приятно VS Мне было приятно

диагностирует наличие в высказывании без вводного определенное бахвальство и жеманство, которые нарушают этикетную максимум скромности [Leesch 1986]. Чтобы избежать это нарушение, такого рода сообщения и «рядятся» в акты признания. Использование форм признания в качестве такого косвенного РА достаточно резко ограничивает использование вводных. Для данных ситуаций вряд ли уместно использование единиц с компонентами *сознаваться, надо, нужно, необходимо, следует, должен*. Примеров с этими компонентами в корпусе обнаружено не было.

2) Сообщения о действиях кого-л. (неличное участие говорящего, факт в прошлом и настоящем, негативная / позитивная оценка). Наиболее часто используемые вводные: *стыдно сказать, чего греха таить, не скрою*.

*С 13 октября начали эвакуировать из Москвы дипломатов и центральные учреждения, и тут же стали бежать и кого не эвакуировали, и — **стыдно сказать** — даже коммунисты из московских райкомов, и разразилась безудержная московская паника 16 октября, когда все уже считали столицу сданной.* (А. И. Солженицын. На краях).

*На праздник Ярилы, в ярилкин день, совершались игры, угощения, пьянство, кулачные драки и, **чего греха таить**, невестились девчата напрапалую.* (И. Мартынов. Восстановление потенции в условиях демократии // «Столица», 1997.05.27).

*Как с дедовщиной? — продолжает Калганов — **Не скрою**, бывают случаи.* (Л. Данилкина. Аты-баты, шли солдаты (2012.12.01) // «Новгородские ведомости»).

Сопоставление сообщений с вводным признания и без него, ср.:

тут же стали бежать <...> — стыдно сказать — даже коммунисты VS

тут же стали бежать <...> даже коммунисты

чего греха таить, невестились девчата напрапалую VS

невестились девчата напрапалую.

диагностирует наличие в таких РА признания компонента ‘солидарная ответственность. за действия, деятельность «сплеменников», людей, с которыми говорящий связан узами родства, профессионально и социально. Признаваясь в такого рода проступках кого-л., говорящий сообщает, что берет на себя часть моральной ответственности за то, о чем он сообщает. При отсутствии вводного такие высказывания должны интерпретироваться как акты обвинения или осуждения. Наличие вводного признания снимает осуждение, переводя высказывание в статус «сетования» под воздействием, возможно, библейской заповеди «не суди и не судим будешь».

3) Оценочные суждения говорящего (неличное участие говорящего, мнение, негативная / позитивная оценка). В косвенных РА такого рода также не встречаются вводные с компонентами *сознаться, каяться*. Очень активно представлена единица *положа руку на сердце*.

3.1.1. Негативная оценка чего- или кого-либо.

«Положа руку на сердце, — писал он, — мне всегда были не по душе ваши, Александр Яковлевич, намеки на духовную и умственную ущербность нашего, столь чуждого вашему нутру, народа». (В. Аксенов. Новый сладостный стиль).

По совести сказать, район и дом, где я живу, оставляют желать лучшего. (И. Павская. «Джоконда» Мценского уезда).

*Так, представители КПРФ и их сводные братья из леворадикального крыла до сих пор используют примелькавшиеся и, **чего греха таить**, изрядно надоевшие лозунги-штампы типа “Правда за коммунистами!”. (А. Свешников. Не один в поле воин // «Богатей» (Саратов), 2003.11.13).*

*Вообще, поскольку гуманитарная наука в нашей ситуации обеспечивается государственным бюджетом, вопрос о ее статусе — это, **стыдно сказать**, вопрос о деньгах.* (М. Живов. Наука выживания и выживание науки)

3.1.2. Признание неважности чего-л., безразличия к чему-л. в реальности.

*Да и, **положа руку на сердце**, не нужно это никому. Расшифрую или нет — кому до этого есть дело?* (М. Кучерская. Тетя Мотя).

*Пусть понюхают пороху, да и какой, **по совести сказать**, в Москве порох...* (В. Курицын. День независимости).

*Но, **надо признаться**, картинки были довольно расплывчаты и с ними мирись по принципу “на безрыбье...” “ (И. Лалаянц. Завтра, завтра... послезавтра!)*

Сопоставление сообщений с вводным признания и без него, ср.:

По совести сказать, район и дом <...> оставляют желать лучшего VS

Район и дом <...> оставляют желать лучшего.

чего греха таить, изрядно надоевшие лозунги-штампы VS

изрядно надоевшие лозунги-штампы.

*Да и, **положа руку на сердце**, не нужно это никому. VS Да и не нужно это никому.*

диагностирует наличие в высказывании без вводного компонента субъективную категоричность утверждения, которая может вызывать у собеседника несогласие и протест. Использование вводного оборота приводит к снятию категоричности и большей убедительностью: потаенному, вынужденно раскрываемому естественно быть истинным.

3.1.3. Нечасто встречающаяся уступительно-позитивная оценка кого-л. выступает как вариация негативной оценки ввиду использования ее в уступительных конструкциях. Это до определенной степени риторический «реверанс», усиливающий воздействие через игровую вынужденность признания.

*Масхадов потерял остатки престижа, который у него, **надо признаться**, был за пределами России.* (А. Братерский. Газета «Известия»).

Ср.:

*престижа, который у него, **надо признаться**, был VS*

престижа, который у него был.

3.2. Парадоксальное, необщепринятое мнение о чем-л.

*А я, **грешным делом**, думаю, что и Лысенко на костёр пошёл бы ради своей ложной идеи. Он убеждён был, недаром обещал быстрые успехи. В том была его сила* (Д. Гранин. Зубр).

*— Я, **по правде говоря**, вообще не понимаю, для чего человеку на вершине власти писать стихи, — сказал Олег, озадаченный непривычно восторженным тоном Тимура.* (Е. Чижов. Перевод с подстрочника).

Как кажется, здесь вводные «самооусуждением» снижают градус категоричности и опасность возникновения полемики ввиду несогласия и протеста собеседника.

3.3. Похвала, комплимент, рекламирование кого- или чего-л. Данная типовая ситуация имеет положительную оценку, здесь также собраны косвенные РА, маскирующиеся под признания. Не используются вводные *сознаваться, каяться*, а зато в ироническо-игровом ключе активно используется вводное *чего греха таить*.

*Последнее время Стелла шьёт «вегетарианскую», и весьма симпатичную, **надо признаться**, одежду под маркой Stella McCartney.* (А. Карабаш. Чей туфля?)

***По правде говоря**, смотреть на приколы и выходки дерзкого Тони Старка— даже интереснее, чем на Железного человека!!! Превосходное единение актёра с ролью!! Роберт — молодец!!! (коллективный. Форум: Железный Человек, Iron Man (2008).*

***Надо признаться**, будоражит, когда мощный автомобиль забывает про степенность и размеренность и начинает резвиться вместе с водителем.* (С. Воскресенский. Эмоциональность интеллигента).

Иронически-игровая стратегия похвалы:

*В Самаре, **чего греха таить**, пляжи не хуже, чем в Москве.* (Н. Фохт. Запасная Москва)

Чего греха таить, есть такие пенсионеры, которые сто очков вперед дадут любому молодому. (Т. Ильинкова. Зарплату надо зарабатывать)

Трудился Валентин Васильевич в Узбекистане и на Таймыре, в Таджикистане и, **чего греха таить**, в Чернобыле тоже трудился. Понятно, что без героизма в биографии Валентина Васильевича не обошлось. (А. Васильев. Фундаментал (1997) // «Столица»),

— Мы здесь, **чего греха таить**, люди творческие и талантливые. Так пускай творчество братьев станет известно простым людям. (О. Демьянова. Творческий юбилей близнецов // «Столица», 1997.03.18)

В русской культуре комплимент часто предполагает неискренность, похвала — еще и возможную заинтересованность говорящего (*За что же, не боясь греха, кукушка хвалит петуха?*). Открытая похвала может вызвать подозрения. Одна из стратегий положительной оценки чего-л. — это как бы неохотная, вынужденная похвала, признание достоинств. Использование похвалы, одобрения в качестве вынужденного признания обладает убедительностью, снимает сомнения в искренности говорящего.

Ср.:

Стелла шьет весьма симпатичную, надо признаться, одежду VS *Стелла шьет весьма симпатичную одежду.*

В Самаре, чего греха таить, пляжи не хуже, чем в Москве VS *В Самаре пляжи не хуже, чем в Москве*

Выводы

Бытовые признания выходят за рамки смыслов, составляющих значение речевого глагола *признаться* и используются шире своего первоначального предназначения. Сообщения в форме признания добавляют к компоненту вынужденности уточнения в виде легкого раскаяния или сожаления — искреннего или игрового, что служит убедительности высказывания и увеличивает доверие между собеседниками. Видимо, поэтому в речи РА признания столь частотны и имеют такое количество вводных единиц.

Раскаянию и сожалению подлежат в признаниях как несерьезные или утратившие актуальность проступки, так и отступления от этических и этикетных эталонов поведения.

Сопоставляя сообщения с и без вводных признания, мы обнаружили неявные, возможно, национальные особенности речевого этикета. Но увереннее об этом можно говорить только при сопоставительном анализе на материале разных языковых культур.

Литература

Апресян Ю. Д. Свойства прагматической информации. Прагматическая информация для толкового словаря // Избранные труды Т. 2. М. : Школа Языки русской культуры, 1995. С. 135–155.

Баранов А. Н., Кобозева И. М. Вводные слова в семантической структуре предложения // Системный анализ значимых единиц русского языка. Синтаксические структуры. Межвузовский сборник. Красноярск, 1984. С. 83–93.

Верещагин Е. М., Ратмайр Р., Ройтер Т. Речевые тактики “призыва к откровенности” // Вопросы языкознания, 1992. № 6. С. 82–93.

Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Труды Ин-та русского языка АН СССР, М.-Л. : Изд-во АН СССР, т. 2, 1950. С. 38–89.

Гловинская М. Я. Семантика глаголов речи с точки зрения речевых актов. // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М. : Наука, 1993. С. 158–217.

Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. М. : Языки славянской культуры. 2011, 464 с.

Розина Р. И. *Так называемый*: семантика вводных метаязыковых оборотов // Материалы международной конференции Диалог 2009, вып. 8 (15). М., 2009. С. 426–432.

Шаронов И. А. Зачем и в чем мы признаемся: анализ вводных слов со значением признания // “Взаимодействие языка и культуры в коммуникации и тексте”: сб. науч. ст. / III Международные филологические чтения им. проф. Р. Т. Гриб (1928–1995). Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2012. Вып. 3 (12). С. 101–106.

Шаронов И. А. Семантические и прагматические аспекты описания вводных слов и коммуникативов // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 51. С. 58–68.

Leech G. N. Principles of Pragmatics. London : Longman, 1983.

Wierzbicka A. Rev. of: G. Leech, Principles of Pragmatics. L. 1983. Journal of the Australia Linguistic Society, 1984, № 1

Igor A. Sharonov

Russian State University for Humanities

(Russia, Moscow).

Igor_sharonov@mail.ru

INTRODUCTORY PHRASES AS MARKERS AND MODIFIERS OF SPEECH ACTS: EVERYDAY CONFESSIONS

The article is devoted to pragmatic analysis informative statements, marked with introductory phrases of confession in smth. We compiled the data from Russian National Corpus and analyze statements with the twelve stereotypic introductory phrases. These

language units are borrowed from the repentance lexicon: *to confess, to repent, to admit*; from the sincerity lexicon: *not to hide, frankly, honestly, truth, conscience, sin*; with the necessity: *need, necessary, must*. Speech acts of confession spread behind the frames of semantic components, that compile the meaning of the verb *to confess*. They are used in many situations different from its prototypical purpose. The speech acts of confession are used in three generalized situations: 1. Statements about the speaker's actions (personal activity, fact in the past time, negative evaluation). 2. Statements about smb's actions (non-personal activity, fact in the past or in present time, negative/positive evaluation). 3. Value judgments (non-personal activity, opinion, negative/positive evaluation). The statistical analysis helps to find out fuzzy boundaries for some introductory phrases usage. The comparative analysis of statements with confession units and the same statements without these units revealed some ethical settings, overcome with the statements of confession, and perhaps national peculiarities of the speech etiquette.

Keywords: introductory phrases, pragmatics, subjective mood, speech acts, speech genre of confession.

References

Apresyan Yu.D. [Properties of pragmatic information. Pragmatic information for the explanatory dictionary] // *Izbrannye trudy* [Selected Works] v. 2. Moscow, Shkola Yazyki russkoi kul'tury Publ.1995, pp. 135–155.

Baranov A.N., Kobozeva I.M. [Introduction words in the semantic structure of the sentence // *Sistemnyj analiz znachimyx edinic russkogo yazyka. Sintaksicheskie struktury*. [System analysis of the significant units of the Russian language. Syntactic structures] *Mezhvuzovskij sbornik*. Krasnoyarsk, 1984, pp. 83–93. (In Russ.)

Vezhbickaya A. *Metatekst v tekste* [Metatext in text] // *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*. [New in foreign linguistics] Moscow, 1978, Vyp. 8, pp. 402–421. (In Russ.)

Vezhbickaya A. *Nabroski k russko-semanticheskomu slovarju* [Sketches to the Russian-semantic dictionary] // *NTI*, Ser. 2, №12, 1968. (In Russ.)

Vereshhagin E. M., Ratmajr R., Rojter T. [Speech tactics “call for candor”] // *Voprosy Yazykoznanija*. Moscow, 1992. №6, pp. 82–93. (In Russ.)

Vinogradov V. V. *O kategorii modalnosti i modalnyx slovax v russkom yazyke* [On the category of modality and modal words in Russian] // *Trudy in-ta russkogo yazyka AN SSSR*. v. 2, Moscow — Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1950, pp. 38–89. (In Russ.)

Glovinskaya M. Ya. [The semantics of the verbs of speech in terms of speech acts] // *Russkij yazyk v ego funkcionirovanii. Kommunikativno-pragmaticheskij aspekt* [Russian language in its functioning. Communicative and pragmatic aspect]. Moscow, Nauka Publ, 1993, pp. 158–217. (In Russ.)

Paducheva E. V. *Semanticheskie issledovaniya semantika vremeni i vida v russkom yazyke*. [Semantic research. The semantics of time and aspect in Russian] Moskva. Yazyki slavyanskoj kultury Publ. 2011, 464 p.

Rozina R.I. *Tak nazyvaemyi: semantika vvodnykh metazykovykh oborotov* [The so-called: semantics of introductory meta-language expressions]// *Materialy*

mezhdunarodnoi konferencii Dialog 2009, Vyp. 8 (15). Moscow. 2009, pp. 426–432. (In Russ.)

Sharonov I. A. [Why and what we admit: analysis of introductory words with the meaning of recognition] // “*Vzaimodejstvie yazyka i kultury v kommunikacii i tekste*”: *Sb. nauch. st. / III mezhdunarodnye filologicheskie chteniya im. prof. R. T. Grib (1928–1995)*. [The interaction of language and culture in communication and text / Digest of articles. III International philological reading in honour of prof. R. T. Grib (1928–1995)], Krasnoyarsk: Sibirskii federalnyi universitet, 2012. Vyp.3 (12), pp. 101–106. (In Russ.)

Sharonov I. A. [Semantic and pragmatic aspects of the description of introductory words and communication] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 2018. №51, pp. 58–68. (In Russ.)

О. А. Шарыкина
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
oka.scalig@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ОПИСАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В «ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ»

В статье рассказывается о том, как представлены фразеологизмы (фраземы) в «Толковом словаре русской разговорной речи» (под ред. Л. П. Крысина), каковы их лексико-грамматические особенности, с какими трудностями сталкиваются авторы словаря при описании таких единиц и как эти трудности преодолеваются. Статья состоит из двух основных частей. В первой подробно рассматриваются варианты представления фразем в словарной статье, основные принципы отнесения той или иной единицы в зону PHRAS и случаи указания дополнительных стилистических помет. Вторая часть посвящена описанию лексико-грамматических особенностей разговорных фразеологизмов: отмечается большая зависимость их значения от контекста (вводных определений, зависимых слов, управления и т.п.). Большое внимание уделяется появлению новых значений отдельных фразем в разговорной речи. Приводятся также примеры фразеологизмов, которые впервые описаны в рамках словаря. В заключение читателям предлагается оценить несколько вариантов употреблений фразеологизмов в современной разговорной речи и делается вывод о том, в каких случаях можно говорить о расширении значения фразеологизмов в данном типе коммуникации, а в каких речь идёт об ошибочном, некорректном употреблении фразеологических сочетаний.

Ключевые слова: фразеология, разговорная речь, семантика, грамматика, толковый словарь.

Употребление разного рода фразеологизмов, несомненно, является одной из отличительных черт разговорной речи. По данным первых трёх томов «Толкового словаря русской разговорной речи» (под ред. Л. П. Крысина¹), фраземы

¹ Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1: А — И. — М.: Языки славянской культуры, 2014; Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 2: К — О. — М.: Языки славянской культуры, 2017; Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 3: П — Р. — М.: Языки славянской культуры (в печати).

(преимущественно идиомы и коллокации), функционирующие в устной и письменной разговорной речи, составляют едва ли не четверть от общего объёма всех словарных статей. Поскольку в качестве иллюстративных примеров в данном словаре использовались только современные тексты: художественная литература, записи устной речи, интернет-издания и блоги конца XX — начала XXI в. — можно говорить о том, что он отражает живое употребление фразеологических единиц.

Особенность описания фразеологизмов в указанном словаре прежде всего состоит в том, что в словарной статье они могут быть представлены как в зоне PHRAS, например:

ГРЕШОК.

1. DEF: предосудительный поступок.

PHRAS: **замаливать грешок** — пытаться загладить, исправить плохой поступок. *Получается, помогая вам, Алла Борисовна как бы замаливала старьёй грешок перед Земфирой?* (Комсомольская правда, 26.04.2002); *А вы, Тимофеевич, вспомните сколько раз жену обижали и бегали по соседкам, пора замаливать грешки и вам* (АиФ, комментарии, 11.04.2012)²,

так и самостоятельной словарной статьёй, например:

ОРЕШЕК: крепкий орешек — о ком-чём-л., плохо поддающемся, воздействию. *Дело в том / что этот джентльмен/ мирно дремлющий на диване/ тот самый крепкий орешек/ который оказался не по зубам нашей контрразведке // (К/ф «Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона...», 1986); Есть у меня в мыслях думы о женитьбе... но выбранный мною объект оказался крепким орешком. Не согласен ни жениться на мне, ни быть моим женихом; Эта задачка оказалась крепким орешком, никто не прислал правильного ответа* (Блоги, 2013)³.

В тех случаях, когда фразеологизм трудно отнести к какому-л. значению главного слова или же значение фраземы с ним не пересекается, он даёт в зоне PHRAS в самом конце словарной статьи, ср.:

КАКО́Й.

1. DEF: никакой, совсем не. *Да какой он реставратор!; Мне-то какая разница?* (Записи устной речи, 2015).

2. DEF: какой-нибудь. *Нет ли какой еды?*

3. DEF: какой угодно, любой. *Дело в том/ что хоть молодая аудитория хоть какая.../ нет приятного интереса к узнаванию чего-то// (ТВ «Культура», «Школа злословия», Т. Толстая, 2003).*

² Из словарной статьи, составленной Е. В. Какориной.

³ Из словарной статьи, составленной О. А. Шарыкиной.

PHRAS: Какой ещё?; Какой такой? — раздражённый вопрос при упоминании кого-л. или чего-л. неизвестного. — *Андрей принёс! — Какой ещё Андрей? — Настройщик!* (К/ф «Настройщик», 2004)⁴.

В зоне PHRAS описываются также однословные единицы, которые, как правило, употребляются в составе относительно устойчивых сочетаний, напр.: **завались чего** (“очень много”, ср.: *Успею ещё, времени завались*), **<хоть> залейся** (“о чём-л., имеющемся в большом количестве, в избытке”, ср.: *А цветов у нас хоть залейся*), **класть на что** («сознательно пренебрегать чем-л. серьёзным», ср.: — *Где ты шляешься весь вечер/ завтра контрольная/ надо перерешать все задачи// — Да клал я на эти задачи//*) и др.

Стилистические пометы сопровождают только те фраземы, которые помимо «разговорности» обладают какой-л. эмоционально-стилистической окраской, напр.: **поставить всё с ног на голову** (*неодобр.*), **дело пахнет керосином** (*шутл.*), **дело за малым** (часто *ирон.*), **выпасть в осадок** (*жарг.*), **сиди и не мяукай!** (*сниж., груб.*) и т. п.

Анализируя материал словаря, можно отметить следующие лексико-грамматические особенности разговорных фразем. Во-первых, большая зависимость значения от контекста: вводных определений, зависимых слов, управления и т. п., ср.:

Без ног — сильно устав после тяжелой работы, долгой ходьбы и т. п.

Без задних ног — 1) беспробудно, крепко (спать); *Герой Советского союза полковник открывает нам дверь/ а его денщик сержант спит без задних ног//* (К/ф «Анкор, ещё анкор», 1992); 2) сильно устав после тяжелой работы, долгой ходьбы и т. п. *Работа целый день, вечером валишься без задних ног* (Комсомольская правда, 2011)⁵.

Не проносить мимо рта кусок, ложку — не упускать выгоду. *Кривцов был ушлый мужик. ...И Тонька — баба не промах. Мимо рта ложку не пронесёт* (А. Савельев. Аркан для букмекера).

Не проносить мимо рта рюмку — часто и много выпивать. *У Шукишина герои рюмку мимо рта не проносят, да и не выпивши с чего бы им куролесить* (М. Кураев. Записки беглого кинематографиста).

В четыре руки *делать что* — делать что-л. вдвоём. *Старшие [дети] справляются быстро, а малышам приходится помогать. Мы с мужем в четыре руки одеваем малышкой* (Комсомольская правда, 23.03.2013).

Играть в четыре руки — исполнять музыкальное произведение вдвоем на рояле, фортепьяно и т. п. *К концу ужина все немного успокоилось... и Юлия*

⁴ Из словарной статьи, составленной М. Я. Гловинской.

⁵ Из словарной статьи, составленной Н. Н. Розановой.

Михайловна с тётёй Элли сели за пианино и **играли в четыре руки** (Ю. Трифонов. Дом на набережной)⁶.

Откуда ноги растут — ягодицы, зад. — *Димон/ ну-ка перестань! А то сейчас получишь по одному месту// — По какому, дед? — По такому! Откуда ноги растут/ вот по какому//* (Запись устной речи, 2003).

Откуда ноги растут у чего — о том, что является главной причиной, первоисточником чего-л. **Откуда ноги растут** у всех этих новостей, непонятно (Интернет-издание «Полит-Грамота», 2016)⁷.

Во-вторых, у некоторых фразеологизмов в разговорной речи происходит расширение значений. Например, у выражений **<держать> рот на замке**, **<закрыть> рот на замок** («молчать, не разглашать тайну») появляется значение «не принимать пищу (с целью похудеть, соблюдая диету и т. п.)», ср.: — *Как избавляетесь от лишнего веса? — Я просто перестаю есть вечером. После 18 часов рот на замок* (Амурская правда, 2018). А идиома **на ноги поставить <поднять>** может употребляться не только по отношению к одушевлённым предметам (в значениях «вылечить, сделать здоровым кого-л.»; «вырастив и воспитав, подготовить к самостоятельной жизни кого-л.»; «заставить активно действовать, принять неотложные меры для достижения какой-л. цели»), но и к неживым объектам — в значении «сделать успешным какое-л. предприятие, учреждение, хозяйство и т. п.», ср.: *На такое дело надо ставить только молодого/ чтобы он успел что-то сделать за свою жизнь// То есть молодёжь/ те/ кто будут развивать усадьбу дальше/ те/ кто будут дальше её ставить на ноги//* (Д/ф «Письма из провинции»/ Т/к «Культура», 2008).

Зачастую выделение нового значения связано с некоторыми трудностями. Чтобы продемонстрировать, в чём они заключаются, предлагаю Вам почувствовать себя автором «Толкового словаря русской разговорной речи», которому предстоит включить (или не включить) в словарь приведенные ниже примеры⁸:

1. В Норвегии нет пожизненного заключения. Отсидел 20–30 лет — и свободен как банный лист.
2. Звоните главному инженеру вашего района и требуйте, чтобы он поставил на ноги лежбоек-дворников.
3. Моделям плюс сайз непросто — в крупном весе сложнее следить за собой. Им нужно **держат себя в ежовых рукавицах**, чтобы сохранять рельеф кожи гладким.
4. Самым общительным знаком зодиака считаются Весы. Им **палец в рот не клади** — дай только поболтать часок другой.

⁶ Из словарной статьи, составленной О. А. Шарыкиной.

⁷ Из словарной статьи, составленной Н. Н. Розановой.

⁸ Данные примеры взяты преимущественно из газет 2012 и 2018 годов издания.

5. *Организаторы свадебных торжеств лезут из кожи, как царевна-лягушка для того, чтобы этот день запомнили на всю жизнь не только молодожёны, но и их родители, гости, друзья.*

Данные примеры, на наш взгляд, наглядно отражают не только уровень владения фразеологией носителей языка, но и особенности работы лексикографа: уметь отсеивать то, что является единичным, индивидуальным употреблением фразеологизма или же вовсе неправильным, и увидеть те случаи, когда у фраземы действительно появляется новый оттенок значения. Так, в примере (1) выражение <пристать> как **банный лист** употреблено неверно, поскольку оно имеет значение «настойчиво приставать к кому-л.». В данном контексте стоило бы использовать фразу **свободен как ветер**. Подобного рода ошибка допущена и в примере (4): вместо фразеологизма **палец в рот не клади кому** (имеющего два значения: 1) о том, кто не упустит случая использовать кого-что-л. в своих интересах; 2) о том, кто может постоять за себя) должен был быть **хлебом не корми кого**. Пример (5) с фразеологическим оборотом **лезть из кожи <вон>** («очень стараться») неудачен отсылкой к русской народной сказке «Царевна-лягушка». Согласно сюжету лягушка сбросила кожу, не прилагая особых усилий (правда, последствия этого поступка были, как известно, плачевными). Не слишком удачным следует признать и пример (3): здесь уместнее было бы употребить выражение **держаться в руках** — контаминация двух фразем: **держаться в руках** и **ежовые рукавицы** породило нелепицу. На наш взгляд, допустимым является только пример (2), в котором использовано многозначное выражение **на ноги поставить <поднять>**⁹, благодаря чему достигается эффект языковой игры.

В заключение стоит отметить, что в «Толковом словаре русской разговорной речи» впервые зафиксированы и истолкованы некоторые фразеологические выражения, например: **включить (включать) голову** — 1) подумать (думать) над чем-л.; осознанно, и разумно отнестись (относиться) к чему-л.; 2) включить внимание, сосредоточиться на чём-л.; **упереться рогом** — проявить упрямство, настоять на своём (как правило, отказавшись делать что-л.); **крутой замес** — о чём-л., поражающем воображение или вызывающем негодование, и многие другие.

Литература

ТСРР-1 — Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1, А — И / Под ред. Л. П. Крысина. М. : Языки славянской культуры, 2014. 776 с.

ТСРР-2 — Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 2, К — О / Под ред. Л. П. Крысина. М. : Языки славянской культуры, 2017. 864 с.

⁹ На ноги поставить <поднять> — 1) вылечить, сделать здоровым; 2) вырастить и воспитать, подготовить к самостоятельной жизни; 3) заставить активно действовать, принять неотложные меры для достижения какой-л. цели; 4) сделать успешным какое-л. предприятие, учреждение, хозяйство и т. п.

ТСРР-3 — Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 3, П — Р / Под ред. Л. П. Крысина М. : Языки славянской культуры, 2019. 824 с.

O. A. Sharykina

V. V. Vinogradov Russian Language Institute (Russian Academy of Sciences)

(Moscow, Russia)

oka.scalig@gmail.com

SOME ASPECTS OF THE DESCRIPTION OF IDIOMS IN “EXPLANATORY DICTIONARY OF THE RUSSIAN EVERYDAY SPEECH”

This paper deals with the representation of idioms in “Explanatory dictionary of the Russian everyday speech” (ed. L. P. Krysin), their lexical-grammar features, the difficulties with which the authors of the dictionary are faced and how they are overcome.

The article consists of two parts. In the first part the variants of representation of idioms in the lexical entry, the main principles of attribution of the unit to the zone PHRAS and examples of noting additional stylistic marks are considered in details. The second part is devoted to description of the lexical-grammar features of the colloquial idioms. Their greater dependence on the context (parentheses, dependent words, government, etc.) is mentioned. A lot of attention is paid to the new meanings of some idioms in the colloquial speech. The examples of the idioms, described for the first time in the above-noted dictionary, are given as examples. In conclusion the readers are suggested to estimate some variants of usage of the idioms in the modern colloquial speech. It is concluded about when we can speak of meaning extension in this type of communication and when it is a case of the incorrect usage of idioms.

Keywords: phraseology, colloquial speech, semantics, grammar, explanatory dictionary.

References

Tolkovyy slovar' russkoy razgovornoy rechi Pod red. L. P. Krysina [The Explanatory Dictionary of Russian Everyday Speech (ed. by L. P. Krysin)], issue 1, Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2014. 776 p.

Tolkovyy slovar' russkoy razgovornoy rechi Pod red. L. P. Krysina [The Explanatory Dictionary of Russian Everyday Speech (ed. by L. P. Krysin)], the issue 2, Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2017. 864 p.

Tolkovyy slovar' russkoy razgovornoy rechi Pod red. L. P. Krysina [The Explanatory Dictionary of Russian Everyday Speech (ed. by L. P. Krysin)], the issue 3, Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2019. 824 p.

Т. В. Шмелева

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(Россия, Великий Новгород)
szmiel@mail.ru

ПЛАН ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНОСТИ: ПРОБЛЕМА ПОЛНОТЫ ОПИСАНИЯ

В статье обсуждается проблема показателей грамматической категории модальности, при этом в центр внимания ставится вопрос о полноте описания. В ходе прочтения основных грамматик и авторитетных монографий выявляется, что суммарно в этих описаниях фигурирует чуть более полусотни модальных лексем. Далее демонстрируется, что за пределами описания оказываются еще примерно такое же количество показателей: более сорока лексем и синтаксические конструкции. К лексемам, которые необходимо внести в списки модальных показателей относятся формы типа *сложно, трудно, проблематично*; идиомы типа *в силах, в характере*, а также соматические идиомы типа *по плечу, язык не поднимается, руки чешутся*, а также сленговые формы *лениво* и *в лом*. Кроме того, к модальным показателям относятся вторичные глаголы сложной модальной семантики типа *подмывает, угораздило, удалось*. В завершение обращается внимание на то, что показателями модальности могут быть синтаксические конструкции — как простого и сложного предложения, в том числе и такие, в состав которых не входит модальная лексика, например, *Ему не оставалось ничего другого, как позвонить ей*.

Ключевые слова: русский язык, модальность, показатели модальности, необходимость, возможность, желательность, идиомы, конструкции.

Хорошо известно, что грамматическая категория модальности в русском языке изучается давно. При этом показатели, составляющие ее план выражения, привлекают внимание лингвистов скорее с позиций грамматики, чем лексикологии; отсюда и отношение к ним — скорее как к иллюстративному материалу, чем как к объекту систематизации и описания. Вопрос о полноте такого описания обычно не обсуждается, однако он представляется весьма существенным. Именно этому вопросу и посвящена настоящая работа. Следует уточнить, что речь пойдет о модальности, презумптивным значением которой служит ирреальность, а ее собственные

смыслы состоят в повороте ситуации от ирреальности к реальности — необходимость, возможность, желательность; это модальность, которую есть основания интерпретировать как актуализационную категорию модуса [Шмелева 1995].

Обратившись к грамматическим описаниям, можно выявить круг фигурирующих в них показателей модальности. Так, они представлены при описании призывания инфинитива как глаголы «возможности, способности, умения» *уметь, мочь, умудриться* и «субъективно-модальной окраски» *благоволить, изволить, не преминуть, (не) удосужиться, (не) замедлить* [Грамматика СРЛЯ 1970: 514]. Среди средств выражения субъективно-модальных значений» указаны слова, «выражающие возможность, желание, долженствование, необходимость или вынужденность, предстояние, готовность; это глаголы *мочь, хотеть, желать, следует, не годится, надлежит, подобает*; слова других частей речи *должен, обязан, можно, нельзя, необходимо, возможно, нужно, надо* — всего полтора десятка слов [Русская грамматика 1980: 215]. Там же в главе «Синтаксис формы слова» даны формы, с которыми вступает в присловную связь инфинитив; кроме названных, это *силится, не удосужился, умудрился, волен, извольте* [Там же: 458]. Таким образом, в академических грамматиках указано суммарно два десятка лексем.

Этот список пополняют четыре лексемы — *хотеться, осмелиться, дерзнуть и обязанность* из [Золотова 1973: 209] и больше двух с половиной десятков показателей из [Теория 1990] — *вправе, в силах, в состоянии, вынужден, иметь смысл, надобно, не мешает* и т. д. Таким образом, всего выявляется круг модальных показателей в 52 лексемы. Помимо глаголов, в нем обнаруживаем субстантивы *возможность, необходимость, желание*; адъективные формы типа *должен, обязан*, а также адвербиальные формы типа *надо, нельзя, надобно, пора, вправе* и предложно-падежные конструкции *в состоянии, в силах*. Таким образом, спецификой русского языка оказывается широкий частеречный диапазон показателей модальностей, которые могут встречаться в одном тексте: *Я вовсе не утверждаю, что надо быть жизнерадостным ослом, который приходит в восторг от всего, что видит. Я не считаю, что человек непременно должен быть счастлив каждую минуту каждого дня. И что мы должны довольствоваться тем, что имеем. Мы все имеем право на разочарование, печаль, гнев* (А. Боголепова // Газета.ру. 22.06.2018).

Самое интересное, что за пределами этих списков оказывается большой массив показателей, которые можно рассмотреть по модальным смыслам.

Возможность/невозможность, помимо зафиксированных в описаниях показателей, выражается краткими прилагательными типа *(не)сложно, (не)трудно, затруднительно, неизбежно, (не)мудрено, недолго, обязательно, тяжело, (не)просто, проблематично, сподручно*, которые используются в двукомпонентной инфинитивной конструкции Inf Adj_{sn} [Шмелева 1979]: *Легендарные люди плохи тем, что их трудно описать без банальностей* (М. Кононенко // Лента.ру 09.07.2017); *Фильм мне понравился, но об оригинальности музыки здесь сложно говорить всерьез* (Коммерсант 05.03.2018); ... * *в данный момент обыграть японцев, что уж*

тут, **проблематично** (А. Доспехов // Коммерсант. 09.08.2016);¹ ...*скрыть это весьма **затруднительно** (Комсомольская правда. 2014).

К ним примыкают адвербиальные формы типа *невмочь, невмоготу*, выражающие невозможность в силу внутренних причин: *Хотел бежать, но был **не в силах** пошевелиться. Остаться здесь тоже было **невмочь**; *Я пишу тебе, потому что мне больше уже **невмоготу** не знать о тебе ничего (В. Аксенов).

Пополняет этот список и **идиоматика** (*не*) по силам, (*не*) под силу, (*не*) по характеру, в чьей-то воле, в чьей-то власти: ...вынести такой позор... было ему **не по силам** (В. Белов); Ему **не по характеру** было заниматься политической борьбой (Е. Евтушенко); Быть в плену у этой абсолютной точности линий и цвета, должно быть, **не под силу** художнику, а копия — невозможна (А. Битов); Теперь, я знаю, **в вашей воле** / Меня презреньем наказать (А. Пушкин); *И **в моей власти** оставлять его на этом месте либо отстранить (Комсомольская правда. 2007). Легко заметить, что эти идиомы близки адвербиальным показателям и выражают невозможность в силу внутренних причин, которые и обозначаются в них: сила, воля, характер, вкус, ум, власть.

Как бы материализуют модальную оценку **соматические идиомы по плечу, язык не поворачивается, рука не поднимается** с семантикой невозможности: От ролей он отказывался..., хотя сыграть ему, на мой взгляд, всякую **по плечу** (Ю. Завадский); *Просто **язык не поворачивается** назвать их бабушками, так молодо сияют их глаза (Известия 2014); Хиддинк проиграл, но **рука не поднимается** бросить в него камень (Советский спорт. 2008). Казалось бы, различие этих идиом понятно: язык указывать на сложность реализации ситуации речи, а рука — действия. Однако материалы Корпуса показывают, что соматизм *рука* десемантизируется, что позволяет идиоме сочетаться с обозначением любых ситуаций, в том числе и речи, называния: ***рука не поднимается** назвать это застенчивое существо олигархом (Известия. 2007); ... *критиковать актрису **рука не поднимается** (Комсомольская правда. 2007); *Упрекать девушку из Росгосстраха **рука не поднимается** (Труд. 2009).

Средства выражения желательности важно пополнить лексемами с корнем *терп-*: глаголом *не терпится* и адвербиальной формой *невытерпёж*, выражающими сильное желание: *Вам **не терпится** упростить (Д. Гранин); *Нежная темнота сумерек скрыла всё, что так **не терпелось** ему увидеть (О. Павлов); *А уж если **невытерпёж** полакомиться солеными или маринованными, купите в магазине баночку (Труд. 2003); ...***невытерпёж** примерить обновки (Советский спорт. 2010). Подключен к выражению этого значения и субстантив *терпение*: Но **нет терпения** ждать; ... читать сейчас **не было терпения**: хотелось скорее поделиться приобретением с Катей (Ю, Трифонов); Он боялся, что **не хватит терпения** выслушать (В. Белов).

Обнаруживаем здесь и соматическую идиому *руки чешутся*: У меня **самой руки чешутся** написать еще может быть какую-нибудь другую инсценировку (ИТАР

¹ Здесь и далее значком * отмечены примеры из Национального корпуса русского языка (Корпуса — <http://www.ruscorpora.ru/>)

ТАСС. 2008); *У меня руки чешутся поскорее всю эту суету закончить и заняться делом* (Комсомольская правда. 2003).

Круг модальных показателей расширяется. Так, нежелательность стали выражать словом *лениво*: *не будем кушать нонеча мороженого, какого все равно в холодильнике нет и идти за которым лениво* (комментарии в интернете). В НКРЯ такие высказывания фиксируются с 2006 года: **Мне просто было скучно и лениво здесь победить* (Советский спорт. 2009); ... **мозгам пользователей ридеров «лениво» воспринимать текст в том очень качественном виде, в котором он отображается на экранах гаджетов* (РБК Daily, 2011); **Если же вам лениво шлепать до офиса...* (Комсомольская правда. 2012); **Как же лениво подниматься с постели, чтобы выключить свет перед сном* (Известия. 2013) и др.

Новым показателем нежелательности служит и адвербиальная форма *в лом*: **Им просто в лом осваивать новые, более совершенные технологии управления* (Д. Соколов-Митрич. 2007); ... **даже в собственном подьезде самоуправление наладить — и то «в лом»* (Г. Бовт. 2010). Осложнение показателя отрицанием дает значение «мочь и охотно делать»: **Как-то на Новой Земле я в присутствии двух офицеров-погранцов сказал, что восемь часов мне не в лом ходить ни при какой погоде* (В. Голованов. 2002).

Эта предположно-падежная форма фиксируется в словарях сленга с иллюстрациями из прессы 1990-х гг. [Никитина 2009: 422], где она толкуется: «не хочется, неприятно, тяжело», что подтверждают и материалы Корпуса: *И говорит, что раз в месяц или два у него появляется препаришвейшее настроение, когда все в лом, все-все в лом, в прах, в отсебятину, в черноту и глушь* (О. Копытов. 2012). Это означает, что мы имеем дело с синтетичным модусным показателем, в семантике которого соединяются нежелательность, невозможность и отрицательная оценка. Сейчас, как показывают материалы Корпуса, он используется и известными авторами — журналистами и писателями. Правда, некоторые, как Георгий Бовт в приведенном примере, берут ее в кавычки как элемент, чуждый литературной речи.

Итак, приведенные факты должны, как кажется, убедить в том, что списки показателей модальности возможности/невозможности и желательности/нежелательности необходимо пополнить за счет не учтенных в грамматических описаниях и новых, появившихся из сленговой речи. При этом нельзя не заметить, что показатели необходимости не обнаруживаются за пределами известных списков, это означает, что либо показатели необходимости более точно описаны, либо два других модальных смысла более востребованы в речи и требуют широкого круга показателей.

Кроме того, следует обратить внимание на показатели более сложной модальной семантики, как **вторичные модальные глаголы**: *понадобиться, вздуматься, мечтаться, грезиться, приспичить, не заржавеет, случиться, получиться, привести, довести, выпасть, посчастливиться, повезти, (не) стоит, угрозить, сподобиться* [Шмелева 1990]. Вторичными они оказываются потому, что обнаруживают отношения производности как с модальными глаголами (*хотеться*), так и словами иной семантики — мысли (*вздуматься, мечтаться, грезиться, умудриться*), движения

(*прийтись, приходиться*), состояние (*заржаветь*) и даже физических действий (*пристичить*). Они используются в структурной схеме $\text{Inf } V_f$ [Шмелева 1979], где субъект обозначается дательным падежом, хотя возможны и другие формы субъекта — *он умудрился, сподобился, его угораздило*. Отметим, что субъект в таких конструкциях обозначается не модальный, а осуществляющий события, модальный же субъект оказывается неназванным или как бы не опознанным: *Мне привелось видеть почти всех вождей Февральской революции* (К. Паустовский).

В этих глаголах собственно модальные значения соединяют с оценочностью и характеристиками субъекта в плане его участия в осуществлении события, в частности, смыслом невольности осуществления [Стексова 2002]. Можно отметить, что вторичные модальные глаголы часто используются в форме прошедшего времени, обозначая уже осуществленное событие со «модальной историей».

Сложной оказывается и модальная семантика адвербиальных форм *не прочь, не против*. Они обозначают модальную ситуацию, в пресуппозиции которой есть каузация субъекта к действию, и он не то соглашается, не то сам испытывает желание его осуществить: *Майор Ковалев был не прочь и жениться, но только в таком случае, когда за невестой случится двести тысяч капитала* (Н. Гоголь); **Пономарев играл белыми и был не против продлить серию из трех ничьих подряд* (Известия. 2002); **я не против поиграть и в другом чемпионате* (Известия. 2014); *... *музей не против поделиться частью своей коллекции* (Известия. 2014); **сам игрок не против вернуться в Европу* (Известия. 2014); **Мы ж не против любить Отечество, только пусть оно нас полюбит* (Комсомольская правда. 2013). Кстати, эти показатели не отмечены в словарях, тогда как Корпус показывает множество высказываний с ними.

Ряд показателей выражает смыслы, отражающие семантическое взаимодействие модальности с пропозициями существования и достаточности. Но они выступают не как свободные лексемы, а только в конструкции с глаголами *быть, хватать/доставать*: *... метель стала еще больше. Ехать не было никакой возможности* (А. Чехов); *Нет необходимости приводить здесь хронику всех событий минувших лет* (Природа. 1977); *Говорить больше не было сил* (Б. Окуджава); **Допустим, что у нас имеется возможность определить, есть иголка в стоге или её там нет* (Наука и жизнь. 2009); **И сейчас у меня есть возможность объяснить, чего я хотел* (Е. Гришковец); *... *европейскому судье предоставляется возможность выносить решение в соответствии с собственной интерпретацией писаных законов* (Знание — сила. 2012); **Благодаря этому появляется возможность определить художественную мысль Лермонтова* (Октябрь. 2002); **Есть повод сделать это самим* (Эксперт. 2013); *... *в конце встречи у него появляется повод победно вскинуть руки* (Советский спорт. 2010). В круг таких существительных входят собственно модальные субстантивы *необходимость, потребность, нужда*, а также близкие к ним *сила, воля, ум, мужество, вкус, терпение, выгода, повод, смысл, резон, основание*. Эти показатели убеждают в том, что план выражения модальности не ограничивается лексикой, при его описании необходимо исчисление синтаксических конструкций.

При таком походе придется учитывать конструкции и сложных предложений, прежде всего отмеченные в [Теория 1990: 144, 145]: *Ему не остается ничего другого, как позвонить ей; Надо, чтобы к арестованным пустили жен*. Кроме того, можно привести и другие изъяснительные конструкции сложного предложения с модальными предикатами: *Возможно, что он не вернется; Нам необходимо, чтобы он вернулся* и т. д. Конечно же, это проблема, заслуживающая особого внимания.

Итак, приведены соображения о модальных показателях, которые оказываются «за бортом» описаний плана выражения модальности. Число таких лексем — 44, но разумеется, нельзя настаивать на конечности этого списка. Если к нему прибавить синтаксические конструкции, то окажется, что это массив, практически равен тому, что уже описан. Выявление полного списка показателей модальности — важная лингвистическая задача, сопряженная не только с преодолением теоретической инерции в понимании модальности, но и усложнением семантического анализа, а также учетом разнообразных грамматических условий использования показателей. Как видно из приведенных примеров, показатели, относящиеся к разным частям речи, оказываются как свободными лексемами, так и в составе идиом и конструкций. В связи с этим интересно было бы систематизировать модальную лексику по корневым гнездам, чтобы увидеть, как реализуются возможности каждого из корней, например, корня *терп-*, которые выступает в составе глагола, существительного, наречия.

Стоит подчеркнуть, что проанализированную здесь модальную лексику следует отличать от модальных слов по Виноградову [Виноградов 1972: 568–583]), которые было бы правильнее называть модусными. Модальная лексика обслуживает модальность как актуализационную категорию, тогда как модальные слова — все другие категории модуса: авторизацию, персуазивность, оценочность и метакатегории [Шмелева 1995].

Литература

Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. 2-е изд. М.: Высшая школа, 1972. 614 с.

Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970. 767 с.

Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973.

Никитина Т. Г. Молодежный сленг: толковый словарь: ок. 20 000 слов и фразеологизмов. 2-е изд., испр. и доп. М.: АСТ, 2009. 1102 с.

Русская грамматика. Т. II. М.: Наука, 1980. 351 с.

Стексова Т. И. Семантика невольности в русском языке: значение, выражение, функции. Новосибирск, 2002. 200 с.

Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / под ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1990. 264 с.

Шмелева Т. В. Смысл и формальная организация двукомпонентных инфинитивных в русском языке: Дис. ... канд. филол. наук, М., 1979. 211 с.

Шмелева Т. В. Вторичные модальные глаголы // Глагол в системе языка и речевой деятельности: мат-лы науч. лингв. конф. Свердловск, 1990. С. 21.

Шмелева Т. В. Субъективные аспекты русского высказывания: дис. в виде научн. докл. ... докт. филол. наук, М., 1995. 35 с.

T. V. Shmeleva

Jaroslav-the-Wise Novgorod State University

(Russia, Velikii Novgorod)

szmiel@mail.ru

THE EXPRESSION OF MODALITY: THE PROBLEM OF THE COMPREHENSIVE DESCRIPTION

The article discusses the question of indicators of the grammatical category of the modality, with the focus on the completeness of the description. During reading of the basic grammars and authoritative monographs it is revealed that in total there are slightly more than fifty model lexemes in these descriptions. Further it is demonstrated that beyond the description there are still about the same number of indicators: more than forty lexemes and syntactic constructions. The lexemes that need to be included in the lists of modal indicators include forms of the type difficult, problematic; idioms of the type in forces, in character, and also somatic idioms of the type on the shoulder, the tongue does not rise, the hands itch, and also the slang forms lazily and in scrap. In addition, the modal indicators include secondary verbs of complex modal semantics. Finally, attention is drawn to the fact that the indicators of modality can be syntactic constructions — as a simple and complex sentence, including those that do not include modal lexicon.

Keywords: Russian language, modality, modality indicators, necessity, possibility, desirability, idioms, constructions

References

Vinogradov V. V. *Russkii yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove* [Russian language. Grammatical doctrine of the word]. 2-e izd. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1972. 614 p.

Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [Grammar of the modern Russian literary language]. Moscow, Nauka Publ., 1970. 767 p.

Zolotova G. A. *Ocherk funkcional'nogo sintaksisa russkogo yazyka* [Essay on the Functional Syntax of the Russian Language]. Moscow, Nauka Publ., 1973.

Nikitina T. G. *Molodezhnyi sleng: tolkovyi slovar'* [Youth slang: an explanatory dictionary]: ok. 20 000 slov i frazeologizmov. 2-e izd., ispr. i dop. Moscow, AST Publ. 2009. 1102 p.

Russkaya grammatika [Russian grammar]. Т. II. Moscow, Nauka Publ., 1980. 351 p.

Steksova T. I. *Semantika nevol'nosti v russkom yazyke: znachenie, vyrazhenie, funktsii* [Semantics of involuntarity in Russian: meaning, expression, functions]. Novosibirsk, 2002. 200 s.

Teoriya funkcional'noj grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost' [Theory of functional grammar. Temporality. Modality] / pod red. A. V. Bondarko. Leningrad, Nauka Publ., 1990. 264 s.

Shmeleva T. V. *Smysl i formal'naya organizatsiya dvukomponentnykh infinitivnykh v russkom yazyke*. Dis. ... kand. filol. nauk. [The meaning and formal organization of two-component infinitives in the Russian language. Cand. philol. sci. diss]. Moscow, 1979. 211 p.

Shmeleva T. V. [Secondary modal verbs] // *Glagol v sisteme yazyka i rechevoj deyatel'nosti: mat-ly`nauch. lingv. konf.* [Verb in the system of language and speech activity: materials of scientific. ling. conf.] Sverdlovsk, 1990, p. 21. (In Russ.)

Shmeleva T. V. *Sub'ektivnye aspekty russkogo vyskazyvaniya*: dis. v vide nauchn. dokl. ... dokt. filol. nauk [Subjective aspects of the Russian utterance. Dr. phil. sci. diss], Moscow, 1995. 35 p.

ТРУДЫ ИНСТИТУТА РУССКОГО ЯЗЫКА ИМ. В. В. ВИНОГРАДОВА

Выпуск 20

Взаимодействие лексики и грамматики

Оригинал-макет Л. Е. Голод
Дизайн обложки И. А. Тимофеев

Подписано в печать 00.00.2019. Формат 70×100^{1/16}
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 16,3. Заказ № 0000
Тираж 300 экз.

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_history@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86